

**Судьбы славянства и эхо Грюнвальда:
Выбор пути русскими землями и
народами Восточной Европы
в Средние века и раннее Новое время**

(к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге)

Материалы международной научной конференции

22–24 октября 2010 г.

Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории славянских и балканских стран

Санкт-Петербург, 2010

ББК 63.3 (0)

С 89

Печатется по постановлению Редакционно-издательского
совета исторического факультета СПбГУ

Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге): Материалы международной научной конференции /
Отв. ред. А. И. Филюшкин. Санкт-Петербург: Любавич, 2010. 368 с.

Редакционная коллегия: канд. ист. наук А. С. Кибинь, канд. ист. наук С. С. Смирнова, д-р ист. наук А. И. Филюшкин (отв. ред.).

Рецензенты: д-р ист. наук А. Ю. Прокопьев, д-р ист. наук В. А. Якубский.

Издание выполнено при поддержке Фонда «Русский мир», грант № 2009/П-159.

Проведение конференции поддержано Фондом «Русский мир», грант № 2009/П-159.

ISBN .....

© Авторы, 2010

© Исторический факультет С.-Петербургского университета, 2010

© Издательство «Любавич», 2010

Содержание

Агоштолн М. (Шомбатели, Венгрия). Поездка посла императора Максимилиана I Сигизмунда Герберштейна в имение Альбрехта фон Бранденбург в 1516 г.

Азбелев С. Н. (Санкт-Петербург, Россия). Литва и Новгород в 1380 г.

Аржакова Л. М. (Санкт-Петербург, Россия). К вопросу об этнических аспектах Грюнвальдской битвы.

Атаманенко В. Б. (Острог, Украина). Татарские нападения на Волынь и организация обороны в XVI – первой половине XVII вв.

Балух А. В. (Черновцы, Украина). Польско-молдавская война 1497–1499 гг. в контексте истории Буковины.

Берковский В. Г. (Киев, Украина). Правобережная Украина в системе международных торговых отношений конца XV – середины XVI в.

Беляков А. В. (Рязань, Россия). Служилые Чингисиды в дипломатическом этикете России XVI–XVII вв.

Бессуднова М. Б. (Липецк, Россия). Привилегии Немецкого ордена, «священная война» и эскалация русско-ливонского конфликта в конце XV в.

Блануца А. В. (Киев, Украина). Торговый потенциал Волыни конца XV – середины XVI в. в системе международной торговли восточно-европейского региона.

Боднарюк Б. М. (Черновцы, Украина). К вопросу об участии молдавского отряда в битве при Грюнвальде 1410 г.

Ващук Д. П. (Киев, Украина). Пограничные конфликты и способы их решения в Великом княжестве Литовском.

Виноградов А. В. (Москва, Россия). Посольский обычай в русско-крымских отношениях второй половины XVI в.

Возгрин В. Е. (Санкт-Петербург, Россия). Богдан Хмельницкий и Ислам-Гирей — связи личные и политические.

Возгрин В. Е. (Санкт-Петербург, Россия). Украинско-крымские отношения в 1654–1667 гг.

Возный И. П. (Черновцы, Украина). Куликовская (1380 г.) и Грюнвальдская (1410 г.) битвы: сравнительный анализ военного искусства.

Войтович Л. В. (Львов, Украина). Тевтонский орден в политике Галицко-Волынского княжества.

Волощук М. М. (Ивано-Франковск, Украина). *Hospites Ruthenes*: к вопросу о восточнославянских знатных родах на службе династии Анжу.

Выровский Д. С. (Киев, Украина). Историческая литература XVI – первой половины XVII в. о правах Короны Польской на земли Руси.

Голубев О. Е. (Минск, Беларусь). Византия, Москва, Литва в середине XIV в.: треугольник взаимоотношений.

Грачев С. Ю. (Брянск, Россия). Реконструкция торговых путей Подесенья на основе кладов и находок единичных монет XV в.

Греков В. Д. (Харьков, Украина). Комплекс вооружения Юго-Западной Руси накануне битвы при Грюнвальде/Танненберге.

Дворниченко А. Ю. (Санкт-Петербург, Россия). Военно-служилое государство. (Восточная Европа. XIII– XVI вв.).

Дзярнович О. И. (Минск, Беларусь). Конец экспансии или противостояния? Грюнвальд: от хроник до историографии.

Григорьева Т. Ю. (Киев, Украина). Выбор пути от Андрусова до Бучача: дипломатические отношения Речи Посполитой с Османской империей (1667–1672).

Гурьянов А. В. (Брянск, Россия). Московско-литовский договор 1372 г.: к вопросу о времени присоединения Брянских земель к ВКЛ.

Ермак В. Ю. (Санкт-Петербург, Россия). Полоцкий повет в годы пребывания в составе Российского государства 1563–1579 гг.

Жих М. И. (Санкт-Петербург, Россия). Между Москвой и Литвой: к вопросу о причинах потери Новгородом самостоятельности в третьей четверти XV в.

Касович А. А. (Саратов, Россия). Между двумя юбилеями: Грюнвальдская битва в исторической памяти народов Восточной Европы (1910–1960 гг.).

Климуть Л. Я. (Могилев, Беларусь). Образ иностранцев и идеал внешней политики государства в представлении шляхты ВКЛ.

Короткий В. Г. (Минск, Беларусь). Люблинская государственная уния 1569 г. и Брестская церковная уния 1596 г. в свете политических и историко-культурных проблем стран Центральной и Восточной Европы.

Korpela J. (Joensuu, Finland). Prisoners of Finnic Backwoods in late medieval Swedish and Russian Sources.

Крамаровский М. Г. (Санкт-Петербург, Россия). После Грюнвальда. Крым и ВКЛ по материалам клада из дер. Литва.

Кривошеев Ю. В. (Санкт-Петербург, Россия). Грюнвальдская битва и татары.

Кузьмин А. В. (Москва, Россия). Участие литовско-русских князей в Грюнвальдской битве.

Кузь А. И. (Черновцы, Украина). Итальянская торговля оружием в Северном Причерноморье в XIV–XVI вв.

Курбатов О. А. (Москва, Россия). Шляхетские формирования Великого княжества Литовского царской службы в боевых действиях 1654–67 гг.

Кюнг Э. (Тарту, Эстония). Русская торговля лесом в Нарве в конце XVII в.

Кяупене Ю. (Вильнюс, Литва). Дипломатические контакты Великого княжества Литовского и Священной Римской империи во время Ливонской войны (по докладам императорского посла Валентина Саурмана из Вильнюса в 1561–1562 гг.)

Лесмайтис Г. (Вильнюс, Литва). Историография военной истории ВКЛ за время первых двух бескоролевий (1572–1576 гг.).

Лобин А. Н. (Санкт-Петербург, Россия). К вопросу о политическом значении итогов битвы под Оршей 1514 г.

Любая А. А. (Минск, Беларусь). Царевичи-закладники во взаимоотношениях Великого княжества Литовского и Крымского ханства в конце XV – начале XVI в.

Любый А. В. (Минск, Беларусь). Душпасторская деятельность пап римских в отношении великих князей литовских в контексте международных отношений в Центрально-Восточной Европе в конце XIV – первой половине XV в.

Майоров А. В. (Санкт-Петербург, Россия). Немецкие хроники XV в. о геральдических знаках Галицких и Волынских земель.

Марзалюк И. А. (Могилев, Беларусь). Торговля московскими невольниками в Могилеве во время Ливонской войны.

Мартынюк А. В. (Минск, Беларусь). Епископ Султании Иоанн де Галонифонтибус и его сообщение о Руси и Литве в начале XV в.

Матвеев Д. Ю. (Санкт-Петербург, Россия). Возможные контакты Альбрехта Валленштейна со шведским королем Густавом II Адольфом как одна из причин его убийства.

Мих Ш. (Ольштын, Польша). Военно-политическая деятельность гетмана польного литовского Винцента Госевского в 1654–1662 гг.

Михайлова И. Б. (Санкт-Петербург, Россия). Псковская земля в период русско-польско-литовской войны 1512–1523 гг.

Муненко В. В. (Санкт-Петербург, Россия). К вопросу о судьбе города Алыста в шведско-русских отношениях начала XVII в.

Назаров В. Д. (Москва, Россия). Официальное летописание 1497–1500 гг. и русско-литовская война 1500–1503 гг.

Некрасов О. Б. (Санкт-Петербург, Россия). К вопросу о русско-шведских пограничных столкновениях 1550-х гг.

Некрашевич-Короткая Ж. В. (Минск, Беларусь). Художественное осмысление исторического значения Грюнвальдской битвы в эпосе «Прусская война» (1516) Яна Вислицкого.

Ноздрин О. Я. (Орел, Россия). Служба русских людей европейским монархам XVI–XVII столетий.

Огуй А. Д. (Черновцы, Украина). Международная торговля Молдавским торговым путем в XIV–XVI вв.: воздействие на денежное обращение региона.

Osipian A. L. (Kramatorsk, Ukraine). Long-live echo of Grunewald battle: the use of the past by Armenian community of Lviv in its trial with the Catholic townspeople in 1578–1631.

Папков А. И. (Белгород, Россия). Содержание терминов «черкасы» и «люди литовские», использовавшихся в русском делопроизводстве XVII в. для обозначения населения украинских земель Речи Посполитой.

Пенской В. В. (Белгород, Россия). Русское войско в зимнем походе 1563/1564 гг. и в сражении на р. Ула.

Петров А. В. (Санкт-Петербург, Россия). К вопросу о становлении великорусской идентичности в контексте новгородско-московских отношений второй половины XV в.

Полехов С. В. (Москва, Россия). Общество Великого княжества Литовского и гражданская война 30-х гг. XV в.

Попов В. Е. (Санкт-Петербург, Россия). Опасная грамота Ивана Грозного Понтусу Делагарди 1574 г. из Ревельского архива и судьба пирата Антона Пфлюга.

Прудовский П. И. (Москва, Россия). Притязания московского правительства на господство в Восточной Европе: их ареал и политическое содержание на начальном этапе русско-польской войны 1654–1667 гг.

Рахимзянов Б. Р. (Казань, Россия). Друг, брат, отец: персональные связи московского правителя с татарской элитой в конце XV – начале XVI в.

Селарт А. (Тарту, Эстония). Иоганн Бланкенфельд и Россия.

Селезнев Ю. В. (Воронеж, Россия). Хан Джелаль-ад-Дин в эпоху Грюнвальдской битвы.

Селин А. А. (Санкт-Петербург, Россия). Ивангородские службы новгородских дворян и приграничная дипломатия накануне Смутного времени.

Семененко А. В. (Санкт-Петербург, Россия). Взгляды современников и историков на проблему «Шведского Потопа».

Сень Д. В. (Краснодар, Россия). Международное положение Российского государства, Крымского ханства, Османской империи и донское казачество (1670–1680-е гг.)

Скобелкин О. В. (Воронеж, Россия). Участие иностранцев в составе русского войска в войнах XVI – начала XVII в.

Славницкий Н. Р. (Санкт-Петербург, Россия). Система обороны Северо-Запада России в XVII в.

Слиж Н. В. (Гродно, Беларусь). Война 1654–1667 гг. в восприятии жителя Великого княжества Литовского.

Смирнов Н. В. (Санкт-Петербург, Россия). Военная кампания 1654–55 гг. на литовском направлении.

Солодкин Я. Г. (Нижевартовск, Россия). Внешнеполитические последствия крымского нашествия 1591 г. на Москву.

Суляк С. Г. (Кишинев, Молдова). Грюнвальдская битва и роль Карпатской Руси и Молдавии в общественно-политической жизни Центральной и Восточной Европы в XIV–XVII вв.

Таурова-Яковлева Т. Г. (Санкт-Петербург, Россия). Гадячский договор и идея триединого государства.

Темушев В. Н. (Минск, Беларусь). «Странная» война 1486–1494 гг. Специфика ведения боевых действий в первой московско-литовской пограничной войне.

Тюменцев И. В. (Волгоград, Россия). Дипломатия Лжедмитрия II.

Ульянов В. П. (Нижевартовск, Россия). Дипломатическая деятельность М. И. Воротынского.

Усачев А. С. (Москва, Россия). «Мирный сосед» или «агрессор»? (русский государь глазами русских публицистов XVI в.).

Фаизов С. Ф. (Москва, Россия). Богдан Лыков — дипломат и писатель (XVII ст.).

Федорук А. В. (Черновцы, Украина). Огнестрельная артиллерия в Великой войне государств Ягеллонской унии с Немецким орденом 1409–1411 гг.

Филюшкин А. И. (Санкт-Петербург, Россия). Раздел империи как построение будущей империи, или Ливонская война могла бы начаться в 1551 г.

Хайдаров Т. Ф. (Казань, Россия). Участие Данцига в Великой войне (1409–1410).

Хлезов А. А. (Санкт-Петербург, Россия). Кораблестроительная революция в Северной Европе XII–XV вв.

Хорошкевич А. Л. (Москва, Россия). История Тевтонского ордена в представлении гданьского бюргера и монаха-доминиканца конца XVI в.

Черкас Б. В. (Киев, Украина). Политические взаимоотношения Великого княжества Литовского и Золотой Орды в конце XIV – первой трети XV в.

Черненко Е. Д. (Кишинев, Молдова). Русско-молдавские отношения в начале XVI в.

Шапошник В. В. (Санкт-Петербург, Россия). К вопросу о нарвской торговле в период Ливонской войны.

Шинаков Е. А. (Брянск, Россия). Военные события на центрально-восточных окраинах Великого княжества Литовского в конце XIV – начале XV в. и их политические последствия.

Штыков Н. В. (Санкт-Петербург, Россия). Великое княжество Тверское и Великое княжество Литовское в первой четверти XV в.

Якубов В. В. (Полоцк, Беларусь). Роль сословий ВКЛ в создании унии Речи Посполитой и Шведского королевства 1587–1611 гг.

Яценко В. Б. (Харьков, Украина). Битва после битвы: казацко-московская война 1658–1659 гг. в изображении современной российской и украинской историографии.

Агоштолн М. Поездка посла императора Максимилиана I Сигизмунда Герберштейна в имение Альбрехта фон Бранденбург в 1516 г. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 9 – 12.

М. Агоштолн

**Поездка посла императора Максимилиана I Сигизмунда Герберштейна
в имение Альбрехта фон Бранденбург в 1516 г.**

Доклад основывается на автобиографии Сигизмунда Герберштейна (*Sigmunds von Herberstein Selbstbiographie. Fontes Rerum Austriacarum. Österreichische Geschichtsquellen. I. Abt. Schriptores. I. Band. Wien, 1855. S. 88–90*). В 1516 г. он служил императору Максимилиану I в ранге рыцаря и гофрата в должности посла и представителя императора Священной Римской империи. В это время Герберштейну был всего лишь тридцать лет, молодой человек ездил по империи, посещал города и имения вельмож высокого ранга. Его дипломатическая служба была трех видов: 1) когда посол должен в специальной миссии передавать информацию; 2) когда посол передает общее слово о братстве, дружбе, любви от императора (это называли «Werbung»); 3) когда посол получил задачу вести переговоры о небольших делах империи или императорского дома. Герберштейн в автобиографии в каждом случае отдельно отмечает, когда он должен был вести переговоры о деле, когда в случае приезда посол осуществил только «Werbung».

В феврале 1516 г. Герберштейн отправился в путь из дворца императора, расположенного в трех милях от Аугсбурга. Посол путешествовал мимо Дуная через Швабенланд до империи. Описание Герберштейна показывает, что в это время Швабенланд был достаточно густо заселен. Дорога вела через владения пфальцграфа Саксонии и маргграфа Бранденбурга и через имперские города. Герберштейн прилежно описывает расстояния между отдельными местностями и их облик. 1 февраля он прибыл во владения пфальцграфа Саксонии. Он пишет, что хотел встретиться с графом Гауг фон Монфортом, служившим комендантом в «Hochstetten an der Thunau», но его не было дома. Он должен был бы передать ему приказ императора и переговорить о его содержании. Он продолжал свою поездку, важным пунктом в которой был Нюрнберг, который — пока еще не оформилось понятие столицы — неофициально читался центром империи. Он остался в городе на праздник масленицы. У него была двойная причина оставаться в Нюрнберге: с одной стороны он находился в городе в должности посла императора, был обязан поднять престиж

праздника, повысить честь императора; с другой стороны, — как он пишет — он хотел составить знакомство и дружбу с некоторыми людьми.

Отметим, что в городе Нюрнберга находился один из центров европейской картографии. В 1514 г. Иоганн Штуцк в Нюрнберге издал первую книгу «Географии» Птолемея на латыни с приложением 26 карт. С греческого языка ее перевел Иоганн Вернер. Переводчик посвятил свою работу Матвею Лангу, близкому советнику императора Максимилиана I, который увлекался географией. Матвей Ланг был покровителем Герберштейна. Также Иоганн Штуцк в 1515 г. издал «Космографию» Иоганна Шюнера, который занимался вопросами измерения Земли. В 1512 г. Иоганн Коцклей издал в Нюрнберге первый учебник географии для школ. Приблизительно с 1515 г. в Нюрнберге издавались описания разных стран Европы (Ср.: *Landesbeschreibungen Mitteleuropas vom 15. bis 17. Jahrhundert. Vorträge der 2. internationalen Tagung des «Slawenkomitees» in Herder-Institut Marburg a. d. Lahn. 10–13. November 1980 // Schriften des Komitees der Bundesrepublik Deutschland zur Förderung der Slawischen Studien. Hrsg. Hans Rothe. Verlag Böhlau, Köln–Wien, 1983. S. 8–12).*

Молодой посол, рыцарь Сигизмунд Герберштейн — по пути к маркграфу Альбрехту фон Бранденбург — в Нюрнберге несомненно познакомился с выдающими специалистами в области картографии и результатами их исследований. Отметим, что после этого стиль записок Герберштейна изменился. Теперь он обращает внимание на направления течений и притоков рек, расположение городов по отношению к рекам, горам, лесам, расстояния между городами и другими географическими точками.

Герберштейн недолго оставался в Нюрнберге и через пару дней продолжил поездку. Ехать по Европе послом императора было опасно. Ему пришлось обойти лагерь рыцарей, которые восстали против имперских городов. Об этом пишет Гюц фон Берлихинген в своей автобиографии. Он встретился на территории Саксонии с людьми, которые восстали против герцогов. Наконец, через Тюринген он доехал до реки Саале, до территории, принадлежащей маршалку Паппенгейму. Ехать ему оказалось нескучным, он встретился по пути с Гансом фон Берлепахом, человеком, который через пять лет провожал Мартина Лютера в Вартбург, где последний переводил Библию на немецкий язык. Ганс фон Берлепах в это время был советником курфюрста Саксонии. Они вместе ехали от Аугсбурга до Лейпцига.

15 февраля посол Герберштейн приехал в Халл, во владения Альбрехта фон Бранденбург. Он приехал больным, не смог пойти на прием маркграфа. Поэтому его навестили советники: гофмейстер, пробст Хилдесхеим, комендант города Халберштадта и канцлер маркграфа. Через несколько дней Герберштейн поправился, и должен был пойти на

пир к маркграфу. Молодой человек остался доволен угощением. Его посадили за столом на самом почетном месте. Уровень приема посла показывает отношение хозяина к императору.

Герберштейн не забыл отметить, что во дворе маркграфа из колодцов берут воду, занимаются соляным промыслом. Во время наводнений вода вытекает из колодцев и заливают весь город. В хозяйстве маркграфа не хватает леса, поэтому часто пользуются другими материалами.

Когда посол ездил к кюрфюрсту в Бранденбург, во время поездки от Остербурга к Тагермунду они обсуждали вопрос, «почему не берет император к себе сына и внуков, чтобы осваивать обычай немецкий. Таким образом, мы имели бы снова римского короля немецкого рода. Кроме их, нет никого в империи, кто мог бы им стать».

Вопрос был крайне актуальным. Внуки императора Карл и Фердинанд были еще юными. Фердинанд родился в 1500 г., Карл двумя-тремя годами раньше. 14 марта 1516 г. к Герберштейну прибыл гонец, принес ему газету из Брабанта с сообщением, что король испанский, Фердинанд, скончался. Он оставил Карлу и Фердинанду в наследство империю, у которой границы и богатства не поддавались измерению. По сравнению с Центральной Европой, Испания Фердинанда была крайне религиозной, с высоким влиянием инквизиции. После смерти императора Священной Римской империи Максимилиана I в 1518 г. его преемниками также стали Карл и Фердинанд. Перед ними оказалась трудная задача — как управлять обеими империями.

Зададим вопрос, каково было место государства Тевтонского ордена в этой системе, и каким было его отношение к Священной Римской империи.

1. Орден возник в Средние века с целью распространения христианской веры. В начале XVI в. в Северной Европе не осталось больше язычников. Задачи общества эпохи Ренессанса и смысл существования ордена разошлись.

2. Территория ордена существовала как государство под руководством гроссмейстера. Последние два правивших гроссмейстера происходили из самых знатных семейств империи: из домов саксонских и бранденбургских.

3. Экономические связи ордена с имперскими городами были довольно прочными. Социальный строй городов ордена был сходен с имперским. Конфликт между Тевтонским орденом и Польшей основывался на противоречиях в экономических интересах этих стран.

4. Идеология и культура ордена были тесно связаны с Ренессансом, развивались синхронно с остальной Германией. Неслучайно идеи Реформации быстро укоренились в орденском государстве.

5. В исторической литературе часто встречается мысль, что в гибели ордена была виновата политика императора Священной Римской империи. Это обвинение не имеет подтверждения в источниках и порождено скорее эмоциями на тему морали.

6. Распад Тевтонского ордена как государства и его секуляризация произошли, не возбуждая конфликта среди элиты ордена. Основание Пруссии под руководством Альбрехта фон Бранденбург-Ансбах возвысило положение всего рода в империи. 25 мая 1525 г. Альбрехт взошел на престол герцогства Пруссии.

Азбелев С. Н. Литва и Новгород в 1380 г. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 12–16.

С. Н. Азбелев

Литва и Новгород в 1380 г.

В событиях 1380 г. непосредственно участвовали три сына незадолго до того умершего великого князя Литвы Ольгерда, который не раз воевал против Москвы. Ставший великим князем Литовским Ягайло продолжил политику отца. Все русские летописи, где содержится сколько-нибудь подробное описание войны 1380 г., сообщают, что Ягайло вступил в союзные отношения с Мамаем и что литовское войско отправилось на соединение с татарским, как только Мамай вошел в пределы русских земель. Но родные братья Ягайла Андрей и Дмитрий Ольгердовичи непосредственно участвовали в Куликовской битве на стороне Московского великого князя. Это отобразила уже так называемая «Задонщина», датируемая 80-ми гг. XIV в. Но в ней же сказано о выступлении из Великого Новгорода семитысячного отряда на помощь великому князю Дмитрию Ивановичу. В конце «Задонщины» снова ведется речь о новгородских участниках Куликовской битвы при исчислении погибших в ней князей и бояр.

Почти современны Куликовской битве и источники вещественные. В 1381–1382 гг. новгородцы возвели два каменных храма: Дмитрия Солунского на Славкове улице и Рождества Христова на Поле. Старшие летописи Новгорода, как обычно, сообщали об этом очень скупо. Однако уже из самого факта построения именно в Новгороде церкви в честь небесного покровителя Дмитрия Донского на другой год после Куликовской битвы очевидна

тесная связь одного события с другим. Сохранившаяся в позднем списке краткая летопись самого храма Дмитрия Солунского сообщает, что он возведен по обещанию Дмитрия Донского, данному этим князем во время Куликовской битвы. Новгородская Погодинская летопись конца XVII в., говоря о построении церкви Дмитрия Солунского, уточняла, что она была заложена по завету о победе над Мамаем. Что касается храма Рождества, то существовал его синодик, цитировавшийся архимандритом Макарием в его двухтомном труде о новгородских древностях. Этот синодик называл князя Дмитрия Донского одним из четырнадцати перечисленных поименно строителей церкви, заложенной в 1381 г. и оконченной в 1382 г.

Около ста лет назад опубликован древнейший новгородский синодик, принадлежавший церкви Бориса и Глеба на Торговой стороне. Основная часть синодика была переписана с более древнего оригинала в середине XVI в. Здесь содержится поминовение «на Дону избиенных братии нашей при велицем князи Дмитреи Ивановичи» (*Шляпкин И. А.* Синодик XVI в. церкви Бориса и Глеба // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. 5. С. 7 отдельной пагинации). Несомненно, что речь идет именно о павших в 1380 г. новгородцах, так как все остальные поминания этого раздела синодика явно относятся только к жителям Новгорода и новгородской земли, погибшим в военных столкновениях с 1240 по 1456 г. Это свидетельствует, что оригинал интересующей нас части синодика был написан, во всяком случае, ранее 1471 г. Следовательно, она была завершена при живых сыновьях и внуках участников войны 1380 г. Таким образом, фраза об убитых на Дону при великом князе Дмитрие Ивановиче заслуживает полного доверия. Это прямое указание вполне надежного источника не оставляет сомнений, что участие новгородцев в Куликовской битве — исторический факт.

Отношения между Москвой и Новгородом в XIV и XV столетиях по большей части были натянутыми, а нередко и враждебными, вплоть до открытых военных столкновений. Но был период продолжительностью около десяти лет, когда отношения эти стали настолько дружественными, что превратились в военный союз, оформленный даже особым договором. Этот период относится к правлению Дмитрия Донского. Оборонительный союзный договор между ним и Новгородской республикой, заключенный за пять лет до Куликовской битвы, предусматривал взаимные обязательства против потенциальных общих противников, точно названных в тексте. Татары, непосредственно никогда не угрожавшие Новгороду, в договоре не упомянуты. Но зато на первом месте названы были литовские князья. Договор обязывал новгородцев в случае войны Литвы против великого князя Дмитрия Ивановича оказать ему поддержку своими войсками.

Следовательно, Новгород должен был осуществить военную помощь Москве не

только из общерусского патриотизма, а и во исполнение своих договорных обязательств. Весной 1380 г., т. е. всего за несколько месяцев до начала военных действий, взаимные обещания были, очевидно, подтверждены прибывшим в Москву новгородским посольством, беспрецедентным по авторитетности его участников. Новгородская летопись сообщает, что во время этих переговоров великий князь торжественно подтвердил свои прежние обязательства по отношению к Новгороду. Вряд ли можно сомневаться, что аналогичные заверения были даны и со стороны Новгородской республики.

Согласно летописям, великий князь узнал о выступлении Ягайла на помощь татарам только в августе 1380 г., т. е. всего за месяц до сражения на Куликовом поле, когда войска Мамая были уже у русских границ. Еще через несколько дней эта весть могла достичь Новгорода. Собрать ополчение в разгар полевых работ, вооружить его и совершить пеший переход на расстояние около тысячи километров было невозможно за короткий срок, остававшийся до ожидаемого соединения армий Мамая и Ягайла. В ситуации, отраженной летописями, была осуществима только ограниченная поддержка, которую мог оказать московскому князю Новгород. Это отправка сравнительно небольшого конного войска из числа тех сил, какие содержались Новгородом постоянно на случай непредвиденной военной опасности. Очевидно, что правители Новгородской республики, ожидая войны с Литвой и имея к тому же постоянную угрозу со стороны Тевтонского ордена, не желали оставить сам Новгород без надежной защиты.

Летописная повесть о Куликовской битве, ориентированная на Москву и вошедшая в сохранившиеся памятники летописания XV–XVI вв., главное внимание уделила, естественно, самому Дмитрию Донскому и его подручным князьям. Неудивительно, что эта Летописная повесть, возникшая уже в период враждебных отношений между Москвой и Новгородом, об участии его в войне не сообщает: составление этой повести, как свидетельствует ее содержание, относится к 1386 г., а как раз в этом году Дмитрий Донской совершал поход на Новгород.

Поскольку Новгород, согласно договору, обязывался оказать военную помощь именно против Литвы, естественнее всего было использовать новгородское войско в качестве заслона от ожидавшегося удара со стороны Ягайла. Поскольку до подхода русских к Куликову полю отряды Ягайла не соединились с войском Мамая, предстояло обезопасить себя на случай их внезапного флангового удара в день битвы. Поэтому оправданным было расположение новгородцев на правом фланге. Однако сражаться им пришлось не против литовского войска: оно, как известно, предпочло дожидаться исхода боя. Согласно летописям, из 200-тысячного русского войска в живых осталось сорок или пятьдесят тысяч. Летописная повесть сообщает коротко лишь о возвращении войск Дмитрия Донского в Москву.

Новгородцы же должны были двигаться в Новгород не через Москву, которая находилась в стороне от направления их пути, а вдоль литовской границы, проходившей в то время недалеко от Тулы, через Калугу, вблизи Ржева и севернее Торопца. Сведений о возвращении новгородского отряда в русских источниках нет.

Немалую ценность представляют в данной связи показания немецких хроник, почему-то почти не привлекавшиеся историками войны 1380 г. Эти данные помогают объяснить странное лишь на первый взгляд молчание старших новгородских летописей об участии в войне новгородцев. Две современные событиям хроники — Детмара и Иоганна фон Позильге — сравнительно подробно сообщают под 1380 г. о великой битве между русскими и татарами: русские выиграли битву, но когда они отправились домой с большой добычей, то столкнулись с литовцами, которые были позваны на помощь татарами, и литовцы отняли у русских их добычу и многих убили. Сходно сообщает о Куликовской битве и писавший сто лет спустя немецкий историк Альберт Кранц. Здесь же он указывает, что в 1381 г. в Любеке собрался съезд представителей всех городов Ганзы. На последнее обстоятельство обратил внимание уже Н. М. Карамзин, заметивший, что ганзейские купцы, в 1381 г. имевшие съезд в Любеке, могли привезти туда вести из Новгорода.

Очевидно, что новгородский устный рассказ, к которому восходят сведения немецких хронистов, сообщал не о судьбе главных сил Дмитрия Донского. Московские летописи, весьма раздраженно отзывающиеся о союзниках Мамае, не умолчали бы о нападении литовцев на войско, возвращавшееся в Москву. Остается признать единственно приемлемым самое естественное объяснение. Немецкие хроники сообщали о нападении литовского войска на новгородский отряд, возвращавшийся со своей частью военной добычи в Новгород вдоль литовского рубежа. Однако столкновение с новгородцами, надо думать, достаточно исчерпало военный потенциал литовцев, а отнятая добыча побуждала вернуться, не подвергая себя риску сражения с более крупными русскими силами. Остатки же новгородского отряда, очевидно, и принесли в Новгород вести, которые попали отсюда к немецким хронистам через участников ганзейского съезда 1381 г.

Легко понять, почему старшие летописи Новгорода не поместили специальных записей о роли новгородцев в войне 1380 г. Эта война окончилась победоносно для всех участвовавших в ней на стороне Москвы русских войск — за исключением новгородского. Так как оно было сравнительно небольшим, эпизод сочли недостаточно существенным для закрепления в летописи. Тем более что в 1382 г. произошел разгром Москвы Тохтамышем, а затем ухудшились ее отношения с Новгородом, что привело к войне между ними уже в 1386 г. Новгородские летописи того времени не раз умалчивали и о других военных мероприятиях новгородцев.

Аржакова Л. М. К вопросу об этнических аспектах Грюнвальдской битвы // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 16–21.

Л. М. Аржакова

К вопросу об этнических аспектах Грюнвальдской битвы

В год столь солидного юбилея можно смело говорить, что с незапамятных времен Грюнвальдская битва стала символом совместной — и победоносной — борьбы славянских и прибалтийских народов против немецкого «натиска на восток». Иными словами, в основе нашего восприятия этого эпохального события лежат едва ли не в первую очередь этнические — или, вернее сказать, этнополитические — характеристики.

Несмотря на то, что литература вопроса колоссальна (и уж поистине нет числа сочинениям, где Грюнвальд упоминается хотя бы мельком) и в литературе этой, казалось бы, все основные моменты подробнейшим образом освещены, обращение к грюнвальдской теме редко обходится без полемики. И, что особо обращает на себя внимание, как раз этнические сюжеты дают больше всего поводов для разногласий, и зачастую полемика такого рода выходит далеко за рамки академической дискуссии. Ожесточенность споров, в общем-то, понятна, поскольку на осмысление событий шестисотлетней давности неизбежно накладывают отпечаток политические и национальные конфликты Нового и Новейшего времени. Не напрасно к теме Грюнвальда так настойчиво обращались наши историки накануне и в годы Второй мировой войны, когда славянская идея — своего рода фирменный знак славянофилов, не вызывавших симпатий у интернационалистов, — не только была, так сказать, реабилитирована, но и стала чрезвычайно популярна.

Не приходится удивляться, что и по сей день наше восприятие событий, происходивших 15 июля 1410 г. на поле вблизи Грюнвальда и Танненберга, все еще остается сильно политизированным, поскольку на восприятие это — пусть подспудно, но вполне ощутимо — влияют этнические и политические коллизии наших дней. Связанные с давней битвой вопросы этнического характера вообще до сих пор воспринимаются крайне эмоционально, и при этом априорные установки зачастую диктуют освещение неясных ситуаций. Простейший тому пример — ставшее привычным утверждение, что при

Грюнвальде в рядах союзного, польско-литовского войска сражался Ян Жижка, будущий гуситский полководец.

Насколько известно, славный герой гуситской поры в самом деле был участником битвы. Но в ней участвовало два чешских отряда — один в составе польско-литовского войска, другой — на стороне Ордена. В каком из них был будущий гуситский гетман, сказать с уверенностью нельзя (во всяком случае, Длугош об этом умалчивает). Тем не менее, в литературе вопроса его уверенно записывают в ряды тех, кто бился с орденскими рыцарями. Соответственно и Ян Матейко, увековечивший подвиг победителей на своем, ставшем национальной реликвией, монументальном полотне «Грюнвальдская битва», поместил на переднем плане фигуру знаменитого чеха, рубящегося с тевтонами. К слову, о чешских наемниках, входивших в союзное войско, Длугош ничего хорошего не скажет: сначала, по его словам, они отказались сражаться, пока им не выплатят жалованье, а во время боя предпочли вместе с моравским отрядом укрыться где-то в роще...

В уверенности, что Жижка сражался именно на польско-литовской стороне, проявляет себя известная внутренняя логика: присутствие чешского национального героя в рядах союзного воинства, разгромившего Тевтонский орден, гармонирует с представлением о славянской солидарности в борьбе с извечным врагом. Но историческая достоверность в данном случае остается проблематичной.

Важно и то, что уже сами современники сражения 15 июля 1410 г. в своих рассказах о нем, как правило, делали акцент именно на этнической стороне дела. Информация о битве и ее, так сказать, этнических компонентах, в свое время широко распространяясь по странам Европы, обретала иной раз совершенно фантастические очертания, причем события порой трансформировались до неузнаваемости. Так, под пером Ангеррана де Монстреле, французского хрониста XV в., Грюнвальдская битва как бы раздвоилась. В первом сражении, которое хронист датировал 16 июля 1410 г., «300 000 христиан», по его словам, одержали полную победу над численно превосходящим войском литовцев-«сарацинов». Иначе говоря, по представлениям француза, считавшего литовцев все еще язычниками, победителями вышли тевтонские рыцари, которым он явно сочувствовал. Но «вскоре», по словам хроника, военные действия возобновятся, и вот на этот раз поляки одержат победу над тевтонами (а литовцы здесь уже не привлекают особого внимания автора)...

В памятниках позднего Средневековья содержится и более реалистичная информация о Грюнвальде, чем та, какую запечатлел Монстреле. Среди них на первом месте по достоверности и полноте, не говоря уж о художественных достоинствах, вне всякого сомнения, стоит повествование Яна Длугоша в его «Анналах, или хронике славного

Королевства Польского». Именно видному польскому автору мы обязаны подробным описанием подготовки и хода сражения.

Можно сказать, что практически вся более или менее достоверная информация, в том числе и этнического свойства, какой оперируют историки, а вслед за ними — популяризаторы и беллетристы, исходит только от Длугоша. Именно его колоритный рассказ о смятии в литовско-русском войске, непоколебимой стойкости трех смоленских хоругвей и о прочем ляжет в основу описания битвы как в исторических сочинениях, так и в широко известном, многократно переиздаваемом в России романе Г. Сенкевича «Крестоносцы», отразившем накал антинемецких настроений, характерный для польского общества рубежа XIX–XX вв.

Вообще в периоды обострения межнациональных отношений в регионе рассказ Яна Длугоша о Грюнвальдской битве всякий раз будет востребован, привлекая к себе усиленное внимание. В арсенале антигерманской пропаганды ему отведено прочное место, что наглядно продемонстрировали публикации, связанные с отмечаемым в 1910 г. пятисотлетием со дня битвы. Будто позабыв о давней традиции в период становления Советской России, к ней обратятся с новой силой с конца 1930-х гг. По всем правилам жанра, подход отечественных авторов (подвизающихся на ниве пропаганды) был (и остается) избирательным. Так, в тени, как правило, оставался, скажем, тот факт, что, согласно рассказу Длугоша, под натиском тевтонов обратилось в бегство почти все литовско-русское войско (в котором русская часть численно преобладала). Внимание уделялось только трем русским, смоленским полкам, чья непоколебимая стойкость помогла переломить ход сражения. При этом обычно авторы не задавались вопросом, производным от какого слова было употребляемое Длугошем прилагательное «русские» — от «России» или от «Руси». Как видно, особого значения этот вопрос не имел, пока все эти земли входили в состав одного государства (а с 1940 г. в Советский Союз войдет и Литва).

Положение изменится с распадом СССР, когда началась, по выражению белорусского публициста Игоря Литвина, приватизация Грюнвальдской победы, когда на победные лавры заявили претензии белорусские, русские, литовские историки и политики. В этих препирательствах самое живое участие принял и сам И. Литвин, автор книги «Затерянный мир, или малоизвестные страницы белорусской истории» (2008), проникнутой стремлением во что бы то ни стало возвеличить роль белорусского народа в истории Европы.

Современная ситуация, в которой авторы, пишущие о Грюнвальдской победе и ее этнических аспектах, вольно или невольно тянут, как говорится, одеяло на себя, стремясь прославить своих соотечественников, должна, казалось бы, наводить на мысль о том, что ведь нечто подобное могло быть и в XV в. Тем не менее, увлечение риторикой, по-видимому,

мешает таким авторам усомниться в рассказе Яна Длугоша, обилие собранной информации которым и его патриотический пафос волей-неволей внушают доверие. В итоге версия краковского каноника, как известно, довольно пристрастного повествователя и политика, воспринимается как истина в последней инстанции.

Поэтому во многом остается открытым вопрос, насколько этот рассказ о знаменитой битве заслуживает столь уж безусловного доверия? Длугош, родившийся через пять лет после сражения, приступит к писанию своей «Истории...» только многие годы спустя. При составлении перечня сражавшихся под Грюнвальдом хоругвей ему помогут документальные материалы. Но вот что касается освещения собственно битвы, в решении этой задачи такого рода источники бессильны. Здесь историк, судя по всему, опирался на воспоминания участников. Одним из таких, если можно так выразиться, информаторов — скорее всего, главным информатором — был патрон и покровитель Длугоша канцлер Збигнев Олесницкий, который спас, если поверить «Анналам», жизнь королю Владиславу Ягайле на Грюнвальдском поле, а позднее, уже став епископом и влиятельным политиком, вступил в открытый конфликт с его сыном, королем Казимиром Ягеллончиком.

Трудно не восхититься искусством Длугоша, сумевшего, опираясь на рассказы участников сражения, нарисовать впечатляющую картину. Но есть ли уверенность, что реконструкция эта безусловно достоверна? Сама подробность описания должна, казалось бы, настораживать. Мог ли тот же Збигнев Олесницкий — как, впрочем, и другие очевидцы — охватить взором и запечатлеть в своей памяти ход столь масштабной схватки, в которой участвовали десятки тысяч воинов, и спустя десятилетия обо всем этом беспристрастно рассказать?

Очевидно, такого рода сомнения уместны и в отношении содержащейся в «Анналах» информации этнического характера. Приходится признать, что мы не в силах в полной мере разграничить, где в рассказе о том, как на Грюнвальдском поле сражались поляки, литовцы, русские, чехи, татары, запечатлелась объективная реальность, а где себя проявили этнические пристрастия самого Длугоша или его рассказчиков. Но хотя бы помнить об этом и потому воздерживаться от излишне эмоциональных оценок вклада того или иного народа в победу 15 июля 1410 г. историку, должно быть, следует.

Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 годы)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

Атаманенко В. Б. Татарские нападения на Волынь и организация обороны в XVI – первой половине XVII вв. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 21–26.

В. Б. Атаманенко

Татарские нападения на Волынь и организация обороны в XVI – первой половине XVII вв.

Татарские нападения на украинские земли конца XV – середины XVII в. были важным фактором не только политического, но и социального, экономического и культурного развития. Относительно последнего, очевидно, в широком смысле, вполне справедливо замечал М. С. Грушевский, что все высшие культурные интересы должны были отступить перед элементарной потребностью ограждения своей жизни, «охрана своей шеи от татарского аркану». Польша, как и ВКЛ, не смогла создать эффективную модель противостояния Крыму.

В сравнении с Подолем и Галичиной, Волынь, по словам А. Яблоновского, была хорошо защищена от кочевников с одной стороны непроходимыми лесами, а из другой — своей безграничною Украиной. В значительной мере это утверждение верно, но и Волынь неоднократно испытывала татарские вторжения. Правда, достичь региона татарские отряды могли только в случае участия в нападении значительных сил, возглавляемых высшими военачальниками ханства. Следовательно, подобные акции не могли не быть реализацией государственной политики Крыма, а не просто людоловством, хотя им и сопровождалась. Первые случаи достижения территории Волыни татарскими отрядами относятся к середине XV в. Уже первый известный случай засвидетельствовал ряд особенностей в противостоянии агрессии. Во-первых, это объединение усилий волынских магнатов, а также галицких урядников и шляхты в организации отпора. Во-вторых, освобождение ясиря происходило при отходе татар из, таким образом, уже опустошенных ими территорий. В-третьих, татарские нападения на Волынь достигали, как правило, полесского рубежа.

В случаях следующих нападений (1469 и 1474 гг.) Волынь, очевидно, не была специально объектом нападения. Следующий период активизации татарских нападений на Волынь (а в дальнейшем — и на белорусские земли) приходится на конец XV в. и связан с

антилитовским союзом Москвы и Крыма. В этот раз нападения становятся регулярными и приводят к страшным опустошениям. Они происходили зимой 1490 г., в сентябре 1494 г., в 1495 г. В 1496 г. был сожжен Жидичинский монастырь, а луцкий и владимирский старосты не смогли вовремя организовать защиту края, вместе с кн. К. И. Острожским и боярами находились в Ровно, могли только беспомощно смотреть на погром и вынуждены были выплатить выкуп. Зимой 1496 г. состоялось повторное нападение на Волынь, а оттуда — на Польшу. Весной 1497 г. татары опять дошли до Волыни. Осенью 1499 г. был сожжен Владимир. Дважды в 1500 г. (весна, осень) были осуществлены походы и разорены Киевская, Волынская, Холмская и Белзская земли. Волынь могла пострадать от значительного татарского нападения в 1502 г. (или в 1503 г.) на Галичину и Люблинщину.

Борьба со следующей серией татарских походов связана с именем кн. К. И. Острожского. Во время нападения на Галичину весной 1512 г. 20-тысячного татарского войска частично пострадала и Волынь, а возглавляемые кн. К. И. Острожским войска совместно с польскими войсками приняли участие в битве с ними под Вишневецом, где было уничтожено 25 тыс. татар. Волынские отряды, очевидно, принимали участие в отражении нападения на Подолье в декабре 1516 г. В конце ноября 1517 г. татары вторглись на Подолье, Волынь и в Белзскую землю, но их ожидали и погромили. В октябре 1518 г. татары вторглись на Киевщину и Волынь, но встретили сильный отпор кн. К. И. Острожского. В июле 1519 г. состоялось особенно большое нападение татар на Волынь и Галичину. На Волыни было собрано несколько тысяч человек под командования кн. К. И. Острожского, к которым примкнули и отряды шляхты из Галичины. Под Сокалем волынско-галицкие отряды были разбиты. Весной 1524 г. при отходе татар их преследовал кн. К. И. Острожский с небольшими силами, но напасть и отбить ясырь не осмелился. В 1526 г. состоялось нападение на Волынь, Белзскую и Люблинскую земли, а в начале 1527 г. 26 тыс. татар вторглись на Полесье. При отходе их догнал кн. К. И. Острожский. Битва украинского войска под его руководством с татарским войском Саадет-Гирея под Ольшаницей завершилось разгромом татар.

Завершающими нападениями этой длительной серии стали вторжения 1530 г. (узнав о смерти кн. К. И. Острожского, татары небольшой ватагой напали на Волынь, но были погромлены его сыном, кн. И. Острожским, в 1534 г. (было сожжено предместье Заслава) и в 1549 г. Эти нападения уже не достигали, если не считать отдельные незначительные отряды, центральной Волыни. После этого наступил длительный период затишья для Волыни, нарушенный нападениями 70-х гг. XVI в. Они были реакцией Крыма на казацкие походы, а Волынь стала главным объектом татарских вторжений, поскольку прямо или опосредствованно к казачеству имели отношение представители волынских княжеских родов

Острожских, Вишневецких, Ружинских. Первое вторжение состоялось в сентябре 1575 г. следующее — в начале 1577 г. В следующем году состоялся поход татарского войска на Волынь и Подолье, которое было разгромлено кн. Я. Збаражским под Заславом, а в феврале — новое вторжение, когда был взят в осаду Острог. Следующее достижение татарами Волыни состоялось в 1593 г. Наиболее опустошительными в XVII в. для Волыни были татарские нападения 1618, 1620, а также 1621 и 1626 гг.

Основным звеном обороны украинских земель от нападений татар считались пограничные замки. Но их сеть не была густой — не только сдерживать, но и обеспечивать наблюдение и контроль приграничья они не могли. На рубеже XV–XVI вв. на территории южной Волыни, которая первой встречала татарские нападения, городов с замками практически не было. Существовали только государственные Кременец, Красилов и Кузьмин, а также частные Полонное, Заслав, Збараж и Вишневец. Они имели важное стратегическое значение и прямо служили потребностям обороны всего края, хотя бы как центры сбора информации и предупреждения о татарских нападениях. Но хорошо упорядоченная и организованная оборонная система должна была опираться на соответствующую заселенность. Следовательно, одним из оснований обороноспособности была хозяйственная деятельность магнатории. Но в течение первой половины XVI в. заметных изменений в хозяйственной жизни юго-восточной Волыни не происходило, а рубежом в этом были 1560-е гг., когда был основан город Константинов, а в дальнейшем и другие города.

Продвижение князей Острожских на территорию юго-восточной Волыни началось на рубеже XV–XVI вв. Но значительных успехов в хозяйственном освоении и перестройке системы обороны заметно не было. Дальнейшее развитие владений Острожских в регионе связано с деятельностью кн. Василия-Константина. А. Баранович считал, что такие задания могла выполнять линия городов, расположенных по р. Случ на расстоянии «20–30 верст», а также формирование нескольких оборонных линий. Развитие последних происходило в имениях кн. Заславских и Острожских. Первая оборонная линия была привязана к р. Случ, вдоль верхнего течения которой проходил татарский Черный шлях, а несколько западнее — шлях Кучманский. Впоследствии относительно этих волынских имений стал использоваться термин «подольские», который можно применить к этому участку укреплений южного волынского порубежья. Кроме уже существующих замков в Любаре, Кузьмине, Красилове, Сульжине и Константинове кн. В.-К. Острожский в 70-х гг. XVI в. создал три городских поселения с укрепленными замками — Староконстантинов, Базалию и Острополь. К созданию второй линии обороны, привязанной к р. Горынь, имели отношение разные землевладельцы — Острожские (Полонное, Сульжин), Заславские (Заслав Старый и Новый, Белогородка,

Краснокорец, Славутина, Шепетовка, Ташков), Збаражские (Грицев), Лабунские (Лабунь), Сенюти (Ляховци). Уже в XVII в. центральной Волыни татарские нападения практически не достигали. Как результат, вдоль южных рек Волыни — Горыни, Случи и их притоков — на небольшом расстоянии находилось несколько рядов городских поселений с замками и гарнизонами.

На старые и новосозданные замки и города опиралась «сторожа», задачей которой было наблюдение за порубежьем и информация о приближении татар. Они же были местами хранения боеприпасов и сосредоточения вооруженных отрядов. Но основой вооруженных сил было посполитое рушание, общая мобилизация боярства-шляхты, а также надворные хоругви украинских магнатов и в целом — местное население. Именно оно несло весь груз испытаний татарскими нападениями. Фактически все жители приграничья несли военную повинность. Единственным действительно боеспособным видом вооруженных формирований были надворные войска украинских магнатов. Они состояли в основном из хорошо в военном отношении подготовленной мелкой шляхты. Таким же образом формировалось ядро отрядов пограничных урядников, по большей части — представителей тех же магнатских родов. Эффективному отпору должны были служить войска Острожской ординации, имения которой преимущественно концентрировались вдоль юго-восточной границы Волыни. Согласно единственному сохранившемуся инвентарю этих имений, основу войск Ординации составляла легкая конница. Значительная часть лошадей владельца была роздана мещанам, которые в связи с этим использовались для ведения патрулирования, а остальные кони княжеского стада могли использоваться непосредственно при организации отпора татарам.

Значительная роль не могла не отводиться населению городов и сел. С небольшими отрядами при условии информированности могли справиться и крестьяне, использующие укрепления фольварков при поддержке гайдуков, мещан и администрации как военной и организующей силы. Препятствиями, хотя бы для захвата большого ясыря, служили города с их укреплениями. В связи с этим нужно отметить специфические черты южноволыньских городов. Во-первых, это наличие сотенно-десятковой системы организации городского населения. Оно известно преимущественно для старых и новообразованных городов практически исключительно только этого региона (Н. Заслав, Красилов, Красностав, Кузьмин, Н. и Ст. Любар, Межирич, Н. и Ст. Острополь, Сураж, Славутина, Ташков, Шепетовка), а также в нескольких случаях — в восточной части Волыни. Его часто связывают с сохранением древнерусских традиций. Но вместе с тем (а может, и преимущественно) это связано с предоставлением многим городам региона не магдебургского, а хелминского права, которое предусматривало большие военные

повинности мещан и большей мерой способствовало привлечению населения в условиях колонизации. Во-вторых, это продолжение локационных процессов в форме создания рядом со «старыми» городами «новых» (концентрировались преимущественно также в южной Волыни). Новые города создавали дополнительную черту городской обороны и сами оборонные возможности, увеличивали возможность предоставления убежища жителям сел. Кроме того, расширение городской сети привлекало переселенцев и в города, и в села, что также повышало военный потенциал региона.

Система организации обороны во всей ее полноте не могла быть эффективной, но довольно высокий уровень в большинстве случаев она должна была обеспечивать. Некоторые ее составляющие, кроме указанных выше, таковы. Владельцы замков при опасности оставляли в них шляхту для обороны от татар. Важную роль при организации сопротивления играла информация, которую на Волыни получали от урядников южных регионов, от волынской сторожи или от тех, кто убегал от татар к замкам. В 1575 г., по получении вести о подготовке к вторжению на Волынь татар от кн. В.-К. Острожского, луцкий староста кн. Б. Корецкий дал распоряжение не проводить судебные сессии, а шляхте — ехать домой для организации обороны, в первую очередь здесь имелось в виду предупредить подданных, поскольку сопротивление в каждом отдельном имении организовать было невозможно. При слухах о приближении татар население прятало имущество, отгоняло в леса или замки скот. После того, как крестьяне уходили в города, в селах оставались сторожа («останцы»), которые охраняли имущество. При получении известий об угрозе вокруг замков патрулировала конная стража.

Татарские нападения достигали территории Волыни в случаях значительных военных акций Крымского ханства. Основная тяжесть по обороне ложилась на местное население, а организующую роль играли представители местной администрации, и в первую очередь собственники владений южной Волыни — князья Острожские, Заславские, Збаражские, Вишневецкие. Благодаря хозяйственной деятельности прежде всего Острожских, так как именно их владения покрывали все пограничье юго-восточной части края, колонизации и заселения, создания укрепленных городов с замками защита существенно улучшилась. И если южная Волынь довольно часто и в XVII в. становилась объектом татарских нападений, то благодаря вышеуказанным обстоятельствам большая ее часть от них практически не страдала.

Балух А. В. Польско-молдавская война 1497–1499 гг. в контексте истории Буковины // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 26–30.

А. В. Балух

Польско-молдавская война 1497–1499 гг. в контексте истории Буковины

В 1496 г. началась активная подготовка поляков к войне. Это одновременно ставило под угрозу как Молдавию, так и Буковину как ее составную часть. Антиягеллонская деятельность Стефана III ускорила реализацию замыслов польского короля. Под прикрытием военного похода против турецкого султана в 1497 г. Ян Ольбрахт осуществляет поход на Молдавию.

26 июня 1497 г. армия поляков направилась к границе с Молдавией. Зная о планах Яна Ольбрахта, Стефан III отправил великого логофета И. Тевтула в Стамбул (*Papée F. Jan Olbracht. Wyd. 2-іе. Kraków, 1999. S. 132*). Получив поддержку от Порты, в Молдавию был направлен отряд Месих-паши в количестве около 800 воинов. Существует мнение, что они могли быть размещены в Черновицкой волости уже в конце июля (*Масан О. М. Буковина як об'єкт міжнародних відносин з давніх часів до 1774 р. // Буковина в контексті європейських міжнародних відносин (З давніх часів до середини XX ст.) [Кол. Моногр.] / В. М. Ботушанський, С. М. Гакман, Ю. І. Макар та ін. За заг. ред. Ботушанського В. М. Чернівці: Рута, 2005. С. 62*).

В начале августа 1497 г. началось форсирование р. Днестр: «Король перешел реку Днестр у Михальчи на этой стороне со всеми своими войсками. И пришел в Кицмань» (Бистрицкая летопись 1359–1507 гг. // *Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М.: Наука, 1976. С. 31*). Ян Тырнка, один из главнокомандующих, предложил королю начать наступление с осады Хотинской крепости для того, чтобы поставки продовольствия из Подолья шли беспрепятственно. Но Ян Ольбрахт решил сначала занять Сучавскую крепость как базу для дальнейших операций (*Стоическу Н. «Большое войско» в Валахи и Молдавии в XIV–XVI вв. // Страницы истории румынской армии. Бухарест, 1975. С. 24*). Поэтому «он ушел со всем своим войском к Сучаве» (Молдавско-немецкая летопись 1457–1499 гг. // *Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М.: Наука, 1976. С. 54*).

Все войско польского короля насчитывало до 80 тыс. чел., однако только половина из них принадлежала к боевому составу, а остальные составляли службу обозных (*Масан О. М. Буковина як об'єкт міжнародних відносин з давніх часів до 1774 р. С. 63*). В состав этого

войска входили и литовские отряды, а также небольшой отряд рыцарей из Пруссии (*Масан О. Німецькі рицарі в лісах Буковини: Трагічна осінь 1497 року // Буковинський журнал. 1998. Вип. 1. С. 79*).

Перейдя Днестр, польскому войску нужно было перейти еще р. Прут и Сирет. Стефан III направил к месту возможной переправы поляков — брод на Пруте под Черновцами — специальные подразделения. В конце августа 1497 г. польская армия попыталась перейти реку, однако столкнулась с хорошо вооруженными молдавскими отрядами. В результате этого были пленены шесть поляков (*Czamańska I. Mołdawia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV wieku. Poznań, 1996. S. 175*).

Форсирование Днестра, арест молдавских послов, столкновение под Черновцами указывали Стефану III на враждебное отношение к нему со стороны Яна Ольбрахта. Поэтому господарь тайком укрепил Сучавскую крепость, а его войско было собрано и подготовлено к бою. Относительно численности всего молдавского войска цифра 40 тыс. чел. (*Стоическу Н. «Большое войско» в Валахи и Молдавии в XIV–XVI вв. С. 25–26*) принимается как аксиома всеми современными учеными. Оно состояло из русско-молдавской части в 18 тыс. чел., отряда семигородского воеводы В. Драгффи в 12 тыс. чел., а также из отрядов валашского господаря Раду Великого и многотысячного османского войска. Поэтому утверждать, что молдавский господарь собрал все имеющиеся силы, нельзя, поскольку в Молдавии во времена Стефана III собиралось «большое войско», насчитывающее около 40 тыс. чел. (*Фишер Е. Козмин: До питання про історію польсько-молдавської війни 1497 року. Чернівці: Зелена Буковина, 2004. С. 63–64*).

11–12 сентября поляки перешли р. Прут, а 18–20 сентября преодолели р. Сирет. 24 сентября польская армия подошла к Сучаве. 26 сентября началась осада Сучавского замка (Бистрицкая летопись 1359–1507 гг. С. 31–32). Но когда поставки из Польши прекратились, а все окрестности Сучавы молдаване опустошили, стало чрезвычайно сложно добывать продовольствие (*Стоическу Н. «Большое войско» в Валахи и Молдавии в XIV–XVI вв. С. 32*). Так, нехватка провианта и фуража, нежелание шляхты продолжать поход, болезнь Яна Ольбрахта (малярия) — все это вынудило его согласиться на перемирие. Король снял осаду Сучавского замка и 19 октября войска начали отход (*Масан О. М. Німецькі рицарі в Галичині й на Буковині 1497 року // Науковий вісник Чернівецького університету: Зб. наук. праць. Історія. Чернівці, 1998. С. 84*).

По условиям перемирия польская армия обязалась отступать тем же путем, которым она пришла. Стефан III велел предупредить Яна Ольбрахта, «чтобы тот при отступлении двигался не иным путем, нежели тем, которым он пришел сюда, ибо путь через леса опасный» (*Стоическу Н. «Большое войско» в Валахи и Молдавии в XIV–XVI вв. С. 36*).

Можно согласиться с мнением А. Н. Масана, что «господарю было выгодно, чтобы его союзники напали именно на польские обозы и поживились за счет их пленных, а не опустошали молдавские земли. Сообщение же о возможной опасности на лесной дороге обеспечивало бы господарю алиби, если король обвинит его в нарушении условий перемирия» (*Масан О. М. Буковина як об'єкт міжнародних відносин з давніх часів до 1774 р. С. 64*).

Однако «сам король со своим войском пошел той дорогой, которой пришел от Хотина, разве что несколько хоругв пошли на Буковину, нанося большой ущерб. За это их Бог наказал, которые были войска слишком своевольные, сами были безопасны и вред наносили большой, и гетманов своих не слушали» (Молдавско-польская летопись 1352–1564 гг. // *Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М., 1976. С. 120*).

Подойдя к Козминскому лесу, через который вела лишь одна дорога, основная часть войска расположилась на ночь, а «конная разведка ушла далеко вперед, благополучно минуя лес, стала лагерем по ту его сторону» (*Стоическу Н. «Большое войско» в Валахи и Молдавии в XIV–XVI вв. С. 37*).

На следующий день, а именно 26 октября, поляки начали отход через лес. Армия растянулась на значительное расстояние, а когда дошла примерно до середины леса, на нее неожиданно напали молдавские отряды, турки и валахи. В этом бою пали мазовшаны, силезцы, придворная прислуга, а также рыцари-крестоносцы в большом количестве. Однако войску Стефана III не удалось полностью уничтожить боевой состав соперника (*Масан О. М. Німецькі рицарі в Галичині й на Буковині 1497 року. С. 84–85*). Поэтому поляки прибегли к контрнаступлению и отбросили молдавскую армию к р. Сирет, но этот успех был временным. Потери польской армии составили около 5 тыс. чел. убитыми и плененными, при общих потерях около 11 тыс. чел. (*Масан О. М. Буковина як об'єкт міжнародних відносин з давніх часів до 1774 р. С. 65*). В основном погибли вспомогательные отряды, то есть обоз, отчего король Польши вынужден был бросить его останки и свою артиллерию. Это объясняется еще и тем, что Стефан III приказал подрубить деревья вдоль лесных проходов, чтобы перекрыть отход войска, а не чтобы, вопреки распространенному мнению, падающие деревья уничтожили тех, кто передвигался близко к ним.

С 26 на 27 октября поляки стали лагерем вблизи с. Козмин. Утром они пошли на Черновцы, чтобы переправиться через р. Прут. «А войско Стефана воеводы за ними вслед шло, убивая их» (Бистрицкая летопись 1359–1507 гг. С. 32). Узнав, что из Снятина на помощь Яну Ольбрахту приближается «ляшское войско», господарь приказал своему воеводе Болдуру идти навстречу и разбить его. Молдавский отряд насчитывал 3 тыс. чел., а польский — всего 600 мазовецких конных рыцарей (*Масан О. М. Буковина як об'єкт*

міжнародних відносин з давніх часів до 1774 р. С. 65). Добравшись 28 октября вечером в с. Ленковцы, молдавский отряд в бой не вступил. Утром 29 октября произошла битва «и погибло там много лядского войска» (Бистрицкая летопись 1359–1507 гг. С. 33). Однако со стороны Снятина двигалось литовское войско князя Александра. Оно состояло из конницы и насчитывало несколько тысяч человек (Масан О. М. Буковина як об'єкт міжнародних відносин з давніх часів до 1774 р. С. 65). И только после его прихода в Черновцы король решился продолжать отступление через р. Прут в Снятин.

30 октября польско-литовское войско попыталось перейти р. Прут через брод вблизи Жучки. Однако на противоположной стороне их уже ждал воевода Болдур со своим войском, а с юга в Черновцы подошли молдавские отряды. «Разбитый был король под Черновцами, но перешел реку Прут. И оттуда сбежит с очень малым войском и едва спасся» (Бистрицкая летопись 1359–1507 гг. С. 33). Больного короля отвезли в Снятин, а затем во Львов. Королевское войско понесло серьезные потери, как и молдавское, однако не было уничтожено полностью. Известие о сокрушительном поражении польской армии на Буковине облетело все соседние государства. Память об этих событиях живет и сейчас среди местного населения в виде легенд и преданий (Буковина: Історичний нарис / Відп. ред. В. М. Ботушанський. Чернівці, 1998. С. 34). Именно благодаря битве 1497 г. слово «Буковина» начало употребляться в исторических источниках и как название местности.

Польский поход в Молдавию 1497 г. завершился неудачей, поэтому планам Яна Ольбрахта относительно молдавского престола не суждено было сбыться. Однако польско-молдавская война на этом не закончилась. Теперь и сам Стефан III имел возможность напасть на польские земли.

Польско-молдавский конфликт длился до апреля 1499 г. и был урегулирован в Кракове, где состоялась встреча посольств Польши, Молдавии и Венгрии и было заключено соглашение о польско-молдавском мире и союзе (Documente privitoare la istoria Românilor culese de E. Hurmuzaki. București: s. e., 1891. Vol. II. P. 2: 1451–1510 / Culese, adnotate și publicate de Nic. Densușianu. XLVII. P. 421–425).

Итак, польско-молдавская война принесла на исторические земли Буковины разруху, грабежи, убийства большого количества людей. Поэтому последствия выигранной войны 1497–1499 гг. не смогли обеспечить восстановление довоенного экономического и демографического уровня развития этого региона, что в будущем негативно отразилось на всех сферах жизнедеятельности населения Буковины.

Берковский В. Г. Правобережная Украина в системе международных торговых отношений конца XV – середины XVI в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 30–32.

В. Г. Берковский

Правобережная Украина в системе международных торговых отношений конца XV – середины XVI в.

В связи с демографическим, финансово-кредитным и политическим кризисом середины XV в. происходит изменение структуры как локальных европейских рынков, так и торговых направлений. При этом для регионов Восточной Европы характерным становится четко отображаемый региональный колорит, специфические черты которого обозначаются ритмом как внутреннего развития торговли, так и внешними факторами. Одним из таких регионов является Правобережная Украина, внутренние ритмы которой характеризует постепенное увеличение численности населенных пунктов городского типа (городов и местечек), увеличение товарного хозяйства во всех секторах экономики, а также протекционистская политика местной шляхты. В то же время внешние факторы развития непосредственно связаны с возрастанием темпов экономического прогресса во всех западноевропейских странах.

Характерно, что развитие торговли Правобережной Украины с конца XV и до середины XVI в. прошло несколько стадий развития конфликтных ситуаций. То есть, фактически на протяжении всего рассматриваемого периода происходит постоянная, хоть иногда локально или хронологически разделенная борьба, в которой можно выделить три основных типа экономических конфликтов. Во-первых, это конфликты, возникшие в процессе закрепления мелкого товарного сельского хозяйства. Во-вторых, это возникновение конфликтных ситуаций по отношению к форме и нормам эксплуатации. Наконец, в-третьих, это столкновения, непосредственно связанные с намерениями государственных городов, хозяев частных местечек, а также отдельных городских корпораций-цехов расширить сферу своих привилегий и возможностей, увеличить свое влияние на формы и направления торговых отношений как на региональном (внутреннем) уровне, так и на международном. Классическим примером создания таких конфликтных ситуаций может служить созданная уже в конце XV в. нерегулируемая система локальных таможенных постов (комор и прикоморков).

Среди факторов внешнего влияния на торговлю Правобережной Украины следует отметить значительные изменения в структуре западноевропейской торговой географии. В первую очередь это касается расширения границ и масштабов торговли, изменения удельного веса разных ее ареалов, изменения направлений и характера товарооборотов. Более того, в исследуемый период происходит довольно быстрое по отношению к промышленности того времени возрастание общих объемов производства и международной торговли, географическое перемещение центров торгового капитала и, в конце концов, поляризация накопленных богатств. Так же как и в других европейских регионах, с начала XVI в. приблизительно 1/3 населения Правобережной Украины балансировала на границе с абсолютной бедностью. В то же время развитие спроса на продукты сельского и лесного хозяйства стало причиной не только концентрации капитала, но и появления новой элиты — торговцев-крамарей, ремесленников, юристов и служащих. Также следует отметить, что появление, благодаря коммерциализации производства, новой страты богатых мещан стало источником постоянных конфликтов с носителями политической власти — шляхтой.

В связи со значительными изменениями в политической ситуации Северной Европы, а именно — падением Севернонемецкой Ганзы, происходит изменение и дифференциация товарных потоков Правобережной Украины. При этом следует отметить, что такие регионы Правобережной Украины как Волынь, Киевщина и Подолье, непосредственно находясь в сфере влияния Балтийского торгово-экономического района, тем не менее начинают отыгрывать значительную транзитную роль и в торговле Черноморского района. В частности это связано с изменениями в торгово-коммуникационной географии черноморских и азовских итальянских колоний, а также всей левантийской торговли в целом. Таким образом, в связи с территориальными приобретениями Османской империи, а также утратой венецианскими и генуэзскими купцами своих опорных пунктов в Эгейском и Черном море формируется новая система торговых коммуникаций между Левантом и Западной Европой, где основную транзитную роль начинает отыгрывать Правобережная Украина. Более того, с конца XV в. при посредничестве рассматриваемых территорий проходят торговые взаимоотношения Балтийского и Черноморско-Азовского торгово-экономических районов. Таким образом, появление и развитие данных направлений явилось основной причиной возрастания торговой роли Каменца-Подольского, Киева и Луцка. Именно эти города стали новыми центрами итальянской торговли в Восточной Европе благодаря появлению нового торгового пути, соединяющего Северную Италию через Германию, Венгрию с Волынью, Киевщиной и Подольем. Таким образом, уже в конце XV – начале XVI в. Правобережная Украина стала той территорией, где встречаются чумаки-«соляники», везущие соль из перекопских лиманов на запад, валашские, греческие, итальянские и турецкие купцы,

крымские караимы, приезжающие со своими товарами в Каменец, Луцк или Киев. Именно их товары купечество Правобережной Украины позднее переправляло дальше во Львов, Люблин, Краков и Гданск.

Вместе с ростом значения Правобережной Украины как торгового посредника в Балтийско-Черноморской торговле возрастает ее роль и в южной торговле Московского государства. Более того, для московских купцов торговый путь через так называемое «Дикое поле» был экономически менее выгодным, чем путь по Днепру и его притокам через земли Великого княжества Литовского и Короны Польской.

В середине XV в. происходят изменения в торгово-транспортной структуре Правобережной Украины. В первую очередь это касается изменения соотношения речной и сухопутной торговли за счет постоянного увеличения значения последней. При этом также происходит товарная дифференциация, т. е. речным транспортом сплавляются крупногабаритные и тяжелые товары, а это, в первую очередь, товары сельского и лесного хозяйства (зерно, поташ, корабельная древесина и т. д.). Также при помощи речного транспорта сплавлялась соль, металл, иногда крупный рогатый скот. В то же время сухопутным путем перевозились относительно легкие, дорогие товары — меха, сукно, пряности, дорогие металлы, книги, вино и т. д.

Изменение торговых направлений и гостинцев, а также возрастание посреднической роли отдельных районов Правобережной Украины стало причиной многочисленных политических конфликтов на международной арене. Одним из основных инициаторов данных конфликтов стало Польское королевство, политика которого была направлена на разрыв давних торговых отношений между Моравией, Силезией и Чехией, с одной стороны, и Волынью, Киевщиной и Подольем — с другой. Уже в 1496 г. на то, что польский король Ян Ольбрахт велел, «чтобы польские купцы с Руси не ездили к Вроцлаву, а лишь до Кракова и Познани шли со своими товарами», жалуется венгерский и чешский король Владислав. В этой, казалось бы, внутренней борьбе между польскими и силезскими городами наблюдается, в первую очередь, желание установить свой контроль над выгодным торговым транзитным регионом и таким образом влиять на экономику Центральной и Юго-Восточной Европы. Во-вторых, контроль над торговыми путями позволял Польской Короне активно влиять на Молдавию и Валахию, для которых путь через Правобережную Украину был одним из основных торговых направлений в поставках скота. Более того, в конце XV — начале XVI в. львиная доля молдавского экспорта скота проходила через Каменец (Подольский) и Юго-Восточную Волынь с центром в Остроге.

Не последнюю роль в развитии посреднической роли Правобережной Украины в общеевропейской торговле сыграл рост значения двух важных торгово-промышленных

центров Польши — Гданьска и Люблина. При этом, если уже с середины XIV в. Люблин был основным центром экспорта волов с территории Волыни и Киевщины, то Гданьск стал основным экспортером товаров лесных промыслов, а также сельского хозяйства.

Подводя итоги, следует указать на тот факт, что место и уровень участия Правобережной Украины в системе международных торговых отношений периода конца XV – середины XVI в. определялись общими направлениями и уровнем развития продуктивных сил в Европе. С углублением дифференциации торговых направлений, усложнением политических ситуаций возникают торговые гостинцы, торговые партнеры и стратегические направления в развитии экономики как Европы в целом, так и Правобережной Украины в частности. Более того, характерные особенности развития международной торговой системы в исследуемый период практически определили дальнейшее развитие исследуемого региона как торгового посредника и экспортера сырья.

Беляков А. В. Служилые Чингисиды в дипломатическом этикете России XVI–XVII вв.// Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 33–36.

А. В. Беляков

Служилые Чингисиды в дипломатическом этикете России XVI–XVII вв.

На протяжении XVI–XVII вв. в русском государстве параллельно друг другу проходили процессы эволюции института служилых Чингисидов и их использования в государственных целях. Данный доклад посвящен проблеме участия служилых татарских царей и царевичей в дипломатическом церемониале. Наша задача заключается в том, чтобы выявить основные этапы развития данного явления.

Нельзя не отметить, что политика зачастую теснейшим образом переплеталась с военным делом. Первоначально служилые Чингисиды и их военные отряды использовались московскими государями исключительно в военных целях. Так, скорее всего, их присутствие в казанских походах XV в. должно было предать легитимность вмешательства Москвы в дела Казанского ханства. Но при этом служилые татарские цари и царевичи сохраняли видимость некой автономности в пределах московской Руси. До этого уже существовала достаточно древняя традиция использования золотоордынских отрядов тем или иным князем

в своих интересах. Практику использования отрядов Чингисидов во второй половине XV в., скорее всего, следует рассматривать именно в этом контексте.

Впервые подобная ситуация меняется в литовском походе 1500 г., когда казанский царь Мухаммед-Эмин в ряде источников упоминается как номинальный руководитель похода. С этого момента достаточно быстро начинает складываться образ московского государя как царя царей. В правление Василия III крещенные Чингисиды благодаря бракам на женщинах из рода Калиты вливаются в состав великокняжеской семьи и начинают активно использоваться, в том числе и в дипломатических целях. В первую очередь, конечно же, для поднятия престижа московского государя.

В апреле 1517 г. казанский царевич Петр Ибрагимович присутствовал на приеме цесарского посла Сигизмунда Герберштейна. У стола, к которому пригласили посла, также находилось несколько крещеных татарских царевичей. В это время был еще жив царевич Федор Мелегдаирович и, возможно, его брат Василий. В 1523 г. царевич Федор Мелегдаирович с боярами во время Казанского похода Василия III принимал от имени великого князя польского посла Богдана Довгирдова. Следует отметить, что последний пример несколько выбивается из общей картины. Удалось найти еще только один пример, когда Чингисид непосредственно стоял во главе посольской комиссии. В январе 1572 г. астраханский царевич Михаил Кайбулович (Муртаза-Али ибн Абдула), находясь во главе земской Боярской думы, принимал в Новгороде в Разрядной избе шведского посла Павла бископа Абовского. Следует, однако, отметить еще один пример. В феврале 1558 г. казанский и касимовский царь Шах-Али ибн Шейх-Аулеар во время Ливонского похода с ведома и по поручению Ивана IV принял на себя номинальные дипломатические функции с целью мирного разрешения военного конфликта.

В правление Ивана Грозного Чингисиды регулярно принимают участие в приеме государем иностранных послов в роле статистов. Данная практика призвана была поднять престиж православного государя, покорившего многие мусульманские государства. Немаловажным являлся и факт крещения ряда вчерашних мусульманских правителей, для которых именно в Москве воссиял свет истинной веры. В этом же ряду находится выкладывание напоказ на аудиенциях царских венцов-«шапок» (Казанская, Астраханская, Сибирская), символизирующих татарские царства. Важным следует признать и факт присутствия на церемонии Чингисидов, добровольно выехавших на имя русского царя. Присутствие некрещеных Чингисидов в свою очередь призвано было подчеркнуть веротерпимость русского государства. При этом все же следует признать, что назначение татарских царей и царевичей номинальными главами полков в действующую армию оказывало несравнимо большее влияние, в том числе, опосредованно, и политическое.

После смерти Ивана IV подобная практика сохраняется. Но появляется и нечто новое. В 1586–1591 гг. в Астрахани проживал крымский царевич Мурад-Гирей. Он достаточно активно использовался в крупной политической игре, направленной на нейтрализацию Крыма и подчинение Москве Большой и Малой Ногайских Орд. В частности царевич принимал посольства от мирз и самих мирз из Большой Ногайской Орды. Приезжали сюда и гонцы из Крыма. Крымский царевич в данный период выполнял определенные дипломатические функции. Он являлся неким промежуточным звеном для ряда посольств на пути к московскому царю. Они считали необходимым заручиться грамотой от царевича к московскому царю с просьбой поддержать их прошения. Так, 20 октября 1588 г. в Москву прибыли кабардинские послы от Шиха князя Окоцкого, племянник Байтевя, и Алкаса князя, Асланбек с гонцами от Мурад-Гирея. Горские князья били челом в службу, а Гирей просил поддержать их прошение.

Тогда же возникает традиция использования служилых Чингисидов для опосредованного участия в международных переговорах. В 1594 г. царевич Ураз-Мухаммед ибн Ондан имел встречу с казахским послом Кул-Мухаммедом с глазу на глаз, без представителей московского царя. Она состоялась в поместье царевича. В марте 1595 г. Ураз-Мухаммед по поручению царя Федора Ивановича пишет грамоту казахскому хану Таваккулу о посылке к нему Вельямина Степанова. Дело в том, что в это время проходили активные переговоры с казанским ханом, которые в Москве расценивали как стремление принять русское подданство. Подобная история в упрощенном виде повторится в первой половине XVII в., когда хивинский (ургенчский) царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед регулярно принимал у себя на дворе послов, прибывших в Москву от его среднеазиатских родственников.

В 20-е гг. XVII в. наступает период, когда о подобной традиции забывают, и вспоминают только в середине XVII в. Надо сказать, что в царствование Алексея Михайловича в положении служилых Чингисидов наступил определенный ренессанс. К данному времени военное значение их дворов полностью сошло на нет. В этом плане они заняли положение, идентичное русскому дворянству. Во второй половине века они в ряде случаев не давали даточных людей со своих поместий. В определенный момент их содержание потеряло какой-либо смысл. Они все проживали в Касимове или Ярославле и почти не появлялись в столице. Казалось, история подошла к своему логическому завершению. Но здесь произошла очередная метаморфоза. Московский царь стремился возродить традиции прошлого — в первую очередь, времен Ивана Грозного — так, как он их понимал или же мог представить по специально подготовленным для него выпискам из летописей, разрядных и посольских книг. Но полностью воссоздать ситуацию вековой

давности было невозможно. К тому же у Алексея Михайловича имелся свой взгляд на данную проблему. Поэтому приняли решение, прежде всего, подтолкнуть всех наличных царевичей-мусульман к смене веры. Это должно было показать всем мусульманам серьезность экспансии идей православия на территории России. После этого они стали завсегдатаями дворцовых дипломатических, религиозных и придворных церемоний. Помимо этого Чингисидов вновь стали назначать номинальными полковыми воеводами. Однако это была всего лишь имитация прошлого, которая никого не могла обмануть. Мы наглядно видим это по сообщениям иностранцев второй половины XVII в. Они достаточно уничижительно отзывались об институте служилых Чингисидов. «...городок Касимгород (Касимов), уступленный царем Годуновым на правах подданства татарскому царьку, а теперь владеет им сын его, недавно крещенный в московскую веру, и такой маленький владелец называется тоже величавым именем царя. Если и ныне есть подленькие льстецы, то пусть себе назовут и его императором, коли придет им такая охота». Ю. Крижанич так же критиковал существующую практику: «То, от чего мы ждем чести, приносит нам большее бесчестье: это прием и отправка многих послов и содержание чужеземцев ради показа [их] на смотрах». Но Алексей Михайлович, скорее всего, не обращал на это внимания. Для него было важно ощущение себя царем царей, подлинным наследником Константина Великого и Соломона, единственным истинным правителем единственного истинно христианского государства, в чьи руки Господь отдал судьбы неверных народов. Таким образом, можно говорить о том, что религиозный аспект занимал во всей этой истории далеко не последнее место. Следует отметить и тот факт, что почти одновременно с этим московский царь предпринял попытку включить в свой титул формулу «многих государств и земель восточных и западных, и северных отчич и дедич, и наследник, великий государь и обладатель». Она была вызвана в том числе верой в близость полного воплощения идеи Третьего Рима, поддерживаемой и патриархом Никоном. Такая формула вносила вселенскость в титул Алексея Михайловича, а значит и Никона автоматически делала вселенским патриархом. Подобные настроения подкреплялись и триумфальными победами молодого царя в Польше. Скорее всего, именно тогда складывается практика использования Чингисидов, описанная Г. К. Котошихиным. Данное сообщение достаточно точно рисует их положение. Ведь автор был подьячим Посольского приказа, в котором ведались Чингисиды. Но помимо этого он дает обыденное объяснение их особому статусу, которое, по-видимому, бытовало в среде простых москвичей.

Со смертью Алексея Михайловича от данной практики постепенно отказываются. Скорее всего, не последнюю роль здесь сыграла болезнь царя Федора Алексеевича и

определенный кризис власти после его смерти. При других условиях Чингисиды могли выполнять роль статистов во время приема дипломатов еще некоторое время.

Бессуднова М. Б. Привилегии Немецкого ордена, «священная война» и эскалация русско-ливонского конфликта в конце XV в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 36–40.

М. Б. Бессуднова

Привилегии Немецкого ордена, «священная война» и эскалация русско-ливонского конфликта в конце XV в.

Исследование русско-ливонских противоречий, стремительно развивавшихся на рубеже XV–XVI вв., невозможно ограничить рамками двустороннего конфликта, поскольку этот подход, апробированный зарубежной и отечественной историографией, обречен производить полярные концепты и по сути своей является тупиковым. Изучение проблемы следует осуществлять комплексно, принимая во внимание всю совокупность международных отношений в балтийском регионе и весьма выразительную специфику внутривосточного развития Ливонии и Московии, а также факторы, на первый взгляд не имевшие отношения к означенному сюжету, но тем не менее оказавшие воздействие на характер и динамику развития русско-ливонских противоречий раннего Нового времени.

Один из таких моментов, как представляется, был связан с положением дел Орденской Пруссии. В силу своей зависимости от Польской Короны она не имела возможности оказать Ливонии действенную поддержку, о которой просил руководство Немецкого ордена ливонский магистр Вольтер фон Плеттенберг (1494–1535). Вместе с тем орденская документация конца XV в., хранящаяся в берлинском Тайном государственном архиве прусского культурного наследия (Geheimes Staatsarchiv des preußischen Kulturbesitzes. Berlin-Dahlem), частично опубликованная (Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 2. Bd 10–12. Hg. v. L. Arbusow. Riga; Moskau, 1900–1914), позволяет расширить наши знания о кризисном положении Немецкого ордена и связать его с процессом эскалации русско-ливонского конфликта.

Объемный комплекс документов касается борьбы ордена за сохранение его привилегий, полученных им от пап и императоров еще в XIII в. Вопрос о правомочности ордена обладать ими после крещения Литвы (1385) и сворачивания христианской «миссии» (*Schwertmission*) в Прибалтике впервые возник на Констанском соборе (1414–1417), а в 1494 г. епископ Ермандландский Лукас Ватценроде, пользовавшийся поддержкой польского короля Яна Ольбрахта и прусской оппозиции, вновь поднял его в римской курии (*Górski K. Lukas von Watzenrode. Życie i działalność 1447–1512. Wrocław, 1973; Beuttel J.-E. Der Generalprokurator des Deutschen Ordens an der römischen Kurie. Amt, Funktion, personelles Umfeld und Finanzierung. Marburg, 1999. S. 239–240*). Упразднение привилегий, гарантировавших Немецкому ордену статус ландсгерра Пруссии и Ливонии, повлекло бы за собой его радикальную реорганизацию, а возможно, и его передислокацию с берегов Балтики на Дунай, где орден, в соответствии со своим уставом и традициями, мог участвовать в защите католического мира от натиска турок-османов. Чтобы противодействовать этой угрозе, верховный магистр Иоганн фон Тифен (1489–1497) предложил программу реформ, которые были призваны укрепить в среде братьев-рыцарей традиции старинного благочестия и содействовать сохранению орденом своей идентичности (*Бессуднова М. Б. Верховный магистр Иоганн фон Тифен — «последний брат-рыцарь» во главе Немецкого ордена // Человек XV в.: Грани идентичности. М., 2007. С. 26–42*), но для их реализации, равно как и для укрепления позиций Немецкого ордена при папском дворе, не хватало денежных средств.

Вместе с тем в «юбилейном» 1500 г. римский папа Александр IV (1492–1503), вдохновляемый идеей крестового похода против турок, намеревался выпустить большой тираж «крестоносных» («юбилейных») индульгенций, заботу о распространении которых предполагалось доверить одному из светских государей. Честь и солидный денежный куш должны были достаться тому из них, кто докажет свою ревность в делах веры и в борьбе с «врагами рода христианского» (*Arbusow L. Die Beziehungen des Deutschen Ordens zum Ablasshandel seit 15. Jahrhundert // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. 1910. Bd 20. H. 3. S. 367–529*). Первыми в ряду претендентов стояли Ягеллоны, под властью которых находились в то время Польша, Литва, Чехия и Венгрия, но такой исход дела был крайне нежелателен для Немецкого ордена. К тому же его руководство само было не прочь получить папскую милость, которая помогла бы ему справиться с двумя самыми насущными проблемами — безденежьем и сохранением привилегий. Кто бы осмелился продолжить дискуссию о правовом статусе ордена, если сам папа признает в нем «защитника веры»?

Чтобы добиться благоприятного решения курии, ордену требовалось доказать верность традициям «священной войны» и своего служения «на пути Господнем», однако

Орденская Пруссия, главными противниками которой были католические государи Польши и Литвы, а одним из наиболее перспективных союзников — ревнитель православия великий князь Московский Иван III (1462–1505) (*Sach M. Hochmeister und Großfürst. Die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preussen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Stuttgart, 2000*), мало подходила на роль поборника католицизма. Напротив, Ливонский орден с его внешнеполитическими проблемами мог предоставить убедительные доказательства сохранения Немецким орденом его изначальной «крестоносной» сущности.

Верховный магистр Иоганн фон Тифен, крайне осторожный в вопросах внешней политики, не мог решиться на военное противостояние Московскому государству и ограничился участием в оформлении идеи «русской угрозы», которая в 1490-х гг. в качестве устойчивого идеологического штампа начала распространяться в Западной Европе. Кроме того, он не упускал возможности пропагандировать прежние заслуги Немецкого ордена (в том числе и его ливонского подразделения) перед римско-католической Церковью и католическим миром (*Бессуднова М. Б. Ливонская историография конца XV и начала XVI века // Проблемы всеобщей и отечественной истории. Воронеж, 2006. С. 72–86*).

После смерти Тифена в 1497 г. пост временного главы ордена (штатгальтера) был доверен графу Вильгельму фон Изенбургу, с именем которого связана радикализация политики ордена в отношении Московского государства. Вскоре после вступления в должность Изенбург выступил с инициативой создания государями Дании, Швеции и Ливонии антимосковской коалиции и военного противодействия «русской угрозе» («план Изенбурга»), что, предположительно, было связано с перспективой передачи магистерских полномочий Фридриху Саксонскому (1498–1510), представителю одной из самых влиятельных европейских аристократических фамилий, игравшей заметную роль в европейской политике. Благодаря этому обстоятельству Немецкий орден обретал реальный шанс на победу в соревновании за право получения доходов от «крестоносных» индульгенций. Манифестация идеалов борьбы с «врагами веры» при сложившихся обстоятельствах имела для Немецкого ордена особый смысл. Возможно, что само появление в конце XV в. немецких «летучих листов», повествующих о «русской угрозе» (*Wippermann W. Die Deutschen und der Osten: Feindbild und Traumland. Darmstadt, 2007*), в значительной мере было инспирировано все той же орденской пропагандой.

Ливонский орден, который, будучи на деле вполне самостоятельным, формально оставался подразделением Немецкого ордена, а потому его заслуги в противостоянии «русским схизматикам», как реальные, так и продекларированные — как, например, обращение «москвитов» в католичество — можно было использовать в интересах Пруссии. Ливонский магистр Плеттенберг, со своей стороны, принял условия этой опасной для

Ливонии игры, однако без всякого энтузиазма, под давлением обстоятельств. Его решение в первую очередь было обусловлено бесперспективностью переговоров с Иваном III, которые он вел с 1494 г. Необязательность великого князя, которую тот проявлял в соблюдении достигнутых договоренностей, неисполнимость выдвигаемых им условий, нежелание или неспособность искать компромиссные решения и, главное, его склонность к политике давления в конечном итоге вызвали у магистра реакцию отторжения. После провала переговоров в Нарве (февраль 1498 г.) и нового витка вооруженных нападений на ливонскую территорию магистр занялся поиском иного варианта урегулирования русско-ливонского конфликта (Бессуднова М. Б. Великий Новгород в конце XV – начале XVI вв. по ливонским источникам. Великий Новгород, 2009. С. 127–169, 198–206). Перспектива получения военной и дипломатической поддержки со стороны Немецкого ордена и немецких князей, которой Плеттенберг тщетно добивался в течение ряда лет, делала реальным заключение Ливонией военно-политических союзов и переход к военному противодействию политике великого князя. Это соображение побудило его согласиться с основными положениями «плана Изенбурга», хотя позиция его потенциального союзника, датского короля Юхана II, претендовавшего на Северную Эстонию, внушала ему определенные опасения.

Предполагаемое сближение Ливонии с Данией широко обсуждалось в дипломатической переписке европейских государей, а потому трудно представить, что Иван III, исправно получавший сведения из Европы, оставался в неведении. Можно также не сомневаться, что подобное развитие событий шло вразрез с интересами великого князя Московского, состоявшего в союзе с датским королем и даже рассчитывавшего на династическое родство. Вероятно, он также был в курсе того, что великий князь Литовский Александр Казимирович (1492–1506), отношения с которым с 1497 г. вновь начали ухудшаться, при посредничестве Ганзы настойчиво искал союза с ливонским магистром. В целях предотвращения создания враждебной ему коалиции католических государств, ядром которого должна была стать Ливония, Иван III в очередной раз прибегнул к методам политического давления. Участвовавшие вооруженные нападения на Ливонию 1498–1500 гг. играли в этом особо заметную роль.

Таким образом, эксплуатация идеи «русской угрозы», к которой прибегло руководство Немецкого ордена в конце XV в. при проведении кампании по защите привилегий ордена и получению прибыли от продажи «крестоносных индульгенций», привела к серьезным изменениям характера русско-ливонских отношений. Она способствовала эскалации в них напряженности и перерастанию противостояния в серию вооруженных конфликтов, завершившихся войной 1501–1503 гг.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 09-01-95105 а/Э.

Блануца А. В. Торговый потенциал Волыни конца XV – середины XVI в. в системе международной торговли восточно-европейского региона // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 41–46.

А. В. Блануца

Торговый потенциал Волыни конца XV – середины XVI в. в системе международной торговли восточно-европейского региона

Волынь как исторический регион на протяжении многих веков был и остается в сфере интересов научных исследований, в том числе и социально-экономического формата. Вопросы, связанные с проблемами торговли и торговых отношений во взаимосвязи с международными торговыми тенденциями, могут более исчерпывающе изучены через определение торгового потенциала столь важного в экономическом плане Волынского региона. Административно Волынская земля с середины XV в. утратила статус удельного княжества и отошла под непосредственную власть Великого княжества Литовского. В так называемом «литовском» территориальном виде она образовалась в результате отделения частей Белзкого, Холмского, Ратненского и других княжеств (Крикун Н. Административно-территориальное устройство Правобережной Украины в XV–XVIII вв. Границы воеводств в свете источников. Киев, 1992. С. 40). В результате проведения территориально-административных реформ в ВКЛ в 1565–1566 гг. Волынская земля преобразовалась в Волынское воеводство, в состав которого вошли Луцкий, Кременецкий и Владимирский поветы.

Торговый потенциал Волыни перспективно изучать с нескольких позиций. Во-первых, важно проанализировать типологию и структуру потенциальных товаров, которые могут использоваться на внутреннем и внешнем рынках как избыточный продукт.

Во-вторых, определить ассортимент экспортных и импортных товаров.

В-третьих, изучить состояние торговых коммуникаций и развитие таможенной системы региона. Тезисно можно представить следующий анализ проблемы.

Товарами украинского экспорта с древнерусских времен оставались воск и меха. Меха, скорее всего, были реэкспортированы с Московского государства через Киев, Луцк и Владимир. Это были дорогие соболиные и лисьи шкурки, или бобровые меха, которые также активно добывались на украинских землях ВКЛ, в том числе на Волыни. Например, во Владимире даже появилась потребность регулировать торговлю бобровыми мехами на городском рынке. Ведущее место среди товаров, что шли на экспорт в европейские страны с Волыни, на протяжении XV–XVI вв. принадлежало продукции лесоперерабатывающих промыслов, а также зерновой и животноводческой отрасли сельского хозяйства. Основными товарами лесоперерабатывающих промыслов были доски, так называемый ванчос, и щегловое дерево, буковые и дубовые клепки, которые служили для изготовления бочек для муки, соли, селедки, и васьльки для бочек под пиво и вино. Одним из наиболее важных продуктов экспорта на Запад был поташ, который использовался для изготовления тканей, стекла, мыла. Вся эта продукция вывозилась в Европу транзитом через польский Гданск. Согласно польскому историку Р. Рыбарскому, лесовые товары украинского происхождения выходят на европейский рынок лишь с середины XVI в., а до этого времени преимущество имели товары польского происхождения (*Rybarski R. Handel i polityka handlowa Polski w XVI stuleciu. Warszawa, 1958. T. 1. S. 49*). Возможно, историк был в чем-то прав, исходя из того, что до середины XVI в. относительно украинских земель не сохранились таможенные книги, а разбросанный материал о торговле продукцией древесины не дает нам четкого представления об объемах такой торговли.

Объемы экспортируемых волынских товаров можно определить на основе опубликованных материалов влоцлавецких таможенных книг. Так, согласно им, в 1546 г. с Ковельских имений королевы Боны через Влоцлавецкую таможню прошли 18 комяг пеплу, в 1555 г. — 92 лашта (1 лашт — 120 пудов), в 1556 г. — 30, в 1557 г. — 408, в 1558 г. — 906, в 1560 г. — 533, в 1561 г. — 455, в 1568 г. — 669, в 1569 г. — 1755 лашта (Данные подаются по: *Сидоренко О. Ф. Українські землі у міжнародній торгівлі (IX – середина XVII ст.). К., 1992. С. 156*). Большими партиями вывозили со своих владений зерновые и продукцию древесины украинские князья и шляхтичи. Например, с владений кн. К. Острожского в 1557–1558 г. экспортировано через влоцлавецкую таможню 49 лаштов зерновых, 60 лаштов пепла, в 1568 г. — 162 лашта озимой пшеницы и 236 лаштов пепла, кн. Р. Сангушко в 1568 г. — 80 лаштов озимой пшеницы и 18 лаштов дегтя. Шляхтичи Борзобогатые-Красенские помимо продажи товаров из своих владений занимались посредничеством, о чем свидетельствуют объемы продаваемых ими товаров. Так, в 1555 г. на влоцлавецкой таможне зафиксирована продажа шляхтичами 838 лаштов зерновых, 92 лаштов пепла, 2 захцика (= местной копе) ванчоса и 5 лаштов дегтя, в 1557–1558 гг. — 488 лаштов зерновых и 485 лаштов пепла

(Торгівля на Україні XIV – середина XVII ст. Волинь і Наддніпрянщина / Упор. В. М. Кравченко, Н. М. Яковенко. К., 1990. С. 162–165. № 126а).

В деревообделочном производстве были задействованы такие специальности как бондари, бочечники, гребенники, каретники, колесники, комяжные мастера, плотники, ситники, столяры, токари, шкатулочники, будники, дегтяри, дровосеки, пороховщики, селитрянники, смольники, шафари поташных буд и др. Этот перечень, в частности, указывает на размах ресурса, использованного в процессе подготовки древесины к продаже.

В историографии отмечено, что торговые коммуникации Волынской земли были развиты на высоком уровне. Процесс формирования полной системы торговых коммуникаций на украинских землях ВКЛ длился от времен Киевской Руси и до начала XVII в. Торговые маршруты, по мнению специалистов, как правило, избирались не произвольно, а учитывая географические условия местности, причем водные транспортные пути всегда влияли на конфигурацию сухопутных. Последние в основном тяготели к речным водоразделам. Весомое влияние на эволюцию торговых коммуникаций оказало долговременное действие дорожного принуждения, складское право и таможенная система, которые в комплексе создавали главные регламентационные условия для ведения торговли (*Берковський В. До історії стану та еволюції мережі торговельних шляхів Волинського воєводства у XVI – першій половині XVII ст. // II Міжнародний науковий конгрес українських істориків «Українська історична наука на сучасному етапі розвитку». Кам'янець-Подільський, 17–18 вересня 2003 р. Доповіді та повідомлення. Кам'янець-Подільський; Київ; Острог, 2006. Т. 2. С. 395).*

На изломе XV–XVI вв. произошли значительные изменения в одном из основных торговых регионов Украины — Волыни. Старые торговые пути, которые концентрировались вокруг Владимира, в связи с отходом Любомльской и Ратненской земель в состав Короны Польской, уже в начале XVI в. опускаются значительно южнее — до уровня Луцка. Последний, благодаря своему удачному географическому расположению и важному (центральному) экономическому и административному значению на Волыни, становится узловым пунктом, в котором переплетались два главных торговых направления: горизонтальное по линии Восток-Запад (Центральная Украина — Западная Европа) и вертикальное по линии Юг-Север (Крым — Московское государство). В целом от Луцка, по данным В. Берковского и Г. Боряка, в разных направлениях расходилось семь главных путей-гостинцев: на Торчин, Красное, Жидичин, Олику, Крупку, Буремль, Полонку, а также две добровольных дороги — на Степань и Черторыйск. Через Луцк проходил также удобный водный путь по р. Стыр. Во Владимире в связи с изменениями в политико-административном подчинении отдельных земель с конца XIV и к началу XVI в. состоялся

определенный спад торговой активности, а в последующий период полностью обновился (*Берковський В. До історії стану та еволюції мережі торговельних шляхів... С. 395; Он же. Деякі аспекти розвитку міжнародної торгівлі міста Володимира в кінці XIV – першій половині XVI ст. // Минуле і сучасне Волині та Полісся: Володимир-Волинський в історії України та Волині. Луцьк, 2004. С. 11; Боряк Г. В. Торговельні шляхи на Волині в першій половині XVI ст. // Велика Волинь. Луцьк, 1997. С. 168–170).*

Сеть торговых коммуникаций на Волыни в силу исторических обстоятельств издавна была хорошо развита. Уже в конце XIV в. волынские купцы ездили торговать проторенными путями во Вроцлав, Магдебург, Лейпциг. Через Волынь проходило соединение Киевщины и Поднепровья с польскими землями, а также другими странами Центральной и Западной Европы. Из Киева на Волынь, согласно исследованиям В. Берковского, купцы добирались двумя главными гостинцами. Первый шел через Житомир—Чуднов—Романов—Мирополь на Полонную по так называемой Ивницкой дороге или Смолянскому пути. Второй — через Житомир на Звягель, где в него вливался менее важный, межрегиональный гостинец из Овруча. Рядом с этими торговыми коммуникациями существовали еще два торговых гостинца: прямой воловий путь из Житомира к Острогу, и второй путь проходил в обход Житомира через Радомисль и Черников в направлении Звягеля (*Берковський В. До історії стану та еволюції мережі торговельних шляхів... С. 396).*

Исследователи указывают, что в направлении Луцка киевских купцов выводил торговый путь и через Звягель—Корець—Гощу—Ровно. В Ровно путь сообщался с торговым гостинцем из Острога. Прибыв в Луцк и уладив все вопросы, которые были связаны с функционированием здесь складского права, купеческие валки получали право двигаться дальше на запад торговыми путями по линии Торчин—Владимир—Хотячев—Черников вплоть к Грубешеву Белзкого воеводства и дальше землями Короны Польской в Люблин через Городило-Замостя. Через Торчин также следовало торговое направление на Ковель и Турыйск. Именно здесь второй западный луцкий путь расходился в двух направлениях: на Ковель и на Люблин через Миляновичи—Мацеев—Любомль—Хелм (*Берковський В. До історії стану та еволюції мережі торговельних шляхів... С. 396).*

Активная роль в развитии торговли на украинских землях ВКЛ принадлежала и торговой сети гостинцев с севера на юг. Этим путем соединялись с Молдавией и Турцией Московское государство и этнически литовские земли. Им же в Корону Польскую добирались купцы и послы из Крыма. Во времена мира между ВКЛ и Московским государством оживлялись торговые отношения, и московские купцы достигали даже волынских городов, где вели свою торговлю.

Каменец-Подольский играл ключевую роль в южном торговом направлении Волыни. Через Владимир и Луцк в Каменец-Подольский шли транзитные пути из Польши и Литвы. В годы правления волынского князя Дмитрия-Любарта Владимир и Луцк пользуются правом склада на путях с запада в Крым. После вхождения Волыни в состав ВКЛ и наступления литовских войск на Крым южное направление международной торговли приобретает новую окраску. Транзитные торговые пути через Волынь становятся более выгодными для западных купцов, в основном из-за сокращения расстояния при доставке товаров. Волынские города в XV в. были также активно включены в транзитную торговлю, которая шла через Молдавию. Однако политика Польского королевства, направленная на разрыв путей древних экономических связей украинских земель с европейскими и овладение ими с помощью права склада, привела к относительному сужению товарооборота в Луцке и поднесению польского Люблина в противовес волынским городам (*Сидоренко О. Ф. Українські землі у міжнародній торгівлі... С. 95, 100–102, 151–152*).

Существовали и специальные дороги, связанные, в частности, с торговлей соли. Солевые трассы фигурируют в документах под названиями «прасольних» или «соляных» дорог, а пошлина, которая собиралась от вида такой торговли, — «соляная». Например, в 1528 г. Сигизмунд II Старый приказывал луцким таможенникам через кн. К. Острожского не запрещать двигаться старыми соляными дорогами купцам, которые направлялись в Дубно и Острог, а также собирать с них соляную пошлину. Таким образом, великий князь литовский протезировал купцам, которые торговали солью на Волыни.

Роль важных водных трасс на Волыни играли р. Стыр и р. Горынь (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 75–75 об.). Например, с помощью р. Стыр волынские города сообщались с белорусскими землями ВКЛ, в частности с Пинском, а р. Припять соединяла волынских купцов с Надднепрянщиной, в частности с Киевом (*Торгівля на Україні... С. 73*).

Торговый потенциал региона определяла и развитость городов и местечек, которые были очагами внутренней торговли, часто определяющей объемы внешнеторговых операций. В середине XVI в. на Волыни насчитывалось 1 крупный, 14 средних и 17 малых городов, а также 89 местечек (Подсчитано: *Сас П. М. Феодальные города Украины в конце XV – 60-х годах XVI в. К., 1989. С. 212–215*).

Таким образом, торгово-коммуникационная система Волыни удовлетворяла требованиям как местного, так и внешнего рынка, содействовала активному развитию товарных отношений.

Боднарюк Б. М. К вопросу об участии молдавского отряда в битве при Грюнвальде 1410 г. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 46–50.

Б. М. Боднарюк

К вопросу об участии молдавского отряда в битве при Грюнвальде 1410 г.

Одним из малоизученных аспектов Грюнвальдской битвы 1410 г. остается вопрос об участии в ней на стороне Польши отряда из Молдавии. Историография проблемы, как известно, и на сегодняшний день не дала однозначного ответа, тем самым сохраняя ее научную актуальность для дальнейшего изучения. Обзор публикаций по выделенной теме позволяет констатировать исследовательский интерес к ней среди ученых еще с конца XIX в. Естественным, что приоритет в комментировании и трактовке соответствующих источников долгое время сохранялся за немецкими, польскими и румынскими историками.

Однако именно они в силу ряда объективных причин, связанных в большинстве случаев с противоречивыми или неточными данными самих источников, вопрос о молдавском отряде перенесли в дискуссионное русло. Необходимо также отметить, что полемика продолжается и в наше время, акцентируясь вокруг нескольких принципиальных моментов: этнического состава отряда, места (территории или региона), где именно он формировался, численности, наконец, принимал ли этот отряд из Молдавии непосредственное участие в самой битве.

Исходя из вышесказанного, сделаем попытку еще раз коротко проанализировать и подытожить точки зрения, мнения и выводы специалистов, в первую очередь румынских (поскольку они менее известны российским ученым), которые в той или иной мере касались обозначенной проблемы.

Румынская историография, достаточно обширная и интересная, характеризуется в большинстве случаев доминирующей тенденцией: она рассматривает молдавский отряд в этническом плане как исключительно румынский (волошский) контингент, набранный на «землях Румынии». При этом необходимо учитывать, что часть румынских историков вообще ставит под сомнение сам факт существования такого отряда или отрицает его непосредственное участие в битве. Как подчеркивает Ш. Штефэнеску в своей статье «Участие румын в битве под Грюнвальдом», в историографии «по этому поводу и в наше время есть много разных противоречивых мнений и точек зрения» (*Ștefănescu Ș. Participarea*

Romînilor la lupa de la Grünwald (15 iulie 1410) // Studii. Revistă de istorie, 1961. № 1 (anul 14). P. 12).

В одном из первых комплексных исследований, посвященных эпохе правления молдавского господаря Александра Доброго (1411–1433) (монография вышла на французском языке в 1882 г.), его авторы, Э. Пикот и Г. Бенджеску, анализируя средневековые немецкие хроники, опубликованные в 3-м и частично в 4-м томе «*Scriptores rerum prussicarum*», впервые констатировали участие «в объединенном антиорденском войске контингента молдавских воинов» (*Picot E., Bengesco G. Alexandre le Bon. Prince de Moldavie 1411–1433. Vienne, 1882. P. 6–8*). Это утверждение в дальнейшем усилили своим научным авторитетом такие классики румынской исторической мысли XX в. как А. Ксенопол (*Xenopol A. D. Istoria Romînilor din Dacia Traiană. București, 1934. Vol. III. P. 126–127*), И. Урсу (*Ursu I. Relațiile Moldovei cu Polonia pînă la moartea lui Ștefăn cel Mare. Piatra Neamț, 1900. P. 37*), И. Миня. Последний, например, писал, что в битве при Грюнвальде «тела поляков лежали рядом с погибшими воинами из молдавского отряда» (*Minea I. Principatele romîne și politica orientală a împăratului Sigismund. Note istorice. București, 1919. P. 125*).

Тем не менее, самый известный и авторитетный румынский историк прошлого века, Н. Йорга, в итоге поставил под сомнение уже успевший стать «аксиомным» факт участия отряда из Молдавии в Грюнвальдской битве. В своей ранней (за 1921 г.) работе «Поляки и румыны» Йорга несколько завуалировано отмечает, что Польша получила от Молдавии в 1410 г. «помощь в той самой тяжелой войне» (*Iorga N. Polonais et Roumains. Relation politiques, economiques et culturelles. București, 1921. P. 9*); какую именно «помощь» получили поляки — автор не конкретизировал. Спустя почти шестнадцать лет (1937 г.) Н. Йорга в многотомной фундаментальной работе «История румын» высказался с диаметрально противоположной позиции. В третьем томе своего исследования он безапелляционно резюмировал: «Поляки не использовали в битве с Тевтонским орденом, разбитым у Танненберга в 1410 году, молдавский отряд, который фигурирует, но несколько позже, в 1422 году, под Мариенбургом» (*Iorga N. Istoria Romînilor. București, 1937. Vol. III. Ctitorii. P. 327*).

Такой неожиданный и провокационный вывод Йорги активизировал исследовательский азарт у многих историков. Первым, кто ему возразил (правда без соответствующей логической аргументации), был К. Караджа (*Karadja C. I. Delegații din țara noastră la conciliul din Constanța (în Baden) în anul 1415. Extras din Acad. Rom. Mem. Secț. ist. Seria III. T. VII. Mem. 2., 1926–1927. P. 15*). Патриотическую позицию Караджи поддержал другой классик румынской исторической науки — К. Джуреску. «Победа при Танненберге в 1410 году, — писал он, — в определенной мере была одержана также благодаря отряду,

направленному в виде помощи господарем Молдавии» (*Giurescu G. G. Istoria Romînilor. Bucureşti, 1946. Vol. I. P. 505*).

К ним присоединился и К. Раковица. Предложенные этим ученым гипотетические доказательства сводятся к следующему логическому построению: «Информацию о том, что Александр (Добрый. — *Б. Б.*) посылает отряд солдат в 1410 году против тевтонцев, под Танненберг, я не обнаружил. Тем не менее, представляется возможным, что это было на самом деле, поскольку согласно договору от 1404 года, возобновленному в 1407 году, Александр взял на себя обязательство предоставить помощь против всех врагов Польши безоговорочно; и как только в 1410 году Польша мобилизовала свои военные силы — и польские, и литовские, и точно также это сделали ее вассальные правительства — руссы, татары, — скорей всего, следуя их примеру, тут (под Грюнвальдом. — *Б. Б.*) были и солдаты Александра» (*Racoviţă C. Inceputurile suzeranităţii polone asupra Moldovei (1387–1432) // Revista istorică română, 1940. № 10. P. 286*).

Но свои критические соображения и достаточно мотивированные возражения по поводу данной острой дискуссии высказал не менее маститый румынский историк середины XX в. — П. Панаитеску. Он высказался следующим образом: «Присутствие молдаван в битве под Грюнвальдом, с учетом всех противоречивых аспектов, комментариев и высказанных предположений, так и не удалось доказать до конца; оно (присутствие. — *Б. Б.*) не подтверждается серьезными источниками» (*Panaiteescu P. P. Lupta comună a Moldovei şi Poloniei împotriva cavalerilor teutoni // Romano-slavica, 1952. Vol. IV. P. 228*). В своих источниковедческих рассуждениях П. Панаитеску подвергает сомнению и отрицает объективность и достоверность тех немецких хроник из «*Scriptores rerum prussicarum*», расплывчатые данные из которых (в хрониках молдаване упоминаются только в польско-литовском лагере; их пребывание там немецкими хронистами не объясняется) стали основой для утверждений, выдвинутых в конце XIX в. уже упомянутыми Э. Пикотом и Г. Бенджеску.

Панаитеску считает, что средневековые хронисты из Германии умышленно «дописали» до десятка европейских этносов как участников битвы, чтоб хоть как-то оправдать сокрушительное поражение Ордена. В связи с этим исследователь конкретизирует свою мысль: «Если верить хронистам, Владислав Ягелло и Витольд сумели поднять против тевтонцев гигантский потоп врагов. Однако не только численность воинов вызывает сомнение, но и состав войска антиорденской коалиции. Прусские хроники описывают крестоносных рыцарей в роли защитников католической веры, окруженных в центре Европы язычниками и схизматиками, а именно — турками, которые неизвестно что искали в Пруссии, дикарями-татарами, вероотступниками руссами и молдаванами. И все же ни в одной прусской хронике молдаване не упоминаются как непосредственные участники битвы

под Грюнвальдом... Они фигурируют лишь в одном анонимном сообщении (находились до битвы в польско-литовском лагере. — Б. Б.), которое требует тщательного исторического анализа. Кроме прусских хроник, ни в одном источнике не упоминается присутствие молдавского отряда при Грюнвальде» (*Panaiteescu P. P. Lupta comună a Moldovei și Poloniei împotriva cavalerilor teutoni...* P. 229).

Кроме того, П. Панаитеску свой вывод аргументирует следующим образом: «Политическое окружение (Молдавского княжества. — Б. Б.) подобного участия не допустило бы. Достаточно вспомнить, что в то время Сигизмунд Люксембургский, король Венгрии, опасный сосед Молдавии, поддерживал тевтонских рыцарей, с которыми был в союзе. Исходя из данной ситуации, элементарное политическое предвидение диктовало Александру Доброму не посылать солдат в Пруссию, чтобы лишний раз не дразнить в связи с этим могучего короля Венгрии и Германии» (*Panaiteescu P. P. Lupta comună a Moldovei și Poloniei împotriva cavalerilor teutoni...* P. 229).

Упомянутый выше Ш. Штефэнеску, используя данные, почерпнутые им из архива Тевтонского ордена и не известные до того румынским специалистам, категорически отрицает мнение П. Панаитеску (*Ștefănescu Ș. Participarea Românilor la lupta de la Grünwald...* P. 15–20). В своих умозаключениях Штефэнеску ориентируется исключительно на известную (классическую) польскую и немецкую историографию второй половины XIX – середины XX в. (работы А. Яблоновского, А. Прочаски, П. Тумлера, А. Чоловского, С. Кучинского, М. Бискупа), которая считает участие военного отряда из Молдавии в Грюнвальдской битве доказанным фактом.

На этой позиции стоят и украинские историки, А. Масан и А. Федорук, которые в основательной статье «Русско-молдавский отряд в битве под Грюнвальдом (из истории международных связей населения Буковины в начале XV в.)» выдвигают интересную идею: они склоняются к тому, что молдавский отряд формировался на территории Шипенской земли (в дальнейшем, как известно, она получила название «Буковина»), которая в начале XV в. входила в состав Молдавского княжества (*Масан О., Федорук А. Русько-молдавський загін в битві під Грюнвальдом (з історії міжнародних зв'язків населення Буковини на початку XV ст.) // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. Чернівці: Прут, 2003. Т. 2 (16). С. 59–68*). Кроме того, в отряде были, по утверждению авторов, не только молдаване, но и руссы (т. е. восточные славяне), автохтоны Днестровско-Прутского междуречья (*Масан О., Федорук А. Русько-молдавський загін в битві під Грюнвальдом...* С. 62).

Обобщая данный историографический обзор, есть основания считать, что вопрос о молдавском отряде в войне 1409–1411 гг. по многим аспектам остается открытым для дальнейшего изучения.

Ващук Д. П. Пограничные конфликты и способы их решения в Великом княжестве Литовском // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 50–52.

Д. П. Ващук

Пограничные конфликты и способы их решения в Великом княжестве Литовском

Полиэтнический состав Великого княжества Литовского стал причиной интересного феномена в отрасли права: каждая земля до издания Первого Литовского Статута имела свой «кодекс законов» — уставные грамоты, нормы которых действовали исключительно в пределах конкретной земли. В то же время существовала большая вероятность возможных правовых конфликтов между жителями как отдельных областей, так и разных государств. Именно этот аспект и будет рассмотрен ниже.

Например, в одном из документов мы видим механизм решения конфликтных ситуаций между подданными Короны Польской и Великого княжества Литовского. Специальным листом от 9 апреля 1523 г. великий князь литовский Сигизмунд I Старый обязывал троцкого воеводу, брацлавского и винницкого старосту, князя Константина Ивановича Острожского: «...абы твоя милость выехалъ с паны Коруны Полское на поправене границ межы земли Волынское и Коруны Полскою, *и тежъ о кзвалты и кривды с obu сторон подданных наших* (курсив наш. — Д. В.)».

Далее в документе указывался поименный состав судей из числа панов рад Короны Польской, утвержденных на вальном сейме в Кракове, «которые мают там комисарми з Лядское земли бытии». Кроме этого, великий князь литовский устанавливал срок прибытия — «по святой Троицы в понеделок» (1 июня 1523 г.) и давал конкретные указания К. Острожскому. Во-первых, князь должен был оповестить всех жителей Волынской земли, у которых были спорные вопросы с подданными Короны Польской, о сроке прибытия на суд;

кроме этого, каждый из них обязывался знать «которым бы обычаем мели правовати». Во-вторых, троцкий воевода составлял полный список таких людей с исками и передавал утвержденным судьям, чтобы «на тот рок в тот час на границы поставили». В-третьих, судьи рассматривали представленные документы, выбирали тех, чьи дела будут решаться в суде, и передавали список К. Острожскому. Тот, после этого, «на тот же рок тых подданных наших там казал поставить». В-четвертых, «и какъ твоя милость (К. Острожский. — Д. В.) тамъ выедешъ, и твоя бы милость рачыль, с паны Короны Полское весполк ся згодившы, в каждом повете тьи границы на обе стороны поправить по старому, и о всяки кривды подданных нашихъ досмотрети и справедливость чинити, какъ бы на обе стороны подданным нашимъ кривды не было» (Lietovos Metrika. Knyga Nr 11. (1518–1523): Užrašymų knyga 11 / Parengė A. Dubonis. Vilnius, 1997. P. 144–145).

Таким образом, мы видим четкое функционирование правового механизма решения спорных вопросов между подданными разных государств. Отметим также, что в 1523 г. еще не было общегосударственного сборника законов (Первый Литовский Статут начал функционировать только с сентября 1529 г.). Поэтому ссылки на «старину» или «обычай» вполне уместны, особенно если принять во внимание то, что в уставной грамоте Волынской земли нет нормы, которая бы регулировала решение подобных дел. В этом отношении интересным является тот момент, что жителям Волыни нужно было написать, «которым бы обычаем мели правовати». То есть речь идет о том, что в иске четко указывались не только правонарушения, но и законные способы их решения, а именно «обычай».

Пограничные конфликты возникали не только между подданными разных государств, но и между жителями разных областей и поветов ВКЛ. В первую очередь это связано с так называемыми «наездами». Рассмотрим один из многочисленных примеров. В листе великого князя литовского Сигизмунда Августа от 19 октября 1547 г., адресованном новгородскому воеводе, старосте берестейскому, державцу вилнискому, остринскому и кнышинскому, пану Александру Ивановичу Ходкевичу, указывалась жалоба князя Ивана Васильевича Полубенского о том, что великокняжеские подданные, берестейские земяне Станислав Войтехович, а Мацей Стоцкий, Авкгуштын Глебовский Хмелевцы, перейдя границу его именья Ополя, «земли его власные того именья на колкодесят бочок кгвалтовне забрали и розробили, и некоторые дей с них на тых же землях дома поселили, яко *ж* дей и тых часовъ наехавши *моцно* кгвалтомъ во власной пуци его того именья дву ч(е)л(о)в(е)ков его на *ймя* Костяня а Сидора до смерти забили». В связи с этим господарь приказывал А. Ходкевичу вызвать к себе этих земян и вместе с князем И. Полубенским решить это дело «подле речи справедливое и обычая права статуту земского» (Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwiłłów. Dz. III. Sygn. 1. K. 2).

Таким образом, решение по этому делу принималось в соответствии с нормами Первого Литовского Статута. В частности, в Разделе VII Статье I указывалось, что в случае умышленного наезда на имение для виновного следовало единственное наказание — смертная казнь. При этом не имело значения, совершалось ли убийство или люди получали ранения. Следующая статья регулировала процесс определения виновного в совершенном наезде. Потерпевшая сторона сразу после преступления оповещала окрестных соседей о случившемся. Для этого брала с собой вижа с господарского уряда, показывала причиненные убытки, а также предъявляла следы насилия, раны или убитого, если убийство имело место быть. В случае непризнания обвиняемым содеянного, пострадавшие с помощью соседей и вижа доказывали вину, принося присягу. После этого «тот, кто наехал, вжо мает горло тратити, яко кгвалтовник» (Pirmasis Lietuvos Statutas. Tekstai senaja baltaruių, lotynų ir senaja lenkų kalbomis. Pirma dalis. Vilnius, 1991. P. 194–196). Как видим, наказание за «наезд» предусматривалось более чем суровое. Но, как свидетельствуют исследования, реальность наказания не была столь жестокой. Виновные, как правило, ограничивались денежным штрафом, а часто дело вообще решалось полюбовно, то есть без судебного разбирательства (Блануца А. Соціально-станова зумовленість шляхетських наїздів на Волині у другій половині XVI ст. // Український історичний журнал. 2003. № 4. С. 103–111).

Таким образом, проблема пограничных конфликтов имеет очень разнообразный характер. Здесь мы ограничились только двумя яркими примерами, которые, во-первых, относятся к разным периодам — до и после издания Первого Литовского Статута, а во-вторых, имеют разную территориальную принадлежность. Продуктивность последующих исследований сможет более подробно определить состав участников, характер конфликтов, способы, процедуру их решений и т. п.

Ващук Д. П. Пограничные конфликты и способы их решения в Великом княжестве Литовском // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 50–52.

Виноградов А. В. Посольский обычай в русско-крымских отношениях второй половины XVI в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы

при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 53–57.

А. В. Виноградов

Посольский обычай в русско-крымских отношениях второй половины XVI в.

I. Понятие «посольский обычай» в русской посольской документации с Крымом во второй половине XVI в.

Понятие «Посольский обычай» встречается прежде всего в «наказах» и «накахных памятях» русским дипломатическим представителям в Крыму, а также в «наказах» должностным лицам (прежде всего приставам), встречающих прибывающих в Русское государство крымских дипломатических представителей, прежде всего в плане возникновения конфликтных ситуаций.

II. Особенности «посольского обычая» в русско-крымских отношениях

Особенности «посольского обычая» в русско-крымских отношениях определялись как общими чертами дипломатических отношений Москвы с тюрко-татарскими государствами, возникшими после распада Золотой орды, так и специфическими особенностями Крымского ханства. К ним относились:

— Двойственность статуса крымских ханов как вассалов османских султанов (понятие «крымский царь, вольный человек»).

— Институт «поминок». Его трактовка крымскими ханами как знак правопреемственности ханства с Золотой Ордой. Основной проблемой является в данном случае соотношение понятий «поминок» и «выхода», и «поминок» и «жалования».

— Институт «амиатства» и «службы» как отражение роли крымской знати в дипломатических «ссылках» с Москвой.

— Элементы «посольского обычая» в Крыму, связанные с ордынскими приемами послов покоренных ими стран («посошная дань»).

— Осуществление дипломатических связей параллельно с набегами и крупномасштабными походами. При отходе крымцев дипломатические представители посылались ханом в 1571 и 1572 гг. с «мотивацией» совершенного нападения и предъявления требований в случае его успеха.

— Осуществление русскими и крымскими дипломатическими представителями во время своих миссий выкупа и осуществления «полонянников».

III. Основные черты «посольского обычая»

Складывание «посольского обычая» в русско-крымских дипломатических связях начинается с 90-х гг. XV в. К 50-м гг. XVI в. основные формы уже устанавливаются.

В ходе русско-крымских дипломатических связей вырабатываются следующие элементы «посольского обычая»:

— Статус русских и крымских дипломатических представителей («большой посол», гонец с полномочиями посланника, простой гонец).

— Многочисленность крымских гонцов, направляемых не только ханом и «царевичами» и «царицами», но и знатю.

— Порядок обмена посланиями между крымским ханом и московскими государями.

— Порядок разработки и утверждения (ратификации) двусторонних договоров, к которым относились:

- а) предварительная присяга (принесение шерти) крымскими послами в Москве;
- б) принесение шерти крымскими ханами в присутствии московских послов в Крыму;
- в) «крестоцелование» московских государей в присутствии крымских послов в Москве.

— Порядок следования дипломатических представителей, включавший в себя следующие компоненты:

- а) русские и крымские гонцы всегда двигались вместе;
- б) об «отпуске» посольств требовалось заранее уведомить противную сторону;
- в) размен дипломатических представителей осуществлялся в строго определенном месте;
- г) «большие посольства» при следовании по «дикой степи» сопровождался военным эскортом (русский следовал до Донца).

— Порядок приема крымских дипломатических представителей в Москве, включавший в себя:

- а) иерархию крымских дипломатических престаивтелей при получении «корма»;
- б) обеспечение безопасности — требования крымцами встречи с ранее прибывшими и задержанными «на Москве» крымскими гонцами и послами;
- в) порядок аудиенции у государя в строгой иерархии крымских дипломатических представителей от хана, его семьи и от знати, при обязательном присутствии ранее прибывших и задержанных крымских дипломатов;
- г) требование крымцами «отпуска» только после отпускной аудиенции;
- д) требование крымцами объяснения причин задержания «на Москве» и извещения об этом хана;

е) «расспросы» гонцов посольскими дьяками как форма дипломатических переговоров;

ж) возможность «конфиденциальных аудиенций» для изложения «тайных дел» (с И. М. Висковатым, А. Я. Щелкаловым, в дальнейшем — с Б. Н. Годуновым);

— Порядок приема русских дипломатических представителей в Крыму, включавший в себя:

а) вручение «поминок» хану только на аудиенции;

б) отказ от аудиенции в случае одновременной аудиенции с послами Польско-Литовского государства;

в) отказ от аудиенции в случае принудительного изымания «поминок»;

г) обеспечение безопасности — размещение с ранее прибывшими русскими гонцами только на территории Яшовского предместья Бахчирая.

IV. Общие черты и отличия в «посольском обычае» русско-крымских и польско-литовско-крымских дипломатических связей

Общие черты: «Поминки» и «упоминки»; заключение и ратификация договоров; совместное следование дипломатических представителей; «посольские съезды».

Отличия: роль Порты как гаранта крымско-польско-литовских договоров; участие османских дипломатических представителей в крымско-польско-литовских переговорах; демаршы польско-литовской дипломатии в Стамбуле и обращения крымских ханов к султану как сюзерену Крыма в периоды обострения отношений; совместное прибытие османских и крымских посольств в Речь Посполитую в период «династического кризиса».

V. Практика осуществления русско-крымских дипломатических связей и «посольский обычай»

Обеими сторонами практиковались следующие действия, фактически нарушавшие нормы «посольского обычая»:

— Задержание дипломатических представителей на неопределенный срок.

— «Выбивание» посольств без отпускной аудиенции.

— Отказ принимать дипломатических представителей с последующей изоляцией вне столицы (в Крыму при этом практиковалось принудительное изъятие «поминок»).

При дипломатических «ссылках» широкое распространение имели «форс-мажорные» (неординарные ситуации).

При следовании к месту назначения:

— Встреча русскими гонцами крымских ханов или «царевичей», направляющихся в набег на Русское государство, с принудительным изъятием «поминок».

— Нападение на русских и крымских дипломатических представителей приднепровских казаков.

— Нападение на русских и крымских дипломатических представителей в моменты междоусобных конфликтов в Крыму.

При нахождении русских дипломатических представителей в Крыму:

— Принудительная изоляция, связанная с крупным военным предприятием антирусской направленности (астраханская экспедиция 1569 г., походы 1571, 1572 и 1591 гг.).

— Угроза истребления в условиях смены власти, т. е. смерти или свержения правящего хана (особенно в период т. н. «династического кризиса» 1577–1588 гг.).

При нахождении крымских дипломатических представителей на территории Русского государства:

— Отказ от отпуска крымских дипломатических представителей по просьбе представителей крымской эмиграции в периоды «династических кризисов», особенно в 80-х гг.

— Принудительная изоляция, связанная с военным предприятием, направленным против Крыма (1576 г.).

VI. Эволюция «посольского обычая» во второй половине XVI в.

— Складывание традиции направления вместе с «официальными» дипломатическими представителями «неофициальных эмиссаров» с «тайными делами».

— Складывание традиции особых аудиенций неофициальных эмиссаров у Б. Ф. Годунова.

— Складывание «Посольских съездов», которые трансформировались из посольских разменов к 80-м гг. «Посольские съезды» предусматривали переговоры между эмиссарами двух сторон, сопровождавшими отправляемые посольства. К 90-м гг. получила распространение практика принесения т. н. «предварительной шерти» крымскими эмиссарами.

— Складывание «коллективного амиатства». Происходит трансформация наследственного «амиатства», принадлежащего роду Сулешевых, в «коллективное амиатство» т. н. «московской партии».

— Складывание обычая организации «очных ставок» крымских дипломатов и эмигрантов из числа знати с целью их добровольного возвращения в Крым. С

«династического кризиса» 1577–1588 гг. начинается формирование политической эмиграции крымской знати в Русском государстве. «Невозвращенцы» появляются даже среди крымских послов в Москве.

Осуществление одновременных посольских приемов представителей законных и «альтернативных» крымских ханов в период династического кризиса 1577–1588 гг.

— Осуществление отпуска в Крым представителей семей «альтернативных» крымских ханов и претендентов на престол вместе с частью поддерживающих их представителей крымской знати, как правило, совмещенных с «посольскими съездами».

Возгрин В. Е. Богдан Хмельницкий и Ислам-Гирей — связи личные и политические // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 57–61.

В. Е. Возгрин

Богдан Хмельницкий и Ислам-Гирей — связи личные и политические

Крымский хан Ислам-Гирей III (1644–1654), в целом, продолжал политику своих предшественников. Она заключалась в создании равновесия сил в Восточной Европе. Этот баланс Бахчисарай поддерживал по мере сил, время от времени сотрудничая с Речью Посполитой или Московским государством — в зависимости от того, какая из названных держав оказывалась в угрожаемом положении: он считал выгодным поддерживать слабейшего, чтобы не оказаться лицом к лицу с еще более окрепшим победителем.

Для свободного проведения этой политики требовалась минимизация вмешательства в нее Порты. Поэтому Ислам-Гирей, воспользовавшись ослаблением верховной власти в Турции, в конце 1640-х гг. пытался решить и эту задачу. Но ханство, оставаясь сравнительно небольшим государством и соседствуя с более мощными державами, нуждалось при этом в союзниках. Ими могли стать украинские казаки. С ними крымские татары не только воевали, но и имели на протяжении длительных периодов дружеские и даже союзные отношения, сражаясь с тем или иным общим противником. Обстановка благоприятствовала новому сближению. Ислам-Гирей знал об очередном восстании украинцев против поляков, в ходе которого заметную роль играл Б. Хмельницкий.

То, что казаки Запорожья и Гетманщины опасались поглощения Москвой и нередко враждовали с ней, также не могло не импонировать крымским татарам, ощущавшим постоянную угрозу с севера. Поэтому, когда в 1646 г. начались запорожско-крымские переговоры, то на них было выработано соглашение, правда, касавшееся не Москвы, а Польши, где уже готовился поход на Украину, для умирения запорожцев. Крымские участники переговоров обещали помочь казакам, как только выступит польское войско. Кроме того, казаки надеялись, что в результате совместного военного выступления перекопский бей Тогай Ширин поможет им получить независимость от польских магнатов. Важнейшей причиной ухудшения политического положения, как казачества, так и крымцев, было сближение Речи Посполитой с Московским государством, что должно было значительно усилить этих бывших соперников. Но если казачеству это несло лишь экономическое угнетение, то Крыму грозила опасность соединенной польско-московской экспансии, репрессий и территориальных захватов.

Именно поэтому весной 1648 г. Б. Хмельницкий прибыл в Крым, где впервые встретился с Ислам-Гиреем. Владея крымскотатарским языком, он произнес перед членами дивана речь, в которой просил у хана помощи против поляков и оказания покровительства для Сечи, изъявляя готовность сражаться в дальнейшем заодно с мусульманами. Позже, уже после отъезда казаков, выяснилось, что не только хан, близко сошедшийся с Б. Хмельницким, но и влиятельные члены ханского дивана целиком согласны с доводами украинских дипломатов. Тогда же, в 1648 г., был заключен крымско-украинский союз, предназначенный прежде всего для взаимной помощи, хотя касался он и иных сфер взаимных контактов. Весной 1648 г. хан послал на Украину войско Тогая Ширина, которое уже в мае сражалось бок о бок с сечевиками против поляков. Затем, когда в войско прибыл сам хан, его встречи с Б. Хмельницким стали частыми и продолжительными.

Когда в Стамбуле стало известно о боевых действиях крымцев, султан направил в Бахчисарай запрет на такие самовольные действия. Однако это повеление было ханом проигнорировано. Не обратил Гирей внимания и на приказ Ибрагима I немедленно привести крымское войско в Стамбул, откуда его планировалось перебросить к Мальте. Османы в ту пору вели борьбу с венецианцами за обладание островом, причем неудачно — к началу лета Стамбул был блокирован противником с суши и моря. Следует отметить, что принимая решение об отказе выступить, хан снова заручился единогласной поддержкой дивана; сыграло роль и нежелание крымского войска отправляться за море в крайне опасной для ханства ситуации.

Вместо этого уже 30 августа на помощь казакам Б. Хмельницкого выступили новые конные отряды крымцев во главе с калгой и нуредином, которые участвовали в сражениях с

королевскими войсками на протяжении нескольких месяцев. Между тем в Стамбуле сменилась верховная власть и ее позиция. Новый султан, Мехмед IV, разрешил Ислам-Гирею бороться с поляками. Он был вынужден считаться с энергичной политикой независимого хана, который в союзе с казачеством вполне мог противостоять армии турок, в ту пору раздираемой внутренними конфликтами. Для крымско-казацкого союза открывались широкие перспективы, но случилось неожиданное: в начале 1649 г. Б. Хмельницкий начинает в Переяславле переговоры с царскими посланцами, предлагая перейти со всем казачеством «под царскую руку». Цель этой инициативы гетмана была проста — обеспечить себе максимальную поддержку против Польши со стороны как северного, так и крымского соседей.

Впрочем, это еще не означало разрыва Б. Хмельницкого с ханом. И по просьбе гетмана в мае–июле 1649 г. крупное крымское войско выдвинулось на территорию Левобережья. Здесь крымцы соединились с казаками, а затем нанесли удар по коронной армии, руководимой королем Яном-Казимиром. В итоге под Зборовом коронная армия потерпела страшное поражение, а остатки ее были окружены. Яну-Казимиру не оставалось ничего иного, кроме переговоров, которые он немедленно начал с Ислам-Гиреем. Б. Хмельницкий для этого не подходил — под Зборовом он признал свою второстепенную роль как в походе, так и в крымско-казацком политическом союзе. Согласно договору, король должен был выплатить хану 400 000 талеров контрибуции и возобновить выплату ежегодной дани в размере 90 000 талеров. Он обязался погасить и недоимки по дарам-поминкам хану, калге и нуреддину.

На следующий день завершились и польско-запорожские переговоры, в которых хан играл роль арбитра. Условия второй части Зборовского договора ущемляли права и свободы казачества и украинского крестьянства. Число реестровых казаков определялось в 40 000; все непопавшие в реестры крестьяне возвращались в положение крепостных у помещиков-поляков. Новые права даровались лишь Киевскому, Брацлавскому и Черниговскому воеводствам, откуда удалялись польские войска, а все должности предоставлялись православным. В этой тяжелой для гетмана ситуации Крым стал его единственным союзником, готовым поддержать казачество всеми средствами.

Но Ислам-Гирей склонял гетмана к опоре и на Порту, имея в виду создание федеративной державы, в которой Крым и Гетманщина с Сечью сохранили бы автономию от Турции, но могли бы рассчитывать на безусловную поддержку турецкой армии в случае новых попыток поляков или русских лишить казаков или крымцев их свобод и земель. Этот план одобрил Б. Хмельницкий, и даже сделал некоторые шаги к его осуществлению; взамен в 1650 г. султан прислал ему почетные дары, обычно означавшие принятие под османское

покровительство. А именно: саблю, знамя с изображением полумесяца, знак власти — булаву и грамоту, в которой признавалась власть гетмана над всей Украиной. Гетман с благодарностью принял эти мусульманские символы власти: он не особенно скрывал своей приверженности исламу — возможно, не только чисто эстетической (известно, что он участвовал в совместных намазах с Ислам-Гиреем и даже читал по-арабски Коран). Другое дело, что союзно-подданнические переговоры не привели к желанной цели, но своей роли они не могли не сыграть, причем прежде всего в добрых отношениях гетмана и хана.

Шесть лет длился союз Ислам-Гирея с Хмельницким, шесть лет крымские татары и украинцы вместе и порознь ходили на Польшу и громили шляхетские владения на Правобережной Украине. Примером может служить знаменитая победа, которую казацко-татарское войско одержало под Желтыми Водами в мае 1648 г. Верный договору, гетман передал после битвы огромный полон татарам, а хану — обоих гетманов королевского войска, попавших в плен.

Но в 1653 г. гетман по ряду причин окончательно решает сблизиться с Москвой и начинает переговоры с ней в тайне от хана, войско которого и в этом году помогало казакам отбиваться от Яна Казимира, в марте месяце снова поведшего свои войска на Украину. В то же время Алексей Михайлович, к которому гетман обратился за помощью, отказал в ней, ограничившись лишь призывом к полякам сохранять мир на Украине. Но и это было сделано лишь из опасения, что Б. Хмельницкий примет решение ухода под защиту и покровительство Порты.

Помогая гетману, Ислам-Гирей был далеко не легковверен, чувствуя, как меняется политический климат в чигиринской резиденции. Он, с другой стороны, понимал слабость положения Гетманщины, угроза независимости которой со стороны Польши (да и Москвы тоже) в очередной раз становилась реальностью. Поэтому хан предлагал гетману все, что было в его распоряжении — помощь войском и укрытие для казаков на своих заперекопских просторах, причем на любой срок, пока минет московско-польская угроза.

Контакты (письменные) хана с гетманом не прервались и после заключения Переяславского договора 1654 г. Гирей предлагал Б. Хмельницкому разорвать этот договор, снова обещая помощь в случае нужды. Очевидно, татарин считал Переяславское соглашение вынужденным для гетмана, не постигая смысла происходившего на Левобережье: Гетманщина на глазах теряла независимость, туда уже двинулись московские войска, предназначенные для гарнизонной службы.

А когда эти инициативы Бахчисарая были отвергнуты, для Крыма остался единственный выход. Поскольку усиление Москвы в результате Переяславля нарушало выгодное для Крыма равновесие сил в Восточной Европе, он пошел на сближение с Речью

Посполитой. Переговоры 1654 г. крымских татар с поляками, также опасавшимися новой мощи восточного соседа, завершились пактом о дружбе, ненападении и взаимопомощи. Этот договор подписал уже новый хан, Мехмед-Гирей IV (1654–1666), так как Ислам-Гирей умер 10 июля 1654 г. Эту смерть можно рассматривать как знаковое событие: она завершила собой многовековую историю пестрых и неоднозначных отношений Крымского ханства со свободной казацкой республикой.

Возгрин В. Е. Украинско-крымские отношения в 1654–1667 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 61–65.

В. Е. Возгрин

Украинско-крымские отношения в 1654–1667 гг.

В 1654 г. был заключен крымско-польский договор о дружбе, ненападении и взаимопомощи. Этот пакт был выгоден Бахчисараю, получившему союзника, но еще более — ослабевшей по ряду причин Польше. Притом немалую надежду на успех сулили и вспыхнувшие в ту пору конфликты между украинскими казаками и Москвой, к которым был небеспричастен и сам Б. Хмельницкий. Этот договор был закономерен, отразив естественную реакцию Крыма на резкую перемену равновесия польских и московских сил. Теперь Москве пришлось отменить уже готовые планы массированного вторжения в Малую Польшу и Литву.

В ответ Алексей Михайлович решил прервать мирные отношения с Крымом и стал готовить поход. В нем должны были участвовать, кроме стрельцов, калмыки и донские казаки. Впрочем, вторжения не последовало из-за чумы, поразившей Астрахань и Украину. Тем не менее, летом 1655 г. несколько десятков чаек и стругов с более чем 2000 запорожских и донских казаков на борту прорвались в Азовское и Черное моря, после чего началось опустошение прибрежных деревень. Ханская армия не могла покинуть Перекоп, опасаясь главного вторжения через перешеек, а посылаемые Мехмед-Гиреем IV мелкие отряды и ополчение не могли надежно защитить десятки сел, растянувшихся вдоль берега на несколько сотен километров.

Наиболее удобным местом, где хан мог взять какой-то реванш, стал Львов, блокированный русско-украинской армией. Неожиданно появившееся в октябре крымское войско ударило осаждавшим в спину, после чего воспрянули духом и поляки. Другие крымские отряды пошли на Киев, Ингул, Белую Церковь, Каменку. Всего в этой кампании было задействовано около 100 000 крымских и ногайских воинов. Вскоре осада Львова была снята.

Для поддержки своего войска гетман и его московские соратники отправили к действующей армии огромный соединенный московско-украинский обоз. Но под Заложницами тысячи этих телег с массой припасов и польскими трофеями были отбиты крымским войском и отправлены к Перекопу, а хан, не дав противнику опомниться, настиг его у одной из переправ на пути к г. Тарнополю, близ дер. Озерной.

Здесь 10 ноября 1655 г., воспользовавшись тем, что войско противника находится по разные стороны водной преграды, крымская конница ударила одновременно с нескольких сторон. Бой длился чуть ли не сутки, в нем был смертельно ранен русский главнокомандующий В. Бутурлин. После этого хан получил предложение о кратком перемирии и согласился отвести своих конников, разменявшись пленными. Бой под Озерной, хоть и не приведший к крупным потерям в запорожско-московском войске, решил судьбу кампании — Гирей с войском и трофеями мог возвращаться, не опасаясь удара в спину.

В 1657 г. Порта указала хану идти всем войском на выручку Польше, поддержав его собственной армией. Речь Посполитая подверглась тройному удару: русских с казаками, шведов и предавшихся Москве молдаван с венграми. В мае крымское войско уже стояло у днепровских переправ. Но переходу на правый берег мешали приведенные туда московские и казацкие полки. Начались бои. Форсировавший реку 10-тысячный отряд Ширин-бея Кель-Мамета оказался в окружении, его нужно было выручать, но в этот момент Порта отозвала свои полки домой. Из Крыма же поддержки ждать не приходилось — пришло известие о новом вторжении с моря.

Действительно, в конце июня 1657 г. на Крым напали донские казаки. Не встречая сопротивления, они поднялись вглубь полуострова по речкам Альме и Булганаку, сожгли там несколько десятков деревень, затем осадили Гёзлёв и разрушили Балаклаву. Тогда же к Перекопу приступили запорожцы и осадили крепость Ор-Капы, стремясь прорваться в Крым с севера. Но ханское войско 26 августа 1657 г. вернулось домой, отчего казаки не осмелились на штурм Ора, и Крым от угрозы полного разорения был избавлен.

В том же году, после смерти Б. Хмельницкого, гетманом стал И. Е. Выговский (1657–1659), сторонник независимой от Москвы политики. У него появилась мятежная промосковская оппозиция (ее возглавляли полковники, мечтавшие стать московскими

воеводами в украинских городах). Но гетман заручился поддержкой султана, а хана просил направить для подавления мятежа крымское войско, предложив заключить союз. В 1658 г. Мехмед-Гирей прислал в помощь гетману около 40 000 конников, которые совместно с казаками ходили на мятежников, подавили в июне антигетманский бунт и нанесли повреждения российским крепостям. В ответ Москва ввела в Гетманщину огромную армию для подавления казаков-самостийников. Началась русско-украинская война 1658–1659 гг.

Это оказалось нелегкой задачей — Украина велика, к тому же часть казаков, опасаясь московских репрессий, получила убежище в ханстве. Оттуда они отправлялись совместно с татарами на север для того, чтобы разорять новые русские укрепленные городки и беспокоить села и хутора государевых переселенцев. В том же 1658 г. левобережные казаки и крымские татары совершили набег на русские земли, достигнув г. Ельца, откуда увели, правда, всего лишь 17 человек полону.

Еще через год И. Е. Выговский, проведав, что царь готовит новый поход на Украину, возобновил переговоры с ханом о союзе. Приняв посланцев Украины, Гирей направил 23 мая царю последнее послание перед надвигавшейся большой войной. С одной стороны, он предлагал мир и дружбу, с другой — увещевал царя оставить в покое украинское казачество, как имевшее право на государственную независимость.

Это дружелюбное по форме предупреждение оказалось тщетным. В Москве уже началась подготовка выступления войска в южном направлении под командованием боярина А. Н. Трубецкого. Когда известие об этом дошло до Бахчисарая, все сомнения отпали, и союз с гетманом был заключен.

В начале лета 1659 г. на помощь гетману подошло уже 60 000 человек (по другим сведениям — 30 000) крымского войска во главе с Мехмед-Гиреем и около 4000 поляков. После чего И. Е. Выговский присягнул хану в том, что принимает его покровительство в качестве подданного. Союзное войско насчитывало теперь около 100 000 сабель, возможно, меньше (около 70 000), а русских к тому времени накопилось на Украине до 150 000 человек. Эта огромная рать осадила часть украинской оппозиции в Конотопе. В конце июня туда же подошло и соединенное крымско-казацко-польское войско.

В последовавшей затем знаменитой Конотопской битве 27–28 июня 1659 г. союзники победили не числом, а умением. Войско Мехмед-Гирея 28 июня незаметно подобралось к лагерю русских и укрылось за р. Сосновкой, а И. Е. Выговский рано утром атаковал противника. Удар был неожиданным и гетман сумел, несмотря на несопоставимо меньшие силы, перебить множество сонных русских воинов. Затем он отступил, чем увлек за собой боеспособные полки. Но как только они перебрались за Сосновку, на них обрушился удар крымцев. Разгром войска был полный. Убитыми пало, по украинском источникам, 30 000, в

плен попало 5000 чел., остальные бежали. Впечатление от этой катастрофы было огромным, татар и казаков ждали в Москве, которую стали спешно укреплять земляными валами. Однако похода союзников под Москву не последовало.

Хан развил достигнутый успех, продолжив разорение московских приграничных крепостей и выжигание пригородных деревень, но этим и ограничился. Лишь через год, 4 октября 1660 г., соединенное казацко-крымско-польское войско одержало еще одну блестящую победу — под Чудновом, на сей раз над войском под командованием боярина В. Б. Шереметева.

Вначале союзники полностью отрезали русских от окружающего мира — так, чтобы они не могли получать снабжение и воинскую поддержку. И это вполне удалось: шедший к ним с севера для усиления 40-тысячный корпус был разбит Адиль-мирзой на дальних подступах. Только в этой битве пало 3000 убитыми, что вместе с жертвами полевых стычек составило почти 5000 русских, а многие, в том числе В. Б. Шереметьев, были взяты в плен.

После этого ставленник Москвы, марионеточный гетман Ю. Б. Хмельницкий от нее отложился, присягнув королю Польши. Когда эти вести достигли русской столицы, реакция была соответствующей. Царь со своим двором готовились бежать в Нижний Новгород, так как реальной стала опасность бунта, вызванного провальными результатами южной политики Кремля. На Украине же русского войска более не существовало. Таковы были последствия Конотопской и Чудновской битв, в которых едва ли не главную роль сыграли конники Мехмед-Гирея.

Впрочем, походы татар конца 1650-х гг. были последними, совершенными столь крупными силами, хотя в дальнейшем казакам периодически оказывалась поддержка, да и полякам хан помогал в их кампаниях против Москвы. Теперь многотысячные крымские походы-сефери стали невозможными и нецелесообразными, учитывая, что на помощь слабевшей на глазах Османской империи (и до того весьма проблематичную) можно было не рассчитывать. Отныне силы ханства были отданы единственно обороне Крыма. И даже зная, что в некоторых русских городках томятся крымские пленные, освобождать их татары не торопились.

Очевидно, произошел некий перелом в самой этнопсихологии крымских татар. Безусловно, они оставались людьми воинственными, чего требовала сама ситуация пребывания в постоянно враждебном окружении. Но, как отмечает современный исследователь, «это [была] уже и не воинственность в первородном своем виде, ибо [отныне] она исключает стремление захватывать, завоевывать, вторгаться, нападать ради подчинения и т. п. В основе “оборонной воинственности” — миролюбие и справедливость» (Серебрянников В. В. Человек и война в зеркале социологии // Военно-историческая

антропология. Ежегодник. 2002. М., 2002. С. 26). Этот переворот в сознании жителей Крыма не остался незамеченным соседями, в том числе и русскими. Известный историк XVII в. отметил несколько позже: «...татары ныне уже немало сих грубых обычаев оставляючи, человечнейши обретаются, к трудам и нуждам неизреченно терпеливы суть» (Лызлов А. И. Скифская история. М., 1990. С. 126.).

Полуторастолетняя эпоха больших крымскотатарских походов на север завершилась.

Отныне в случае экспансии с севера ханы ограничивались почти исключительно дипломатическими протестами (что, конечно, не исключало пограничных инцидентов, мелких самовольных набегов и пр.). Уже Мехмед-Гирей во второй половине своего правления пытался решать спорные вопросы с соседними странами, будь то Москва или Польша, не с позиции силы, а посредством переговоров. Не исключено, что причины этих перемен в духовном складе и политической практике хана объяснялись его возросшей религиозностью, увлечением суфизмом, а также поэзией.

Мехмед-Гирей был смещен с престола в 1666 г., после чего, уже в новой политической ситуации, был заключен русско-польский Андрусовский договор 30 января 1667 г. Согласно его пунктам, Польша признавала присоединение польской Левобережной Украины к Московскому государству. В той части трактата, что касалась «южной» политики обеих договорившихся сторон, смысл его сводился к широкой совместной русско-польской экспансии: Польша должна была напасть на задунайские турецкие владения, а Россия — на территорию Крымского ханства.

Возный И. П. Куликовская (1380 г.) и Грюнвальдская (1410 г.) битвы: сравнительный анализ военного искусства // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 66–69.

И. П. Возный

**Куликовская (1380 г.) и Грюнвальдская (1410 г.) битвы:
сравнительный анализ военного искусства**

Военное искусство во всем его объеме всегда развивалось по законам диффузии. Любая из противоборствующих сторон, едва применив какое-то новшество, давшее преимущество в вооружении или тактике, вскоре его теряла, ибо другая сторона спешила перенять это нововведение.

К сожалению, иной раз военные историки, защищая честь и славу оружия своей страны или своего народа, распространяют понятие самобытности на те виды военного дела, которые никак не могут быть самобытными, путают национальный характер — явление, безусловно, самобытное — скажем, с использованием того или иного тактического приема. Последнее вполне относится и к оценкам таких военных событий, как битвы на Куликовом поле 1380 г. и при Грюнвальде 1410 г., которые довольно часто встречаются не только в научно-популярной литературе, но и в научных исследованиях. А между тем, эти два хронологически близкие боевые столкновения имеют немало общего в плане военного искусства. Поэтому попытаемся провести обобщающий сравнительный анализ наиболее явных его проявлений.

Например, по своей организационной структуре войска, которые принимали участие в обоих сражениях, состояли из разновеликих по численности подразделений, характерных для эпохи зрелого Средневековья. Самыми мелкими воинскими ячейками были так называемые «списсы» или «копья», включавшие господина с несколькими комбатантами. Судя по летописям, членение русского войска на такие единицы восходит ко второй половине XII в., а окончательно приобрело регулярный характер в середине XIV в. Для аналогии, в Центральной и Западной Европе в число «копья» входила группа, состоящая из тяжеловооруженного копейщика, лучника или арбалетчика и оруженосца — всех конных.

«Копья» в войсках, которые сражались в Куликовской и Грюнвальдской битвах, были слишком малы, чтобы выполнять самостоятельные боевые задания, поэтому они по владельческому и территориальному принципу группировались в более крупные отряды, которые на Руси назывались «стяги», в Польше — «хоругви», а в государстве Немецкого ордена — «знамена». Наименование рассматриваемого отряда выдает его отличительную особенность — наличие знамени, которое во время боя возвышалось над боевым порядком и было по своим геральдическим начертаниям и цвету характерно только для данного подразделения. «Стяг» мог выполнять как общие, так и самостоятельные боевые задачи. Из них состояли русские полки в битве на Куликовом поле. В свою очередь, в битве под Грюнвальдом у Ордена насчитывалась 51 хоругвь, у поляков — 50, у литовцев — 40. Известия о сборе воинских подразделений, связанные с походом 1410 г., достаточно подробны и указывают, каким путем набиралось состоящее большей частью из городских

хоругвей польско-литовское войско. Нечто подобное в отношении созыва «ознаменованных» городских отрядов имело место и в войне 1380 г.

По западноевропейским данным, «знамя» включало обычно от 20 до 80 тяжеловооруженных воинов. Помноженные, по меньшей мере, на три, эти цифры дают схематическое представление об общей численности данного подразделения. Впрочем, в рассматриваемых событиях численность последних была нестандартной. Так, в Грюнвальдской битве принимавшие в ней участие орденские знамена, по сведениям Яна Длугоша, насчитывали 60–100 «копий». Для точного исчисления личного состава подразделения простое утроение приведенных цифр вряд ли приемлемо. Общий характер битвы мог отразиться на большем, чем обычно, количестве «копий» в одном отряде. Польским исследователям удалось прояснить, что некоторые орденские «знамена» в 1410 г. насчитывали от 157 до 359 «копий». Таким образом, в битве под Грюнвальдом такого рода подразделения включали в среднем не 70, как можно думать на основании вышеуказанного источника, а 150 «копий». Исходя из этого подсчета, города Немецкого ордена выставили на время похода 1410 г. контингенты в 4,5–8 раз крупнее обычных. Состав хоругвей польско-литовского войска, сражавшегося при Грюнвальде, достаточно источниками не освещен. Как отмечает польский историк С. М. Кучинский, в его составе могли быть большие хоругви: в каждой не менее 500–600 «копий». Данные о составе и численности хоругвей 1410 г. в какой-то мере приложимы к русским «стягам», участвовавшим в походе 1380 г. Последние, учитывая особый характер Куликовской битвы, вряд ли были меньше средних орденских «знамен», включавших 150 «копий». В свою очередь «стяги» объединялись в «полки» во главе с князьями и воеводами. «Полк» являлся в средневековый период на Руси самым крупным тактическим подразделением и мог состоять из нескольких «стягов». В «полк» входили отряды из разных мест или собранные в одной земле или области. Для сравнения надо сказать, что аналогичными «полку» формированиями в Польше и Литве, включавшими ряд расположенных друг возле друга «хоругвей», были «гуфы». Численность таких отрядов могла меняться в зависимости от обстоятельств и количества «ознаменованных» подразделений.

Приведенные выше сопоставления частей средневекового русского войска и современных ему польско-литовских вооруженных сил выявляют (с учетом возможных отличий в отношении социального состава, воинского убора, эмблематики) определенное сходство их структурных подразделений. Оно заключалось в разделении на непостоянные по составу и нарастающие по численности тактические единицы: по древнерусской терминологии «копье» — «стяг» — «полк», а за польской аналогией «копье» — «хоругвь» — «гуф», боевые достоинства которых были хорошо известны.

Что касается численности ратей, которые участвовали в обоих боевых столкновениях, то они были приблизительно равны. В Грюнвальдском сражении на местности, равной в поперечнике 2,5–3 км, с обеих сторон, по наиболее аргументированным подсчетам, участвовало около 60 тыс. конных и пеших воинов. Исходя из приведенных данных, на каждые 500 м фронта в период завязки и развертывания боя приходилось с каждой стороны около 2600–5500 бойцов. С учетом колебаний цифровых оценок эти величины усредненно распределяются от 3000 до 5000 (иногда и более), что дает некоторое представление о насыщенности средневековых полей сражений живой силой при крупных операциях. Подобные расчеты приемлемы и для Куликовской битвы, где количество участников также не превышало выше указанного числа войск.

Перед битвами все участвовавшие в них войска были построены в определенный боевой порядок. Так, на Куликовом поле, «урядно плъкы уставлены поучениемъ крѣпкаго въеводы Дмитрея Боброкова Волынца». На поле Грюнвальдской битвы великий литовский князь Витовт, «в этот день (15 июля 1410 г. — *И. В.*) занимался построением литовского войска, разделив его по стародавнему обычаю предков по клинѣм и отрядам (...). Такие клинѣя, сомкнутые и скученные, не допускали разряженности рядов, но один клин держался раздельно от другого (...). Под конец великий князь Литвы предоставил этим клинѣм сорок знамен, которые мы называем хоругвями, и велел каждому клину и отряду следовать под своим знаменем и подчиняться своему начальнику».

Как на Куликовом поле, так и при Грюнвальде кроме знамен отдельных подразделений развевалось и общевойсковое, великокняжеское или королевское. Оно находилось в составе главных военных сил, в так называемом «большом полку» у русских и «вальном гуфе» — у поляков и литовцев. В обоих случаях главные знамена были красными, с изображением нерукотворного Спаса в русском войске и белого орла — в польско-литовском. Такие знамена располагались в зоне видимости всех полков и служили для них своеобразным ориентиром во время ведения боя и маневра. Местонахождение верховного командующего и главного знамени определяло центральное местоположение основных сил всего войска. Действительно, как свидетельствовали источники, великий князь Дмитрий Иванович в начале сражения был в большом полку. Летописные сообщения не расходятся с приемами полководения того времени, заключавшимися в посылке находящимся в боевых порядках полководцем подкреплений на помощь отрядам, уже вступившим в сражение. Так же и в Грюнвальдской битве, по тактическим деталям близкой Куликовской, один из главных предводителей союзной армии, Витовт, в ходе боя «действовал среди польских отрядов и клинѣв, посылая взамен усталых и измученных воинов новых и свежих и тщательно следя за успехами той и другой (воюющей. — *И. В.*) стороны». Своевременное

введение в дело резервов сыграло немалую роль в победоносном для поляков и литовцев исходе битвы. Скрытые резервы были выделены русским командованием и на Куликовом поле.

Не вдаваясь в сравнение других деталей обоих сражений, следует сказать, что в отношении наступательной стратегии, операции по упреждению действий противника, использования в критический момент боя резервов, применения пехоты и конницы, навязывания неприятелю выбранного места сражения, ролью морального фактора Куликовская и Грюнвальдская эпопеи почти аналогичны.

Войтович Л. В. Тевтонский орден в политике Галицко-Волынского княжества // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 69–72.

Л. В. Войтович

Тевтонский орден в политике Галицко-Волынского княжества

Исследование взаимоотношений Галицко-Волынского княжества с Тевтонским орденом значительно продвинулось благодаря последним работам К. Форстройтера, В. Матузовой и А. Масана. Были опровергнуты некоторые исторические стереотипы, в частности Дорогичинский конфликт 1238 г., не имеющий отношения к Тевтонскому ордену. Добжинский орден не был филиалом Тевтонского ордена, а был создан рыцарями-мечоносцами, прибывшими из Ливонии к мазовецкому князю Конраду, стремящемуся с их помощью овладеть Ятвгией, на которую претендовали и волыньские князья. Эти рыцари нарушили предписание о присоединении к тевтонцам. Небольшое войско добжинских братьев с их комтуром Бруно (десяток братьев и несколько десятков оруженосцев и слуг) просто сложило оружие. Они были переданы Тевтонскому ордену и понесли наказание. Большинство из них, как установил А. Масан, погибло не под Дорогичином, а в битве с монголами под Легницей 9 апреля 1241 г.

Контакты с Орденом завязались в начале XIII в., еще при Романе Мстиславиче, который, вероятно, встречался с Германом фон Зальца в Эрфурте. Мазовецкий князь Конрад, бывший инициатором перевода Ордена в Пруссию, находился в дружественных отношениях с Даниилом Романовичем, правда, при случае пробуя конкурировать с последним в борьбе за

Ятвягию. В 1254 г. король Даниил Романович, Мазовия и Орден разделили ятвяжские земли. Тесные связи с Орденом поддерживались через родственников Романовичей, графов Бланкенбург-Шварцбургов (Генрих V был женат на Софии Даниловне).

Вероятно, с этого периода завязываются торговые контакты между орденскими и галицко-волынскими городами, позволившие возродить древний Янтарный путь от Балтики через Торунь, Владимир и Львов к Черному морю. Развитию связей способствовали и немецкие колонисты, привлекаемые Даниилом Романовичем и Львом Данииловичем, стремящимися возродить торгово-ремесленные города после монгольского разорения. По этому пути шел импорт тканей, ремесленных изделий, сырья (в первую очередь стальных заготовок-штаб, так как болотные и озерные руды из Центрально-Восточной Европы непригодны для производства мечей, вследствие чего львовские мечники, например, вынуждены были использовать в качестве заготовок даже старое негодное оружие) и самого готового оружия (судя по изображениям на печатях, археологическим находкам и другим материалам, в XIV в. в галицко-волинских землях получает распространение рыцарское защитное вооружение, арбалеты и различные типы алебард). Львовские купцы, торговавшие через Нижнее Подунавье с Византией и балканскими землями, занимались также реэкспортом сукна из Фландрии.

Поставки оружия и стратегического сырья (стальных заготовок-штаб) были особенно важны, поэтому галицко-волинские князья стремились поддерживать дружественные контакты с Орденом и подчеркивали в своих грамотах, что они защищают христианские страны и в первую очередь Орден от ордынцев. Так, в грамоте князей Андрея и Льва Юрьевичей от 9 августа 1316 г. великому магистру Карлу Трирскому о возобновлении ранее подписанных договоров о дружбе подчеркивалась надежная защита орденских земель от татар галицко-волинскими князьями. Грамота была издана по просьбе племянника галицко-волинских князей графа Сигегарда Шварцбурга. Отдельной грамотой от 27 августа 1320 г. князь Андрей Юрьевич разрешал торуньским купцам свободный въезд в свои земли и беспошлинную торговлю, как «во времена нашего блаженной памяти отца». В грамоте, изданной в тот же день для краковских купцов, предусмотрены уже торговые пошлины (польские купцы не торговали такими стратегически важными товарами, как сырье для производства оружия и само оружие). Князь Юрий-Болеслав Тройденевич 9 марта 1327 г. снова по просьбе Сигегарда Шварцбурга пролонгирует договор с Орденом о дружбе, гарантируя при этом защиту от татар. Возобновляя договора с Орденом 11 февраля 1334 г. и 20 октября 1335 г., Юрий-Болеслав Тройденевич ссылается на договора с Орденом, заключенные князьями Романом Мстиславичем, Даниилом Романовичем, Львом Данииловичем, Юрием Львовичем и Андреем Юрьевичем. Союзы с Орденом в 1334–1335 гг.

имели явную антипольскую направленность. В условиях сближения Польши с Венгрией, когда в Вышеграде Казимир III попытался поддержать претендента на галицкий престол Владислава Земовитовича, внука Льва Даниловича, князь Юрий-Болеслав Тройденевич поспешил заключить прямой военный союз с Орденом. В 1337 г. этот князь даже напал на Люблинскую землю и держал Люблин в осаде 12 дней. И только после гибели предводителя союзных татар эта осада была снята.

В условиях борьбы за наследство Романовичей, развернувшейся после 1340 г., союз с Орденом был еще более важен как в военном, так и в политическом плане. После вытеснения польских войск с территории княжества и подписания перемирия с королем Казимиром III «староста земли Руси» Дмитрий Дедько, лидер Галицкого боярства и наместник князя Любарта-Дмитрия Гедиминовича, первым делом в конце весны 1341 г. издает грамоту для торунских купцов, приглашая последних возобновить прерванную войной торговлю. Почти в то же время подобные гарантии безопасности дают своей грамотой торунским купцам князья Любарт-Дмитрий и Кейстут Гедиминовичи.

Не только оружие, но и другие военные технические новшества, появившиеся в Ордене, внедрялись в галицко-волинских землях. В первую очередь это относится к военному зодчеству, в частности — к замку Любарта в Луцке, появлению башен-донжонов в других крепостях. Широкое внедрение метательной артиллерии также в значительной степени было следствием тесных контактов с Орденом.

Через орденские земли шла балтийская торговля галицко-волинских городов, о чем свидетельствует известная грамота совета города Владимира совету города Штральзунда по поводу захвата сукна с потерпевшего крушение корабля, шедшего из Фландрии и принадлежащего владимирским купцам Бертраму Русину и Николаю.

В свою очередь для Ордена была важна восточная торговля, сбыт янтаря, импорт шелка, пряностей и других восточных товаров. Во Львове Орден держал большой янтарный склад и другие фактории, стоимость которых оценивалась в 3200 прусских марок. Только продажа янтаря на львовском рынке давал ок. 1000 прусских марок в год. В политическом плане, в условиях противостояния с Польшей, союз с Галицко-Волинским княжеством также был очень важен для Тевтонского ордена.

В орденских документах встречаются лица, называвшие себя «Ruthenus», «Russe», «de Lemberg». Вице-комтуром был Иван Белов (Ywanus Below), погибший в битве с поляками в 1331 г. как знаменосец (vexilifer) Ордена.

Ситуация изменилась после 1387 г., когда галицкая часть королевства Руси (как со времен Даниила Романовича называлось Галицко-Волинское княжество) окончательно была аннексирована Польшей. В 1400 г. Орденская собственность во Львове была продана.

В Великой войне против Ордена в 1409–1411 гг. в польской армии из 50 хорогов 7 были из Галицкой земли (Галицкая, Холмская, Львовская, Перемышльская, Тереховельская, Подольская и Жидачевская), волынские хорогвы были в составе литовского войска. Но и после этой войны, стремясь избежать польской аннексии, волынская элита обращалась к союзу с Орденом. Наиболее последовательным в этом вопросе был князь Свидригайло Ольгердович.

В сложных политических реалиях второй половины XIII–XIV вв. союз галицко-волынских князей, пытавшихся освободиться от ордынской опеки, а во времена Любарта-Дмитрия Гедиминовича ведущих борьбу с польским и венгерским королями, претендующими на наследство Романовичей, союз с Тевтонским орденом был важным направлением внешней политики. Конечно, этот политический шаг был вынужденным, но он обеспечил в первую очередь поставки военных материалов и стратегического сырья, а также поднял экономически выгодную балтийско-черноморскую торговлю.

Конечно, многие вопросы орденской политики галицко-волынских князей остаются дискуссионными и требуют дальнейшего исследования.

Волощук М. М. Hospites Ruthenes: к вопросу о восточнославянских знатных родах на службе династии Анжу // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 73–76.

М. М. Волощук

***Hospites Ruthenes: к вопросу о восточнославянских знатных родах
на службе династии Анжу***

Научная проблема переселения восточнославянской людности в западноевропейские страны на протяжении XIII–XIV вв. до сих пор не была предметом особого внимания со стороны историков. Как правило, ученые констатировали некоторые факты бегства жителей русских княжеств от татар в 40-е гг. XIII в., отталкиваясь главным образом от летописных известий. Не слишком много работ было написано и о беглецах-князьях, нашедших себе временное или постоянное пристанище в Венгрии, Польше и т. д. на период татарских погромов 40–60-х гг. XIII в. (*Волощук М. М. Вассальная зависимость Даниила Романовича от Бели IV (1235–1245 гг.): Актуальные вопросы реконструкции русско-венгерских отношений*

второй четверти XIII в. // *Specimina nova. Pars prima. Sectio mediaevalis*. P. 3. Pécs, 2005. S. 83–115; *Палаузов С. Н.* Ростислав Михайлович русский удельный князь на Дунае в XIII веке. СПб., 1851. 58 с.; *Харди Ѓ.* Ростислав Михайлович «*Dominus de Machou*» // *Studia Balcanica Bohemo-Slovaca*. Brno, 2006. T. VI. Svazek 1. S. 59–70; *Wenzel G.* Rosztizlaw galicziai herceg, IV. Béla magyar királynak veje // *Értekezések a történelmi Tudományok köréből*. Budapest: Kiadja a Magyar Tudományos Akadémia, 1887. K. 13. Szám 8. Old. 3–20; *Werthner M.* Boris und Rostislav. Beitrag zur Geschichte der russisch-polnisch-ungarischen Beziehungen. Berlin, 1889. 54 s. etc.).

Тем более актуальной остается эта тема в связи с наличием у историков огромного количества актового материала Венгерского королевства (большая часть которого на сегодняшний день оцифрована), отображающего общую динамику подобных переселений, особенно представителей земельной аристократии, очевидно — Галицкого, и, возможно, также Волынского княжеств. Такого рода перемещения, вызванные сменами в геополитической ситуации в Восточной и Центральной Европе, появлением новых тенденций в развитии торговли и военного дела, были характерными не только для XIII в., но особенно — для XIV в.

Опубликованные и до сих пор не нашедшие своего издателя архивные материалы Венгерского Государственного архива в г. Будапешт неоднократно упоминают категорию населения, именуемую *hospites rutenes/ruthenes* (Magyar Országos Levéltár (MOL, Budapest). Diplomatikai Levéltár (DL) DL 4026; MOL. DL 50932; MOL. DL 51662; MOL. DL 2539). Госпитами, или же гостями, в Венгрии было принято называть переселенцев изначально германского происхождения (саксов), компактно заселявших от XII в. Спишский комитат, Трансильванию, а от конца XIII–XIV вв. восточные земли королевства: Берегсаз, Унг, Угочи, Марамарош, Земплен и др. Однако динамика расселения во владениях сперва Арпадов, а от 1308 г. — Анжуйской династии других народностей, численность и разношерстность коих к XIV в. достигла неслыханных масштабов (*Miloš M.* *Cudzie etniká na stredovekom Slovensku*. Martin: Matica slovenska, 2006), привела к тому, что понятие «*hospes*» начало использоваться не только по отношению к немцам.

Неоднократно можно найти упоминания о пребывании на службе правящего рода госпитов именно восточнославянского происхождения в первом или втором поколении. Например, в дипломе от 22 января 1349 г. среди госпитов поселения Уйгей упоминается какой-то *Petow dictus Orrus* (MOL. DL 4026). Вполне очевидно, что среди марамарошских госпитов (в окрестностях городов Вишк, Густ, Тячево и Довгополе), фигурантов документа, изданного еще во времена правления Карла Роберта (*Carolus Robertus*, 1308–1342 гг.) и нашедшего подтверждение 18 февраля 1352 г. (MOL. DL 2539), находились переселенцы из

Галичского княжества. Данная гипотеза вполне реальна с географической точки зрения и наличия длительного венгерского контроля на восточном гребне Карпат, подтверждение чему имеется в анонимной хронике Восточной Европы («Anonymi Descriptio Europae Orientalis»), датируемой первой третью XIV в. Согласно известиям источника, значительная территория исторической Галичской земли как минимум в начале века находилась в составе Венгрии. Об этом, в частности, свидетельствует факт сплавки добытой в горах соли водами р. Прут (purut) «...per totum regnum [Hungariae. — M. B.] et ad alia regna...» (Anonymi Descriptio Europae Orientalis / Ed. O. Górká. Cracoviae: Sumptibus Academiae Litterarum, 1916. S. 47–48). В акте от 28 марта 1355 г. среди подданных Лайоша I (Lodovicus, 1342–1382 гг.) упоминается «Orros [dictus Orrus] János [Nogkallo] hospes», проживавший в комитате Саболч и приходящийся сыном какому-то Петру (MOL. DL 51662). И конечно же, таких случаев можно привести еще немало.

Категория населения, известная как *hospites*, согласно данным документов и исторических исследований (наиболее яркий пример специальных работ, посвященных госпитам, представляет цикл трудов Гаральда Циммермана: *Zimmermann H. Hospites Theutonici. Rechtsprobleme der deutschen Südostsiedlung // Gedenkschrift für Harold Steinacker (1875–1965) / Herausgegeben von Th. Mayer. München: Verlag R. Oldenbourg, 1966. S. 67–84; Zimmermann H. Siebenbürgen und seine hospites Theutonici. Vorträge und Forschungen zur südostdeutschen Geschichte. Köln-Weimar-Wien: Böhlau Verlag, 1996. 357 s. etc.*), являла собой поземельно свободное население, не облагаемое со стороны династии длительное время налогами с целью стабилизации собственной хозяйственной деятельности. Такие вольные переселенцы были выгодны венграм еще со времен Калмана I (Colomannus, 1096–1116 гг.), когда практически на государственном уровне было принято решение заселять безлюдные земли для их освоения в социальном и хозяйственном плане. В XIII в. с целью регулировки таковых процессов, а также на требование венгерского нобилитета уменьшить влияние германской знати при королевском дворе и, в целом, на дела страны, Эндре II (Andreas, 1205–1235 гг.) в буллах от 1222 и 1231 гг. отмечал, что: «особам иноземного происхождения нельзя жаловать владений» (арт. 32), если только «...они не захотят стать ее жителями» (арт. 23). Однако на практике, очевидно, данные законы исполнялись с большим количеством исключений, тем более, что огромное количество переселенцев оставалось в королевстве на всю жизнь.

Утрата венграми контроля над Галичской землей в середине XIII в. стимулировала процессы переселения местных жителей за Карпаты, где система политического управления, межсоциальные отношения, восприятие местной и центральной власти, ее отдельных представителей были мягче в сравнении с владениями Романовичей. Венгерская монархия

постепенно превращалась в сословную, где роль аристократии в управлении страной становилась изначальной и решающей. Поскольку волынская династия прекратила свое существование в 1340 г., а близлежащие восточнославянские территории опять оказались в сфере влияния и власти Анжу (особенно четко на протяжении 1370–1387 гг.), никаких предостережений в вопросах переселения вообще не было. Обоюдные смены места жительства стали обыденным явлением, о чем в современных западно-украинских областях свидетельствует обширный топонимический материал (с. Угорники, с. Угринов), названия гор (г. Говерла переводится с венгерского — «Hóvár», снежная крепость), рек и других географических объектов.

Численность и динамика подобных процессов в Венгрии были безусловно заметными, о чем свидетельствует и так называемая «русская» топонимика в соседних комитатах: Унг, Спиш, Саболч, Берег, Марамарош, в Трансильвании и др. («Rutenes», «Ruthenes», «Rusinich», «Oros», «Orosz», «Oroz», «Vrus», «Vruz», «Wrus», «Wrvs», «Wruz», «Wrwz»), и значительный документальный материал, которого практически нет в Галичине. Сами венгерские историки насчитывают около 80 населенных пунктов, названия которых, без сомнения, связано с восточнославянскими переселенцами, именуемыми в Венгрии, как правило, orosz.

Таким образом, в период правления в Венгрии династии Анжу целый ряд представителей восточнославянской людности, в том числе и знати, переселились на постоянное место жительства в пределы королевства, именуя себя госпитами — свободными поселенцами. Их служебные обязанности, дальнейший социальный статус, материальный достаток в связи с отсутствием необходимых исследований остается практически неизвестным. Поэтому автор в ближайшем будущем ставит целью данную проблему раскрыть максимально полно, развязав еще один из многочисленных загадочных сюжетов по истории русско-венгерских средневековых связей.

Выровский Д. С. Историческая литература XVI – первой половины XVII в. о правах Короны Польской на земли Руси // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 76–80.

Д. С. Выровский

Историческая литература XVI – первой половины XVII в.

о правах Короны Польской на земли Руси

Вызовы «от права», то есть из области юриспруденции, традиционно много значили для историографии. Можно вспомнить, что первым методом истории как науки был опрос свидетеля, полностью заимствованный из судебной практики. А в Средние века и в начале Нового времени «ученость вообще» также в очень большой мере понималась, собственно, как ученость правовая (вспомним традиционные «факультеты» средневекового университета).

Неудивительно, что домодерная историография часто трактовалась как прикладная область права. А те, кого ныне принято величать как классиков историописания, приходили к занятиям историей через свою юридическую практику или, хотя и реже, наоборот.

И речпосполитская историография совсем типична для таких «общеевропейских стандартов». Редкого сколько-нибудь известного историка тут не получится «вписать» в канон юристов (с практически аналогичным «уровнем известности»).

Причем прецедентный характер домодерного права был для историка, безусловно, классической «питательной средой». Каждая фиксация «его величества Обычая» становилась для истории-Мефистофеля тем «прекрасным мгновением», которое вело к поимке очередного ученого Фауста.

Становление «надгосударственных» структур «христианского мира» плюс формирование «семьи» монархов в рамках Европы стимулировало практику чисто юридических защит-апологий действий собственного государства перед всеми «кому это знать положено». Причем и для Польской Короны, и для Великого княжества Литовского, и для Московского великого княжества, а потом и царства, на первых порах не обошлось без пиар-утрат (вспомним хотя бы долгий скандальный след текста «Про Европу» Энея Сильвия Пикколомини, симпатика Тевтонского ордена, который стал папой римским Пием II). Тем охотней ученые этих стран включались в историко-юридические полемики в формате общеевропейских «стандартов науки».

Естественно, наиболее интегрированное в западно-христианский мир Польское королевство определенное время считалось законодателем таких процессов на востоке Европы (особенно после упадка Венгрии после 1526 г.). Более того, авторы разного происхождения, но с лояльностью к «natione Polone», активно популяризировали-навязывали свою точку зрения той же ренессансной «республике ученых», ответственной за стандарты знаний «цивилизованного мира».

Таким образом, неудивительно, что из всех «панов» (государственных традиций) раннемодерной Руси, наиболее «плодовитыми» (в количественных величинах уж точно) в

презентации опыта «русского» (пока совсем не равного «русскому») стали ученые, лояльные к Польской Короне (также совсем не равные «польским ученым»). Анализу историографических «предложений/аргументов», произведенных этой специфической ученой средой в XVI – первой половине XVII в., и посвящен этот доклад.

Мне уже доводилось довольно широко исследовать данный вопрос (см. раздел 2 «Історія *versus* географія: Характеристики українських земель у річпосполитській історіографії» в книге «Річпосполитська історіографія України (XVI – середина XVII ст.)». К., 2008; электронная версия на сайте Института истории Украины НАНУ: http://history.org.ua/index.php?urlcrnt=LiberUA/select_PDF.php&isbn=978-966-02-5094-9).

Позволю себе напомнить основные выводы по данной работе. В частности, в ней констатирован явный прогресс исследования исторической географии Руси в Речи Посполитой накануне и особенно после Люблинской унии 1569 г. Причем, именно речпосполитские авторы начали осмысливать новые внутренние кордоны Руси (в границах близких к современным Украине, Белоруссии и России) и вообще договорились до такого популярного позднее концепта тройкой Руси. Поэтому можно говорить, что именно они придали интеллектуальные формы будущим «национальным» рубежам восточнославянских народов.

Кто-нибудь может воспринять это как парадокс, но частенько параметры «русской темы» задавали очень далекие от локальных практик концепты. К ним, в частности, принадлежит теория мировой христианской общности, проблема противодействия исламской (тогда — в основном турецкой) агрессии, отношения восточной и западной ветвей христианства в «куче» с вопросом религиозно-политической толерантности, династические стратегии монарших домов Европы, ранненациональные мифологии и ренессансные искания «утраченного Рая» античности.

Однако именно такой набор внешних интеллектуальных раздражителей способствовал/провоцировал проявления локального мышления, формировал местную традицию мысли. Причем, ответы «наружу» (для *Orbis*, а не для *Urbis*) долгое время явно доминировали над разъяснениями относительно тех же вопросов, но «для собственного употребления».

Вообще, некоторое время «русское наследие», о котором любят поговорить отечественные историки, а еще больше специалисты по нациологии, оставалось целиком потенциальной категорией. Оно не давало заметной поживы для вышеупомянутых ответов (на уровне ученой культуры). Его почти целиком заступало своеобразно интерпретированное античное наследие и экстраполяция современного и весьма недавнего прошлого на как бы не всю предыдущую историю. Однако даже они способны были играть роль архимедовой

«точки опоры», а количественное накопление «русских» материалов готовило основания для качественного прорыва для «науки» того времени.

Проанализированные в моей книжке короткие «введения к теме» Яна-Анджея Красинского и Мартина Кромера, фактографически-«всеядная» наративизация карты Станислава Сарницкого и «совершенный» краеведческий синтез Шимона Старовольского целиком способны выступать иллюстрацией вех на этой дороге. Упомянутые сочинения позволяют развернуть исследования по реконструкции комплекса эмоциональных понятий, связанных с пространством Украины в частности и Руси вообще, исторической этнографией русских земель и горизонтами историко-географических знаний XVI – середины XVII в.

Вообще, замешанная на геополитике историческая география послелюблинской Речи Посполитой впечатляет способностью делать взвешенные (политкорректные) наблюдения на основании немногочисленных фактов (тут явно сказывалось воспитание на традиционном *прецедентном* праве). Причем, они не часто укладываются в рамки классического колониального дискурса (туземное = худшее). Толеранция локальных отличий не раз перерастает в искреннее восхищение, становится предметом общегосударственной гордости, легитимизирует «русскую» традицию и формулирует требования корректности государства к ней.

Кроме этой небольшой автопрезентации хочу также остановиться на тексте, анализ которого не был включен в мои предыдущие исследования. Это историко-правовой трактат католического епископа и подканцлера коронного, человека, близкого ко двору короля Сигизмунда III Вазы, *Станислава Любенского* (1573–1640).

Этот текст вошел в число историко-политических работ автора, опубликованных в посмертном издании «Opera postuma...»/«Посмертные произведения...» (Антверпен, 1643), и носит весьма прямолинейное название «Dissertatio de jure Regni Poloniae ad Russicas Moschoviticisque ditones»/«Диссертация о правах Короны Польской на руско-московские области» (Р. 178–184). К сожалению, обстоятельства и дата написания этой работы неизвестны. Можно лишь говорить о том, что она вписывается в контекст Смуты в Московском царстве и экспансионистской восточной политики двора Сигизмунда III.

У современных историографов «Диссертация» особой популярностью не пользовалась. Обычно их обзоры ограничивались более или менее коротеньким пересказом текста и замечанием, что тема его достаточно редкая для речпосполитской историографии (*Długosz Józef. Stanisław Łubieński (1573–1640) — biskup, podkanclerzy, historyk-polemista // Studia historyczno-prawne: Prace dedykowane Profesorowi Janowi Seredyce w siedemdziesiątą piątą rocznicę urodzin i czterdziestopięciolecie pracy naukowej / [pod red. Janusza Dorobisza, Włodzimierza Kaczorowskiego; Uniwersytet Opolski]. Opole, 2004. S. 68–69; Graczyk Waldemar.*

Stanisław Łubieński — pasterz, polityk i pisarz: 1574–1640. Kraków, 2005. S. 353–357). Для украинской историографической традиции интересно также, что отдельные «источники» С. Любенского (присяги литовско-руских княжат польскому королю конца XIV в.) заново и независимо от текста «Диссертации» «открывал» и анализировал М. Грушевский (*Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. IV: XIV–XVI віки — відносини політичні. К., 1993. С. 466–468*).

Свое исследование Любенский начал от князя Святослава, «сына Игоря и Ольги», и довел до Оршанской битвы 1514 г. Основные факты, вероятно, почерпнуты из уже к тому времени классических работ Я. Длugoша и М. Кромера, но изюминкой «Диссертации» была информация про «источниковедческое открытие» автора — присягу конца XIV в. «руских князей» (собственно литовско-руских, но это Любенский старательно затушевывает) польскому королю.

Хочется обратить внимание на значение «Диссертации» прежде всего для изучения украинской и белорусской историографических традиций. Дело в том, что до сих пор неясны все обстоятельства «возрождения» историографии-летописания как проекта собственно «истории Руси» — «исторической нации» (сопоставимой с другими европейскими раннемодерными нациями), а не истории русских уделов-обломков, интегрированных в чужие национальные проекты.

Модерная российская и советская историографии акцентировали внимание именно на *возрождении* «древнерусского летописания» в XVII в., минимизируя анализ предложений «от речпосполитской историографии», которые были доступны основателям новой раннемодерной историографической традиции. И «Диссертация» Любенского, безусловно, может служить свидетельством зрелости «истории Руси» как сюжета речпосполитской историографии на рубеже, когда этот сюжет уже готов был выйти в самостоятельное плавание. Сочинение Любенского такжешний раз подчеркивает значение интеллектуальных вызовов Смуты для «нероссийской Руси» — Украины и Белоруссии.

Считаю, что переход с уровня «эпико-поэтической» подачи развития раннемодерной историографии на востоке Европы на уровень будничной текстологии позволит как можно реже прибегать к приему «*deus ex machina*». Подозреваю также, что тогда «треснет» и архаичная стена между «модерным» и «домодерным» историописанием (последнее нередко еще трактуется как *недо*историография, относительно первого — *настоящей* историографии); «закроются» многие «открытия» ученых любимого восточноевропейскими историографами «века историков», «длинного XIX столетия», а диалог разных историографических традиций станет как предметом перспективных исследований, так и нормой общения современных историков.

Голубев О. Е. Византия, Москва, Литва в середине XIV в.: треугольник взаимоотношений // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 80–84.

О. Е. Голубев

Византия, Москва, Литва в середине XIV в.: треугольник взаимоотношений

XIV век является одним из наиболее интересных периодов восточноевропейского Средневековья. В это время происходило возвышение Московского княжества, параллельно укреплялись другие центры, боровшиеся за первенство в восточнославянском регионе. Одним из них стало Великое княжество Литовское, на землях которого сформировалась уникальная религиозно-политическая обстановка: князья правящей династии были язычниками, а большинство их подданных — православными. Это привело к тому, что княжеская власть активно использовала православную церковь в своей политике: стараниями великих князей была учреждена и трижды восстанавливалась Литовская митрополия, появился обширный комплекс документов переписки правителей восточноевропейских государств с Константинопольским патриархатом. Реакция византийского общества на события, происходящие в ВКЛ, отразилась в источниках: сохранилось свидетельство историка Никифора Григоры в «Римской истории» (*Nicephori Gregorae. Historiae Byzantinae*: 3 vol. / Nicephori Gregorae. Bonn: Weber, 1829. Vol. 3. 1829) и похвальное слово «ритора святейшей Божией Великой Церкви Михаила Вальсамона на славных новоявленных мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, русских» (*Сперанский М. Н. Сербское житие литовских мучеников. Кн. 1. М., 1909*).

Можно говорить о том, что в это время в ВКЛ наблюдался феномен «своей античности», сутью которого был сложный комплекс взаимоотношений светской языческой власти с православной иерархией и православным населением. Термин «своя античность», впервые использованный Д. С. Лихачевым в отношении древнеславянской литературы IX–XIII вв., остался практически незамеченным исследователями (*Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973*). А. А. Турилов предложил вернуть его в научный оборот, дав ему следующую интерпретацию: «“Своя” оказывается синонимом

“церковнославянской” (без национально-племенных различий), а “античность” охватывает почти четырехвековой период 860–1230» (*Турилов А. А. «Своя античность» в русской книжности конца XIV – первой половины XVI века (к характеристике явления и термина) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (37). С. 116*). Представляется возможным несколько расширить семантику этого термина, используя его применительно к политической и конфессиональной ситуации в Великом княжестве Литовском. Как и в первые века христианства, церковь столкнулась со сложной проблемой, когда ей приходилось напрямую взаимодействовать с язычеством, что побуждало ее представителей искать неординарные подходы к разрешению возникающих противоречий.

Феномен «своей античности» проявлялся в области организации религиозной жизни в ВКЛ (отношения язычества и христианства, учреждение Литовской митрополии, формирование местного лика святых (виленские мученики)), в сфере дипломатических отношений (контакты великих князей литовских с Константинопольским патриархатом), в идеологическом противостоянии Вильно и Москвы.

Проблемам изучения истории восточнославянских стран XIV в. посвящены многие исследования. Однако взаимоотношения и контакты в рамках треугольника Византия—Москва—Литва остаются изученными весьма неравномерно. Вектор отношений Константинополь—Москва активно изучается, начиная с середины XIX в. до наших дней, итогом этого изучения является целый ряд исследований, посвященных проблемам истории Византии, Руси и других стран, входящих в «Византийское содружество наций». С середины 90-х гг. XX в. начался активный процесс изучения взаимоотношений по линии Москва—Литва. А третья сторона треугольника, соединяющая Константинополь и Литву, до сих пор не привлекает к себе должного внимания исследователей. Хотя, как можно судить по событиям середины XIV в., связанным с деятельностью великого князя Ольгерда, Литва была серьезным соперником для московского княжества в процессе объединения русских земель. Кроме того «литовский» фактор нарушал баланс сил в регионе, создавая проблемы для Византийской империи.

Руководствуясь принципами симфонии, византийский император и патриарх выстраивали иерархическую пирамиду власти, в вершине которой был Бог. Получив поставление от Бога, они исполняли его святую волю, передавая ее на более низкие ступени (в провинции империи и другие государства «Византийского содружества наций»). Светские правители и церковная иерархия восточноевропейских стран должны были подчиняться императору Византии и константинопольскому патриарху. Подданные Византии и жители Руси были по вероисповеданию христианами, что значительно облегчало управление ими. Взаимодействуя с ними, можно было апеллировать к библейским нормам морали, требуя от

них сыновнего послушания и взаимной любви. В своих посланиях патриарх неоднократно напоминал русским князьям и киевскому митрополиту о необходимости сохранения христианского мира. В основу системы византийского патроната на восточнославянских землях была положена православная христианская вера, выступавшая залогом стабильности существующей политической системы.

Оплотом русского православия и проводником византийской политики выступал митрополит киевский, резиденция которого находилась в Москве. Соперниками московских князей выступали правители ВКЛ, которые видели именно себя в роли собирателей «древнерусского наследия». Амбиции языческого князя Ольгерда не позволяли ему вписаться в описанную выше идеальную схему подчинения вселенскому центру в Константинополе. Вероятно, он пытался построить свою модель устройства политического мира на русских землях, которая отличалась от византийской. Всю полноту власти он хотел сконцентрировать в своих руках, получив влияние над большей частью русских земель. В его политических планах церковь становилась важным инструментом по усилению влияния ВКЛ на русских землях. Треугольник трех столиц (Константинополь—Москва—Вильно), о котором говорилось выше, своеобразным образом «наложился» на треугольник трех личностей: церковных иерархов — константинопольского патриарха Филофея Коккина и киевского митрополита Алексия, с одной стороны, и светского правителя ВКЛ князя Ольгерда — с другой. Взаимоотношения между ними отразились в целом ряде источников, в который вошли византийские памятники и послания восточнославянских правителей.

В нашем распоряжении есть уникальный малоизученный комплекс документов переписки светских правителей Восточной Европы с Константинопольским патриархатом. Изучение этого комплекса может обогатить фактологическую и концептуальную базу современной исторической науки. Дошедший до нас комплекс документов (сохранился 21 памятник) представляет собой уникальное собрание источников по истории церковно-политических взаимоотношений ВКЛ и Византии. Памятники переписки Ольгерда с Филофеем вошли в архив константинопольских патриархов (*Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV–MCCCCII e codicibus manu scriptis bibliothecae Palatinae vindobonensis*: 2 vol. / F. Miklosich, I. Müller. Wien, 1975. Vol. 1; *Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV–MCCCCII e codicibus manu scriptis bibliothecae Palatinae vindobonensis*: 2 vol. / F. Miklosich, I. Müller. Wien, 1975. Vol. 2), на русском языке они были изданы в 6-м томе серии «Русская историческая библиотека» (Русская историческая библиотека. Памятники древнерусского канонического права. Памятники XI–XV вв. СПб., 1908. Т. 6). До настоящего времени этот комплекс не рассматривался как единое целое. Среди названных документов: 4 соборных деяния, 5 грамот к митрополиту киевскому

Алексию, 4 послания к епископам (литовскому митрополиту Роману и новгородским епископам Моисею (2 послания) и Алексию), 6 грамот к князьям (2 окружных — «увещательная» и «отлучительная», 1 — к великому князю Дмитрию, 2 — к тверскому князю Михаилу, 1 — к смоленскому князю Святославу), грамоты литовского князя Ольгерда и польского короля Казимира. 19 памятников относятся к документам канцелярии патриарха, а 2 грамоты можно отнести к оригинальным русским.

Таким образом, в XIV в. на землях Великого княжества Литовского сложилась уникальная ситуация, когда православие напрямую должно было взаимодействовать с язычеством, что привело к развитию феномена «своей античности», отразившегося в источниках. Мы располагаем обширным малоизученным комплексом канонических документов и памятниками, принадлежащими византийским авторам.

«Византийско-московская» и «московско-литовская» грани упомянутого треугольника изучены довольно хорошо, подтверждением чему является большое количество научно-исследовательских трудов. «Литовско-византийская» сторона за скудостью источников освящается в них недостаточно, что создает необходимость проведения дальнейших исследований по данной теме и более детального анализа источников.

Грачев С. Ю. Реконструкция торговых путей Подесенья на основе кладов и находок единичных монет XV в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 84–89.

С. Ю. Грачев

Реконструкция торговых путей Подесенья на основе кладов и находок единичных монет XV в.

В конце XIV в. в состав Великого княжества Литовского вошли новые земли. Присоединение этих территорий происходило поэтапно: сначала княжества пользовались относительной автономией, о чем говорит чеканка собственной монеты. Как и в Червонной Руси (Котляр Н. Ф. Монеты Червонной Руси в денежном обращении Польского государства. НиЭ. 1964 г. Т. V. С. 172), монетная чеканка была в Смоленском (Зайцев В. В. Новые

находки ранних монет Великого княжества Литовского в России. Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2007. Вып. 2), Брянском (*Зайцев В. В.* Монеты Дмитрия Ольгердовича Брянского. Нумизматика. 2010. № 1. С. 10), Карачевском (*Зайцев В. В.* Монеты Карачевского княжества. Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2006. Вып. 1) и Новгород-Северском (*Рябцевич В. Н.* О монетах Новгород-Северского и Стародубского уделов Великого княжества Литовского. Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2007. Вып. 2. С. 138) княжествах. После подавления Витовтом в 1404 г. восстания в Смоленске об удельных выпусках не могло быть и речи. Эпизодическая чеканка монет и недолгое обращение является скорее политическим, чем экономическим шагом, и в данной статье рассматриваться не будет.

Получив политическую и военную стабильность, а за весь XV в. восточные земли Великого княжества Литовского только трижды подвергались разорению московскими войсками: в 1445, 1449 и 1499 гг. (ПСРЛ. М., 1965. Т. 12. С. 63), Подесенье включилось в экономическую жизнь Великого княжества Литовского. С 20-х гг. XV в. в регионе начинается период «Пражского гроша».

Говоря о пражских грошах, нельзя не вспомнить о чешской монетной реформе Вацлава II, которая является одним из самых удачных маркетинговых мероприятий XIV в., позволившим полностью контролировать не только богатейшие в Европе рудники, но и получать прибыль за любой транзит серебра через свою территорию. Вскоре крупная Чешская монета становится средством международной торговли и желанным товаром для других стран, а отрицательный торговый баланс, т. е. вывоз из страны серебра, достиг огромных размеров уже в XIV в., став для Чехии основой ее благополучия.

Успешные военные кампании князя Витовта конца XIV – начала XV в. включили в состав Великого княжества Литовского огромные территории, новые налоги с которых увеличивали товарооборот внутри государства и создавали излишек продукции, готовой для выставления на международный рынок. Ставя под контроль новые территории, надчеканивают уже привычные для данного региона джучидские дирхемы. (*Зайцев В. В.* О датировке надчеканок в виде «столбов» на золотоордынских монетах. Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2006. Вып. 1. С. 171). А появление в Подесенье пражского гроша говорит об изменении направления торговли этих земель и переориентацию их на западные рынки. Именно товары с Русских земель, недавно вошедших в ВКЛ, могли составить дополнительный (сверх прежнего) объем торговли Вильнюса и Праги. Хлеб, мед, пенька, сало, кожи, меха пушных зверей, воск, деготь — товары, поступающие в Чехию. С началом гуситских войн Чехия находилась в затруднительном политическом положении с западноевропейскими странами, а серебро

стало самым желанным товаром для растущих внутренних рынков Великого княжества Литовского. Именно серебро было основой Чешского благополучия, оно же позволило гуситам сопротивляться внешней угрозе так долго. На период гуситских войн приходится основной поток серебра в новые Литовские провинции: большинство монет с именем Вацлава IV чеканились в последние годы его правления и продолжали чеканиться гуситами уже после его смерти. Основная масса кладов этих монет расположена по Днепру и его притокам, таким как Десна, Сейм, Сож (*Соболева Н. А. Экономические связи южной и западной Руси с Чехией в XIV–XV веках. М., 1967*).

С улучшением экономической ситуации в регионе становится возможным проследить покладам и находкам единичных монет дороги, используемые в XV в.

На основе карты находок пражских грошей, составленной Соболевой Н. А. (Рис. 1), она делает вывод об экономических районах, связанных с городом обращением монет, о проникновении денег в сельские местности (*Соболева Н. А. Указ. соч. С. 163*) и основных дорогах, связывающих эти местности.

Две основные дороги, которые проходили через Подесенье, были дорога Гомель—Унеча—Почеп—Брянск—Козельск и далее в Рязанские земли, и еще одна цепочка кладов тянется вдоль реки Сейм. Подробнее я хочу остановиться на находках, сделанных в последние годы на территории Брянской области (Рис. 2). Мною собраны сведения о находках четырех новых кладов и девятнадцати единичных монет. Благодаря новым находкам можно существенно уточнить и дополнить работу Соболевой Н. А.

Клады пражских грошей найдены в окрестностях деревень Соколово (*Короткова Н. В. Клад пражских грошей. Деснинские древности. 2006. С. 460*), Чемодурово, Партизанское и Крыжино (последние три клада находятся в частных коллекциях). Клад из деревни Чемодурово в настоящий момент является самым крупным из найденных на территории Брянской области: более четырехсот монет. Эта находка подтверждает важное значение древней дороги, которое она приобрела после вхождения Подесенья в состав Великого княжества Литовского. Далее дорога проходила через лесной массив, севернее Брянска — через деревню Соколово и село Липово, в котором найдены два пражских гроша, возможно, без захода в Брянск (в котором не найдено ни одного клада грошей), с переправой через Десну в районе села Овстуг.

Сохранилось и значение другой старинной дороги Севск—Радогощ—Сомово—Карачев (*Зайцев В. В. К вопросу об археологической локализации летописного Болдыжа. Деснинские древности. 1995. С. 129*), которое подтверждается находками двух грошей в окрестностях села Сомово и одной монеты в деревне Городище 2.

Находка двух грошей у деревни Осиновые дворики говорит о существовании дороги Брянск—Карачев, проходящей по тому же пути, что и Екатерининский тракт в XVIII в. Дорога проходила южнее современной трассы, в обход заболоченной местности р. Снежень. Это находки самых ранних монет на этом пути, что дает право думать о его прокладке по данному маршруту именно в XV в. Соединяясь в Карачеве с дорогой, приходящей из Севска, торговый путь уходил к р. Ока и поднимался по ее течению до Москвы.

Как когда-то Днепр с его притоками был транспортной артерией Киевской Руси, так и после включения его на всем течении в Литовское княжество, он продолжал оставаться важной торговой магистралью, связывающей отдельные ее части. Несмотря на небольшое количество находок, что скорее всего связано с особенностями водных перевозок, Десна оставалась одним из главных путей сообщения региона, соединяя такие города как Новгород-Северский, Трубчевск, Брянск и Смоленск. На притоке Десны, р. Навле, в районе деревни Партизанское найден один из кладов. Единичные находки в деревне Перекоп и в окрестностях села Сомово говорят о транспортном значении реки от впадения ее в Десну в районе деревень Любожичи и Арельск до переправы в селе Сомово, где р. Навлю пересекает дорога Карачев—Севск.

Таким образом, не только находки кладов, но и единичные находки — все они найдены на торговых путях Подесенья XV в. Нет сведений о находках грошей в деревнях, не связанных с торговыми путями, хотя и нет сомнений в активном использовании этих монет для уплаты налогов (*Соболева Н. А. Указ. соч. С. 178*). Это связано, скорее всего, с тем, что простым населением ценился каждый грош, а случайные потери, тем более такой крупной монеты — это потери людей состоятельных, имеющих в своем кошельке, возможно, не один десяток монет.

Пока нет сведений о находках пражских грошей в Стародубском и в Погарском районах Брянской области, но несмотря на это, участие Русской Северщины в экономической жизни Великого княжества Литовского не вызывает сомнений.

До настоящего времени известно только об одном кладе из Брянской области, чье сокрытие относится к XIV в., а находки десяти кладов пражских грошей в Подесеньи говорят о начале экономического развития региона и об опасности торговли на окраине Великого княжества Литовского в XV в.

Сводка находок кладов пражских грошей:

1. Новозыбков, урочище Зеленый бор (125 шт.)
2. с. Жовнец (189 шт.)
3. д. Коржовка (93 шт.)
4. с. Храбровичи (150 шт.)

5. д. Чемодурово (450 шт.)
6. д. Молотино (150 шт.)
7. д. Крыжино (49 шт.)
8. с. Овстуг (40 шт.)
9. д. Соколово (60 шт.)
10. д. Партизанское (50 шт.)

Сводка единичных находок пражских грошей:

1. с. Осовик
2. с. Волжино
3. д. Шустово
4. д. Гороховка
5. с. Страшевичи
6. с. Чернетово
7. с. Липово
8. г. Брянск, Покровская гора
9. д. Клинок
10. д. Житные поляны
11. д. Гаврилково
12. д. Любожичи
13. с. Кветунь
14. д. Перекоп
15. с. Сомово
16. д. Городище 2-ое

Рис. 1. Карта экономических районов, существовавших на территории Великого княжества Литовского в XV в.

Рис. 2. Карта находок пражских грошей на территории Брянской области.

Греков В. Д. Комплекс вооружения Юго-Западной Руси накануне битвы при Грюнвальде/Танненберге // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 89–93.

В. Д. Греков

Комплекс вооружения Юго-Западной Руси накануне битвы при Грюнвальде/Танненберге

Битва при Танненберге 1410 г. — одна из важнейших битв в истории средневековой Восточной Европы. В свете празднования 600-летия со дня битвы, вопросы, связанные с данным событием, становятся еще более актуальными. Несмотря на значение этой битвы, она, по нашему мнению, остается далеко не до конца исследованной. Дискуссионные вопросы касаются не только численности и состава войск, последствий и выбора пути дальнейшего развития восточнославянских народов, но и роли отдельных частей союзных войск в победе. Также остается актуальной проблема вооружения противоборствующих сторон, в том числе и войск Юго-Западной Руси, принимавших участие в битве в составе польских и литовских войск. В связи с этим становится актуальным вопрос и о вооружении войск Юго-Западной Руси накануне битвы, его развитии в XIV в. Время в военной истории средневековой Руси, после монгольского нашествия, в западной историографии получило название «темных веков» (Dark Ages).

Исследований, посвященных истории военного дела Юго-Западной Руси XIV в., достаточно много. Но работ, которые предлагают действительно новые концепции, немного. Все исследования можно поделить на три группы: специализированная, общая и источниковедческая.

Основная масса исследований относится к общей группе, в ней изучение военного дела осуществляется в ходе рассмотрения смежных тем, например, культуры. Время от времени это приводит к тому, что исследование военного дела приобретает фактически компилятивный характер. Специализированная отечественная литература посвящена главным образом освещению вопросов, связанных с развитием военного дела, и нередко имеет скорее описательный, чем аналитический характер. Это приводит к тому, что фактически нет попыток объяснить, почему сформировался тот, а не иной тип военного дела. К третьей группе принадлежат работы, которые рассматривают преимущественно источники.

Очень часто исследования имеют фактологический характер. Также развитие военного дела Юго-Западной Руси часто включается в общерусский контекст. Это приводит к тому, что в ряде случаев не учитываются исключительно местные особенности развития военного дела

или вообще игнорируются определенные периоды в истории или отдельные элементы военного дела. В свою очередь это приводит к искривлению самого хода развития военного дела и построению неправильных выводов.

Княжества Юго-Западной Руси в течение XIV в. постепенно теряли свою независимость. В результате эти земли вошли в состав Польши и Великого княжества Литовского. Именно этот период в военной истории Юго-Западной Руси является наиболее «темным», одновременно являясь «белым пятном» в исследованиях военной истории Юго-Западной Руси, которое заканчивается с возникновением казачества.

В данном исследовании речь пойдет о землях, которые вошли в состав Польши и Литвы. И в первом, и во втором случае военное устройство было направлено на мобилизацию максимального количества войск без применения ополчения. Если упростить эту схему, то она выглядит так: кто имеет землю, тот обязан нести воинскую службу. Также в определенный момент стали активно использовать наемные и союзные войска. Они могли состоять из регулярных частей, наемных, союзных и ополчения. Мы можем наблюдать в этот период повышение роли пехоты и продолжение дифференциации войск на роды. Таким образом, в это время можно выделить четыре основных рода войск: тяжеловооруженная конница, легкая конница, тяжелая и легкая пехота.

Можно проследить несколько основных тенденций в развитии вооружения: увеличение пробивной силы оружия, унификация различных разновидностей вооружения, усиление защиты и вариативность защитного снаряжения.

Дадим краткую характеристику основных видов вооружения, которые существовали на этих землях. Начнем с наступательного оружия. Весь комплекс наступательного вооружения можно разделить на несколько структурных единиц. Скажем, одним уровнем разделения будет конструктивный, а второй будет представлять характер наносимого урона. Таким образом, в первом случае мы выделяем клинковое, древковое и метательное оружие, а во втором — рубящее, колющее и ударное. Начнем с клинкового. Фактически, единственным видом клинкового оружия, которое применялось на территории Юго-Западной Руси, были сабли. Сабли начали вытеснять мечи на этих землях еще в предыдущий период, а в XIV в. этот процесс окончательно завершился. Сабли, как и другие виды оружия, становятся все более мощными. Это стало следствием усиления защитного снаряжения. Увеличивается длина сабель и изгиб лезвия, что приводит к увеличению силы удара.

Определенная унификация происходит и с древковым оружием. При этом мы можем наблюдать ту же тенденцию, что и с клинковым вооружением. Эта тенденция связана с усилением древкового оружия. Осталось всего две разновидности копий: рогатина и пика. Именно эти разновидности копий обладают максимальной пробивной силой. Пики

становятся фактически единственной разновидностью копья, которая использовалась кавалерией. Наконечники пик, изначально приспособленные для пробивания защитного снаряжения, становятся больше. Более массивной стала и тулья. Это увеличило пробивную способность пик, а также их надежность в использовании против одоспешенных воинов. Рогатина изначально имела очень эффективную форму наконечника, а ее размеры позволяли сокрушать практически любую защиту. Вместе с возрастающей ролью пехоты, а также ростом защищенности воинов, повышается роль топоров. Топоры использовались преимущественно пехотинцами. Существовало несколько групп топоров, среди них секиры-чеканы, топоры-булавы и др. Еще одним видом древкового оружия были булавы. Также как и кистени, это оружие ближнего боя. В этот период мы можем наблюдать тенденцию к унификации различных групп булав. Это же относится и к кистеням. Наиболее типичными были булавы, которые имели навершие в виде куба с усеченными углами. Также популярной группой были биконические кистени с прямоугольным ушком.

Скажем пару слов о защитном снаряжении. Продолжается процесс увеличения бронированности воинов. Он проявился как в развитии металлического защитного снаряжения, так и в развитии нежелезных доспехов. Важную роль в распространении неметаллических доспехов сыграли татары. Но судить о степени использования таких доспехов в домонгольский период очень трудно. Из кожи изготавливались панцири, наручи и др. Такой доспех был достаточно дешевым, поэтому практически каждый воин мог себе его позволить. В некоторых случаях он надевался под металлический доспех. Известна закономерность — чем больше слоев, тем надежнее. Кроме кожи могли использовать войлок и другие материалы. Данная мягкая одежда могла быть как короткой, так и длинной. Достаточно много было вариаций железных доспехов, начиная со стандартных кольчуг, пластинчатых и чешуйчатых доспехов и заканчивая различными комбинациями колец и пластин. Самыми подвижными соединениями являются соединения колец, затем чешуек и в конце — пластин. Чаще всего пластины находились на груди и спине. Все остальное пространство заполнялось кольцами и чешуйками. Под пластинчатый доспех могли надевать не только смягчающую одежду, но и кольчугу. Можно выделить несколько разновидностей щитов, бытовавших на территории Юго-Западной Руси. Основная масса щитов имеет небольшие размеры — от четверти до половины человеческого роста. Основными разновидностями щитов были круглые, треугольные и прямоугольные. Треугольные щиты стали следствием эволюции миндалевидных щитов. Следует отметить тот факт, что круглые щиты гораздо чаще использовались в движении в отличие от треугольных и прямоугольных, которые прижимались к туловищу. Правда, этот принцип действует только для всадников.

Подводя итоги, следует отметить, что комплекс вооружения Юго-Западной Руси

следовал общеевропейским тенденциям, хотя при этом были и местные особенности. Идет поиск максимально эффективного защитного снаряжения при сохранении подвижности в нем. Это проявилось в комбинировании различных видов колец, пластин и чешуек. Также происходит процесс увеличения ударной силы наступательного оружия. Происходит процесс унификации различных групп оружия и поиск наиболее эффективных форм для борьбы со средствами защиты. Повышение роли пехоты активизирует использование ряда видов оружия.

Исследование комплекса вооружения Юго-Западной Руси накануне битвы при Танненберге наталкивается на ряд проблем. Главной проблемой является нехватка источников и их фрагментарность, а исследования военного дела данного периода фактически затрагивают только часть территории. Все это приводит во многом к теоретизации исследования военного дела всей территории Юго-Западной Руси.

Дворниченко А. Ю. Военно-служилое государство (Восточная Европа. XIII–XVI вв.) // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 93–103.

А. Ю. Дворниченко

Военно-служилое государство (Восточная Европа. XIII–XVI вв.)

Величие битвы, прогремевшей на равнине между до того никому неизвестными селениями Грюнвальд и Танненберг, можно понять лишь в контексте политогенеза многострадальной Восточной Европы. Причем, в рамках периода, который охватывает время с XIII по XVI в.

XIII век стал тем рубежом, который отделил историю так называемой Киевской Руси от последующей эпохи, в корне изменил жизнь восточных славян и других народов Восточной Европы. Рубеж этот пропитан кровью, пропах гарью пожарищ, буквально насыщен людскими муками...

В XIII в. Руси пришлось испытать завоевания и с востока и с запада. Для понимания сущности этих завоеваний надо иметь в виду известный тезис о том, что характер завоевания зависит от уровня развития того народа, который его совершает. Завоеватели из Западной

Европы, достигшие высокого уровня социального и политического развития, старались плотно осесть на захваченных территориях, заселить их выходцами из коренных земель.

У монголов была другая цель: максимально использовать пространства Восточной Европы в качестве пастбищ, пополнить за счет Руси контингент рабов и выкачать как можно больше средств в виде даней.

Третий вариант являет из себя литовское «завоевание», которое так называется лишь условно, и в ходе которого внутреннее устройство древнерусских земель оставалось, практически, без изменения.

Таким образом, внешнеполитическое положение Руси в этом столетии меняется: внешний фактор в ее истории начинает играть гораздо большую роль, чем прежде. Под его воздействием многие процессы социальной, экономической и политической жизни видоизменяются, меняют вектор своей направленности. А если к этому присовокупить недостаток источников, то понятен вывод многих историков о своего рода дискретности в ходе русской истории, об отрыве «киевского» периода от «московско-литовского».

Я выступаю, однако, за континуитет в истории, за то, что, несмотря на все отличия, история Киевской Руси нашла свое продолжение и развитие в последующие столетия. Трагический XIII век застал древнерусские земли на стадии «общинности без первобытности», но и без сложившейся государственности. Русь состояла из волостей, городов-государств (По определению Ю. И. Семенова, «градообщин» (*Семенов Ю. И. В. И. Сергеевич, его труд «Древности русского права» («Русские юридические древности») и проблема исторического пути Руси-России // Сергеевич В. И. Древности русского права. В 3 т. Т. 1. М., 2007. С. 55*). Каждая такая волость была системой соподчиненных общин, в основе которой лежал принцип вечевого непосредственной демократии. Волости связывал между собой общий княжеский род Рюриковичей, общность церковной организации, этничность и историческая память о «стольном Киеве-граде».

Ситуация вполне напоминала древнегреческую. «Греки никогда не смогли перешагнуть рамки города-государства, разве только в мечтах... Они чувствовали себя прежде всего афинянами, фиванцами или спартанцами», — пишет знаток греческой цивилизации А. Боннар. Но все-таки «не было ни одного греческого полиса, который бы не ощущал очень остро своей принадлежности к эллинской общности» (*Боннар А. Греческая цивилизация. От Илиады до Парфенона. М., 1992. С. 34*). «Парадокс и одновременно трагедия греческой истории» видится исследователям в том, что «преодолеть укоренившиеся полисные традиции было невозможно, стоя на почве собственно греческой» (*Фролов Э. Д. Явление федерализма в политической жизни античной Греции // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2008. С. 22*). Наши полисы были, конечно, не

так «укоренены», как древнегреческие, но и у нас новые социальные организмы стали формироваться лишь в условиях внешнего вмешательства.

Речь, по сути дела, идет о трех основных «моделях» этих социальных организмов.

Одна «северо-западная»: господин Великий Новгород и господин Псков. Этот регион дает возможность проследить за тем, как развивались древнерусские города-государства, оказавшись в наиболее благоприятных для них условиях. Это был путь от древнерусской общины к обществу с гораздо более выраженными сословными различиями, чем-то напоминающему западноевропейское коммунальное устройство.

Как это ни парадоксально, но именно Новгород, всегда считавшийся апофеозом российской непосредственной демократии, дает нам черты, которые хоть как-то можно сопоставлять с западной историей. Это и крупное боярское землевладение, чем-то отдаленно напоминающее «феодализм», и борьба плебса с «элитой», и более или менее естественное вхождение в мир западной торговли.

Конечно, это сходство нельзя преувеличивать. Если города Запада, пройдя короткий путь общинной жизни, двинулись к коммунальному устройству, которое затем и развивали, то Новгород и Псков так и остались в своей основе общинами со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. Да и судьба Северо-Западного региона известна. Древнерусские города-государства в новых условиях оказались между Великим княжеством Литовским (ВКЛ) и Великим княжеством Московским и в конечном результате были присоединены к Российскому государству, которым и стало к тому времени Московское княжество. Но северо-западные политики смогли остановить натиск орденой братии, которая ничего хорошего не несла славянским землям. И подвиг рядовых воителей во главе со славным князем Александром пребудет в веках!

Гораздо больше сходства между двумя другими вариантами развития восточнославянских земель: Великим княжеством Литовским и Великим княжеством Московским. Рассмотрение этих двух социальных организмов в сравнении — ключ к пониманию истории Восточной Европы. Однако в нашей историографии такое рассмотрение предпринимается крайне редко (например: *Бычкова М. Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М., 1996).

Путь политогенеза в этих землях лежал от городов-государств (государств-общин) к военно-служилому государству, а затем к сословно-аристократической государственности и государственно-крепостническому строю.

Свойственный древнерусским землям политический дуализм народного собрания (веча) и князя был нарушен ростом княжеской власти. Во всех землях князь усиливается,

опираясь на свой двор, который, по сути дела, является разрастающейся и трансформирующейся служебной системой (*Флоря Б. Н.* «Служебная организация» у восточных славян // *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей.* М., 1987). Княжеская власть видоизменяется, все больше отрывается от народа. Древнерусская волость превращается в княжество (Киевская Русь такого понятия не знала — там существовали волости, земли и княжения, т. е. места дислокации того или иного князя).

Управление в таком княжестве осуществлялось тем же княжеским двором с помощью системы разного рода кормлений и держаний. Социальная структура была проста и включала в себя тот же княжеский двор, городские и сельские общины. На самом низу социальной лестницы были рабы. Все население княжеств свободно (конечно, за исключением рабов), и все несут службу в пользу княжеской власти, выполняя те или иные функции военные или гражданские.

Вот такие-то социальные организмы можно было объединять в некие новые сообщества — ведь вечевые волости объединить невозможно, как никто не смог объединить древнегреческие полисы. Идет процесс формирования крупных военно-служилых государств: Великого княжества Литовского и Московского государства (*Дворниченко А. Ю.* К проблеме восточнославянского политогенеза // *Ранние формы политической государственности: От первобытности к государственности.* М., 1995. С. 294–318). Причем, возникновение княжеств на обломках древнерусского вечевого быта и начальный объединительный процесс идут параллельно, и разделить их можно только с познавательной целью.

При этом можно заметить характерные отличия в формировании военно-служилых ВКЛ и ВКМ, которые, видимо, определяются влиянием внешнего фактора, геополитической ситуацией. Он сказывается, прежде всего, на судьбах княжеской власти. В восточной части славянских земель формируется так называемая удельно-вотчинная система — на определенном этапе эффективный механизм управления землей и сохранения нормального модуса межкняжеских отношений. Удел — доля каждого князя в общей отчине. Уже А. Е. Пресняков подметил, что это название устанавливается не сразу: Иван Калита в своей духовной еще не употребляет этого термина, а говорит о «волостях», назначенных сыновьям, об «уезде» каждого из них (*Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 120. Первое издание — 1918).

Процесс образования унитарной государственности имеет несколько этапов. Первый — так называемое возвышение Москвы, которое происходит в рамках Великого Владимирского княжения и завершается во времена Дмитрия Донского слиянием

московского и владимирского княжений. Действует система договоров, которые московские князья заключают с другими князьями. Это некая федерация военно-служилых государств во главе с Москвой. Окончательно окрепшая в ходе усобиц второй четверти XV в. московская великокняжеская власть переходит к ликвидации местных княжеств. Политика при этом проводится достаточно гибкая.

Главным орудием формирования унитарного государства, помимо великокняжеского двора, служит Боярская Дума, в рамках которой князья и бояре начинают сливаться в некое архаическое высшее сословие. Для Московского государства с самого начала характерна большая централизация, что связано, скорее всего, с сильным влиянием Орды. Соответственно, древнерусские градообщины оказываются здесь в достаточно тяжелом положении и довольно быстро теряют свои политические прерогативы.

В западной части восточнославянских земель, где формируется ВКЛ, центральная (в политическом, а не в географическом смысле этого слова) власть с самого начала оказывается более мягкой и толерантной. Принципом великих князей литовских было: «мы старины не рухаем, а новин не вводим», что и обусловило иной путь первоначального политического развития. Дума (Рада) сыграла здесь гораздо меньшую роль. Государство приобрело гораздо более выраженный федеративный характер, что позволило сохранить политическую самостоятельность и до определенной степени суверенность древнерусским городам-государствам — Полоцку, Смоленску, Витебску — чье устройство почти идентично новгородским и псковским порядкам.

Представители рода Гедимины появились в древнерусских землях примерно так, как за несколько столетий до них варяги Рюриковичи, и так же срослись с местной средой. В некоторых регионах остались и представители прежнего княжеского рода. И те, и другие наследовали функции князей киевской поры: занимались внешнеполитической, судебной, военной и финансовой деятельностью. Появлялись и новые княжения, причем, первоначально в результате волостного дробления, которое также было наследием Киевской Руси.

ВКЛ не знало удельной системы в том виде, как она известна в Московской Руси. Как подметил М. К. Любавский, «распределение земель и владений между князьями Гедиминова рода совпало с эпохой образования, сложения государства, и с самого начала имело целью не столько разделение наличного достояния, как на Руси Северо-Восточной, сколько закрепление только что приобретенного» (*Любавский М. К. О распределении владений и об отношениях между великими и другими князьями Гедиминова рода в XIV и XV в. // Издания исторического общества при императорском Московском университете. Рефераты, читанные в 1895 году (год 1). М., 1896. С. 78*). Парадокс ситуации заключался в том, что при большей

политической толерантности великокняжеской власти в ВКЛ, она брала на себя больше функций в ущерб местной княжеской власти.

Однако по мере развития военно-служилой государственности менялся и характер княжеской власти. Помимо «обычных» князей появились князья служебные и вотчинники (Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.) Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993. С. 116–119). Витовт отменил областные княжения, но переломным моментом в судьбах князей стало правление Казимира, когда ответвления княжеских родов становятся частью высшего сословия.

Другим ингредиентом высшего сословия становятся бояре — наследники бояр Киевской Руси. Боярами стала называться знать и этнической Литвы. Первоначально и они выполняют те же функции, что и их предшественники: служат князьям, занимаются военными делами, дипломатической деятельностью, возглавляют вечевые партии в городах. Доходы их проистекали из управленческой деятельности — это были всякого рода кормления и держания государственных «урядов». Лишь в XV в. получает развитие боярское землевладение, пути бояр и остального населения расходятся.

Именно бояре получают те сословные привилегии, которые под влиянием Польши начинают распространяться в Великом княжестве. Более того, они получают и польское название — «шляхта», а боярами (панцырными и путными) стали называть более мелкое служилое население, которое социально граничило с боярами-слугами.

Во второй половине XV – начале XVI в. высшую группу знати, в основе которой было старолитовское боярство, стали называть на польский же манер «панами».

Следует отметить, что «военный» и «служилый» характер в ВКЛ был выражен более ярко, чем в Московском государстве. Это объясняется влиянием на последнее Орды, которая как-то «стирала» внешнее проявление этих сущностных черт.

Зато в сословной структуре, управлении, налоговой системе было гораздо больше сходных черт, чем различий. Городское сословие в ВКЛ составили так называемые мещане (ранее название — мещичи), т. е. жители городов — мест. Они были свободны и в то же время обязаны нести те или иные службы по поддержанию в порядке замковых укреплений и по их обороне.

Под достаточно неопределенное понятие «крестьянство», помимо вышеупомянутых путных и панцырных бояр и слуг, подходили еще люди тяглые и люди данные. И те, и другие первоначально были свободны и несли службы на «господаря», т. е. великого князя. Главной обязанностью их было обслуживать господарские дворы.

От всех категорий населения отличались рабы, названия которых свидетельствуют о связи с Киевской Русью: челядь и холопы. В литовских землях невольники именовались паробками или койминцами.

В Московском государстве «основную массу населения страны составляли холопы и крестьяне» (*Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 39*). В ранний период Московского государства еще не было расчленения земельной собственности на фонд великокняжеских (дворцовых) и государственных земель. Образование последнего связано с появлением в источниках новой категории населения — «черных людей». Впервые этот термин встречается в договоре Дмитрия Ивановича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем: «А которые слуги потягли к дворянскому, а черные люди к сотником».

«Черные люди» — свободное крестьянское население, служба которого заключается в выплате дани и «городовой» повинности, т. е. поддержанию в порядке городских укреплений. Черные люди жили общинами. Их волостная община давно служит объектом изучения со стороны отечественной науки и здесь достигнуты важные результаты.

В советской историографии долгое время шел спор о характере землевладения черных крестьян. Одни историки утверждали, что эти земли — своего рода верховная феодальная собственность государства в лице великого князя, другие считали собственностью самих крестьянских общин, третьи полагали возможным говорить о «разделенной» собственности. Это историографическая ситуация подобная той, которая возникла вокруг «господарского» землевладения в Великом княжестве Литовском.

Спор этот ныне представляется несколько схоластическим, поскольку не учитывал особенностей менталитета людей того времени. Само понятие «собственности» тогда еще не определилось должным образом. Крестьяне вполне искренне считали эту землю «божьей, государевой и своей», а великий князь, в свою очередь, распоряжался ею, выделяя из нее поместные «дачи».

Со временем увеличивалось количество владельческих крестьян, работавших в светских и церковных вотчинах, поместьях. По наблюдению М. А. Дьяконова, «с точки зрения податной или тяглой между этими группами крестьян нельзя провести никакой разницы» (*Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 231*).

Крестьянское население, как черносошное, так и вошедшее в состав вотчин и поместий, сохраняло в это время свободу, о чем свидетельствует право крестьянских переходов, применительно к которым так и не было выработано единых правовых норм (*Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987. С. 178*).

Главной обязанностью крестьян было платить налоги государству и оброк помещикам. Впрочем, когда мы говорим о крестьянской свободе в XIV–XV столетиях, надо осознавать, с чем сравниваем: с городами-государствами (волостными общинами) предшествующей Киевской Руси или с последующим самодержавным государственно-крепостническим строем. Уже то, что теперь крестьяне стали основными носителями тяжелого тягла, многое говорит об их «свободе».

У нас мало сведений о категориях зависимого крестьянского населения. Мысль о принадлежности к зависимому населению «старожильцев», популярная в ранней советской историографии, была в последние десятилетия опровергнута. Термин, судя по всему, заключал в себе не социальный, а бытовой смысл (*Фроянов И. Я.* Старожильцы на Руси XV в. // Вест. Ленингр. Ун-та, 1981. № 2. С. 20–26).

Не совсем ясен и статус «половников», которые отбывали повинности из «половья» — половины. Но вот половины чего, на каком основании, как? Исследователи этого понять не могут (*Шатило А. Л.* Русское крестьянство... С. 126–146). Скорее всего, половники, также как и бобыли, подсоседники и захребетники, были людьми, хозяйственно плохо обеспеченными.

К «черному», т. е. податному населению, стало со временем относиться и городское. В интересующее нас время город, сохраняя свой сельскохозяйственный характер, в социальном и политическом отношении постепенно отделялся от деревни, замыкаясь в рамках посадской общины. Впрочем, как отметил Н. Е. Носов, городской строй даже Москвы напоминал строй волостной, деревенский.

В отличие от Великого княжества Литовского, города в Московском государстве не пользовались иммунитетом в виде магдебургского права. Они не знали коммунального устройства, сохраняя архаическое общинное самоуправление. Городские мирские сходы были в значительной степени наследниками древних вечевых традиций, не имея, правда, уже тех державных полномочий. Их прерогативы ограничивались решением насущных нужд горожан, раскладкой повинностей, сбором средств на общественные постройки и т. д. На «большую политику» они уже не замахивались.

Надо отметить архаический характер сословий и их служебное положение по отношению к государству. В то же время — свободное их состояние.

Система управления, как и в отдельных княжествах, была проста и связана с княжеским двором. Все «управленцы» были связаны с князем и княжеским хозяйством, ведали теми или иными отраслями княжеского хозяйства, занимаясь одновременно и проблемами местного населения. В ВКЛ, после отмены в XIV в. областных княжений,

эстафета княжеской власти перешла к воеводам, наместникам и тивунам. Другая должность — городничий, были еще «осменики», «детские» и некоторые другие.

Примерно такой же круг должностей существовал и в Северо-Восточной Руси: наместники и волостели со своими тивунами и доводчиками, городчики и др.

Столь же архаичной была и налоговая система, которая сохраняла древние традиции полюдья. Такими же старыми были и другие повинности: городовая работа, поборы на княжеских слуг и пр. Новым было возникновение прямого обложения, которое было связано с внешним фактором: монгольскими ханами и литовскими князьями (*Дворниченко А. Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза... С. 309*).

Формирование двух в чем-то различных, но по сути очень похожих военно-служилых государств позволило решить важнейшие геополитические задачи. ВКЛ удалось остановить монгольскую экспансию. В 1362 г. в битве у Синих Вод были разгромлены войска трех монгольских мурз. Даже страшное поражение Витовта на р. Ворскле уже не изменило ситуацию.

Московское государство в это время вело борьбу с теми же монголами. Не всегда она была успешной. Но за позорным разгромом на р. Пьяне последовала славная Куликовская битва 1380 г. Так создавалась почва для свержения монгольского ига.

Великому княжеству Литовскому вместе с Польшей удалось решить еще одну геополитическую задачу — остановить пресловутый Дранг нах Остен. Грюнвальдская битва стала одним из ключевых событий в истории Восточной Европы.

Все эти достижения во внешнеполитической сфере позволили молодым восточноевропейским государствам развиваться естественно и закономерно. Огромную роль в их истории сыграло появление и развитие крупного (в ряде регионов относительно «крупного») иммунизированного землевладения. Развившись на основе прежних форм обеспечения знати — всякого рода «кормлений» и «держаний» — привилегированное землевладение способствовало отделению знати от народа, отмиранию прежних институтов общинной жизни, свойственной истории Киевской Руси.

В ВКЛ знать, оставаясь на местах, все больше включалась в общегосударственные интересы, что и привело к зарождению в начале XVI в. Великого вольного сойма, который обозначил активную стадию перерастания военно-служилого государства в сословно-аристократическое. Жители городов (мещане), замкнулись в рамках привнесенного сюда иноземного магдебургского права. В XVI в. начинается активный процесс закрепощения крестьянства.

В Московском государстве на основе тех же древних кормлений вырастает вотчина, которая пользуется иммунитетом. Однако ситуацию меняет не вотчина, а поместная система,

которая получает развитие в конце XV в. Именно военные потребности, а не «кризис боярства, связанный с обнищанием его низших прослоек» (Скрынников Р. Г. Русская история IX–XVII вв. СПб., 2006. С. 219) вызвал к жизни поместную систему. Но появилась она не на пустом месте, а была порождением военно-служилого духа, свойственного, как мы видели, военно-служилому государству.

В то же время сама поместная система положила начала коренной перестройке государства и социальных отношений, нанесла удар по той старине, которая корнями уходила в домонгольские времена. Поместная система доживет в России до позднейших времен, она будет неотъемлемым элементом государственно-крепостнического строя.

К концу того периода, о котором у нас идет речь — примерно середина XVI в. — окончательно выявились различия между двумя государствами. ВКЛ сохранило свободу. Но это уже не была свобода для большинства, непосредственная демократия, которая господствовала в Киевской Руси. Это была свобода для шляхетства, панства, точно так, как это было в соседней Польше. С этим государством ВКЛ и объединилось, согласно Люблинской унии 1569 г.

Совсем другим путем пошла Россия. Здесь в то же самое время грянула кровавая Опричнина, ознаменовавшая окончательный переход страны на рельсы государственно-крепостнического строя с его политическим воплощением — самодержавием. В условиях такой государственности есть только один человек, который может сказать о себе, что он свободен — сам самодержец. Трудно сказать, насколько это симпатичнее шляхетского *можновладства*, сиречь беспредела. Но ясно одно: с исторической точки зрения такая форма государственности показала свою жизнеспособность.

Дзярнович О. И. Конец экспансии или противостояния? Грюнвальд: от хроник до историографии // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 103–108.

О. И. Дзярнович

Конец экспансии или противостояния? Грюнвальд: от хроник до историографии

Одна довольно значительная битва позднего Средневековья случилась на территории тогдашнего Орденского государства в Пруссии 15 июля 1410 г. в треугольнике селений Танненберг, Грюнфельд (или Грюнвальд) и Людвигсдорф. Первые лаконичные письменные сообщения, преимущественно немецких хронистов, о ней появились вскоре после битвы. Историографическое освоение событий на уровне историописания (польских авторов: «История Польши» Яна Длугоша и анонимная «Хроника конфликта Владислава»; прусская хроника — продолжение «Хроники» Яна фон Поссильге) началось также в XV в. Часто недостоверный, но наибольший фактический материал после Длугоша и «Хроники конфликта» содержат Белорусско-Литовские летописи («Хроника Литовская и Жмойтская» и «Хроника Быховца»).

Очень многие как фактологические позиции, так и историософский взгляд на события были созданы для последующей историографии Яном Длугошем, который написал «грюнвальдские» части своей «Истории Польши» из позиций польско-немецкого антагонизма.

Уже в XIX в. в историографии был выработан тезис о том, что война 1409–1411 гг. была не просто столкновением двух или трех народов. Неожиданные славянофильские, но логические для данной темы мотивы прозвучали в работе польского историка Михала Бобжиньского «История Польши в очерках». Автор писал, что на Грюнвальдском поле разыгралась битва «между миром германским, организованным Орденом крестоносцев, и миром славянским, в котором первое место занимала Польша» (*Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie. Tel-Aviv; Jerusalem, 1944. T. 1. S. 208–209*). Другой польский историк, Антони Прохаска, также остался на позициях, заложенных еще Длугошем, особенно в том, что касается причин войны (*Prochaska A. Krol Wladyslaw Jagiello. Kraków, 1908; Prochaska A. Dzieje Witolda, W. księcia Litwy. Wilno, 1914*). Интересно, что в этой части позиции польской историографии во многом были созвучны с тезисами российской славянофильской историографии. А. Барбашев писал, что это была борьба романо-германского Запада со славянским Востоком (*Барбашев А. Танненбергская битва // Журнал Министерства народного просвещения. 1887, Т. 154. № 12. С. 151*).

В общем-то, эмоционально и историософски к позиции польской и российской историографий были близки установки немецких историков того времени. В немецкой историографии XIX – начала XX в. была выработана позиция о цивилизаторской миссии Ордена на Востоке Европе, которой противились Польша и Великое княжество Литовское (*Krollmann Ch. Die Schlacht bei Tannenberg, ihre Ursachen und ihre Folgen. Zum 15. Juli 1910. Königsberg: Deutschherren-Verlag, 1910. S. 32*). Эрих Машке писал с большей эмфазой, что на поле боя сошлись не просто два вражеских войска, а два мира: «Западная Европа, в которой

рыцарская жизнь уже давно приняла четкие и благородные формы, и до конца еще не сформировавшийся Восточный мир, воинственно поглядывающий на Запад». Далее Машке пишет, что логичнее было бы, если бы этот «Восточный мир» не смог победить. Но он победил! (*Maschke E. Der Deutsche Ordenstaat. Gestalten seiner grossen Meistat. Jena: E. Diederichs, 1936. S. 82*). Вообще же немецкая историография видит причины упадка Немецкого ордена в Пруссии не столько в поражении под Грюнвальдом, сколько во внутренних трудностях, возникших в орденском государстве в следующие несколько десятилетий после этой битвы (См. анализ: *Гагуа Р. Б. Западноевропейская и американская историография Великой войны с Тевтонским орденом в 1409–1411 годах // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Сер. 1, Гуманітарныя навукі. 2005. № 3. С. 41–42*). Этот подход радикально отличается от взглядов, например, современной литовской историографии — Эдвардас Гудавичюс называет Жальгирисскую битву тем событием, которое «на долгие столетия определило всю историю восточной части Центральной Европы» (*Гудавичюс Э. История Литвы. М., 2005. С. 223*).

Польская же историография дает и неангажированное изложение событий непосредственно накануне войны 1409–1411 гг., известной в европейских хрониках как Великая война (*magnum bellum, grosse strytte*). Людвик Колянковский считал, что союзники тщательно и тайно готовились к войне, и в этом его взгляды отличались от видения процессов начала войны Прохаски и Куйота (*Kujot S. Rok 1410; Rpk. 1410. Wojna // Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu. 1910, T. 17. S. 48–378*). Колянковский писал, что уже на совместной встрече Ягайлы, Витовта и нового магистра Ульриха фон Юнгингена в начале мая 1408 г. у последнего возникли подозрения относительно намерений Польши и ВКЛ. А уже в конце того же года на встрече Ягайлы и Витовта в Новогрудке оба монарха приняли решение о восстании в Жмуди. Весной 1409 г. это и произошло (*Kolankowski L. Polska Jagiellonów. Dzieje polityczne. Wyd. 3. Olsztyn: Oficyna Warmińska, 1991. S. 31*).

Для Польши и Великого княжества Литовского имели значение не только «партикулярные интересы» морского побережья (контроль за устьями Вислы и Немана). Сама конструкция, возникающая монархия Ягеллонов заключала в себе, как пишет Колянковский, отрицание необходимости дальнейшего существования Орденского государства, лишая моральной основы его миссию по христианизации язычников. Кроме того, Ягеллонская монархия не могла также согласиться с наличием конкурентного фактора в своей Восточной политике. А проблема консолидации и централизации земель Великого княжества Литовского также требовала устранения фактора прусского влияния — Орден очень часто поддерживал мятежных династов Литвы (*Kolankowski L. Polska Jagiellonów. S. 32*), которая и так вынуждена была долгий период существовать в системе диархии.

Фактически, польское посольство в августе 1409 г. к великому магистру спровоцировало нападение Немецкого ордена на Польшу, а сам ход войны представлялся Колянковскому как выполнение заранее составленного грандиозного плана. Это же относилось, как считал Тадеуш Корзон, и к точности исполнения всего сценария объединенного похода союзников: «План марша, принятый в Бресте, был исполнен с точностью, заслуживающей удивление» (*Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. T. I. Lwów; Warszawa; Kraków, 1923. S. 282*). Людвик Колянковский остался верным трактовке Войны 1409–1411 гг. как борьбы народов Польши и ВКЛ против извечного врага. Подобные взгляды доминировали тогда в польской историографии. Но одновременно Колянковский дал совершенно другую интерпретацию самих событий войны и Грюнвальдской битвы. В определенном смысле это был разрыв с традицией, заложенной еще Длугошем, и некритическим следованием сообщений польского хрониста (*Гагуа Р. Б. Великая война с Тевтонским орденом (1409–1411): источники и историография. Дисс. ... канд. ист. наук. Гродно, 2007. С. 65. — Отметим, что Р. Гагуа называет интерпретацию Колянковского диаметрально противоположной концепции последователей Длугоша*).

Автор классического труда по Великой войне, вышедшего уже в послевоенной Польше, Стефан Кучиньский также оценивал посольство Ягайло во главе с архиепископом Гнезненским Миколаем Куровским к великому магистру, как реализацию плана по провоцированию войны, т. к. в этот момент сложилась благоприятная ситуация для разгрома Тевтонского ордена (*Kuczyński S. Wielka wojna z ZYGONEM Krzyżackim w latach 1409–1411. Wyd. 2. Warszawa: MON, 1960. S. 115–116*). Мариан Бискуп причину войны видел в стремлении Немецкого ордена усилить свои позиции в Северной и Восточной Европе. Но сама война 1409–1411 гг. была спровоцирована польско-литовской стороной (*Biskup M. Z badań nad «Wielką wojną» z Zakonem krzyżackim // Kwartalnik Historyczny. 1959. R. 66. Nr 3. S. 671–715*).

Немецкий офицер и архивист Макс Ойлер не меньше, а даже больше Тадеуша Корзона восхищался планированием всей военной кампании со стороны союзников: «Передвижение польско-литовских войск перед Танненбергской битвой просто вызывает удивление своей плановостью. Ясно просматривающаяся в них основная мысль: ударить объединенными силами в сердце Немецкого ордена — Мариенбург, несет черты великого замысла и совершенно отличается от обычно используемой в то время тактики грабительских набегов, которые вообще не заслуживают права называться войной. Этот замысел, невероятно сложный для реализации в то время, должен быть назван гениально смелым... Неподдающееся никакой критике выполнение плана достойно удивления»

(*Oehler M. Der Krieg zwischen Deutschen Orden und Polen-Litauen 1409–1411. Elbing, 1910. S. 57*).

Но почему же запланированный польско-литовский поход и совместные действия вызывают такое удивление историков? Концентрированный ответ на этот вопрос дает современный американский автор Уильям Урбан. Этот исследователь обращает внимание на различную стратегию сторон. Великий магистр, как обычно, поделил свои силы между Восточной и Западной Пруссией, ожидая вторжения в далеко отстоящих друг от друга пунктах и полагаясь на своих разведчиков, которые должны были определить направления главного удара противника. Ягайло же, напротив, планировал объединить польские и литовские силы в одно большое войско, что было достаточно необычно для тактики того времени. «Хотя эта тактика и применялась время от времени в Столетней войне, ее больше придерживались монголы и турки — постоянные враги поляков и литовцев». Тевтонские рыцари поступали так же во время своих *Reisen* в Жемайтию, но при гораздо меньшей численности (*Урбан В. Тевтонский орден. Пер. с англ. П. Румянцева. М.: АСТ; Хранитель, 2007. С. 295*).

Вообще оценки Урбана полны сдержанности, а может даже и скепсиса: «Эта битва... получила известность, превосходящую ее подлинное значение. История Северной и Центральной Европы не изменилась резко из-за этого сражения. Перемены в балансе сил начались задолго до сражения, перемены настолько фундаментальные, что, не произойди эта битва, все равно сегодняшний мир стал бы таким, каков он сейчас. Польское королевство было уже на подъеме, а век военных орденов прошел». Все же Урбан добавляет: «Так что, хотя Грюнвальдская битва и не была решающим моментом в истории средневековой Пруссии, она послужила началом быстрого упадка Ордена» (*Урбан В. Тевтонский орден. С. 289*).

Что же получается? Союзники сами спровоцировали войну со своим соседом, в то время как между Литвой и Орденом не было крупной войны уже 40 лет, а между Польшей и Орденом — почти 80 лет. И этот сосед создал прекрасную хозяйственную систему на некогда завоеванных им землях. Экономические институты Ордена в XIII–XVI ст. были наиболее эффективными среди тех, что действовали в других государствах региона (См.: *Zur Wirtschaftsentwicklung des Deutschen Ordens im Mittelalter / Hrsg. von U. Arnold // Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd 38. Marburg: Elwert, 1989*). Папские буллы XIII ст. обеспечили Ордену свободный торговый обмен с Западной и Восточной Европой, в результате чего возникла государственная торговля и была выработана сложная и разветвленная система его организации. Не оправдываются ли тогда тезисы немецкой

историографии XIX – первой половины XX в. о цивилизационном превосходстве Ордена и его соответствующей миссии?

Как видим, простого ответа, удовлетворяющего все стороны, тут не будет. И можно остаться на позициях модной теперь политкорректности, отказавшись от концепта «экспансия» применительно к действиям Немецкого ордена в Юго-Восточной Балтии. Это, может быть, даже позволит менее ангажировано рассматривать непосредственно события войны и Грюнвальдской битвы. Разобраться: были ли перед орденскими позициями «волчьи ямы» или нет; кто все же командовал объединенными силами союзников — Ягайло или Витовт; отступали ли хоругви Великого княжества Литовского под натиском орденской тяжелой кавалерии или это был обманный маневр?..

Мне все же кажется, что без генеологии вопроса мы не сможем рассмотреть проблему роли немецкого военного и хозяйственного элемента в Восточно-Балтийском регионе. В наше время уже не столько в среде теологов, но среди историков все еще продолжают дискуссии вокруг Крестовых походов, в том числе и вокруг их дефиниции. Определились две научные позиции, представители которых известны как *«традиционалисты»* и *«плюралисты»* (Housley N. The Later Crusades, 1274–1580. From Lyon to Alcazar. Oxford, 1992. P. 2). Разница между ними заключается в признании статуса Крестового похода в зависимости от географического направления военной активности (для традиционалистов), а также исходя из того, где и какими методами осуществлялась подготовка похода (для плюралистов). Традиционалисты признают Крестовыми походами только те, которые направлялись в Святую Землю для ее защиты или завоевания (традиционные Крестовые походы). Наличие Святой Земли для концепции традиционалистов имеет определяющее значение. С этой точки зрения, популяризованные папским престолом Крестовые походы в Испанию, на Балтику или против еретиков не могут считаться таковыми, даже если у них сохранилась та же идеологическая и правовая структура, как и в случае Крестового похода в Святую Землю. Такие Крестовые походы по сути являются Священными войнами. Но вслед за итальянским историком К. Карпини добавим — Священными войнами без Святой земли (Карпини К. Крестовые походы без Святой Земли: Сакральность пространства во времена Миндаугаса // Тезисы Международной научной конференции «Литва эпохи Миндаугаса и ее соседи: Исторические и культурные связи и параллели». 11–12 декабря 2003 г., М., 2003. С. 23).

Григорьева Т. Ю. Выбор пути от Андрусова до Бучача: дипломатические отношения Речи Посполитой с Османской империей (1667–1672)// Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 108–112.

Т. Ю. Григорьева

Выбор пути от Андрусова до Бучача: дипломатические отношения Речи Посполитой с Османской империей (1667–1672)

Доклад посвящен дипломатическим отношениям Речи Посполитой с Османской империей после подписания ею Андрусовского перемирия с Россией (1667 г.) и до начала польско-османской войны (1672–1676 гг.) В частности, рассматриваются попытки урегулирования конфликтных отношений, сложившихся между сторонами после подписания перемирия в Андрусове, послами в Стамбуле Гиеронимом Радзейовским (1667) и Францишком Казимиром Высоцким (1670–1672). Как известно, польско-османская война 1672–1676 гг. была наиболее крупным военным конфликтом между Речью Посполитой и Османской империей за всю историю их взаимоотношений. Поэтому основную проблему можно сформулировать таким образом: «где и когда был выбран путь, приведший к наибольшим территориальным потерям за всю историю существования Речи Посполитой вплоть до времени разделов в XVIII в.», «возможно ли было урегулировать назревающий конфликт дипломатическими средствами, и если так, почему такая возможность была упущена». Источниковой базой исследования является комплекс дипломатической корреспонденции и посольских отчетов.

Традиционно считается, что резкое ухудшение отношений между Речью Посполитой и Османской империей в 1667 г. связано с подписанием первой перемирия с Россией, что правящие круги Османской империи расценили как прямую угрозу для себя. На самом деле, Речь Посполитая не располагала ни военными, ни экономическими ресурсами для построения сколь-нибудь агрессивных планов: лишь в июле 1666 г. королю Яну Казимиру удалось примириться с рокошанами под предводительством Ежи Любомирского, противостояние с которыми около двух лет раскалывало страну на два противоборствующих лагеря и существенно снижало ее военный потенциал. О том, что Речь Посполитая в лице как короля, так и сейма стремилась удержать мир на всех своих границах может свидетельствовать и выбор кандидатуры полномочного («великого») посла в Стамбул — бывшего коронного канцлера Гиеронима Радзейовского (в последний раз люди подобного

масштаба направлялись с посольством к султану лишь по завершению Хотинской войны в 1621 г.). Одновременно были определены послы в Вену, Париж, Стокгольм, Берлин и Копенгаген с просьбой военной помощи на случай войны с османами. Однако сейм, начавший работу в марте 1667 г., признал угрозу приувеличенной, посольства к европейским правителям с просьбой о помощи — преждевременными, а вот посольство в Стамбул — делом действительно срочным.

С одной стороны, если принять во внимание, что усилия Османской империи до 1669 г. были сосредоточены на отвоевании у Венеции о. Крит, предположения о маловероятности войны можно было бы признать верными. Однако, с другой стороны, следует отметить, что именно в это время Порты принимала решение о взятии под свою протекцию гетмана Петра Дорошенко. Современные польские исследователи (как, например, Я. Перденя и М. Вагнер) полагают, что именно неспособность Речи Посполитой разрешить «украинский вопрос» и послужила той пороховой бочкой, которая взорвалась осенью 1672 г. в виде молниеносного завоевания османами Каменца-Подольского. Нельзя сказать, что попыток урегулировать этот вопрос не предпринималось вовсе. Инструкции вышеупомянутому послу Радзейовскому предписывали убеждать османские правящие круги в неправомерности попыток Дорошенко вести самостоятельную политику, а также требовать запрета на контакты константинопольского патриарха с казаками и военной помощи со стороны крымского хана. Кроме того, предполагалось, что Радзейовский заключит в Стамбуле новый мирный договор. Следует отметить, что последний договор между Речью Посполитой и Османской империей был подписан за 17 лет до этого — в 1640 г. — еще во времена правления султана Ибрагима II и короля Владислава IV. Этот документ утратил действительность еще в 1648 г. с восхождением на престол соответственно Мегмеда IV и Яна Казимира и с того времени не возобновлялся.

Таким образом, видим, что на посла возлагали несколько достаточно амбициозных заданий. Однако не совсем понятно, каким образом эти задания должны были быть выполнены, если в инструкции особым пунктом отмечалось, что посол не уполномочен уступать никакие замки и земли в обмен на соблюдение вышеуказанных условий. По сути посол не был уполномочен предлагать абсолютно ничего, а его основным переговорным инструментом должна была служить сила убеждения. Единственное, что могло вызвать интерес османов, это обсуждение вопроса о преемнике бездетного короля Яна Казимира. Сегодня исследователи (А. Керстен, В. Клачевский) полагают, что миссия Радзейовского имела «двойное дно», и его второй целью было обсуждение кандидатуры принца Конде на польский трон. Однако, исходя из ситуации, такое предложение было слишком

незначительным, особенно если взять во внимание охлаждение в этот период османско-французских отношений.

Великое посольство Радзейовского застало султана в Эдирне (Адрианополе) и пробыло там с 18 июня по 19 августа 1667 г. Переговоры о новом договоре шли тяжело, а приоритеты хозяев не вызывали сомнений. Когда 5 июля прибыли послы гетмана Дорошенко во главе с Михаилом Раткевичем-Портянкой, их разместили существенно ближе к султанской резиденции, чем польское посольство, и уже на следующий день удостоили султанского приема, что свидетельствовало о благосклонном расположении Порты. Радзейовского же, кроме каймакана, не принял никто из высоких достойников, а его вместе со свитой переместили в маленькое и неудобное жилище, окруженное усиленной охраной и под запретом любых контактов. Внезапная смерть посла неожиданно ускорила дело — уже через неделю секретарь посольства Францишек Казимир Высоцкий получил новый мирный договор и разрешение отбыть в Варшаву. Этот договор, однако, впервые был составлен в форме султанской привилегии — *нишана*, что означало понижение статуса адресата.

Впрочем, уже через год возникла необходимость заключить новое соглашение — от имени короля Михала Корибута Вишневецкого (1669–1673). Несмотря на то, что по традиции новый король должен был отправить посольство с просьбой о новом документе, на самом деле в 1670 г. в Стамбул направился бывший секретарь посольства Радзейовского Высоцкий в статусе «малого» посла с ратификацией договора 1667 г. и без полагающихся в таких случаях даров. Невнимание к организации этого посольства выглядит весьма неоправданным, ибо по состоянию на 1669 г. Порта чувствовала себя весьма уверенно: во-первых ей удалось отвоевать у Венеции Крит, а во-вторых, протекторат султана принял гетман П. Дорошенко. Внеочередной сейм весной 1670 г. не придал должного значения угрозе, и налог на оборонные нужды выделили лишь в конце года.

Официальная инструкция Высоцкому от 26 января 1670 г. носит достаточно лаконичный характер. Дипломат должен был пообещать прибытие великого посольства как только это станет возможно, убедить Порту в предательстве Дорошенко, ведущего переговоры одновременно с королем и с султаном, пожаловаться на наезды Буджацкой орды и узнать реакцию Порты на планируемый брак короля с сестрой императора Леопольда I Габсбурга. Однако, следует полагать, без даров Высоцкий имел весьма невысокие шансы убедить османские правящие круги в ненадежности Дорошенко, который за год до этого заплатил за получение протектората султану 80 тыс. ефимок, капиджи-баши — 10 тыс. и по 5 тыс. его помощникам.

Высоцкий прибыл в Эдирне 7 марта 1670 г., но прием у великого везиря получил лишь через два месяца, и еще через месяц был удостоен султанского приема. Польская

исследовательница И. Чаманская возлагает основную вину за начало польско-османской войны именно на дипломатический провал Высоцкого, обусловленный, с одной стороны, неадекватным посольским статусом и отсутствием даров, и с другой — личным конфликтом с главным драгоманом Порты Никуссиосом Панагиотисом. Согласно отчету Высоцкого, он пребывал в полной изоляции и не имел права отсылать донесения королю. Обе попытки контакта с Варшавой имели место через торунского каноника в декабре 1670 г. и в апреле 1671 г. Во время первой встречи каноник передал послу дополнительные инструкции от короля, которые тот не мог выполнить уже по той причине, что на протяжении последующих двух лет, проведенных в Османской империи, по приказу переезжая из Эдирне в Стамбул и наоборот, он должен был довольствоваться общением лишь с главой дворцовой канцелярии и главным драгоманом Порты, с которым у него сложились не лучшие отношения.

Ситуация существенно осложнилась во второй половине 1671 г., после того как в августе Дорошенко получил формальные знаки султанской протекции — санжак и булаву. В декабре в Варшаву были доставлены письма от султана и великого везира, резкий тон которых контрастировал с доброжелательным тоном корреспонденции в первой половине года: Порта прямо требовала признания Речью Посполитой перехода гетманской Украины под ее протекцию. В январе 1672 г. сенат наконец постановил направить в Стамбул «великое» посольство во главе с великим коронным подскарбием Анджеем Морштином, возлагая надежды на его личные контакты и особенно на дружественные отношения с Панагиотисом. На самом же деле посольство так и не состоялось из-за протестов королевского окружения, поскольку Морштин принадлежал к оппозиционной королю Михалу группировке. Когда в мае 1672 г. Высоцкого наконец отпустили в обратный путь, причем без договора и писем (а это означало, что Порта разрывает дипломатические отношения с Речью Посполитой), османская армия была абсолютно готова к наступлению.

Таким образом, польско-османский конфликт 1672–1676 гг. был обусловлен не только такой известной причиной, как выраженная экспансивная политика везира Агмеда Фазила Кьопрюлю в условиях, благоприятных для Османской империи — сохранения мира с Габсбургами и завершение Критской кампании. Не менее веской причиной была и откровенно провальная дипломатия Речи Посполитой, которая не уделила должного внимания организации посольств в Стамбул и не смогла выработать достаточно выгодное предложение в обмен на сохранение мира.

Гурьянов А. В. Московско-литовский договор 1372 г.: к вопросу о времени присоединения Брянских земель к ВКЛ // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 112–114.

А. В. Гурьянов

Московско-литовский договор 1372 г.: к вопросу о времени присоединения Брянских земель к ВКЛ

Вопрос о времени присоединения Брянских земель к Великому княжеству Литовскому, является, пожалуй, одним из самых спорных в истории Чернигово-Брянского княжества. Проблема эта неоднократно поднималась в работах различных отечественных и зарубежных исследователей (Ф. М. Шабульдо, Р. В. Зотова, А. А. Горского и др.), однако единого мнения не существует до сих пор.

В данной статье мы попытаемся на основе анализа содержания московско-литовского соглашения о перемирии 1372 г. определить приблизительную дату включения Брянских земель в состав Великого княжества Литовского. Пожалуй, наиболее полный анализ статей перемирия был дан В. А. Кучкиным. В своей статье Кучкин исправляет многие ошибки предыдущих исследователей, касающиеся датировки самой грамоты, а также идентификации князей, которые в ней упоминаются. Непосредственно интересующего нас вопроса автор не затрагивает, однако, рассматривая вопрос о датировке перемирия, он в качестве одного из аргументов приводит следующие данные, касающиеся одного из союзников Ольгерда, упомянутого в грамоте, князя Дмитрия, названного «брянский».

Известно, что Брянским княжеством в 1379 г. владел сын Ольгерда Дмитрий. Речь идет о втором сыне литовского великого князя от первого брака с витебской княжной Марией Ярославной. В свое время Р. В. Зотов полагал, что Дмитрий Ольгердович был посажен отцом в Брянске в 1368 г. Польский исследователь С. Кучинский считал, что это произошло несколько позже — в 1369–1370 гг. Совсем недавно А. А. Горский предложил еще одну дату вокняжения Дмитрия Ольгердовича в Брянске — 1363 г. Однако ни первая, ни вторая, ни третья даты не являются обоснованными, они выводятся на основании общих соображений. Между тем, русские летописи сохранили уникальное известие о князе Дмитрие Ольгердовиче, оставшееся незамеченным названными историками. При описании литовского похода в апреле 1372 г. на Переяславль Залесский Софийская I и Новгородская IV летописи указывают, что во главе литовских полков стояли родной брат великого князя Ольгерда князь троцкий Кейстут, старший сын Ольгерда князь Андрей Полоцкий и друцкий

князь Дмитрий. Этому князя есть все основания отождествлять со вторым сыном Ольгерда Гедиминовича и Марии Ярославны. У Ольгерда был еще один сын Дмитрий от второго брака с сестрой Михаила Александровича Тверского Ульяной, но в 1372 г. тот был еще мал, а имя Дмитрий получил значительно позже, по всей вероятности, при крещении после смерти отца. Его литовское имя было Корибут, и этим именем он назван в договоре, заключенном им и старшими родными братьями Скиргайло и великим князем Ягайло с Дмитрием Ивановичем Московским. Договор был оформлен не ранее второй половины 1377 г., когда литовским великим князем стал Ягайло, и до 1385 г., когда, женившись на польской королевне Ядвиге, Ягайло превратился в короля Польши. Как отметил Р. В. Зотов, в различных дипломатических документах, а также в актовом материале 1382–1393 гг. Дмитрий-Корибут фигурирует под именами Корибут или Дмитрий-Корибут, но никогда как Дмитрий. Таким образом, летописное свидетельство 1372 г. о князе Дмитрие должно относиться к будущему брянскому князю, а не ко князю Дмитрию-Корибуту. Но если в апреле 1372 г. старший Дмитрий Ольгердович занимал друцкий стол, в договоре же своего отца с московскими князьями он фигурирует как князь брянский, это означает, что Дмитрий Ольгердович стал брянским князем весной–летом 1372 г.

С другой стороны, известно, что после войны Семена Ивановича с Литвой и Смоленском в 1352 г. Брянск (вместе со Смоленском) перешел под сюзеренитет великого князя московского и владимирского. В 1356 г. осенью «воевал Олгерд Брянеск и Смоленск». В следующем году «князь Василии Смоленскыя пряде изь Орды слъ на княженьи въ Дъбряньске и мало пребывъ, только семь недль, преставися и бьсть въ Бряньске лихостию ляхих людей замятня велика и опустение града и потом нача обладати Олгрдь Бряньскомъ».

Василий — второй сын Ивана Александровича Смоленского. По-видимому, получение им ярлыка на брянское княжение было связано со смертью прежнего князя Дмитрия Романовича. Под «лихими людьми», устроившими «замятню», имеются в виду, очевидно, сторонники литовской ориентации в среде местной феодальной знати. Но через какое время после смерти Василия произошло подчинение Брянска Ольгерду — из летописного текста неясно. В. Н. Флоря связывал признание Смоленском зависимости от Литвы и укрепление Ольгерда в Брянске с потерей московскими князьями в 1360 г. владимирского великокняжеского стола, заметив, в частности, что к 1361 г. брянской епископией овладел ставленник Ольгерда митрополит Роман.

Последующие события в источниках освещены слабо и вызывают много споров среди исследователей. Вероятнее всего, одним из результатов признания около 1360 г. Смоленском литовского сюзеренитета был отказ смоленского князя от прав на Брянск: Ольгерд получил возможность распоряжаться брянским столом и, вероятно, посадил на него одного из

черниговских Ольговичей. Однако как показывают дальнейшие события, князь недолго был вассалом Литвы, об этом свидетельствует литовский поход 1363 г. через территорию черниговщины на Коршев и его взятие, что может рассматриваться как попытка поймать бежавшего из Брянска и укрывшегося в Коршеве князя Романа Михайловича, чья жена, возможно, происходила из этого города, если следовать мнению А. А. Горского. В 1370 г. «князь великий Дмитриеи Иванович посылалъ воевать Брянска», это свидетельствует в пользу того, что в это время данная территория уже входила в состав Литвы.

Таким образом, наиболее точной датой окончательного присоединения Брянских земель к Великому княжеству Литовскому будет 1372 г., подтверждением чему служат данные, приведенные в Московско-Литовском перемирии.

Ермак В. Ю. Полоцкий повет в годы пребывания в составе Российского государства 1563–1579 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 114–117.

В. Ю. Ермак

Полоцкий повет в годы пребывания в составе Российского государства 1563–1579 гг.

Причины Полоцкого похода.

После ликвидации автономии Казанского ханства и после подчинения Астрахани Иван IV перешел к расширению границ империи на Западе. Ливонская война (1558–1583) как раз и должна была вернуть в состав России западные территории, принадлежавшие Руси и утраченные ею в ходе распада в период раздробленности. Взятие в 1563 г. русскими войсками Полоцка не носило принципиально значимый характер, а стало реальной возможностью увеличения территориального пространства империи за счет присоединения к Московскому центру исконно русских земель.

Территориальные мотивы дополнялись религиозными. Москва, став после падения Константинополя в 1453 г. духовной преемницей Византии, центром притяжения всех истинно верующих христиан, строила сильную Православную империю, могущую

собственными силами сплотить, объединить и защитить народы, исповедующие христианство по греческому образцу.

Названные мотивы определили официальные причины Полоцкого похода 1563 г.: восстановление династической справедливости («А говорил им государь, что он пришел к прародителей своих к своей отчине к Полотцку за брата его за королеву неправду, что он вступися в его в ысконивечную вотчину в Вифлянскую землю...») и необходимость стать на страже православия, которому угрожала Реформация, а именно — протестантство и процветавшая в Полоцке феодосианская ересь.

Закрепление территорий повета за Москвой. Создание Писцовых книг, фиксирующих раздачи поместий.

Полоцкий повет, ставший государственной территорией Москвы, был освоен и включен в политико-административные, социокультурные и экономические структуры Московского государства известным с удельных времен способом организации новоприсоединенных земель — раздачей уделов служилой знати.

По этому поводу и были составлены Писцовые книги Полоцкого повета, сборником копий которых и является Книга № 573 Литовской метрики. Как исторический источник, Книга дает нам возможность изучить на примере Полоцкого повета черты проводимой Иваном IV внутренней политики, в особенности касающейся земельных вопросов и вопросов опричнины, а также послевоенное состояние обозначенного региона.

Информация, содержащаяся в Книге, затрагивает описание только северных полоцких волостей, примыкавших непосредственно к русским землям в количестве 11-ти, две из которых, Усвят и Озерище, до завоевания их российскими войсками входили в состав Витебского воеводства, а после были включены в административную единицу Российского государства Полоцкий повет. Оглоблин предполагает, что они могли быть административно-судебными единицами. Описание землевладения в каждой волости проходило по следующей схеме: сначала перечислялись поместья, затем церковные владения, после — лесные угодья и озера, бортные ухожие. Особенностью Книги № 573 является отсутствие общих итогов по волостям, когда по каждому поместью они встречаются везде. Нет указаний на дворцовые и вотчинные земли — видимо, землевладение в Полоцком повете было поместным.

Акты о раздаче земель в поместья, из которых состоит Книга № 573, также имеют определенную структуру: называются фамилии и имена получателей земель; указывается место локализации старого поместья (если таковое имеется), его размер; иногда упоминаются основания, по которым служилый человек становится помещиком; подробно перечисляются розданные пункты, их название, тип и состав; подводятся итоги по акту и иногда указывается количество оклада.

Землевладение в Полоцком повете.

— Когда происходили раздачи:

Книга фиксирует раздачи с 1568 по 1572 гг. Основной земельный фонд был роздан в 1570 г. (125 поместий) и захватил север помета, приграничье Себежа. Додачи и раздачи новгородцам пришлось на 1572 г. на 3 волости повета: Озерище, Нещерда, Усвят.

— Кто получил земли в поместья:

Из 116 помещиков никто не упоминается в официальной документации по Полоцкому походу, что говорит о низости их положения на социальной лестнице. Закрепление повета происходило по традиционной схеме: раздача земель переселенному боярству. В нашем случае они делятся на несколько групп: казаки, невелиские помещики и новгородцы. Упоминание о 6 из 116 мы нашли в документации того времени.

— Система раздачи поместий:

Обозначенное количество окладов при раздаче дает нам возможность утверждать, что это были лишь додачи к старым поместьям. Помимо удаленности повета от старых поместий, некоторые получили по несколько поместий в нескольких волостях повета. Эта являлось следствием либо борьбы с сепаратизмом, либо неразберихи из-за быстрой раздачи поместий. Невельские помещики получили оклады в 1570 г., а новгородцы — в 1572 г., что было связано с мероприятиями опричнины: были взяты в опричнину две новгородские пятины (Обонежская и Бежецкая) и, скорее всего, противники были выселены.

— Итоги:

По 156 актам на имя 116 помещиков было роздано 12 411 четий пахотной земли, 20 000 десятин пригодной для пашни земли. По плану надо было раздать 33 000 четий, но общие недодачи составили 12 000 четий.

Информация, содержащаяся в Книге № 573 Метрики ВКЛ, фиксирует изменения, произошедшие в жизни Полоцкого повета после включения его в российскую государственную машину. Мы попытались наиболее полно обрисовать эти изменения, в которых проявилось отношение центральной власти к завоеванной территории как к великокняжеской вотчине. Подобные меры проводились Москвой как бы инстинктивно, по традициям удельной эпохи. Тогда государство еще не сформулировало для себя разницу между «метрополией» и «национальными окраинами». На примере истории раздачи Полоцкого повета в поместья мы увидели, что проводимая политика опричнины была по отдельным аристократическим фамилиям, а не по институтам.

В целом, политика, проводимая на новоприсоединенных землях, носила охранительный характер: она обеспечивала удержание завоеванных территорий под властью Москвы и обеспечивала защищенность приграничных земель на стратегически важных

границах. Таким образом, земли Полоцкого повета с проживавшим на них населением были закреплены за Россией, стали ее органической частью и включились в сложный процесс империостроительства.

Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 годы)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

Жих М. И. Между Москвой и Литвой: к вопросу о причинах потери Новгородом самостоятельности в третьей четверти XV в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 118–121.

М. И. Жих

Между Москвой и Литвой: к вопросу о причинах потери Новгородом самостоятельности в третьей четверти XV в.

Вопрос о завоевании Москвой Новгорода в 1471–1478 гг. можно рассматривать с разных позиций: собственно военной, политической, дипломатической, экономической и т. д. В рамках настоящей статьи мы изложим некоторые соображения о том, какие закономерности социально-политического развития средневековой Руси привели к такому результату.

Гипотетически были возможны три варианта развития событий:

- 1) сохранение независимости Новгорода;
- 2) его присоединение к Литве;
- 3) завоевание Новгорода Москвой.

Реализован, как мы знаем, был последний из них. Почему именно он? Рассматривать эту проблему можно, как уже было отмечено, в разных аспектах, но все они являются частями ключевого вопроса о соотношении московского, литовского и новгородского вариантов социально-политического развития, которые представляли собой три варианта

трансформации древнерусской политической системы домонгольского времени. Именно пути социально-политического развития разных земель Древней Руси в постмонгольскую эпоху (XIII–XV вв.) и обусловили именно тот вариант развития событий, который и был реализован (формирование единого Российского государства и завоевание Новгорода Москвой).

Основой социальной организации домонгольской Руси была община, а в плане политической организации Киевская Русь XI–XIII вв. представляла собой совокупность городов-государств — *волостей* древнерусских источников. Этот традиционный для отечественной исторической науки взгляд нашел в недавнее время новое убедительное обоснование в работах Ю. Г. Алексеева, И. Я. Фроянова и других ученых санкт-петербургской исторической школы. Древнерусская *волость* представляла собой территориально-политическую структуру, построенную на основе иерархии общин и состоявшую из общины главного города, общин подчиненных ему «младших» городов (*пригородов*) и сельских общин, типологически сходную с античным полисом — «город-государство», как называют ее современные ученые (наш взгляд на значение древнерусского понятия *волость* см.: Жих М. И. О понятиях *волость* и *земля* в Древней Руси (предварительные замечания) // Время, событие, исторический опыт в дискурсе современного историка: XVI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского, 15–17 апреля 2009 г. Ч. 2. Нижний Новгород, 2009. С. 9–14).

При этом следует подчеркнуть, что раннесредневековая Европа делилась на две большие историко-культурные зоны: зону романо-германского синтеза и зону, в которой переход к цивилизации совершался «с нуля» (без античной цивилизационной подосновы). И развитие их пошло разными путями: в первой зоне начал быстро развиваться феодализм, во второй развитие пошло по «полисному» пути (хотя и не везде), а генезис феодализма шел по мере трансформации и распада полисных общин. Поэтому в плане феодализации Киевская Русь, Великое княжество Литовское и Московское государство существенно «отставали» (точнее называть это отставанием некорректно — это был просто иной путь социально-экономического и политического развития, начатый из другой исходной точки) от современных им западноевропейских государств. Поэтому механически сравнивать одни с другими нельзя. В нашей же историографии (особенно в советский период) всегда наличествовало (не всегда явное) стремление «привязать» историю Руси к истории Западной Европы и найти там все те же явления и институты.

На деле же в Восточной Европе все развивалось во многом иначе, ибо исходные точки были разными. При этом, если, скажем, Польша и Чехия рано начали испытывать влияние Запада (восприятие магдебургского права и т. д.), что деформировало естественный путь

«полисного» развития, то Русь очень долго развивалась по «полисному» пути. Разница между западноевропейским городом и древнерусским была фундаментальной — в Европе город был *самоуправляющийся*, а на Руси — *правлящий* своей *волостью*.

Противостоящие концепции И. Я. Фроянова построения являются «внетеоретическими» — они лежат вне рамок теории политогенеза и рассматривают Древнюю Русь как нечто исключительное и самодовлеющее, для чего нет никаких оснований. Повсеместно (за исключением кочевых обществ) первичной формой социально-политической организации постпервобытной эпохи были различные формы городов-государств: полисы, номы и т. д. И Древняя Русь не могла тут являть никакого исключения и не являла его. Итак, *основой социально-политической организации Древней Руси был город-государство, типологически наиболее близкий к античному полису*.

В постмонгольское время на Руси активно развивается начавшийся несколько ранее процесс кризиса полисной организации («кризис XIII века») и ее трансформации в новые формы социально-политической организации (что опять-таки было совершенно закономерно для всего мира — во всех обществах, начавших свой путь со стадии города-государства, они пережили процесс кризиса и трансформации), выразившийся в постепенном распаде общинного единства, усилении власти князей, формировании крупного феодального землевладения, разрыве связей города и сельской округи, снижении значения веча и т. д.

Но шли процессы кризиса и трансформации полисной организации в разных землях Древней Руси неодинаково: Северо-Восточная Русь пошла по пути трансформации полиса в территориальную монархию (ближайшую аналогию этому представляет история Рима), в Новгороде кризис полисной системы затянулся и шел по пути ее превращения в боярскую олигархию, а в западных и юго-западных землях процессы социально-политического развития осложнились «литовским завоеванием». Итак, к началу правления Ивана III на бывшем пространстве Киевской Руси сложились три политии, представлявшие собой три разных варианта социально-политического развития, по-разному трансформировавших древнерусское наследие:

1) Формирующаяся территориальная монархия в Москве, представлявшая собой военно-служилый тип государственности (*Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века: Очерки социальной истории. СПб., 2003*);

2) Находившиеся в состоянии кризиса и глубокой трансформации полисные структуры Северной Руси (Новгород, Псков, Вятка и т. д.);

3) Великое княжество Литовское, если не считать собственно Литвы, представлявшее собой на раннем этапе своей истории конгломерат городов-государств, внутреннее развитие

которых пока еще недостаточно изучено. Вероятно, оно совмещало московские и новгородские черты, а также различные местные особенности (*Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.).* СПб., 1993), видимо, испытывало (до определенного времени) тенденцию к расширению.

Именно «московский» путь оказался из них наиболее жизнеспособным и «прогрессивным», ибо там раньше всего совершился переход к новому типу государственности. В конкуренции с Москвой находившиеся в состоянии кризиса полисные организмы не имели шансов на успех. Хотя бы потому, что в Новгороде и Пскове сохранялась (в несколько трансформированном виде) древнерусская военная организация, основой которой было народное ополчение, в то время как в Москве уже совершился переход к новой и куда более мощной военной организации — профессиональному служилому войску, в столкновении с которым ополчение было обречено.

Великое княжество Литовское к середине XV в. также уже представляло собой формирующуюся территориальную монархию, развивающуюся на основе трансформации исходного конгломерата городов-государств. Процесс кризиса полисных структур и превращение их конгломерата в территориальную монархию шел там двумя путями: как бы «сверху» и «снизу»:

1) путь «снизу» состоял в том, что каждый из составивших ВКЛ городов-государств переживал процесс внутреннего кризиса полисных структур, их эволюции и трансформации, выражавшийся в постепенном распаде общинного единства, формировании крупного феодального землевладения, разрыве связей города и сельской округи, снижении значения веча и т. д.;

2) путь «сверху» состоял в том, что в рамках ВКЛ формировались надполисные структуры управления. И чем дальше, тем большую роль они играли.

Таким образом, к концу XV в. ВКЛ подошло в качестве формирующейся территориальной монархии, хотя и несколько более рыхлой, чем Московское государство.

Вот такие намечаются тезисно пути социально-политического развития древнерусских земель в XIII–XV вв., приведшие к закономерному итогу: жизнеспособным оказался лишь тот из них, который обеспечил своевременный переход от домонгольских полисных структур к принципиально новой форме социально-политической организации — территориальной монархии. Новгород, в котором процесс кризиса полисной организации затянулся и пошел по иному пути, оказался обречен в столкновении с политиями нового типа.

Касович А. А. Между двумя юбилеями: Грюнвальдская битва в исторической памяти народов Восточной Европы (1910–1960 гг.) // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 121–125.

А. А. Касович

Между двумя юбилеями: Грюнвальдская битва в исторической памяти народов Восточной Европы (1910–1960 гг.)

Двадцатый век по степени интереса к Грюнвальдской битве превзошел все предыдущие столетия. Особенно заметным периодом явилось пятидесятилетие с 1910 по 1960 г. К сожалению, отдельных работ, посвященных указанной теме, в отечественной историографии нет, лишь в общих работах о Грюнвальдской битве приводятся скудные сведения на этот счет. В зарубежной историографической традиции, напротив, эта тема имеет развитие, но все исследователи уделяют недостаточное внимание современному этапу политического мифа и развитию исторической памяти о Грюнвальде в России. Кроме того, в России эти работы почти неизвестны. Я попытаюсь, восполнив эти пробелы, составить возможно более полное представление о Грюнвальдском (Танненбергском) мифе и его развитии в указанное пятидесятилетие и о влиянии памяти о Грюнвальде на политическую культуру народов Восточной Европы.

В условиях политики германизации память о Грюнвальдской победе стала для польского народа настоящей национальной идеей. Воспоминания о былой победе польского оружия над прародителем Германской империи объединяли все слои польского общества. Так, 15–17 июля 1910 г. около 150 тыс. человек со всех польских областей и из эмиграции собрались в средневековой столице Польши Кракове на празднование 500-летия битвы. Само Грюнвальдское поле не смогло стать местом проведения торжеств, так как находилось тогда на территории Германской империи. В первый день был торжественно открыт памятник Грюнвальдской битве работы молодого скульптора Антония Вивульского. На фотографиях церемонии открытия монумента можно видеть огромные массы народа, что убедительно свидетельствует об исключительной значимости этого мемориала для общественного сознания. Во второй день торжеств прошли спортивные соревнования. А в последний день тысячи краковцев и гостей города приняли участие в шествии к могилам Ягайло и Ядвиги на

Вавеле. Активное участие в торжествах приняли и представители творческой интеллигенции, посвящая свои живописные и музыкальные произведения юбилею.

В Российской империи, в которую входило большинство земель, давших полки союзному польско-литовскому войску, правительство не поддержало идеи о широком праздновании круглой даты этого исторического сражения, однако заняло благожелательную позицию к инициативным группам. Во многих городах Европейской части России в 1909–1910 гг. были изданы популярные брошюры и научные статьи и проведены торжественные собрания, где заслушивались доклады, посвященные Грюнвальдской битве и ее значению. Однако в Российской империи, несмотря на определенный интерес со стороны части российской общественности, юбилей почти не затронул основную часть населения.

Грюнвальдский (Танненбергский) миф широко использовался в пропагандистских целях во время Первой мировой войны. Первым провел аналогию между средневековым сражением и столкновением Германской и Российской империй в Восточной Пруссии Верховный главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич. Он еще 2 августа 1914 г. в своем воззвании к полякам выражал надежду, что еще «не заржавел меч, разивший врагов при Грюнвальде». Однако с разгромом двух русских армий в Восточной Пруссии подобные лозунги становятся непопулярными. В Германии, напротив, в общественной мысли эти события легли в основу идеи исторического реванша за поражение 504-летней давности. Хотя поле исторической битвы лежало в стороне от театра боевых действий, пропагандой Германской империи эта победа была названа Вторым Грюнвальдским сражением, причем оба они представлялись как оборонительные, преграждавшие путь экспансии славянского варварства.

В конце Первой мировой войны в связи с возрождением славянских национальных государств в Европе наблюдается всплеск интереса к истории славянства. Отражая эти настроения, чешский художник Альфонс Муха в цикле эпических полотен на тему истории славян написал в 1924 г. картину «После Грюнвальдской битвы». В независимой Польше Грюнвальдский миф стал основой национальной идеологии. Во второй Польской республике «Крестоносцы» Г. Сенкевича были включены в школьную программу по литературе. В национальной живописи возвеличивание Грюнвальда нашло отражение в картинах Войцеха Коссака. Из-под его кисти вышли «Грюнвальдская битва», «Два меча» и другие полотна, запечатлевшие ключевые эпизоды Грюнвальдского сражения. Вторая отличительная черта межвоенного периода — рост напряженности в отношениях между Польшей, Германией и Литвой. Все стороны стремились использовать политический миф. В Польской республике широко праздновался 520-летний юбилей битвы в 1930 г. В пику этому празднованию в свободной Литве устанавливались памятники Витовту, которого литовцы считали истинным

творцом Грюнвальдской победы. Чувствительным политическим уколом поляков в сторону Германии было открытие 12 июля 1931 г. в Уждово мемориала Грюнвальдской битве. Во время Великой войны польско-литовские войска прошли через этот город. Однако важно было то, что Уждово находилось на территории, отошедшей Польше от Германии после Первой мировой войны. Примечательно, что в 1939 г., всего за несколько месяцев до немецкого вторжения в Польшу, на Всемирной выставке в Нью-Йорке символом польской делегации стал бронзовый памятник Ягайло с двумя обнаженными мечами. В Веймарской республике, так же, как и в Польше, культ Танненберга стал частью государственной идеологии. Но в отличие от польского варианта, в Германии в центре внимания было так называемое «Второе» сражение. В 1927 г. был торжественно открыт мемориал немецким солдатам, погибшим в этой битве. Этот мемориал, по мнению Свена Экдаля, был призван служить еще и в качестве предупреждения Польше.

С началом Второй мировой войны фашистское руководство Германии возводит в ранг государственной политики преследование на оккупированных территориях любой памяти об этом поражении Тевтонского ордена, преемником которого считались войска СС. С начала оккупации Польши фашисты безуспешно искали знаковую картину работы Яна Матейко «Грюнвальдская битва», но им не помогла даже обещанная награда в 10 миллионов марок. В ноябре 1939 г. был взорван Грюнвальдский памятник в Кракове. Представление о преемственности Ордену побудило немцев вывезти из Вавеля хранившиеся там тевтонские хоругви в Мариенбургский замок. Фашисты предполагали использовать их для пропагандистских целей, но очень скоро обнаружилось, что это всего лишь копии.

Тогда как Третий Рейх пытался уничтожить любое упоминание о Грюнвальдской битве, в СССР эта победа ассоциировалась с верой в грядущее поражение фашизма в Европе. Так, Всеславянский комитет, организованный в Советском Союзе с июня 1942 г., начал издавать журнал «Славяне», где главное внимание уделялось изучению прошлого славянских народов, в особенности — истории их борьбы с немецкой агрессией. Конечно, издатели журнала не могли обойти своим вниманием Грюнвальдскую битву. Агитационный потенциал этого исторического сражения использовался и в частях Красной Армии политруками при работе с личным составом. Взятие Берлина в мае 1945 г. вызвало ассоциации с Грюнвальдской победой. Польский художник Тадеуш Трепковский в своем плакате отлично визуализировал это представление.

Важную роль в польском государственном культе Грюнвальдской битвы играл орден «Крест Грюнвальда». Крест был учрежден в 1943 г. Будучи одной из высших наград Польши, он вручался за отличие в командовании воинскими соединениями и личное

мужество на поле боя или в рядах Сопротивления. Орден представлял собой крест, в середине которого на щите изображались два меча Юнингена.

После окончания Второй мировой войны в странах Восточной Европы специфика восприятия битвы значительно изменилась. В ФРГ историки ограничивались частными сюжетами, не имевшими выхода в сферу политической идеологии. В Польше, напротив, память о ней стала одним из краеугольных камней государственной идеологии. Грюнвальд стал удобным идеологическим козырем в дипломатической борьбе Польши за признание ФРГ границы по Одеру—Нейсе. Сразу же после окончания войны, в день 535-й годовщины битвы, части Войска Польского и Красной Армии участвовали в торжественном параде на Грюнвальдском поле. Блестящая победа под Грюнвальдом была увековечена в топонимике многих польских городов, особенно возвращенных в состав Польши после войны, отражаясь в названии проспектов, улиц, площадей и даже кинотеатров. В том же году, к празднованию 550-летия битвы, на месте сражения был установлен монумент. На мероприятия, проходившие на Грюнвальдском поле, собралось более 200 000 чел. Была выпущена серия юбилейных почтовых марок. Огромный успех имела экранизация «Крестоносцев» Сенкевича Александром Фордом, впервые показанная на Грюнвальдском поле.

Проведенное исследование показало пути развития исторической памяти о Грюнвальдском сражении в разных странах Восточной Европы и ее влияние на художественную и политическую культуру региона. Анализ известных нам фактов приводит к выводу о том, что память о Грюнвальде представляет собой важнейший пласт культурного наследия народов Восточной Европы, которому суждено богатое или даже безграничное будущее.

Климутъ Л. Я. Образ иностранцев и идеал внешней политики государства в представлении шляхты ВКЛ // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 125–129.

Л. Я. Климутъ

**Образ иностранцев и идеал внешней политики государства
в представлении шляхты ВКЛ**

Идеология и мировоззрение шляхты ВКЛ обуславливалось как исторической ситуацией, так и специфическими особенностями ее менталитета. Шляхта вырабатывала свои оценочные категории для событий политической жизни, в том числе и внешней политики, и эти категории не оставались неизменными. В предложенном докладе мы ограничиваемся XVI–XVIII вв., когда ВКЛ было составной частью Речи Посполитой.

Мировоззрение шляхты всей РП определялось сарматской идеологией. Среди характерных черт сарматизма выделяется убежденность шляхты в абсолютном преобладании политической модели РП и ее обычаев над всеми остальными. Сарматское мировоззрение было ориентировано на традицию и поэтому негативно воспринимало любые изменения и реформы. Одной из главных идей шляхты было сохранение своих привилегий и недопущение никаких изменений извне. С этим связано то, что для сарматизма характерно критичное отношение к западной культуре, однако в то же время наблюдается сильный интерес к ориенталистическим влияниям.

Чем больше шляхта под влиянием исторических событий приходила к идее своей европейской миссии как последнего бастиона христианства, тем более усиливалось нежелание шляхты как Польши, так и ВКЛ менять привычный образ жизни. Этот консерватизм укреплялся на протяжении XVII в.

Такие взгляды определяли и отношение к иностранцам со стороны жителей ВКЛ. Если в дневниках XVI в. можно заметить искреннее восхищение тем, что путешественники видели в других странах (Пэрэгрынацыя... Мікалая Крыштофа Радзівіла ў святую зямлю // Гісторыя Беларусі IX–XVIII стст. Першакрыніцы [Электронный ресурс]. — http://starbel.narod.ru/peregrin_gal.htm), то в дневниках XVII в. уже видно негативное или подозрительное отношение к тому, что приходит из европейских стран. Во многих произведениях чувствуется ирония в отношении к другим народам и осознание собственного превосходства над ними. Примером могут быть ироничные высказывания Теодора Билевича, которого удивляет, что обычная сова может быть раритетом в зверинце, а также его характеристика англичан как «молодецкого» народа с большой долей иронии (Білевіч Т. Дзённік, пісаны ў Англіі аб тым, як там вандравалася і жылося // Спадчына, 1990. № 4. С. 89–93).

Интересно, что для шляхты ВКЛ поляки представляли собой также другой народ, к которому соответственно относились с некоторым недоверием и защищали свою землю от чрезмерного его влияния, как это демонстрируют статьи Статута ВКЛ 1588 г. Негативная характеристика поляков встречается в документах эпохи.

Шляхта ВКЛ восприняла западноевропейскую рыцарскую этику и переработала ее на свой манер, добавив к ней неповторимый сарматский колорит. На территории ВКЛ

объединяется и ранний рыцарский дух времен Средневековья, и воспитательные идеи периода Возрождения. Попытку обозначить, каким должен быть христианский рыцарь, мы находим у П. Скарги. Вообще Скарга призывает к участию в войне «самой безопасной» (в моральном смысле), т. е. в войне «с турками, язычниками и другими неверными врагами Святого Креста и Костела Божьего». Соответственно настоящий рыцарь-шляхтич не бросается в битву бездумно, а контролирует внешнюю политику страны посредством такого инструмента, как сейм, где может выразить несогласие с внешнеполитическими планами короля.

Идею борьбы с язычниками сопровождал также огромный интерес к восточной культуре, приведший к определенной ориентализации культуры и стиля жизни высших и средних слоев шляхты. Если в XVI в. этот интерес к восточным мотивам касался только отдельных элементов и не образовывал цельного мировоззрения, то в XVII в. наблюдается уже то, что можно назвать ориентализмом в качестве стилевого направления.

Ориентальный костюм для шляхтича, прибывшего в Западную Европу из РП, был средством утверждения своего «я» и одним из базисных факторов, с помощью которого он идентифицировал свое отличие и этническую и государственную принадлежность. Кроме того, турецкий костюм в глазах шляхты символизировал военную победу, как будто был снят у плененного врага. Определенная ориентализация манеры ведения войны также заметна в ВКЛ, которое граничило с представителями восточной военной традиции. С конца XV в. восточный театр военных действий становится для ВКЛ основным. Но с другой стороны, часть общества негативно относилась к турецкой моде, которая появилась в XVI в.

Такое поликонфессиональное государство, как ВКЛ, с еще большей легкостью воспринимало чужеземные, не христианские влияния, чем территория Короны Польской, где ориентализм проявляется более скромно. Восточная культура на территории ВКЛ занимала свое особое место. Долгое сосуществование разных конфессий на территории ВКЛ, независимо от их места в государственной иерархии, воспитывало своеобразный менталитет, отличающийся легким усвоением всего, что казалось привлекательным, не взирая на его происхождение. Недаром даже в глазах поляков, которые сами для Западной Европы были воплощением варварских вкусов в моде, литвины и их одеяния казались необычайно шикарными и даже непристойно дорогими.

Из этого не следует, что шляхта РП и ВКЛ в частности, где ориентализм проявился особенно сильно, предпочитала в качестве иностранцев представителей Востока представителям Запада. Она с равным недоверием относилась и к тем, и к другим. Ориентализм скорее можно рассматривать, как попытку утвердить себя на пересечении

культур, и эта кросс-культурность и отличала шляхтичей ВКЛ от всех других и была одним из важных факторов самоидентификации.

Внешнеполитический феномен шляхетского сарматизма впервые проявился во времена Сигизмунда III. Инициатива короля в проведении активной внешней политики наталкивалась на опасения шляхты, что это приведет к излишнему укреплению монархии и нарушению баланса власти. Особенно это проявилось в отношении к борьбе Сигизмунда за шведский трон. Опасность для шляхетских вольностей в случае возвращения Сигизмунду отцовского наследства отмечал влиятельный литовский магнат Криштоф II Радзивилл (*Лойка П. А. Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. Мінск: БДУ, 2002.*). Пацифистские настроения проявляла шляхта ВКЛ и в отношении к России, однако здесь к опасениям укрепления королевской власти добавлялся опыт предыдущих тяжелых войн с восточным соседом. Чисто оборонительные мероприятия приветствовала шляхта и в отношении к южным врагам — Крымскому ханству и Турции.

Разочарование в реализации внешнеполитических амбиций ожидало и сына Сигизмунда III — Владислава IV. Вынужденный отказаться в 1634 г. от титула русского царя и потеряв надежды на шведский трон, он потерпел фиаско и в планах проведения широкомасштабной наступательной войны против Турции. Под впечатлением от успехов в конфликтах с Турцией, Владислав в союзе с Венецией и Римом собирался нанести ей решительное поражение, для чего планировал увеличить количество реестровых казаков. Однако шляхта увидела в планах короля угрозу своим вольностям, тем более что с этим соседствовало укрепление «хлопского» запорожского войска, и на сейме 1646 г. вынудила Владислава публично отказаться от задумки, которая в случае удачи обеспечила бы спокойствие всем южным землям РП.

Череда военных конфликтов, в которые РП была втянута во времена правления династии Вазов, продолжалась до начала XVIII в. Тяжелые военные испытания обострили шляхетский «пацифизм» до крайности. С другой стороны, способность, хотя и не без потерь, выстоять перед многочисленными врагами, еще больше укрепила убеждение шляхты в своей значимости. Поэтому очередная попытка усиления королевской власти, на этот раз представителем саксонской династии Веттинов Августом II, привела к восстанию шляхты и ограничению на «Немом» сейме 1717 г. государственного войска до 18 тыс. в Короне и 6 тыс. в ВКЛ. Чужеземные (саксонские) войска, на которые мог опираться в своих абсолютистских устремлениях Август II, покидали границы государства (*Konstytucye Seymu Pacificationis Warszawskiego // Volumina Legum: in 10 t. Petersburg, 1860. T. 6. S. 112–133*). Шляхта сопротивлялась увеличению войска не только из-за нежелания больших расходов, но

и из-за убеждения, что слабость государства гарантирует его существование, потому что слабая РП никому не мешает и никому не угрожает. Такие убеждения были вполне логичны с точки зрения сарматской шляхты. Государство должно ориентироваться только на оборонительную войну. На протяжении XVII в. все более растет нежелание шляхты соглашаться на участие в войнах и расходы, связанных с ними. С точки зрения послов сеймов, единственной причиной для войны может быть защита государства. Это объясняет, почему сеймы так часто отказывались соглашаться на активные военные действия РП в отношении других государств и, таким образом, заставляли королей в ведении войны больше полагаться на личные интересы и амбиции отдельных магнатов.

Шляхта часто не обращала внимания на политические проблемы государства, когда дело доходило до сохранения традиционных установлений и образа жизни, как они их себе представляли. Например, шляхта высказалась за мир, когда Владислав предложил выступить против Швеции (1630-е гг.). Сарматские рамки настолько ограничивали взгляды депутатов, что они даже не желали видеть, какие перспективы вставали перед страной. При столкновении с политическими реалиями проявлялся свойственный сарматской идеологии внутренний конфликт. Рыцарский кодекс требовал защиты интересов государства, а оборонительная тенденция сарматской традиции отрицала идею наступательной войны. Таким образом, становилась невозможной концепция активной позиции государства на международной арене. Подозрительность шляхты приводила к тому, что в любом предложении короля ей виделось желание монарха установить свою деспотическую власть, и это еще больше мешало им понять насущные нужды внешней политики. Из-за консервативной направленности шляхетского менталитета страна упускала политические возможности, открывавшиеся перед нею.

Короткий В. Г. Люблинская государственная уния 1569 г. и Брестская церковная уния 1596 г. в свете политических и историко-культурных проблем стран Центральной и Восточной Европы // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 129–134.

В. Г. Короткий

**Люблинская государственная уния 1569 г. и Брестская церковная уния 1596 г.
в свете политических и историко-культурных проблем стран**

Центральной и Восточной Европы

Для последнего Ягеллона по мужской линии Сигизмунда II Августа и первого Ягеллона по женской линии Сигизмунда III Вазы Люблинская государственная уния 1569 г. и Брестская церковная уния 1596 г. были завершением объединительной политики Ягайлы и его наследников в отношении соседних государств — Великого княжества Литовского и Польской Короны. Это — внешняя, видимая сторона геополитики Ягайловичей. Между тем совершенно очевидно, что с конца XIV в. Ягайло и Ягайловичи преследовали в объединительной политике далеко идущие планы. В сферу своих государственно-политических, династических интересов они включали не только «отчинные» земли, но и земли близлежащих государств. По сути, именно с Ягайлы начинается соперничество в Центральной и Восточной Европе за династическое лидерство с Габсбургами, Гогенцоллернами, московскими Рюриковичами. Идеология киевско-полоцких Рюриковичей всецело поглощается идеологией Палемоновичей. Идея «сарматской Европы» — это прежде всего объединительная идея Ягайловичей. Обратим внимание на королевский титул Владислава III, сына Ягайлы: «Władysław, z łaski Bożej Węgierski, Polski, Dalmacki, Kroatski, Rawski, Serbski, Rascki, Słowacki, Halicki y Rumański etc. Król a ziem Krakowskiey, Sędomirskiey, Łęczyckiey, Kujawskiey, Litewskiey Książę najwyższe, Pomorskiey i Ruskiey ziemie Pan i dziedzic» (см.: [Dubowicz, Jan] Hierarchia abo O zwierzchności w Cerkwi Bożej. Od Wieleb[nego] Oycy Iana Dubowicza, Archimandryty Monastera Dermanskego, w druk za dozwoleńiem starszych podana. We Lwowie: w drukarni Colleg[ii] Societatis Iesu, u Sebastyana Nowogorskiego, roku Pańskiego 1644. Dubowicz 1644. S. 235). Именно во времена правления Владислава III Варненчика и его брата Казимира Ягайловича наиболее ярко проявилось сознание Ягайловичей как объединителей народов Центральной и Восточной Европы. Такое видение миссии Ягайловичей отразилось в известном многотомном труде «*Annales seu Chronicae inclity Regni Poloniae*», написанном Яном Длугошем в 1455–1480 гг. (Ulewicz T. *Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV–XVI ww.* Kraków, 1950. S. 27).

С другой стороны, в начале XV в. резко возрастает роль Великого княжества Литовского (во главе с Витовтом) как государства, объединяющего восточных славян, с центром в Вильне. После Киева Вильня выступает вторым центром восточных славян, претендующим на объединительную миссию. Эта концепция наиболее ярко отразилась в «Похвале или Сказании о князе Витовте».

Таким образом, Гедиминовичи как наследники римского патриция Палемона в XIV–XV вв. стояли у истоков объединительных процессов народов Центральной и Восточной Европы. Своеобразным символом в этом объединительном процессе стала победоносная

Грюнвальдская битва 1410 г., в которой, как известно, предводительствовали король Ягайло Владислав и великий князь Витовт Александр. Для польской истории Грюнвальдская битва стала отправным пунктом в понимании ее исторической миссии в Европе. Во время празднования 500-летнего юбилея Грюнвальдской битвы маршалок города Кракова Станислав Бадени свое внимание сосредоточил на следующем: «Dziś po wiekach pięciu patrząc na położenie narodu polskiego widzimy, że nie tylko zginęli w nurtach dziejowych następstwa zwycięstwa pod Grunwaldem, ale coraz groźniej nasuwa się pytanie, czy nie poszła na marne cała zasługa dziejowa, jaka się w unii zawiera» (Księga pamiątkowa obchodu pięćsetnej rocznicy zwycięstwa pod Grunwaldem. Kraków, 1911. S. 23). Тогда же в Кракове в память о Грюнвальдской битве был открыт памятник Ягайле, у подножия которого были монументально отображены события и герои Грюнвальдской битвы. Если проводить параллели, то для Кракова как объединительного центра победа на Грюнвальдском поле символизировала приблизительно то же самое, что для Москвы — победа на поле Куликовом, о чем весьма образно в свое время заметил Л. Гумилев: «На Куликово поле пошли рати москвичей, владимирцев, суздальцев и т. д., а вернулась рать русских, отправившихся жить в Москву, Владимир, Суздаль и т. д. Это было начало осознания ими себя как единой целостности — России» (Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла: Диалог. Л., 1990. С. 21).

Видимо, и в польско-белорусской истории повторилось нечто подобное. Ягайло — сын белорусского великого князя Ольгерда и тверской княжны — начал строительство своей империи именно с исторически значимой победы, в которой он был не только предводителем, но и ее символом. Позже белорусский поэт-латинист Ян из Вислицы в поэме «Прусская война» (1516), оценивая роль Ягайлы в мировой истории, заметил следующее:

Не прыраўноўвай яго ты, о Рым, да Камілаў, Марцэла,
 Фабіяў слаўных тваіх і да Цэзара велічных дзеяў,
 Гектара мужага, Троя, твайго і Ахіла, Ларыса,
 Да Ганібала твайго, Карфаген непакорны і храбры!
 Тыя цары і вяльможы, якіх праслаўляюць арабы,
 Персы, парфяне і грэкі шматмоўныя, не дасягаюць
 Славы яго, надзвычайнай адвагі і подзвігаў ратных

(*Вісліцкі Ян. Прусская вайна = Ioannis Visliciensis Bellum Prutenum: На лацінскай і беларускай мовах / Уклад., перакл., камент. Ж. В. Некрашэвіч-Кароткай. Мінск, 2005. С. 155. Пер. Ж. Некрашевич-Короткой).*

Грюнвальдская битва и одержанная в ней победа показали, что только в единении государств народы Центральной и Восточной Европы могут противостоять как

западноевропейским захватническим потугам, так и угрозе со стороны могучей Османской империи, а также возрождающейся Москвы, претендующей на роль нового объединительного центра восточнославянских народов. Напомним, что именно накануне и после Грюнвальдской битвы были заключены унии виленско-радомская 1401 г., городельская 1413 г., городельско-гродская 1432–1433 гг., «персональная» уния в Бресте 1446 г.

Люблинская государственная уния 1569 г. стала венцом объединительных процессов наших государств. Сегодня в польской, белорусской и украинской историографии Люблинская государственная уния оценивается по-разному. В плане общем позитив заключается в утверждении, что именно Люблинская государственная уния укрепила Великое княжество Литовское в его противостоянии Московскому государству, негатив — в констатации утраты суверенитета Великим княжеством Литовским, усилении полонизации и наступлении католицизма. Это весьма примитивные схемы, во многом не отвечающие белорусскому пониманию сущности унии. Для белорусского среднешляхетского сословия Люблинская уния воспринималась как акт политической свободы, как открытие возможностей для реализации своих амбициозных социальных планов. Несомненно, в монархическом государстве высшая степень свободы воспринималась как зависимость от одного властителя, государя, чего не было в магнатско-шляхетском Великом княжестве Литовском, имевшем, однако, свои Статуты. Вот почему белорусское сообщество раскололось в понимании идей Люблинской государственной унии на магнатское и шляхетско-низовое их видение. Это своеобразное понимание «свободы» и «несвободы» ярко отразилось в политическом трактате Станислава Ожеховского «*Quincunx*».

Мотивы и идеи Брестской церковной унии 1596 г. нельзя отрывать от глобальных объединительных процессов нашего государства, инспирированных Ягайловичами. Если Люблинская государственная уния была ориентирована на объединение «дедичных», «отчинных» государств Ягайловичей, то Брестская церковная уния имела иные ориентиры. Традиционный взгляд на измену православных иерархов «древлему благочестию», традициям православных народов Беларуси и Украины, уход в «западничество» — это только одна видимая часть проблемы. Церковная уния 1596 г. явилась не только продолжением государственной унии, но, прежде всего, была путем к духовному объединению всех христианских народов Европы, не предусматривающим их государственного объединения. В трактате «*O jedności Kościoła Bożego pod jednym Pasterzem*» (1577) Петр Скарга в духе постановлений Тридентского собора заявлял: «*Nie winni są krolowie chrześcijańscy y inne rzeczy pospolite — jednego nad sobą cesarza mieć i jemu posłuszeństwo świeckie czynić y jednako rzecz swoją pospolitą sprawować, ale jednako wierzyć,*

jednego pasterza duchownego nawyższego mieć y w jednoŹci KoŹcielnej być — to sę wszyscy winni, y bez tego zbawienia mieć nikt nie moŹe» (*Skarga P. O iednoŹci KoŹcioła BoŹego pod iednym pasterzem*. Wilno, 1577 // Памятники полемической литературы. СПб., 1882. Кн. 2. Стб. 369). По мнению последователя Петра Скарги, в понимании унии как глобального процесса Мелетия Смотрицкого (униата), Речь Посполитая обоих государств — это прежде всего плацдарм для всеобщего объединения. Так, в письме к Киевскому униатскому митрополиту Иосифу Вельямину Руцкому от 2 марта 1628 г. Мелетий писал: «...Пока русская церковь не будет в единстве, дотоле напрасно хлопотать о греках, святогорцах, москвитянах и иных народах греческого исповедания» (*Короткий В. Г. Творческий путь Мелетия Смотрицкого*. Мн., 1987. С. 178).

Для Московской Руси, пережившей «бунтяшный век» на рубеже XVI–XVII вв., всякое поклонничество перед Западом было по меньшей мере непонятым: она осознала свою национальную, культурную, государственную самодостаточность. Самые различные обращения к царю Алексею Михайловичу свидетельствуют о том, что в соседнем государстве вероотступничество воспринималось как покушение на национальную историю. Именно следование «древлему благочестию», православию, по мнению традиционалистов, обеспечило государственный расцвет Московской Руси в XVII в., стало предпосылкой победоносных войн, в том числе с Великим княжеством Литовским, на земли которого московские монархи смотрели как на наследственные: для них Запад — это немецкие обычаи, непригодные для православного русича-славянина.

Граждане Польской Короны стремились отграничить себя от «Востока» также особым традиционализмом, связанным, однако, с католической верой. Духовные ценности, государственные завоевания напрямую связываются с католическим укладом жизни. Даже наследник Гедимины Ягайло, первый белорусский преемник власти в Польской Короне, польским обществом того времени воспринимается в первую очередь как Палемонович, ведущий свое происхождение от римских патрициев. Женская линия, объединяющая будущих Ягеллонов с Рюриковичами через княжну Софью Гольшанскую, в польских хрониках даже не упоминается.

Полярный по своим прежде всего конфессиональным критериям менталитет восточного и западного соседей не мог не поставить проблемы выбора своего пути. К сожалению, «свой путь» белорусов, никогда не знавших да и практически не стремившихся к культу национального короля или царя, был онтологически и гносеологически связан с выбором: Польша или Московия. Это означало не только «выбор государства», но и также выбор таких его атрибутов, как вера, язык, культура в целом.

При всем видимом стремлении к объективному истолкованию событий Люблинской государственной унии 1569 г. и Брестской церковной унии 1596 г., это истолкование всегда будет иметь субъективно-народностный оттенок, поскольку разные эпохи для разных народов нашей общей истории имели далеко не тождественное значение. Белорусские литературоведение, история, историософия только в последнее десятилетие активно занялись проблематикой национального самосознания, менталитета, государственного строительства, изучения образов-символов, образующих пантеон национальных героев и антигероев. Современные процессы глобализации невозможно объяснить без внимательных экскурсов в национальную историю отдельных народов, ими самими истолкованную и разделенную на «свое» и «чужое».

Korpela J. Prisoners of Finnic Backwoods in late medieval Swedish and Russian Sources // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 134–136.

J. Korpela

Prisoners of Finnic Backwoods in late medieval Swedish and Russian Sources

The slave trade and captive taking is a well known phenomenon along the Russian Tatarian border regions during the late medieval and early modern period. The Crimean Khanate formed the centre of the slave trade and Brian Boeck has lately described the logic of the business. This kind of activity was not, however, limited to area of South Russian steppe. There are rather many documents and chronicle entries after the 12th century and especially from the 15th and 16th century describing similar kind of business in North.

Unlike to the traditional view, the northern backwoods outside of Novgorodian and Swedish medieval realms were well settled by heterogeneous, semi nomadic Finnic hunter fisher populations. The colonization activities of early modern period were not real but only reflecting the administration building and the start of taxation. The earlier invisible populations became now visible.

The Novgorodian chronicles record nearly hundred raids alone to the northern areas. In many stories is told, how the troops returned home with many prisoners («so mongim polonam vozvratjsja v svojasi») or that they took countless prisoners («polon privedoša beščisla»).

Sometimes the proceedings are described more detailed like 1311 the raid to West Finland: «sela požgoša, i golovy poimaša, a skot isekoša» («they burned villages, caught inhabitants and killed cattle»). Similarly is told about the raid of 1350/1351 against Viborg: «a nemec issekoša mnogo, i žon i deti, a inyh živyh izimaša» («and they killed many foreigners both wives and children but some they took alive along»). After the raid from Novgorod to West Finland, 1226, is told, how a long distance forbad the transportation of all prisoners and thus only a part of them were taken along while others were slaughtered or let to go.

The last slavery document from Sweden is the last will of a rich man named Assmund Langh. He released his male slave «Karelus» and donated for this a horse and a saddle, February 27th, 1310. The name of the slave refers to eastern Finland (Karelia) and perhaps Assmund has bought his slave from Karelia which was from the late 13th century until 1323 under Swedish and Novgorodian raids almost yearly.

A very detailed story about a Russian raid and captive taking is in a complain letter from parish Kemi (the region of Oulu) for the «noble lords of the Kingdom», March, 1490. The Russians had devastated the land during the last years many times and taken women and children in captivity («thogo the ware kwinnor ok barn of fördhe tøm met sik til Ryssalandh»). The bargaining action follows well the model of Boeck from Crimea: some peasants have bought and the rest can still buy the captives free but they who are too poor lose their relatives in slavery («hwilka wij fattighe hafua lösth ok än skule lösa tøn igen för stora summa penningha... som äkke hafua makth til ath lösa tøm... skule thär ware ok bliwe, släpa ok tråla för tøm»). This activity took place from both sides, because also Russian peasants complained devastations and captivity taking on the same time.

From the perspective of Russian and Swedish sources, the activities concentrated after 1323 on Karelian Isthmus and the captive taking raids to the Baltic area were stopped. A military activity increased again in the Finnish-Karelian area from the 15th century onwards. By the end of the century the stories about captives became more regular in the Swedish official documents, too. Tatarian auxiliary troops are also recorded in the Muscovite army during the 16th century in the Baltic, Karelian and Finnish areas, and according to the Swedish and Baltic sources they were active in the captive business. The role of Tatarian soldiers in slave trade is elsewhere a well known fact.

In the Finnic folklore there are also many captive and slave stories, and therefore it looks like that this was part of the local life. The Finnic populations outside the Christian realms seem to have been targets of captive taking raids from various sides and they formed one source of medieval and early modern slavery in the area of the Baltic Sea and northern Russia.

Unfortunately the sources do not follow further the lot of these individuals than to Novgorod. I have neither found facts about slaves from the North in Crimea documents, but most

probably in the classification under the title of Russian slaves there were also Fenno-Ugrians like among the slaves in Russia in general there must have been much more Fenno-Ugric slaves than the classical presentation of Richard Hellie admits. I think that if a person was valuable enough to be transported from northern Finland through road less forests and waters to Novgorod, she or he was so extraordinary case that she or he has high value enough to be sold to southern markets, too, from where the trade continued to Constantinople, Persia and Egypt.

I have made research on a rather big project concerning this northern slave trade. My previous studies have dealt the Russian sources and Finnic folklore. Now my focus in this conference is in the texts of Henry of Livonia, Livländische Rheimchronik, Petrus de Dusburg, Hermann von Wartberge, Balthasar Russow and Johannes Renner. I try to understand the structure and development of captive business/slave trade in the Baltic area from the 13th century to 16th century. This question has been dealt in few scholarly articles up till now but there is no comprehensive analysis about the situation.

Крамаровский М. Г. После Грюнвальда. Крым и ВКЛ по материалам клада из дер. Литва // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 136–143.

М. Г. Крамаровский

После Грюнвальда. Крым и ВКЛ по материалам клада из дер. Литва

0.1. 15 июля 1410 г. у озера Лаубнер (Любен) между селениями Грюнвальд (польская локализации битвы; в литовском переводе — Жальгирис) и Танненберг (немецкая локализация) под знаменами Витовта сражались и татары из числа литовских колонистов. Кроме литовских татар, польско-литовские войска были поддержаны 30-тысячным конным корпусом из Поволжья, занявшим отдельное место на правом фланге Витовта (Барбашов 1891, С. 58–61). Участие ордынцев, несомненно, было санкционировано Едигеем через Пулад (Булат) хана (1407–1410). Ордынские отряды, прибывшие на территорию Литовского княжества еще в первые месяцы 1409 г., возглавлял Джелал-ад Дин. В Германии считали литовцев и татар, пришедших на помощь полякам, основой успехов Витовта и Ягайло (Гудавичус 2005, С. 223). Уже осенью 1410 г. Джелал-ад Дин овладел Крымом, а в самом

начале следующего года он покончил с Пулад-ханом. В конце 1411 г. Едигей бежал в Хорезм, а в 1412 г. Джелал-ад Дин с помощью Литвы утвердился в Золотой Орде.

1.1. Время не сберегло памятников, отражающих ранние контакты Крыма периода выделения ханства из состава Золотой Орды с Центральной Европой. Исключение составляют вещевые находки из клада у дер. Литва близ Минска.

Клад из дер. Литва (Полочанский с/с Молодечненского района Минской области) — монетно-вещевой. Профессором В. Н. Рябцевичем (Белорусский Госуниверситет) установлено, что клад обнаружен при грабительских раскопках в 1991–1992 гг. Первоначально находка ошибочно связывалась с окраиной небольшого городка Ракова, расположенного в 60 км к северо-западу от Минска (Крамаровский 2001, С. 125–129). Более поздние разыскания привели В. Н. Рябцевича к заключению о сокрытии в кладе у дер. Литва не менее 6191 серебряной монеты — пражских грошей, из которых 6186 экземпляров попали в музей Национального банка Белоруссии. По его мнению, это лишь часть клада. Еще пять таких же монет и три мелких ювелирных изделия из серебра с золочением попали в Национальный музей истории и культуры Белоруссии (последние обнаружены Рябцевичем на месте находки с применением шурфовки и с использованием магнитометра). Важно, что в процессе шурфовки было обнаружены две прямоугольные серебряные бляшки, которые мастер использовал для крепления к ремню больших поясных пластин. Все известные к настоящему времени монеты клада чеканены в диапазоне 1378–1419 гг. на монетном дворе Кутна Гора в Чехии (определение В. Н. Рябцевича).

1.2. Вещевая часть клада представлена двумя поясными наборами (серебро с позолотой и чернью). Один из них был осмотрен мной в Национальном музее в 1997 г., а детали второго (находились в начале 2000-х гг. в частном собрании в Париже, а ныне в частном собрании в Лондоне) стали известны спустя несколько лет по фотографиям.

1.3. Район Минска не богат находками пражских грошей. В XV в. в обращении ВКЛ находились чешские монеты от Вацлава II (1278–1305), чеканившего свою монету с 1300 г., до Вацлава IV (1378–1419), включая монеты Яна Люксембургского (ум. в 1346) и Карла V (1346–1378), что констатировал еще А. А. Сиверс (Сиверс 1922, С. 5). В 1927 г. П. В. Харлампович отметил находку в Минской губернии двух пражских грошей Яна Люксембургского (Харлампович 1927, С. 298). Позже В. Н. Рябцевич нанес на карту еще три клада, из которых известны всего шесть монет (Рябцевич 1965, С. 124. Карта на С. 125). Скромные находки с пражскими грошами из района Минска свидетельствуют, очевидно, что основная часть мелких кладов образована в результате накоплений короткого времени, образованных, видимо, на основе мелкой розничной торговли. Однако монеты клада у дер. Литва вместе с его вещевой частью свидетельствует, что в торговле, пришедшейся на пик

массового поступления пражских грошей на территорию ВКЛ, принимали участие и зажиточные граждане. Их имущественный достаток сродни положению крепких хозяев, которых В. И. Пичета относил к держателям «господарского двора».

2.1. Поясные наборы клада у д. Литва уникальны и принадлежат к одной мастерской. По своему не воинскому характеру и выразительным особенностям декора (один из поясов, возможно, охотничий) они могут быть отнесены к *разряду парадных*, принадлежащих сокровищнице весьма состоятельного человека или даже князя.

2.2. Поясная гарнитура *первого пояса* состоит из 15 предметов: пряжки, наконечника, двух (из четырех найденных) прямоугольных бляшек, двух больших блях с фестончатым краем с диаметром до 8,3 см и девяти круглых блях с диаметром до 6,5 см.

Пряжка двучастная с прямоугольным приемником, куда крепился ремень, и рамкой с приостренным стопором на шарнире: приемник и рамка выполнены зацело и соединены узким переходом с фигурными вырезами по вертикали. По форме пряжка близка к двучастной пряжке позднеготического серебряного поясного набора конца XV в. из собрания Венгерского Национального музея в Будапеште (Fingerlin 1971, S. 208, 209, 322, 323. Kat. Nr 46). Рисунок фигурного люнета пряжки напоминает о стилистике поздней готики Ломбардии. *Наконечник* в форме прямоугольника: лицевая пластина с прорезным декором, тождественным декору пряжки. В комплекс поясов вошли *четыре прямоугольные накладки* — две малые, размером 2,8 x 1,5 см, и две большие, размером 6,2 x 3,3 см. По-видимому, каждая пара накладок принадлежала разным поясам.

Лицевая пластина *бляхи 1* (диам. 8,1 см) выбита в трех плоскостях: в центре кобашен, чуть возвышающаяся над восьмилепестковой розеткой. Из восьми сегментов розетки лицевой пластины четыре заполнены готизированными изображениями птиц, остальные — орнаментальными композициями, построенными на сочетании стилизованной полупальметты с завитком на длинном стебле. Растительные узоры у внешнего края пластины собраны в восемь картушей сложной формы. Четыре из них заполнены стилизованными растительными полупальметтами, другие четыре декорированы сдвоенными фигурами животных. *Бляхи 2–3* с фестончатым краем (диам. 8,3 см): декор их лицевых пластин с некоторыми упрощениями повторяет орнаментику лицевой пластины первой бляхи. *Бляхи 4–5* (диаметр 6,4–6,5 см) отличаются от остальных тем, что по краю лицевых пластин введен мотив двух кольцевидно извивающихся зубастых драконов-змеев, хватающих друг друга за конец хвоста. Мотив двух змеев, охватывающих округлую плоскость, или, в отдельных случаях, сферу, в исламской традиции встречается в связи с астральными сюжетами, как, например, в миниатюре с изображением лунного божества в Kitab al-Diryaq, датированной 1199 г. и отнесенной Меликьяном Ширвани к сельджукскому

Ирану (Melikian-Chirvani 1967, Р. 4–16). По-видимому, основным в этих случаях является охранительный контекст изображаемых змеев (Curatola, Р. 50. Fig. 41). *Шесть других блях* повторяют уже известные комбинации растительных узоров с характерной полупальметтой с завитком, изображением монстров и готизированных птиц. Можно отметить лишь разный рисунок в характере заполнения кабошенов.

3.1. О поясной гарнитуре *второго пояса* известно немного. По дошедшим до меня воспроизведениям можно сказать, что в основном он состоял из того же набора блях двух типов, что и первый пояс. Но главное отличие связано с пряжкой.

3.2. Пряжка состоит из двух частей, соединяющихся захватом. Поскольку до нас дошла лишь ее половина, которую можно охарактеризовать как приемник, восстановить достоверную конструкцию пряжки не представляется возможным. Лицевая пластина приемника пряжки богато украшена. Смысловую доминанту составляют фигуры четырех геральдических драконов-змеев, направленных к центру в виде шестичастной розетки с медальоном. Два картуша пластины декорированы иначе. В нижнем — парные изображения волков в зеркальной симметрии. В верхнем картуше фантастические крупноголовые птицы с перевитыми шеями.

4.1. *Иконография и темы.* Древность мотива птиц с перевитыми шеями уже отмечена И. А. Орбели (Орбели 1968, С. 118). Армянский поэт и проповедник XIII в. Иоанн Ерзикаци видел в композициях парных птиц с переплетенными шеями брачную символику.

4.2. Волк — тотем у ранних тюрков. Поэтому его нередко изображали на знаменах (Окладников 1976, С. 185). «Волчьи знамена» отмечены у уйгуров (Бичурин 1950, С. 311).

4.3. Отдельно отметим в декоре наших поясных украшений тему змеев и змеедраконов. В тюркском мире Ближнего Востока, в отличие от традиции народов Китая, дракон всегда чудовище нижнего мира, чье место под землей или в море — последнее, вероятно, под давлением античного наследия (Çal 1999, S. 275–284). В таком случае его неразвитые крылья, как заметил В. Я. Пропп, — реликт небесного образа змея (Пропп 1995, С. 303).

4.4. Тема хтонического мира с образами змееподобных драконовидных существ неизбежно приводит нас на почву тюркской мифологии. Эта линия характерна как для востока (драконы изваяны на стелах древнетюркских вождей Бильге-хана и Кюльтегина), так и для запада тюркского мира. Несмотря на то, что связь со змеиным тотемом прослеживается и у западных кыпчаков в генеалогии рода Шаруканидов XII в., чье имя происходит от тюркского названия дракона, какой-либо развитой иконографии у кыпчаков домонгольского времени мы не знаем. Как отмечает П. Б. Голден, русская традиция помнит предводителя половцев — Тугарина Змеевича («змеевич», «сын змея») и отождествляет половцев с их

тотемом — змеем (Голден 2003, С. 465). В Золотой Орде эта иконография зафиксирована в декоре колчанов и воинских поясов (Крамаровский 2001), но восходит преимущественно к киданьским и джурчженьским прототипам. В нашем случае, как и на некоторых поясных наборах из восточно-болгарского клада у дер. Долищи (Крамаровский 2005, С. 126–141), характерная иконография драконовидных рептилий — индикатор художественной традиции сельджукской Малой Азии и Северной Месопотамии. На исламском западе этот образ получил широкое распространение в архитектурном декоре XII–XIII вв. (библиографию и генезис см.: Gierlichs 1995, Р. 167–180). Судя по излюбленному мотиву с рептилиями в искусстве сельджукской Анатолии (Öney 1969, Р. 193–216), знакомство мастера или мастеров, изготовивших бляхи с рептилиями, с образчиками ремесла Румского султаната, со столицей в Иконию-Конью (с 1134 г.) не прошло бесследно для образной структуры поясного набора из клада у дер. Литва.

5.1. Наш анализ позволяет сделать следующие заключения: 1) дата поясных наборов по находкам монет из состава кладового комплекса определяется концом XIV в. — первой третью XV в.; 2) по признакам ремесленной традиции поясные наборы тесно связаны с восточно-крымской школой художественного серебра. Один из ремесленных центров, к которому я склонен отнести находки из клада, — Солхат, где ремесленная жизнь, несмотря на потрясения, вызванные походом Тимура 1395/6 гг., все еще продолжалась и на рубеже веков; 3) судя по готическим элементам в форме и декоре пряжки первого поясного набора, стилистике изображений птиц и животных в декоре больших блях с фестончатым краем и поясной пряжке второго поясного набора, европейские заимствования ограничиваются пределами Центральной Европы и, возможно, Ломбардии или Венеции. Вместе с тем, эти элементы, указывая на формирование *латинского* вектора в контактах восточно-крымской ювелирной школы, не определяют доминанты в художественной структуре декора поясных наборов, предназначенных для заказчика из тюркской среды. Эта школа серебра, сложившаяся в Крыму еще в первой половине XIV в., в основном развивает линию малоазийской орнаментики; 4) хтонические сюжеты, наиболее полно отражающие вкусы тюркской воинской знати Дешт-и Кыпчака и Крыма, не только указывают на пласт старой тюркской мифологии, но и на его сохранение в искусстве периода становления Крымского ханства.

5.2. К исторической интерпретации. Поясные наборы принадлежат к периоду, когда Золотая Орда, точнее уже Большая (Великая) Орда, и Крым все больше интегрировались в политику Литовских князей. Отметим факт существования переписки и посольских подарков от Едигея к Витовту: примирительное письмо 1418 г. и посольские подарки, в числе которых отмечены 3 верблюда и 27 лошадей (Барбашов 1891).

В борьбе за Крым наиболее успешными оказались те ордынские элиты, которые строили свои отношения на взаимодействии с литовскими князьями. За Улуг-Мухаммадом стояли Свидригайло (1430–32) и Витовт (Улуг-Мухаммад появился при дворе Витовта после поражения от Барака в конце 1424 г.), за Хаджи Гиреем (1428–66/7) — Витовт и Казимир IV (1427–92). Уроженец Литвы Хаджи Гирей подчинил себе Крым около 1428 г. с помощью Витовта. На протяжении двух десятилетий Хаджи Гирей не объявлял о независимости Крыма от Дешт-и Кыпчака. Но сделав это в 1449 г., он опирался на поддержку Казимира.

Активность Литвы в Крыму в немалой степени была обусловлена интересами международной торговли. Codex epistolaris Vitoldi называет главные пункты литовской торговли в Северном Причерноморье — Каффу и Тавань на Днепре, где впоследствии возникла и таможня под названием «Витовтова баня». Связь с Крымом, в том числе и городским ремеслом его восточной части (здесь доминировали Солхат и Каффа), не могла пройти бесследно для археологии Литовской Руси, о чем и свидетельствует клад из дер. Литва. Можно предположить, поясные наборы попали в район Минска в числе крымских подарков Витовту, в том числе и членам его двора, когда князь принимал в «замке Минск» татар с южных границ Литвы. Минское княжество попало под власть Гедимина (?–1341) в 1316 г.

Кажется, что находка клада у дер. Литва позволяет поставить вопрос о поиске здесь культурного слоя времени развитого Средневековья. Уместно вспомнить, что сын Гедимина, великий князь литовский Ольгерд (1345–77), ввел в практику обустройство *литовских сел вне этнической Литвы*, например, в Оболецком районе Витебского княжества. Задача таких поселений состояла в снабжении литовских войск восточного направления. Об этом есть интереснейшее свидетельство княжеского шута Генне, записанное 15 августа 1428 г. в Смоленске. «Знайте, — пишет Генне, обращаясь к великому магистру Павлу Руссдорфу, — что я прибыл к великому князю во время его четвертой стоянки на пути от Троков до Смоленска. Доставлено ему во время похода 2700 коней <...> Князь Сигизмунд, когда великий князь прибыл в его край, доставил ему десять коней, а кроме того поднес в подарок дорогие меха, соболи и много татарских денег <...> Затем поехали к Свидригайлу; этот князь доставил девяносто коней, много мехов, соболей и много денег. *Потом поехали в замок Минск, куда прибыло много татар с южных границ Литовского государства, и они привезли в дар коней, верблюдов, стрел и много других подарков* (курсив мой. — М. К.). <...> Знайте еще, что у великого князя были и посольства из Великого Новгорода, Москвы, Смоленска, и постоянно приезжают к нему послы: от татарского царя, от турецкого султана и от многих других христианских и нехристианских князей. Приезжают они с богатыми подарками — трудно было бы их все описать». (Барбашев 1891, С. 198, 199).

Генне состоял в переписке с великим магистром, т. е. с главой Прусского ордена, за что подозревается в доносителстве на своего патрона великого князя Витовта. Сам же Генне, подписывая письма к великому магистру, характеризовал себя так: «Ненне, до полудня рыцарь, пополудни — шут, ваш дворянин» (Барбашов 1891, С. 199). В марте 1422 г., после смерти Михаила Кухмейстера фон Штернберга, прусским магистром был выбран Павел Руссдорф, у которого установились дружественные отношения с Витовтом, несмотря на затяжные пограничные споры Литвы и Польши, вначале боровшихся за Любич, а потом (1428 г.) — за установление приемлемой границы около Дрезденка.

О дружбе Витовта с Хаджи Гиреем мы знаем и непосредственно от сына крымского хана (Менгли Гирея): «...великий царь Ачъжи-кгирей, отец наш, коли ихъ потны кони были, до в. кн. Витовта, до Литовское земли въ гостиное поехали» (Грушевский 1993, Т. IV. С. 307). В таких ситуациях подарки — и в их числе пояса — непременная часть посольского этикета. Состав «других даров», не перечтенных княжеским шутом в письме от 15.08.1428 г., нетрудно восстановить по данным Слуцкой летописи, летописи Рачинского или Ольшевской летописи, где речь идет о подарках Витовта, переданных великому князю Василию Дмитриевичу московскому в Смоленске (ПСРЛ. Т. 35. М., 1980).

Кривошеев Ю. В. Грюнвальдская битва и татары // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 143–145.

Ю. В. Кривошеев

Грюнвальдская битва и татары

Поздней осенью 1409 г., готовясь к «будущей войне», «король Польши Владислав (Ягайло) с Александром (Витовт), великим князем Литвы, в строжайшей тайне определяют весь ход будущей войны против крестоносцев. На помощь себе в предстоящей войне они привлекают даже татарского хана с татарским племенем, которого Александр, князь литовский, привел в Брест» (Длугош Ян. Грюнвальдская битва. СПб., 2007. С. 57).

Авторы примечаний к русскому переводу Яна Длугоша однозначно видят в этом «императоре»-хане Джелал-ад-дина, сына известного чингисида Тохтамыша, оставшегося

после смерти отца в 1406 г. у Витовта вместе с другими братьями (*Длугош Ян. Указ. соч. С. 198*).

Что же касается «татарского племени» в отношении их появления на польско-литовских землях, то ряд историков считает уместным говорить, что уже в XIV в. здесь имело место «татарское осадничество», а то и колонизация (соответствующие ссылки см.: *Гришин Я. Я. Польско-литовские татары: Взгляд через века. Казань, 2000. С. 5*). Однако основной приток татарского населения связан с событиями конца XIV в. — походами Витовта в 1397 и 1399 гг. в ордынские земли, а затем с «добровольным наплывом больших групп татар», особенно в 1409 г. (*Гришин Я. Я. Указ. соч. С. 6–7*).

Впрочем, есть и другие предположения. Так, автор популярного очерка о Грюнвальдской битве решает вопрос следующим образом: «Из Приволжских степей прибыл крупный отряд союзных Витовту татар в 30 тыс. всадников под командованием Джелал-эдина» (*Карамзин Г. Б. Битва при Грюнвальде. М., 1961. С. 58, 65*).

В Хронике есть и другое сообщение о татарах. Накануне битвы происходят события, обратившие внимание польского короля: татары и литовцы напали на область, ранее принадлежавшую полякам, а теперь заложенную «магистру Пруссии и крестоносцам». Длугош рисует страшную картину бесчинств: татаро-литовские воины «опустошали эту область как вражескую, с варварской жестокостью убивая не только взрослых, но и отроков и даже младенцев, плачущих в колыбелях. Других же с их матерями они насильно уводили в плен, в свои палатки, как врагов и чужеземцев, хотя все жители этой области были людьми польского племени и языка». Откликаясь на «громкие вопли» пострадавших матерей, по просьбе польских епископов и вельмож Владислав и Александр приказали несчастных плененных «возвратить родным и освободить; кроме того, они назначили смертную казнь за повторение таких жестокостей» (*Длугош Ян. Указ. соч. С. 73*). Однако некоторые литовцы и татары, несмотря на предостережение, спустя время вновь принялись за старое, совершая «варварские насилия над женщинами и девушками», более того, они стали грабить, «бесчинствуя церкви... а при ограблении одной из церквей выбросили из алтаря святыне дары на потеху и посрамление» (*Длугош Ян. Указ. соч. С. 74*). Видимо, здесь, кроме обычной в военных условиях тяги к разорению и насилию, проявились и присущие сохранившемуся языческому сознанию черты — ведь церковные ценности, как подчеркивает наблюдательный Длугош, были выброшены «на потеху и посрамление». Впрочем, главными зачинщиками были признаны два литовца, которых в конечном итоге «заставили самих себя повесить» (*Длугош Ян. Указ. соч. С. 75*).

Что же касается участия татарских отрядов в самой битве, Длугош здесь весьма лаконичен. При «перечислении отрядов, знамен и гербов земель королевства и мужей,

которые участвовали в Прусской войне», занимающем в Анналах несколько страниц, лишь в самом конце он замечает: «Кроме того, были в литовском войске Александра Витовта, великого князя Литвы, хоругви, под которыми стояли только рыцари литовские, русские, самагитские и татары. Эти хоругви, однако, имели более редкие ряды и меньше оружия, чем польские; так же и конями они не могли сравняться с поляками» (*Длугош Ян. Указ. соч. С. 90–91*).

И непосредственно в сражении, по мнению Длугоша, татарские отряды ничем особо не отличились. «Когда среди литовцев, русских и татар закипела битва, литовское войско, не имея сил выдерживать вражеский натиск» в конечном итоге «обратилось в бегство». В отличие от них «в этом сражении русские рыцари Смоленской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знаменами, одни только не обратившись в бегство, и тем заслужили великую славу» (*Длугош Ян. Указ. соч. С. 102*).

А что же татары? О поведении их на Грюнвальдском поле никаких сведений нет. Значит, можно сделать вывод, что они бежали вместе с литовцами и частью русских полков. «Татары в беспорядке умчались к озеру Любень» (*Карамзин Г. Б. Указ. соч. С. 77*). Однако здесь не все так однозначно, и некоторые исследователи полагают, что «большая часть литовско-русского войска никуда не бежала с поля битвы» (см.: *Длугош Ян. Указ. соч. С. 204*).

Кроме того, есть основания говорить и том, что сам «Джелал-ад-дин принимал участие в Грюнвальдской битве» (*Длугош Ян. Указ. соч. С. 198*). И, судя по последующим событиям, это так. Ведь Витовт и в дальнейшем оказывает всякую помощь Джелал-ад-дину, а в 1411 г. сажает его на золотоордынский престол (*Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 293*).

Кузьмин А. В. Участие литовско-русских князей в Грюнвальдской битве // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 145–154.

А. В. Кузьмин

Участие литовско-русских князей в Грюнвальдской битве

Среди проблем, которые до сих пор требуют дополнительных исследований по истории «Великой войны» (1409–1411 гг.) и Грюнвальдской битвы (15 июля 1410 г.), остаются вопросы о количестве войск и участниках битвы с обеих сторон. Наиболее дискуссионной из них по-прежнему остается оценка мобилизационного потенциала ВКЛ. Для решения указанных выше задач требуется определить круг лиц (преимущественно князей и бояр) — командующих хоругвями в польско-литовских и литовско-русских войсках, а также рядовых участников «Великой войны», действовавших в ней на стороне Гедиминовичей. Поиск необходимых сведений осложняется тем, что о роли в борьбе с Тевтонским орденом главных ее руководителей, короля Владислава II Ягайло и великого князя Витовта источники пишут с разной степенью подробности. О прочих участниках (прежде всего, об удельных и служебных литовско-русских князьях) они говорят весьма скупо.

В зарубежной историографии вопрос о численности войск с обеих сторон и участниках войны уже был предметом исследования. Эти вопросы, как и сама эпоха, изучены с разной степенью подробности. Между тем, в отечественной историографии ситуация совершенно противоположная. Участие в войне литовско-русских князей исследователи рассматривают кратко. Этот шаг объясняется отсутствием отдельных просопографических исследований по данной теме. Поэтому неслучайно, что при написании историко-генеалогических и биографических комментариев о лицах, которые принимали участие в военной компании 1409–1411 гг., исследователи при издании Хроники Длугоша на латинском языке, в ее переводах на другие языки до сих пор ориентируются в основном на наблюдения С. М. Кучиньского. В настоящее время, в связи с археологическим изучением места битвы и находками новых документов, они подвергаются серьезной проверке.

При решении первого вопроса стоит заметить, что определение мобилизационного потенциала ВКЛ на рубеже XIV–XV вв., на наш взгляд, в данном случае большой роли не играет. По сути дела, он является вспомогательным показателем — ориентиром численности войск, которые могли быть в землях ВКЛ. Данная ситуация связана с тем, что в XIV–XV вв. правители страны практически никогда не могли использовать максимальное число имеющихся у них в наличии военных сил страны в борьбе против соседних государств. Из-за значительных размеров ВКЛ и наличия давних территориальных споров с соседями они были вынуждены привлекать для отражения внешней агрессии военные силы, находившиеся, прежде всего, непосредственно в районах проведения боевых действий. При этом Витовту также удавалось использовать отряды из тех регионов, которые находились в центре страны и где не существовала угроза внезапного нападения противника (напр., со

стороны Орды). Как и в случае с Московским княжеством, почти всегда для ВКЛ была актуальна оборона своих южных границ от ордынских набегов. Кроме того, значительные силы в 1409–1411 гг., как и в более ранних войнах, остались в замках ВКЛ, расположенных на литовско-ливонской границе. Из-за частой военной угрозы на нескольких направлениях правителям страны в XIV–XV вв. редко приходилось отвлекать военные силы удельных княжеств Южной и тем более Юго-Восточной Руси для их использования в других регионах ВКЛ.

С 1408 г. на престоле в Орде находился хан Булат-Салтан. Он был ставленником темника Едигея. Вновь поставить под свой прямой контроль южные княжества и земли ВКЛ они уже не могли. «Великая замятня» 1360–1370-х гг. и поражение в борьбе с эмиром Тамерланом существенно подорвали военный потенциал Орды. Однако сил для совершения глубокого и разорительного набег на Левобережье или Правобережье Днепра у нее еще хватало. Это подтверждали события в Восточной Европе в конце лета – осенью 1399 г. в ВКЛ и в декабре 1408 – январе 1409 гг. в Северо-Восточной Руси.

Учитывая непростую ситуацию во внутреннем положении ВКЛ в 1407–1409 гг., вывод исследователей о том, что накануне Грюнвальдской битвы значительная часть войск ВКЛ продолжала охранять границы с Ливонским орденом и Ордой, вряд ли следует ставить под сомнение.

Понимая важность привлечения максимального количества войск для борьбы с Орденом, Витовт был вынужден на время отказаться от своих замыслов в Восточной Европе. С этой целью он прекратил военные действия и заключил мирные договоры с государствами, границы которых соприкасались с ВКЛ на его северных и северо-восточных рубежах. В 1407 г. Витовт утвердил мир с Великим Новгородом, в 1408 г. — с Московским и Тверским княжествами, 7 июня 1409 г. — с бывшим ханом Орды Джелаль ад-Дином и Псковом, а 2 июня 1410 г. — с епископами Ливонии. До августа 1410 г. Витовт заключил перемирие с Ливонским орденом. Подписанные документы фиксировали мир между государствами, враждовавшими с ВКЛ буквально накануне «Великой войны».

Для определения общего состава и численности войск ВКЛ, принявших участие в битве, а также для установления в нем доли литовских, жемайтских и русских ратников важно понять, кто именно из князей ими руководил на месте сражения, какой численностью были их дружины и служилые дворы. Это — наиболее сложная задача. Ведь численность ратей князей могла зависеть не только от мобилизационных возможностей их уделов, но и определяться статусом и материальным положением, которое они имели в ВКЛ.

Сигизмунд, младший брат Витовта, принимал участие в военной компании против Ордена с самого ее начала. Он был хорошо знаком с крестоносцами. В 1390–1398 гг.

Сигизмунд находился в Пруссии как заложник. Витовт использовал политическую фигуру младшего брата для расширения своей власти в ВКЛ. С этой целью в период Виленско-Радомской унии (18 января 1401 г.) Витовт добился от короля, чтобы он передал в распоряжение Сигизмунда вымороченные части Новгородка Литовского. При этом в удел Сигизмунда отошли тянувшие к Новгородку четыре двора — Верхнее и Нижнее Асташино, Сенно и Райче, а также находившиеся в Посожье замок («castro») Гомель, волости Речица, Чичерск и Вода. Кроме того, Витовту удалось добиться, чтобы в пользу его брата перешел двор в Гераненах, ранее принадлежавший умершему луцкому вел. кн. Любарту. В 1407 г. владения Сигизмунда на Руси расширились за счет стародубского кн. Александра Патрикеевича. Витовт взял под арест мятежного князя, не желавшего воевать с Московским княжеством, а его удел передал своему брату. Очевидно, решение кн. Александра Патрикеевича отражало позицию местной знати. В июле 1408 г., по крайней мере, определенная часть стародубских бояр поддержала мятеж Свидригайло. Вместе с ним они отъехали на службу в Москву. Очевидно, что за время отсутствия Свидригайло в ВКЛ Сигизмунду удалось укрепиться в Стародубском княжестве и добиться признания здесь своей власти. Стародубская хоругвь участвовала в Грюнвальдской битве. В конце лета 1410 г., после отъезда Витовта, его брат возглавил в Пруссии войска ВКЛ.

Одними из первых погибших военачальников стали сломавшие в волчьих ямах ноги пан Ян Сокол и кн. Иван Жедевид. По данным «Хроники Быховца», «Евреиновской летописи» и «Хроники Литовской и Жмойтской», имеющих ряд поздних и порой весьма недостоверных генеалогических вставок, погибший Иван Жедевид был вторым сыном Ольгерда от его первого брака. При этом «Иван Зедевит... мел всю з уделу землю Подолскую». Данное сообщение источников не имеет опоры в более ранних документах прошлого. Вызывает сомнение и предлагаемая степень родства этого князя. Первой женой Ольгерда «Хроника Быховца» называет Ульяну, «дочку князя витебского», а второй — Марию, «князя тверского дочку». Происхождение его жен определено верно, а вот их имена перепутаны. В «Евреиновской летописи» такой путаницы нет, но первую жену князя ошибочно назвали Анной, а вторую записали как «Уляну Юрьевну». Тем не менее, с этой информацией, несмотря на ее критическую оценку Ю. Вольфом, частично согласился ряд исследователей. Так, например, вслед за Ю. Пузыной, С. М. Кучинский первоначально считал, что Иван Жедевид — сын подольского кн. Федора Кориатовича. Поэтому он полагал, что Иван Жедевид командовал хоругвями из Подолья. Однако данное тождество лиц противоречит отношениям Витовта с Федором Кориатовичем, которые были откровенно враждебны. Очевидно, почувствовав со временем уязвимость своего предположения, С. М. Кучинский был вынужден его изменить. Не отказываясь от подольской версии,

исследователь решил, что Иван Жедевид был не внуком, а сыном новогрудского вел. кн. Михаила Кориата. Такой вывод не противоречит реалиям конца XIV в. Действительно, в данное время ряд младших Кориатовичей признали над собой власть Витовта. Они участвовали в его неудачной битве с ордынцами 12 августа 1399 г. на берегу р. Ворскла, где почти все они и погибли.

Анализ имеющихся документов показывает, что пока нет серьезных оснований связывать Ивана Жедевида с Подолем. Единственное косвенное известие об этом имеют такие поздние источники, как «Хроника Быховца» и др., а этого явно недостаточно. Иван Жедевид не упоминается в большинстве летописей, а главное — в актах, связанных с деятельностью Кориатовичей.

Тем не менее, сомневаться в достоверности самого существования Ивана Жедевида нет оснований. Я. Тенговский обратил внимание на один из пергаменных документов на кириллице. В нем Иван Жедевид, совершенно не связанный с Кориатовичами и Подолем, упоминается вместе с Федором Весной. Последний, как известно, был членом рады ВКЛ и сокольничим Владислава II Ягайло, а до исполнения этой должности был поручителем перед вел. кн. Скиргайло за Гридку Константиновича. По приказу короля, Федор Весна стал наместником в Витебске после смерти вел. кнг. Ульяны. Он управлял им вплоть до своей гибели. Деятельность в Витебске Федора Весны относится к весьма короткому периоду времени. Очевидно, исходя из этого, Я. Тенговский отнес время составления данного акта к 1392–1393 гг.

Между тем время наместничества Федора Весны можно уточнить. Ульяна умерла в Киеве весной 1392 г. Следовательно, наместничество Федора Весны продолжалось с весны по осень 1392 г. Однако для датировки акта оно не имеет отношения. Во-первых, в данном документе Федор Весна не фигурирует ни в должности сокольника, ни как наместник Витебска. Во-вторых, Я. Тенговский оставил без внимания деятельность других литовско-русских князей, упоминающихся в документе. Прежде всего речь идет об Ольгимонте Гольшанском и Иване Городецком. Анализ их деятельности показывает, что после событий 1371–1388 гг. в источниках они не упоминаются. Учитывая тот факт, что среди поручителей за Ивана Жедевида был краковский кустош Ян Бутовтович, племянник Витовта, занимавший эту должность с 1389 г., логично предположить, что этот акт относится к 1389–1390 гг.

Семен Лугвень был опытным полководцем. С начала 80-х гг. XIV в. он участвовал в войнах, включая полевые сражения, из которых всегда выходил победителем. Благодаря этому князь снискал славу удачливого воина за пределами ВКЛ. После гибели 4 октября 1390 г. при обороне Вильно своего брата Казимира Коригайло Семен Лугвень стал сюзереном Мстиславского княжества. В его состав входили Мстиславль, Мглин, Могилев,

Тетерин, Княжичи, Кричев, Дроков и ряд волостей. Очевидно, что воины из этих городов составляли основу рати Семена Лугвеня. Предположение С. М. Кучиньского, что во время боя князь также возглавлял хоругвь, составленную из добровольцев, пришедших из Великого Новгорода, сомнительно. Данная точка зрения не подтверждается данными каких-либо источников.

Некоторые исследователи считают, что еще перед битвой Семен Лугвень принял командование над всеми смоленскими хоругвями. Благодаря его полководческому таланту, «они геройски выдержали натиск устремившихся в наступление рыцарей и прикрыли фланг польского войска». Однако для такого вывода надежных сведений в источниках нет. Впрочем, это не может быть поводом, чтобы занижать роль Семена Лугвеня в сражении.

По-видимому, после Грюнвальдской битвы, подобно Сигизмунду, Семен Лугвень остался в Пруссии и принял участие в осаде Мариенбурга и других боевых действиях. Очевидно, в осадах он не преуспел. В отличие от Витовта, его имя не упоминается в числе тех лиц, кто получал в держание от короля прусские замки. Косвенно об участии Семена Лугвеня в «Великой войне» свидетельствует его упоминание в числе главных лиц ВКЛ, от имени которых в Торуне 1 февраля 1411 г. с Орденом был заключен мир.

Одним из дискуссионных вопросов в определении лиц командного состава с польско-литовской стороны остается фигура племянника Владислава II Ягайло кн. Федора. В отличие от случая с Сигизмундом Корибутовичем, Длугош не указывает имени его отца. Поскольку он не называет Сигизмунда и Федора родными братьями, то нет оснований видеть в последнем Федора Корибутовича. По мнению С. М. Кучиньского и Я. Тенговского, Федора следует отождествлять с Федором Любартовичем. Однако такая версия противоречит сведениям Длугоша, на которые ссылаются исследователи. Правитель Жидачева (с 1400 г.) был двоюродным братом, а не племянником короля. В случае участия Федора Любартовича в «Великой войне» его имя должно было быть включено в текст Торуньского мира. Однако в нем оно отсутствует.

Ю. К. Бегунов, наоборот, видит в Федоре острожского кн. Федора Даниловича. Следует признать, что это отождествление лиц также выглядит неудачным. Ф. Д. Острожский не был связан генеалогическими узами родства с королем. Это касается и мужской, и женской линий. На первый взгляд, стоит признать, что направление поиска, заданного Ю. К. Бегуновым в сторону служилых князей ВКЛ, выглядит более разумным. Однако если учитывать степень родства, отмеченную Длугошем, то ни один из литовских князей с именем Федор не подходит на роль племянника короля. В этом случае следует рассмотреть кандидатуры русских князей из числа тех лиц, матери которых были дочерьми Ольгерда. Среди правителей Верховских земель в статус служилых на рубеже XIV–XV вв.

перешли князя из уделов Карачевского княжества. Среди них наиболее вероятной представляется фигура Федора Святославича, сына кнг. Феодоры Ольгердовны.

Еще одним из князей в окружении короля был старший сын новгород-северского кн. Дмитрия Корибута — Сигизмунд Корибутович. Его отец был женат на Анастасии, дочери рязанского вел. кн. Олега Ивановича. 14 ноября 1393 г. он поручился перед Витовтом за своего зятя. Заступничество влиятельного родственника спасло Дмитрия Корибута от неприятностей. Однако он потерял свои основные владения, находившиеся в разных частях ВКЛ. Поэтому Корибутовичи связали свою судьбу не с Литовским, а с Польским двором. Пользуясь покровительством короля, Сигизмунд вошел в состав его ближайших советников. Сближение Сигизмунда, Федора и Ивана Корибутовичей с Витовтом произошло через много лет после «Великой войны», когда стала актуальной борьба за Чешскую корону. Участвуя в 1410 г. в сражении, Сигизмунд командовал 51-й хоругвью. Поскольку он находился на службе у короля, то в данное время не был владетельным князем. Поэтому имя Сигизмунда Корибутовича не включено в акт Торуньского мира.

Среди командующих войск ВКЛ в 1410 г. был и кн. Юрий. Очевидно, что в сражении он координировал действия одной или нескольких хоругвей ВКЛ. О его происхождении Длугош ничего не пишет. По-видимому, в армии Витовта он имел статус служилого, а не удельного князя. Данный вывод косвенно подтверждает два наблюдения. Во-первых, Длугош старался подробно писать о представителях династии Гедиминовичей, отмечая при этом степень их родства с королем. Однако при упоминании Юрия Длугош этого не сделал. Очевидно, что князь либо не был Гедиминовичем, либо он находился с королем в дальней степени родства. Во-вторых, имя Юрия отсутствует в акте Торуньского мира.

Данные наблюдения заставляют искать Юрия в ближайшем окружении Витовта. Среди них наиболее известны — заславский кн. Юрий Михайлович, сын Семена Лугвеня — Юрий Мстиславский и пинский кн. Юрий Нос.

Среди этих лиц наименее вероятно участие в войне Юрия Михайловича, внука бывшего вел. кн. Ивана Явнута Гедиминовича. Если учесть его статус в ВКЛ, то становится понятно, что в случае участия князя в сражении он должен был быть отмечен в источниках. Однако ни Длугош, ни акт Торуньского мира, ни какие-либо другие источники о его участии в «Великой войне» прямо не говорят. При этом следует отметить, что в источниках вообще нет сведений об участии в войне Минской или Заславской хоругви. Более того, в них нет ни одного достоверного сведения о Юрии Михайловиче как участнике какой-либо военной компании ВКЛ. О его биографии достоверно также известно совсем немного. 24 февраля 1401 г. в Троках вместе со своим братом Андреем он дал клятву в верности королю. В данной ими на имя Владислава II Ягайло грамоте князя обещали, что после смерти Витовта

они не будут себе искать иного государя, кроме короля. При этом 22 марта 1433 г. в Витебске вместе с Юрием Семеновичем кн. Андрей Михайлович официально поддержал Свидригайло в его борьбе против Сигизмунда Кейстутовича за обладание ВКЛ и подписал обращение к Базельскому Собору. Однако вскоре Андрей Михайлович перешел на сторону захватившего престол в Вильно брата Витовта, за что летом 1433 г. столица его удела была сожжена войсками Свидригайло, а ее жители уведены в плен. Некоторые исследователи приписывают братьям Юрию и Андрею Михайловичам биографические данные, относящиеся к их полным тезкам, имевшим владения в Верховских княжествах. Однако тождество этих лиц не представляется доказанным.

Определенные сомнения у исследователей есть и в отношении участия в войне 1410 г. кн. Юрия Семеновича. Если принять во внимание, что он мог быть от первого брака Семена Лугвеня и Марии, дочери московского вел. кн. Дмитрия Донского, то время рождения Юрия следует относить к периоду между мартом 1395 и маем 1399 г. В этом случае, будучи 12–15-летним юношей в 1410 г., он мог теоретически принимать участие в войне. Так считают некоторые исследователи. Однако риск гибели в бою одновременно двух представителей рода мстиславских князей косвенно указывает на то, что такое отождествление лиц выглядит неоправданным. Кроме того, стоит обратить внимание на политическую правоспособность князя. Она наступила достаточно поздно. Впервые сын Семена Лугвеня выступает как самостоятельная фигура в документах ВКЛ довольно поздно. Лишь в 1422 г. Юрий был участником Мельницкого мира с властями Ордена. Поэтому вслед за С. М. Кучинским следует признать, что Ю. С. Мстиславский был рожден не в первом, а во втором браке Семена Лугвеня. Будучи малолетним, он не мог принимать какое-либо участие в войне.

Еще одним претендентом на роль участника битвы мог быть служилый кн. Юрий Нос. Согласно весьма смутному известию «Хроники Быховца», ок. 1410 г. он был литовским служилым князем в Пскове. Юрий Нос был прислан в город от имени Витовта. Однако достоверность этого известия в историографии ставится под сомнение. Не отрицая известное по источникам участие Пинской хоругви в Грюнвальдской битве, заметим, что связь литовско-русских князей с фамильным прозвищем Нос с Пинском достаточно гипотетична. Поэтому стоит констатировать, что нет надежных источников, которые могли бы подтвердить участие Юрия Носа в войне.

В связи с этим стоит рассмотреть кандидатуры русских князей из числа лиц, чьи матери были дочерьми Ольгерда. Среди правителей Верховских земель в статусе служилых на рубеже XIV–XV вв. были князья из уделов Карачевского княжества. Наиболее вероятной из них представляется кандидатура Юрия Мосальского, сына карачевского кн. Святослава

Титовича. Положение его рода в начале XV в. при Виленском дворе было устойчивым. В 1418 г. Витовт женился на Ульяне Гольшанской, вдове Ивана Карачевского.

Среди сторонников Витовта в ВКЛ были князья Друцкие. Заметную роль в их семье играли сыновья кн. Василия Михайловича — Лев и Андрей. В начале 1390 г. Витовт, выехав из Гродно в Пруссию, оставил у крестоносцев несколько заложников. Среди них были не только его жена, дочь, сестра, но и брат Сигизмунд и племянник Конрад. Переговоры об этом со стороны Витовта предварительно вели два князя — Иван и Андрей. В первом из них легко угадывается И. О. Гольшанский. Во втором из послов можно видеть как А. В. Друцкого, так и его родственника — А. М. Одинцевича, на дочери которого был женат Сигизмунд Кейстутович.

В начале XV в. старшая ветвь рода далее бездетных сыновей А. В. Друцкого, унаследовавших его владения в 1399 г., не пошла. Они умерли молодыми еще до 19 апреля 1411 г. Витовт передал Виленскому капитулу часть их вымороченных владений: одну половину имения Блужа на р. Свислочь вместе с данью, другая половина владения осталась принадлежать соседу Друцких и свидетелю предыдущего акта — Ламберту Румбольду Волимунтовичу. Этот видный литовский боярин и его братья входили в окружение Витовта. Румбольд стал одним из самых активных участников вооруженного восстания против Ордена в Жемайтии (1409 г.), Грюнвальдской битве и «Великой войне». После освобождения Жемайтии он был назначен ее наместником. В связи с указанными выше фактами логично предположить, что Друцкие — соседи Румбольда, умершие до 1411 г. — также могли быть участниками «Великой войны». Данную версию косвенно подтверждает тот факт, что в битве принимали участие хоругви не только литовских земель, но и из Смоленска, Полоцка, Витебска и других русских городов ВКЛ. В их составе должны были воевать Друцкие. Очевидно, что дети А. В. Друцкого могли погибнуть во время таких событий как Грюнвальдская битва или осада Мариенбурга.

1 февраля 1411 г. в акте Торуньского мира со стороны победителей был отмечен Семен Ямонтович. Он происходил из знатного литовского рода. Его отцом был сподвижник Витовта — кн. Иван Ямонт Тулунтович. После его гибели 12 августа 1399 г. на р. Ворскле Семен Ямонтович почти сразу получил высокое место в раде. Уже 18 января 1401 г. в Вильно князь участвовал в утверждении договора между Владиславом II Ягайло и Витовтом. В 1409–1411 гг. среди лиц, служивших при дворе кн. Семена, учитывая связи и владения его семьи, могли быть воины из Клецка. Они могли входить в состав Пинской хоругви. В 1411 г. князь упоминается как «Syenconis filii Jamunth litwani ducum». Позднее в источниках Семен не упоминается.

Кузь А. И. Итальянская торговля оружием в Северном Причерноморье в XIV–XVI вв. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 154–157.

А. И. Кузь

Итальянская торговля оружием в Северном Причерноморье в XIV–XVI вв.

Итальянская торговля в городах Северного Причерноморья в период позднего Средневековья исследована во многих аспектах. Как отечественная, так и зарубежная историография в последнее время достигла значительных успехов в деле изучения и введения в научное обращение малоизвестных источников итальянского делопроизводства. Однако никто не выделял особую роль этого региона в распространении новых видов оружия и военных технологических новинок. Это объясняется отсутствием более или менее достоверных источников относительно этого вопроса. Однако мы попробуем дать общий обзор проблемы итальянской торговли оружием в этом регионе.

В XIV–XV вв. черноморская торговля оказалась в руках генуэзского и венецианского купечества, которое постепенно вытеснило византийских греков из этого региона. Северное Причерноморье оказалось полностью под сферой влияния генуэзцев, которые в Крыму создали полуавтономную Генуэзскую Газарию с центром в Каффе. Через эти земли проходили основные торговые маршруты и осуществлялась посредническая торговля, в том числе и оружием.

В XIV в. наиболее распространенным предметом торговли было холодное оружие. Косвенным подтверждением этого может служить то, что уже в «Задонщине», которая возникла в конце XIV в., содержится интересное описание оружия русских и татарских воинов, что принимали участие в Куликовской битве, среди которого значились и «копия фрязские». Фрягами на Руси называли итальянцев, которые торговали с русскими землями или проживали здесь. Чаще всего это были венецианцы и генуэзцы. Не исключено, что холодное оружие могло быть местного производства, однако сделанное по итальянской технологии. Однако в этом источнике есть сведения о пребывании в лагере Дмитрия Донского гостей-сурожан, что торговали с итальянскими колониями Крыма.

Еще одним подтверждением того, что генуэзцы торговали клинковым оружием, являются находки кинжалов и мечей итальянского стиля в средневековых погребениях Северного Кавказа. По мнению крупнейшего исследователя оружия Э. Э. Ленца, некоторые типы кавказского оружия позаимствованы из итальянских клинков, впервые вышедших из оружейных мастерских Генуи и имевших почетную известность.

В вышеупомянутых случаях можно со всей достоверностью утверждать, что источником распространения этого оружия были генуэзские колонии Крыма и Северного Кавказа. Говорить об объемах поставок оружия в эти районы тяжело. Как и в наше время, средневековая торговля оружием носила как официальный характер, так и не официальный (контрабандный). Причем последний имел намного большие объемы и не фиксировался в документах. Это предопределяет сложность в поиске письменных источников. В собственно итальянских источниках очень редко встречаются сведения о торговле оружием. Наверное, поставки носили незначительный характер и не были массовым явлением.

Следует остановиться и на возможных центрах производства этого оружия. Прежде всего, это Генуя и Венеция. Экспортным товаром из Лигурии часто служили известные генуэзские арбалеты, миланские доспехи и изысканные кинжалы. Жесткого контроля над военными мастерскими со стороны республики не было, что в свою очередь облегчало вывоз товара без ограничений на экспорт. Несколько другой была ситуация в Венеции. Из документов, которые характеризовали отношения Венеции и славянских стран в XIII и XIV вв., видно, что в 1336, 1342, 1347, 1348 гг. Венеция давала лицензии на вывоз оружия в эти страны. Через немецкий торговый двор в Венеции значительные партии такого товара поступали и в европейские страны. Однако продажа стратегического вооружения находилась под правительственным контролем: мастер цеха арбалетчиков, например, не мог продать больше двух арбалетов без разрешения правительственной коллегии, которая координировала деятельность цехов. Определенный нелегальный вывоз мог осуществляться за счет капитанов и арматоров торговых кораблей, которые, как правило, были тоже вооруженными.

Однако оружие могло изготавливаться и в Византии. В течение XIV в. Константинополь и Пэра превратились на милитаризованные центры, которые изготавливали и экспортировали оружие. Никифор Григора, описывая Перу, называл ее «замечательной военной мастерской». В то же время из 129 ремесленных профессий поздней Византии 19 (14,7 %) связаны с военным производством. Это производители булав, оружейники, изготовители кинжалов и мечей, стрел, лучники, сапожники, шлемники, алебардщики, копейщики и др.

Города Крыма не выступали в роли основных экспортеров оружия, хотя имели свое производство. Каффа в конце XIV в. владела своими оружейными мастерскими, в том числе

по изготовлению бомбард — первых образцов огнестрельного оружия. Наглядным является тот факт, что уже на начало XV в. огнестрельная артиллерия вытесняет холодное оружие среди товаров, которые идут на экспорт. Дороговизна нового вида оружия и его относительная эффективность делает эту торговлю чрезвычайно прибыльной. Бомбарды делали в Генуе (вооружались корабли) и на Хиосе. Попытки изготовления пушки осуществляла коммуна Каффы. Возможно, эти орудия шли на экспорт. Основными заказчиками огнестрельного оружия были Московия, Польша, Молдавия и т. д.

Торговые отношения Москвы и Каффы были настолько близкими, что некоторые итальянские купцы занимали важное место в экономической и политической жизни великокняжеской столицы. По нашему мнению, появление огнестрельного оружия в Москве на 70–80-е гг. XIV в. стало следствием активной торговли генуэзских купцов. Этот факт подтверждается и тем, что в более поздний период выходцы из Италии занимали ключевые должности в артиллерийском и фортификационном деле Москвы.

Существовало три основных торговых пути, через которые осуществлялась поставка военных технологических новинок. Первый проходил по маршруту Каффа—Белгород (Монкастро)—Яссы—Сучава—Серет—Черновцы—Снятын—Коломыя—Галич—Львов (в Молдавию и Польшу). Не менее важным было направление Каффа—Львов, через Каменец-Подольский и Тереховль. Московское направление торговли проходило через Тану (по течению р. Дон), Коломну, Рязань и дальше на Москву. Как правило, итальянцы перепродавали оружие другим торговцам (армянам, евреям), а те в свою очередь доставляли ее к месту назначения.

В некоторой мере подтверждают наши предположения о вышеупомянутых направлениях торговли оружием находки арсеналов средневековых бомбард (итальянского происхождения?) в нижнем течении Днепра и на северном побережье Черного моря, которые датируются концом XIV – нач. XVI вв. Эти склады огнестрельного оружия размещались на одном из торговых путей на Львов, кроме того, вблизи, по данным портоланов, существовала итальянская торговая фактория.

Во второй половине XV в. итальянская торговля оружием и стратегическими военными материалами меняет свой вектор направления. В этот процесс активно втягивается молодое Османское государство, которое постепенно превращает Черное море в свое внутреннее озеро. С падением итальянских колоний в Северном Причерноморье полной ликвидации торговли не произошло. Итальянские морские республики и в дальнейшем продолжали вести торговлю с данным регионом. В основном это делала Генуя, помогая османам бороться со своим основным конкурентом — Венецией. Приоритетной стала постоянная торговля стратегическими материалами, которые шли на изготовление холодного

оружия, пушек и т. п. Генуэзцы вели посредническую торговлю разными металлами, в частности — медью, железом, оловом.

К сожалению, скудность письменных источников не дает возможности рассмотреть детально все стороны этого вопроса. Однако можно утверждать, что объемы итальянской торговли оружием и боеприпасами в Северном Причерноморье были довольно значительными в XIV–XVI вв. Надеемся, что в дальнейшем новые исследования и работа в архивах помогут пролить свет на этот малоизвестный аспект средневековой коммерции.

Курбатов О. А. Шляхетские формирования Великого княжества Литовского царской службы в боевых действиях 1654–1667 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 157–161.

О. А. Курбатов

Шляхетские формирования Великого княжества Литовского царской службы в боевых действиях 1654–1667 гг.

История создания, боевой путь и судьба подразделений шляхты великого княжества Литовского, находившихся на царской службе в период русско-польской войны 1654–1667 гг., до сих пор не получила комплексного освещения в историографии. Настоящий доклад представляет собой опыт обобщения результатов архивного исследования, проведенного в Российском государственном архиве древних актов по фондам Разрядного, Посольского, Иноземского и других приказов, с учетом новейших достижений отечественной и зарубежной историографии.

При анализе выявленной информации по личному составу «присяжных» хоругвей, их статусу, участию в боевых действиях и т. п. на первом этапе выявлены основные вехи, периоды истории данных подразделений. Если брать за основу политику царского правительства к «присяжной» шляхте и к населению Великого княжества Литовского в целом, вырисовывается следующая, довольно четкая картина.

1 период: 1654 – начало 1655 г. Образование в рядах московских войск первых воинских отрядов «присяжной» шляхты. Сложились три основных центра базирования

данных отрядов: поветы по Западной Двине (Полоцк, Витебск, Дисна и др.), Смоленск с округой (Рославль и Беляя) и Могилев, ставший пристанищем крупного отряда «белорусского полковника» К. Поклонского.

2 период: зима 1655 г. – весна 1656 г. Наступление войск гетмана Я. Радзивилла зимой 1655 г. имело следствием измену К. Поклонского и ряда других «присяжных». Это повлекло за собой принципиальный отказ от привлечения шляхты к участию во втором Государевом походе (1655 г.).

3 период: 1656–1658 гг. В условиях фактического раздела Польши шляхта начинает в массовом порядке возвращаться на свои земли, принимая царское подданство; параллельно на государеву службу переходят целые подразделения литовского войска. В знак демонстрации царских притязаний на Литву, с 1656 г. под знамена Алексея Михайловича на борьбу со шведами призывается вся «присяжная» шляхта, как восточных, так и западных областей ВКЛ. Но внутри Литвы ей приходится собственными силами защищаться от политики «показачивания» и насилия со стороны украинской старшины.

4 период: 1658–1660 гг. Открытое выступление против царской власти гетмана Выговского на Украине и полковника Нечая в Белоруссии поначалу массово поддержано «присяжной» шляхтой. Однако ее восстание не получило эффективной военной поддержки со стороны Украины и Польши и очень быстро было подавлено. Уже в 1659 г. «под государеву руку» возвращается большая часть литовских областей, а с ними — и боевые подразделения местной шляхты.

5 период: 1660–1667 гг. Ряд поражений от польско-литовских войск окончательно лишает Москву контроля над большей частью территории Литвы (1660–1661 гг.). Царь решительно отдает приоритет усилиям по удержанию Киева и Левобережной Украины. Полоцкая шляхта в 1662 г. переселяется вместе с семьями на Закамскую черту, где пылает Башкирское восстание. В русской армии на западном направлении остаются роты смоленской, бельской, рославской и невельской шляхты, которым уже четко отведены места в организационной структуре соответствующих военных округов (Смоленского и Новгородского разрядов). Наравне с московскими ратниками они служат во всех военных кампаниях вплоть до начала Великой Северной войны: в 1670-х гг. П. Гордон характеризует смоленскую шляхту как лучшую конницу русского войска.

Итак, хронология истории шляхетских подразделений вполне согласуется с общими тенденциями российской внешней политики 1650–60-х гг. Это наблюдение подтверждается и активностью царского руководства в сфере выдвижения разного рода военно-политических проектов. Назовем основные: гусарский полк из «служилой литвы» (1654 г.); проект соединения русских, украинских и белорусских войск под началом кн. Ю. И.

Ромодановского в Могилеве (1655 г.); меры по набору гусарского полка в 2000 человек на западе Литвы (1656 г.); поддержка Жмудского восстания против шведов (1656 г.); попытка созыва «посполитого рушения» литовской шляхты против шведов и Ракоци (1657 г.) и, наконец, проект захвата Риги «присяжной» шляхтой и мещанами под видом польских войск (1657–1658 гг.). После измены шляхты в 1658 г. ее роль в политических расчетах царского правительства практически сходит «на нет»; начало создания нового «присяжного» полка Е. Горского на западе Литвы (1660 г.) следует отнести к личной инициативе этого давнего сторонника Москвы и русского воеводы кн. И. А. Хованского. За последние годы войны (1660–1667 гг.) заслуживает упоминания лишь попытка переманить на царскую службу наиболее активного литовского партизана, полковника Либики Кривого Сержанта (1664 г.). Зато верная шляхта включается в более широкий контекст московской политики: если в начале войны ссылка «на Низ» (в Поволжье и Сибирь) практиковалась для наиболее ненадежных элементов «присяжных» и для военнопленных, то в 1662 г. туда же направляется полк Гаславского как сильное подкрепление в разгар башкирского восстания.

Собственная военная активность «присяжной» шляхты на царской службе чаще всего сводилась к вопросам самообороны. В особенности это следует отнести к частям, служившим по типу «посполитого рушения» и местных «поветовых хоругвей». Таким образом, они лишь унаследовали под новыми знаменами прежнюю задачу, которая регулярно ставилась перед ними с начала украинского восстания (1648 г.): это относится и к таким значительным соединениям, какие были у полковников Я. Кунцеевича на западе Литвы и К. Поклонского в Могилеве.

Но у ряда хоругвей существовал другой, в определенной мере противоположный мотив и для перехода на царскую службу (и обратно), и для активной боевой деятельности. В условиях безвластия, установившегося в 1655 г., эти отряды были вынуждены сами решать вопросы своего обеспечения. Поскольку денег на регулярную выплату жалования не хватало ни у одной из воюющих сторон, разного рода «волонтерские» и «приватные» хоругви стремились к захвату «приставств» — определенных территорий, с населения которых могли взиматься натуральные продукты по установленным нормам (т. н. «стацея»). Московские воеводы отводили для этого королевские, магнатские и прочие шляхетские маестности, чьи хозяева отказались присягать царю — отводили на условном праве, наподобие русских поместий. Кроме того, при выступлении в поход царь обязательно выделял значительные суммы денег на жалование — пусть даже и деньгами военного времени («ефимками с признаком» и медными). Подобные условия службы для боеспособных частей являлись обязательными в сознании и волонтерских полковников, и предводителей местной шляхты; их четкое выполнение создавало дополнительный стимул принимать царское подданство.

Некоторые хоругви и целые полки даже прорывались с боями к занятым русскими территориям (в конце 1655 – начале 1656 г.), не щадя при этом местное население, которое априори превращалось во «вражеское». И данная психология поведения не являлась чем-то новым для польско-литовского войска: самовольные «конфедерации» воинов, которые покидали неоплаченную службу и присваивали себе право «законно» обирать маенности «должников» (короля, гетмана и других сенаторов и дигнитариев), были настоящим бичом Речи Посполитой еще в 1600–1620 гг. Такие же явления вновь начались в польской армии в 1650-х гг., и рвение «присяжной» шляхты, которая громила в походе 1660 г. маенности «государевых изменников» на западе Литвы, мало отличалось от манер поведения «регулярного» литовского войска в той же местности.

Отметим также, что политическая позиция в 1654–1667 гг. шляхты основных центров «присяжных» подразделений имела свои глубокие исторические корни. Единства мотивов здесь не наблюдается — напротив, налицо глубокие отличия. В Полоцке, судя по всему, были издавна сильны позиции православных «диссидентов», и щедрая поддержка их царскими пожалованиями, вкупе с деятельностью православной кафедры, привела к тому, что полочане окончательно связали свою судьбу с Россией. Напротив, смоленская шляхта долгие годы существовала в атмосфере идейной конфронтации с Москвой, сплоченно выступая в защиту своих маенностей с 1611 по 1654 гг. Вынужденно оказавшись под строгим контролем царской администрации, смоляне продолжили эту традицию и сами превратились в настоящих «диссидентов» внутри царства, глухо протестуя против ущемления своих гражданских и религиозных прав. Подобные настроения не были секретом для царской администрации, но все же формально верная шляхта не подвергалась репрессиям — не в последнюю очередь благодаря своим военным доблестям. Наконец, позиция Могилева в этой войне определялась не настроениями шляхты, а политикой влиятельной городской верхушки. Решительный переход под царскую власть в 1654 г. и столь же резкий возврат на сторону польского короля в 1661 г. диктовались не только эмоциями, но и, в конечном итоге, довольно прагматичными соображениями экономического характера.

Осталось оценить результативность политики московской администрации по отношению к шляхте — разумеется, в плане ее ратной службы. Представляется уместным сравнение с аналогичными усилиями соперника России на территории Польши и Литвы — Шведского королевства. И здесь сравнение будет явно не в пользу последнего. В конечном итоге, шведам не удалось найти долговременной поддержки в среде шляхты и других слоев населения Речи Посполитой — в отличие от русских, которые создали на их основе ряд постоянных и, главное, боеспособных воинских подразделений. Главным преимуществом царских властей стала их продуманная политическая программа по отношению к населению

ВКЛ в целом — четкая, прозрачная и последовательная, что позволило привлечь к ратной службе самые разнообразные в религиозном, социальном и военном плане сообщества. Шведы же в большей степени ориентировались на контакты с верхушкой Речи Посполитой и мало интересовались расстановкой реальных политических сил: местных союзов шляхты, воинских соединений, мещан, что и привело их к стремительному поражению.

Кюнз Э. Русская торговля лесом в Нарве в конце XVII в.// Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 161–166.

Э. Кюнз

Русская торговля лесом в Нарве в конце XVII в.

Факторы, повлиявшие на нарвскую торговлю конца XVII в., и общая экономическо-политическая ситуация. В середине XVII в., а в большей степени — в последних десятилетиях века, из Нарвы сформировался важный центр транзитной торговли. На Нарву как торговый город повлияли несколько факторов: 1) выгодное расположение города вблизи водных путей, которые в свою очередь были связаны с системой водных путей северо-запада России, необходимых для привоза сырья (Росона, Луга и Плюсса, а также Чудское озеро); 2) экономическо-политические решения шведских властей (открытие Нарвы иностранным купцам, политика низких таможенных пошлин, привлечение на жительство в Нарву зажиточных иностранцев и т. п.) способствовали посредничеству в транзитной торговле между востоком и западом; 3) в последней четверти XVII в. в Нидерландах, Англии и странах южной Европы взрывоподобно возросла необходимость в товарах из России и Северной Европы.

Также следует учесть, что одних институциональных шагов со стороны Швеции и интереса западных европейцев к транзитной торговле с Нарвой и другими городами Финского залива было недостаточно. Во многом успешность шведской торговой политики зависела от желания русского царя и его окружения направить часть внешней торговли России наряду с Архангельском в Западную Европу и другим путем — через Балтийское

море. В отношении последнего время от времени создавались различные преграды и ограничения.

Наряду с московской политикой, важным для шведских властей было и увеличение заинтересованности западных европейцев в нарвской торговле. Если заинтересованность купцов Любека в торговле с Россией через Нарву держалась на протяжении всего XVII в., то английские купцы проявили интерес к Нарве в начале 1660-х гг. Но самое серьезное влияние на рост интереса европейцев к Балтийскому морю оказали изменения торговой конъюнктуры в Западной Европе. Эта тенденция проявилась особенно отчетливо в последних двух десятилетиях XVII в. Когда в 1689 г. выступили Англия и Нидерланды как партнеры против Франции, эта война дала нейтральным государствам большое экономическое преимущество, т. к. Западная Европа нуждалась в товарах стран Балтийского моря. Прежде всего, существовала большая потребность в шведском (и шведских провинций) строительном корабельном материале, железных изделиях и зерне.

Был и другой аспект, который вынуждал нидерландцев искать подходящее сырье для строительства кораблей, прежде всего лес, в Швеции и в ее Прибалтийских провинциях. Это был разыгравшийся в 1680 г. политическо-экономический конфликт между Нидерландами и датским королем. Когда Нидерланды и Швеция заключили в 1679 и 1681 гг. договор о торговле и мореходстве и отношения этих стран улучшились, то взаимоотношения голландцев и датчан ухудшились. В 1683 г. в Дании установили враждебные по отношению к Голландии таможенные тарифы, и в 1685 г. в Норвегии подняли пошлины на вывоз лесных материалов. 1683–1688 гг. характеризуются в датско-голландских отношениях как период торговой войны. Голландцы отомстили датчанам остановкой экспорта норвежского дерева и других товаров. Датчане терпели некоторое время, но в 1688 г. признали установленные в 1683 г. тарифы недействительными. Отношения между двумя государствами окончательно нормализовались лишь к 1700 г. В те годы, когда Нидерланды бойкотировали лесной, рыбный экспорт, а также экспорт дегтя и смолы из Норвегии, голландцы искали возможность купить эти продукты, прежде всего лес, в Швеции и ее провинциях, в том числе и в Нарве.

В связи с этим интерес западных европейцев к товарам Балтийского региона скачкообразно возрос в последних десятилетиях XVII в. За всеми описанными выше моментами экономического, политического и дипломатического развития необходимо увидеть и быстрое развитие экономической деятельности (в том числе и транзитной торговли), а также мануфактурного производства (лесопильни и кораблестроение) в Нарве во второй половине XVII в.

Нарвская лесная торговля в конце XVII в. До 1660 г. нарвский лес вывозился редко. Экспортировались деготь, смола и поташ, которые, по-видимому, привозились из Ингерманландии. В 1670-х гг. в нарвский экспорт начинают поступать нераспиленный и распиленный лесной материал — доски, бревна, мачты, дверные и оконные рамы, кораблестроительные детали — и в конце десятилетия уже можно говорить о заметном вывозе дерева. Следующий за этим подъем экспорта товаров из дерева продолжался до Северной войны, которая полностью остановила его на пару десятков лет. Большая часть поступившего в Нарву леса приходила из России, и лишь его небольшая часть была из Ингерманландии. Лес перерабатывался на нарвских лесопильнях и экспортировался в основном в Амстердам. На втором месте была Англия. В другие места Западной Европы везли лес редко и в небольших количествах.

Исходя из важной позиции Амстердама при вывозе лесного материала, нарвские лесопромышленники и купцы старались приспособиться к требованиям местного рынка. В Амстердаме они находили себе агентов, которые на месте заботились о продаже товаров и информировали нарвитян о рыночной конъюнктуре и ценах. Одним их известнейших нарвских торговцев лесом и собственником нескольких лесопилень и кораблестроительной верфи был Юрген Тундерфельдт. Его сохранившиеся товарные книги и корреспонденция говорят как о его деловых связях в Амстердаме, так и о связях в России. Основной территорией, где добывался лес, стал район Сомеро (*Sommersche*) на северо-западе России с центром Осьмино на берегу притока Луги. Тундерфельдт покупал балки приблизительно из 60-ти деревень на берегу Луги и ее притоков. Он заключал с местными помещиками и крестьянами договоры о лесопродаже, ему служили агенты, которые зимой выбирали деревья, поручали русским крестьянам их валить и сплавлять по р. Нарве. У самого Тундерфельдта на берегу одного рукава Луги была своя лесопильня. Также и другие купцы покупали лес в России, везли его на берег р. Нарвы к своим лесопильням и затем экспортировали в виде досок, бревен, мачт и др. в Западную Европу. В Нарве были и такие купцы, которые не имели лесопилен.

Влияние лесной торговли на развитие Нарвы. Торговля лесом оказала существенное влияние на экономическое развитие Нарвы. Растущий спрос способствовал возникновению деловых контактов у местного купечества, увеличивал их состоятельность и укрепил экономическую позицию в конкурентной борьбе. Нарвитяне, прежде сосредоточившись на пассивной посреднической деятельности, начали искать возможности для активной торговли, самостоятельно добывая из России сырье, перерабатывая его на местных лесопильнях и поставляя на запад. Для транспортировки обработанного на месте русского леса на запад нуждались в кораблях, предлагавшихся морскими государствами для перевозки

грузов во время войн. Этих кораблей не хватало. Отсюда возникла необходимость обеспечивать себя своими кораблями для того, чтобы быстро отправлять товары в сторону запада. Поначалу их покупали, но по мере роста благосостояния начинается самостоятельное строительство кораблей, пригодных для мореплавания. Показателем благосостояния нарвитян в конце XVII в. была и активная строительная деятельность на городской территории.

Кяупене Ю. Дипломатические контакты Великого княжества Литовского и Священной Римской во время Ливонской войны (по докладам императорского посла Валентина Саурмана из Вильнюса в 1561–1562 гг.) // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 166–167.

Ю. Кяупене

**Дипломатические контакты Великого княжества Литовского
и Священной Римской во время Ливонской войны (по докладам императорского
посла Валентина Саурмана из Вильнюса в 1561–1562 гг.)**

С начала конфликта в Ливонии Вильнюсский двор короля Польского и великого князя Литовского Сигизмунда Августа стал местом, где проводились встречи, обсуждались сложные военно-политические вопросы, велись переговоры, принимались решения. За развитием событий в Ливонии пристально следила дипломатическая служба Священной Римской империи, заинтересованной как судьбой Ливонского ордена, так и положением дел в регионе Центральной и Восточной Европы в целом. Дипломаты императора Фердинанда I присутствовали на переговорах и при подписании договора от 14 сентября 1557 г. о новом статусе Ливонии. С начала военных действий России в Ливонии в 1558 г. император принимал активное дипломатическое участие.

Цель данного доклада — представить состояние политико-дипломатических отношений между Сигизмундом Августом, королем Польским и великим князем Литовским и императором Священной Римской империи Фердинандом I Габсбургом на фоне развития

военного конфликта в Ливонии, показать широкий спектр вопросов, решения которых добивались обе стороны.

Доклад основан на материале 36 письменных сообщений Валентина Саурмана, который с января 1561 г. до июля 1562 г. исполнял обязанности императорского посла при дворе Сигизмунда Августа в Вильнюсе. Источник, хранящийся в архиве *Haus-, Hof- und Staatsarchiv* в Вене, опубликован в издании: Valentino Saurmano laiškai imperatoriui Ferdinandui I iš Žygimanto Augusto Vilniaus dvaro (1561–1562 m.). Sudarė Darius Antanavičius, Vilija Gerulaitienė, Jūratė Kiaupien, parengė Darius Antanavičius. Vilnius, 2009.

Лесмайтис Г. Историография военной истории ВКЛ за время первых двух бескоролевий (1572–1576 гг.) // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 167–168.

Г. Лесмайтис

Историография военной истории ВКЛ за время первых двух бескоролевий (1572–1576 гг.)

На первый взгляд, для военной истории ВКЛ выбранный период не очень важен. В нем мы не найдем ни больших сражений, ни походов, ни каких-либо реформ. Он — как бы затишье между I первым этапом Ливонской войны и Баторианской эпохой. В это время происходившие политические баталии тоже затмевают военные вопросы. Так же бледно выглядит и историография данного вопроса, если мы попробуем ее выделить как самостоятельную.

Чаще всего выбраное время в военной историографии вообще пропадает из круга обзора историков, когда периодизация первого этапа Ливонской войны заканчивается либо Люблинской унией, либо подписанием перемирия или смертью Жигимонта Августа. Следующий этап начинают с вокняжением Стефана Батория.

Военные вопросы этого времени мельком затрагиваются в работах, посвященных бескоролевьям. Но, как правило, военная история в этих исследованиях служит только объяснением одного, либо другого политического вопроса, и не является отдельным объектом исследования.

Некоторые детали военной истории можно найти в работах, посвященных отдельным персоналиям этого времени. Но, несмотря на ситуацию в историографии, нельзя сказать, что во времена первых двух бескоролевий военному историку нечего делать. Нам тогдашняя ситуация представляется крайне интересной. С одной стороны, недавняя Люблинская уния меняет военную организацию ВКЛ. С другой стороны, к концу 1572 г. умирают люди, игравшие главную роль в военных делах — великий князь, великий гетман. Остается открытым вопрос о легитимности нового польного гетмана Крыштофа Радзивилла, пришедшего на это место после смерти Романа Сангушки.

С нашей точки зрения ситуация была крайне сложной, но так ли ее воспринимали современники? Какова была реакция на эти перемены и была ли она? Как функционировала военная организация ВКЛ в это время? Ответы на эти вопросы важны не только для истории этих нескольких лет, но для всего XVI века.

Лобин А. Н. К вопросу о политическом значении итогов битвы под Оршей 1514 г.// Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 168–172.

А. Н. Лобин

К вопросу о политическом значении итогов битвы под Оршей 1514 г.

Грюнвальд 1410 г. и Орша 1514 г. занимают особое место в истории Великого княжества Литовского (ВКЛ). В историографической традиции главная битва «Великой войны» 1409–1411 гг. ознаменовала собой закат Тевтонского ордена, а «Великая битва» 1514 г. — срыв крупных наступательных операций России в борьбе с ВКЛ. Но если Грюнвальдская битва имеет достаточно широкую историографию, то сражение под Оршей изучено недостаточно. Причин тому несколько. Во многом это было связано с господством в определенный период политической конъюнктуры. Зависимость от идеологических установок непосредственно влияла на изучение истории внешней политики начала XVI в.

Какие реальные политические последствия повлекло за собой поражение русских воевод на Оршанском поле 8 сентября 1514 г.? Как оценивали результаты битвы победители и проигравшие, а также враги и союзники той или иной стороны? Каким образом сражение

повлияло на военный потенциал и развитие наступательных действий России? Ответы на эти вопросы в разные времена историки давали по-разному. Большинство исследователей в своих трудах, по сути, повторяли традиционную версию событий, изложенную в нарративных источниках. Разбираясь в перипетиях «оршанского триумфа» исследователь сталкивается с интерпретациями и трактовками результатов сражения, озвученными современниками и подхваченными потомками. Во многом феномен «битвы европейского значения» 1514 г. сложился в результате взаимодействия пропаганды, фольклора, искусства, популярной и научной литературы.

В историческом контексте, выражаясь словами В. О. Ключевского, важно различать действительность от того, в каком виде событие запечатлелось в памяти потомства. Также необходимо разграничивать реальные военно-политические результаты битвы от последствий пропагандистской кампании. Часто победители выдавали желаемое за действительное с целью возвеличить победу и показать ее грандиозность. Проигравшая сторона наоборот, свое поражение либо замалчивала, либо упоминала лаконично и мимолетно. Все эти факторы необходимо учитывать при исследовании военно-политического значения той или иной битвы.

В первую очередь следует обратить внимание на то, какие последствия битвы видели или желали видеть ее современники. В бумагах венецианского сенатора Марино Сануто (1466–1535, «I diarii di Marino Sanuto») и секретаря королевы Боны Станислава Гурского (ок. 1497–1572, «Acta Tomiciiana»), собравших большое количество дипломатической корреспонденции, сохранились копии писем Сигизмунда Старого, его послов и папских легатов, датированные сентябрем–октябрем 1514 г. Тексты «эпистолов» наглядно показывают трактовку итогов сражения современниками.

Самое раннее известие венгерскому королю Владиславу о битве «на Борисфене» датируется 12 сентября 1514 г. Написано оно в лагере под Борисовом (I diarii di Marino Sanuto. Т. XIX. Venezia, 1887. Р. 176, 180, 252–254). В нем кратко излагались обстоятельства и результаты сражения: говорилось о форсировании Березины, о первых стычках 28 августа и сражении «у Борисфена». Впервые озвучены и потери противника: из 80 000 врагов 30 000 убито в сражении; 8 главных воевод и предводителей (*vayvodse et consiliarij*), 37 князей, баронов и 1500 дворян попало в неволю. Под впечатлением разгрома «московитов» под власть короля вновь перешла Дубровна (*Dubrovno*) и в ближайшее время (т. е. в сентябре) ожидалось освобождение других городов (имеются в виду Мстиславль, Кричев и Смоленск). Тогда еще Сигизмунд не терял надежду отвоевать по горячим следам Смоленск. Победа в битве раскрывала перед Сигизмундом далеко идущие планы, в коих можно было усмотреть даже диктовку условий перемирия побежденному врагу.

Из Венгрии письмом, датированным 24 сентября (в Венецию оно пришло 23 октября: в реестр письмо занесено с пометкой «от нашего служащего из Буды»), доктор Антонио Суриани сообщал, по сути, те же сведения, что в битве 8 сентября «80 тысяч московитов были разбиты поляками (*sic!*), до 30 тысяч московитов убиты, а живыми взяты в плен 1500, в том числе военачальники и сатрапы» (*Ibid.* P. 158, 180).

Чуть ранее, 18 сентября, было составлено послание папе римскому Леону X-му, в котором также были перечислены потери врага, но число пленных дворян указано еще больше: 2000 человек. Подобные послания с известиями о грандиозной победе получили епископ Ян Конарский и кардинал Джулио Медичи (*Acta Tomiciana*. Т. III. 1514–1515. *Poznaniae*. 1853. № CCXXX-CCXXXII. P. 181–187. Далее — АТ). Впоследствии — к 1520-м гг. — цифры потерь «московитов» выросли до 40 000 (*Decius I. L. De Sigismundi regis temporibus liber III*. Cracoviae, 1521. P. XCI).

Попутно в послании архиепископу Яну Ласскому 25 сентября король писал, что якобы видел «простерты на 8 римских миль горы трупов врагов, там на месте битвы лежало более шестнадцати тысяч» (АТ. Т. III. № CCXXXIV. P. 184–185).

К этому времени канцелярия еще не была последовательна, она еще не определилась с окончательным «подсчетом» потерь противника, хотя поспешила распространить первые официальные известия, иногда даже отличающиеся друг от друга, которые позже лягут в основу разных публицистических сочинений.

После того как под Смоленском претерпела неудачу авантюра кн. К. И. Острожского, из текстов «эпистолов» исчезают стремления отвоевать крепость «в ближайшее время». Зато в целой серии «летучих листков» и брошюр, изданных в краковских и римских типографиях в 1515 г., появились сообщения о том, какая жуткая опасность угрожала христианам от «нашествия схизматиков», не будь на поле воинов короля (См. подр.: *Граля И. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрин. М., 1992. С. 46–50*). Вообще, слухи о намерении Василия III с огромной армией «завоевать герцогство Литовское и всю корону Польскую» были распространены еще в 1513 г., во время второго похода на Смоленск (*Рябинин И. С. Новое известие о Литве и московитах: К истории второй осады Смоленска в 1513 г. // ЧОИДР. 1906. Кн. III. Смесь. С. 5*). После Оршанской битвы они вновь появились в победных реляциях 1515 г. для того, чтобы усилить пропагандистский эффект от победы в «Великой битве».

Итак, главным военно-политическим результатом сражения у Орши современники битвы и хронисты XVI в. считали защиту Литвы и Польши от нашествия полчищ московитов. Этот искусственный конструкт в рамках оценочной системы был призван

подчеркнуть важные последствия «битвы у Борисфена». Исследование источников с русской стороны позволяет утверждать: никакой угрозы независимости этих стран не было, поскольку ни малочисленный отряд М. И. Булгакова-Голицы, отправленный к приграничным районам Орши и Друцка, ни рать И. А. Челядина, пришедшая для защиты смоленского направления, не угрожали независимости ВКЛ. Перед русскими корпусами общей численностью до 10–12 тыс. всадников стояла вполне определенная задача — собраться в одном месте и «стояти на Непре» по «литовским вестям», ожидая прихода польско-литовского войска (*Лобин А. Н.* К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1–2. С. 60–67).

Тем не менее, битва под Оршей отразилась в памяти современников и потомков как «Великая битва» — уже к началу 1520-х гг. так ее именовали не только многочисленные панегирические сочинения, но и вполне официальные документы литовской Метрики.

Пропаганда, в конечном итоге, имела в какой-то мере и противоположный результат. Фигурировавшие в реляциях «тмочисленные» силы «московитов», победное завершение ими войны 1512–1522 гг., несмотря на жестокое поражение 8 сентября 1514 г., — все это способствовало формированию у европейцев гипертрофированных представлений о военной мощи Московии (*Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений конца XV — первой половины XVI вв. М., 1980. С. 127; *Лобин А. Н.* К вопросу о численности... С. 45–78).

Интересно отметить двойственность позиции короля. Казалось бы, триумф Оршанской битвы открывал перед ним перспективы окончательного разгрома опасного соседа. 18 ноября король спешил обнадежить крымского хана Менгли-Гирея обещаниями «в землю неприятеля нашего тягнути, шкоды чинити и обиды наше мстити». Но почти одновременно (19 ноября) Сигизмунд просил венгерского короля Владислава о помощи в примирении с сильным соперником (*Кашировский Е. И.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I из-за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник историко-филологического общества при институте кн. Безбородко. Нежин, 1899. Вып. II. С. 251; АТ. № CCCLI. Р. 259). Король прекрасно понимал, что уничтожить главные силы «московитов» у него не получилось.

В современной литературе к важным внешнеполитическим последствиям битвы под Оршей относят распад коалиции Империи, Тевтонского ордена и России против Польской Короны и ВКЛ. Однако внимательное изучение дипломатических документов показывает, что проект союза распался еще до злополучного сражения.

Хитрый «цесарь» Максимилиан не решил связывать себя обязательствами, оговоренными его же послом Георгом Шнитценпаумером в Москве в марте 1514 г. В текст

договора, заключенного еще весной, 4 августа 1514 г. на имперском совете были внесены значительные изменения: вместо четких пунктов о совместной войне против Ягеллонов предлагалось прежде попытаться мирным путем склонять польского короля к удовлетворению требований союзников и только в случае его отказа исполнить эти требования открыть военные действия. После того как в декабре 1514 г. имперские послы Я. Ослер и М. Бургшталлер доставили исправленную грамоту в Москву, государь Василий Иоаннович категорически отказался от такого изменения в договоре. В конечном итоге это привело к «заморозке» русско-австрийского союза (См. подр.: *Писаревский Г.* К истории сношений России с Германией в начале XVI века // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 2. М., 1895. С. 8–9; *Uebersberger H.* Österreich und Russland seit dem ende des 15. jahrhunderts. Bd I. Wien; Leipzig, 1906. S. 84–86).

Международный резонанс вызвали не столько реальные последствия сражения, сколько действия пропаганды королевской дипломатической службы. Сражение на Оршанском поле можно назвать крупным тактическим, но никак не стратегическим успехом ВКЛ. Как писал имперский посол Сигизмунд Герберштейн, «эта победа не дала королю ничего кроме возвращения трех крепостей по сю сторону Смоленска» (*Герберштейн С.* Записки о Московии / пер. А. В. Назаренко. М., 1988. С. 71–72).

Российское государство не лишилось своего военного потенциала — уже через несколько месяцев воеводские полки опустошали Литву (Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966 С. 57–58). На русско-литовском фронте, по замечанию А. А. Зимина, битва под Оршей «задержала развитие русских успехов, но не могла их нейтрализовать» (*Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 168).

Любая А. А. Царевичи-закладники во взаимоотношениях Великого княжества Литовского и Крымского ханства в конце XV – начале XVI в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 172–176.

А. А. Любая

**Царевичи-закладники во взаимоотношениях Великого княжества Литовского
и Крымского ханства в конце XV – начале XVI в.**

Конец XV – первые десятилетия XVI в. — период интенсивного формирования новой системы международных отношений в регионе Восточной Европы. Связи между государствами в это время становятся более близкими современным представлениям о дипломатии. Развитие символичной и чрезвычайно условной сферы норм и правил дипломатического этикета происходило непосредственно через практику двухсторонних контактов различных культур и систем ценностей. Именно повседневной необходимостью можно объяснить возникновение многих межгосударственных институтов, которые с течением времени получили настолько существенное символическое оформление, что их практическое значение почти теряется. Вышесказанное можно отнести и к институту *татарских заложников**.

Проблематике татарских миграций в Великое княжество Литовское и положению отдельных групп мигрантов до сих пор уделяется мало внимания, а вопрос о заложниках, насколько нам известно, вообще не поднимался в исторической литературе. Нет исследований о том, когда заложники стали использоваться в дипломатических целях, что предшествовало этому явлению, насколько часто они приезжали в Великое княжество Литовское, в каких условиях содержались, кем были по происхождению и т. д. При этом следует отметить, что в отдельных случаях только этот институт давал возможность великим князьям и крымским ханам осуществлять межгосударственный диалог.

Время возникновения института татарских заложников можно со значительной степенью уверенности локализовать во времени 80-ми гг. XV в. Появление татарских заложников во взаимоотношениях между Крымским ханством и Великим княжеством Литовским определялось целым рядом факторов, но самым существенным кажется внешнеполитическое лавирование хана Менгли-Гирея между Великим княжеством Литовским, Великим княжеством Московским и Османской империей. В этой связи великокняжеская дипломатия не без оснований утратила доверие к ханским обещаниям. Уже на начальном этапе существования данного института наблюдается его разделение на два самостоятельных типа, исходя из целей залога и статуса заложников.

Великий князь Казимир Ягеллончик, собираясь отправить в Крым послом черниговского наместника Ивана Борисовича, упредительно послал туда своего толмача, чтобы хан прислал в заклад белого улана Темеша «а то для того, ижъ ты передъ тымъ пословъ его милости въ себе много держиваль, а не борздо къ его милости отпускаваль, а иные послы его у тебе въ Орде и померли» (Акты, относящиеся къ исторіи Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою комиссіею. Т. 1: 1340–1506. СПб: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1846. С. 118). В этом послании сформулирована концепция

института заложников как гарантов личной безопасности послов великого князя. Эта проблема имеет практический и сакральный уровни: с одной стороны, послы чаще всего занимали ключевые посты в системе государственного управления Великого княжества Литовского, а с другой — они, в определенной степени, являлись персонификацией великого князя литовского, воплощением его воли.

Второй тип заложников — персоны исключительно царского происхождения, сыновья и внуки хана. Их роль в двусторонних отношениях Крымского ханства и Великого княжества Литовского можно рассматривать как создание условий для диалога. Начиная с 1480 г., когда, по мнению некоторых историков, военная акция хана Менгли-Гирея не позволила Казимиру Ягеллончику как великому князю литовскому прийти на помощь хану Ахмату, и в большей мере после разгрома Киева татарскими войсками в 1482 г., предыдущая система взаимных политических гарантий, основанная на общности интересов и практике письменных обязательств утратила актуальность. В этом случае эффективно защитить достигнутые договоренности можно было «царской кровью». Практика использования царевичей-заложников скорее всего заимствована напрямую из политических традиций Османской империи, где монархи вассальных государств были вынуждены отправлять своих сыновей к султану в качестве обеспечения собственной лояльности.

При этом необходимо отметить, что подобные отношения были известны в Восточной Европе и в более ранний период. В частности, в конце XIV в. два сына великого князя Витовта погибли в Ордене, где находились в качестве залога обязательств отца. В то же время положение царевичей-заложников в Великом княжестве Литовском имело ярко выраженную специфику. Первые упоминания царевичей-заложников относятся к середине 80-х гг. XV в. В сообщениях Метрики Великого княжества Литовского о посольстве Яна Давойнавича и Якуба Даматкана 1486 г. в Крымское ханство пересказывается требование великого князя к хану: «...а сына своего первородного нам даси, как жо еси и первеи того к нам о том неоднократно всказывал...». В данном письме упоминаются неоднократные обещания хана Менгли-Гирея дать сына в заложники. Действительно, двумя годами ранее одним из условий мира между Великим княжеством Литовским и Крымским ханством была выдача сына в качестве заложника, но нельзя точно сказать, кто первоначально был инициатором обсуждения этого вопроса (*Stosunki Polski z tatarszczyzna od polowy XV wieku. Akta i listy / Pod red. K. Pułaskiego. Kraków; Warszawa, 1881. С. 214–215, 217–219*). Основным местом их пребывания в Великом княжестве Литовском был Киев. При этом можно предположить, что царевичам выделялся отдельный двор, т. к. заложников сопровождали значительные военные отряды, действия и намерения которых зачастую трудно предположить. Это хорошо иллюстрирует письмо великого князя Жигимонта I молдавскому

воеводе в 1511 г., что Менгли-Гирэй отпустил сына и внука в «заклад» и послал с ними пять тысяч войска, но они внезапно повернули в сторону Молдавского княжества. В этом случае сам Жигимонт I не знал точных намерений царевичей и их сопровождающих (*Jablonowski A. Sprawy wołoskie za Jagiellonów : Akta i listy / A. Jabłonowski // Źródła Dziejowe Adolfa Pawińskiego w 24 t. Warszawa-Lodz-Lwów, 1876–1928. T. 10. Warszawa : Gebethnera i Wolffa, 1878. С. 110–111*).

Кроме того, сложно сказать, в каких случаях переговоры между сторонами приводили к передаче заложников. В основном эта риторика возобновляется в периоды более или менее стабильных отношений между Крымским ханством и Великим княжеством Литовским. Однако и такие факты имели место. Например, материалы Метрики Великого княжества Литовского говорят о смерти одного из внуков Менгли-Гирея в Киеве. При этом невозможно определить, тот ли это внук, о котором шла речь в письме 1511 г.

Источники представляют крайне мало информации о бытовых аспектах пребывания царевичей-заложников. Документы отражают только общее обязательство великих князей литовских «держати во чти и в ласце». Также содержание заложников такого высокого ранга являлось определенной формой финансового обеспечения ханских родственников, наряду с подарками и «поминками», т. к. средства на обеспечение татар поступали из скарба Великого княжества Литовского. Косвенные источники позволяют утверждать, что киевский воевода на эти цели получал определенную сумму, а если денег не хватало, добавлял из своих сбережений, под государственные гарантии.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, насколько царевичей-заложников, как, впрочем, и заложников, которых обменивали на послов, можно считать дипломатами. С одной стороны, заложники могли рассматриваться как отражение человека, чью безопасность обеспечивали. Этим можно объяснить хорошие условия их содержания. В отношении царевичей данная проблема даже обостряется, т. к. они — персонифицированное государство и, в отличие от послов, являлись не воплощением хана, его воли и власти, а прямым продолжением монарха. Если термин дипломат рассматривать в современном смысле слова, т. е. тот, кто обеспечивает контакты между государствами на всех уровнях и этапах, то заложников вместе с послами, гонцами, приставами и толмачами, можно относить к категории дипломатов. При этом, наряду с пассивной функцией создания условий, заложники могли выполнять и иные дипломатические, на пример посольские, функции. Зачастую через заложников передавали письма, грамоты и устные просьбы.

---

* В соответственных источниках относительно персон, которых крымский хан отправлял в Великое княжество Литовское для обеспечения исполнения заключенных

договоренностей или безопасности послов великого князя, встречаются определения типа «нашему послу въ закладе». Некоторые славянские языки предлагают два соответствующих варианта — «заложник» и «закладник». Нам представляется, что значение слова «заклад» (доказательство, обеспечение чего-либо) глубже отражает термин «закладник». Лексическое значение слова «заложник» (персона, которая принудительно удерживается с враждебной целью вынудить кого-либо принять определенные условия) придает рассматриваемому нами институту насильственный характер, что не соответствует реальности.

Любый А. В. Душпасторская деятельность пап римских в отношении великих князей литовских в контексте международных отношений // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 176–178.

А. В. Любый

**Душпасторская деятельность пап римских в отношении великих князей
литовских в контексте международных отношений
в Центрально-Восточной Европе в конце XIV – первой половине XV в.**

Душпасторству верховных иерархов католической церкви в отношении монархов Великого княжества Литовского посвящено недостаточно страниц в исторической литературе. Возможно, стоит говорить об открытии подобной темы каждым поколением исследователей. Но без достаточно пристального внимания церковных историков мы так и не приподнимем занавес. Для светского историка возможность взглянуть на отношения монархов и пастырей дает бесценный источник оценки политических и идеологических процессов в обществе и государстве данного времени. Церковь, а на западе Европы в особенности, была составляющей политики государства, его внешнеполитического международного признания и реноме перед европейскими монархами и культурными элитами. Великое княжество Литовское вошло в общеевропейскую политику во многом благодаря своим «крещенским» мотивам (коронация Миндовга, раздумия о католицизме Гедимина, «мнишество» Ольгерда, крещение Ягайлы), отодвинув на второй план победы и

поражения на ратных полях в XIV – первой половине XV в. (Синие Воды, Ворскла, Грюнвальд, Вилькомир).

После 1387 г. все должно было решиться в пользу католичества. Но в контексте международных отношений в Центрально-Восточной Европе в конце XIV – первой половине XV в. Великое княжество Литовское (новообращенное поколение династии Гедиминовичей) становится центром надежд на заключение унии между христианскими церквями и решение «чешской» проблемы (оба вопроса лежали в светской составляющей международных отношений, церковная — лежала вне возможностей монархов Великого княжества Литовского).

Польская историография уделяет особое внимание персоне короля Казимира Ягеллончика (*Borkowska U. Pobożność rodziny Kazimierza Jagiellończyka // Analecta Cracoviensia. 1984. T. 16. S. 23–42.*). Образ королевича формировался на основании выдержанного в строго религиозном смысле средневекового эталона монарха: семьянин, паломник, в каком-то смысле меценат, монарх-патриот. Данный аспект выделяет стремление показать нам родителя святого Казимира. Хотя политическая составляющая в отношениях «Казимир — папа» всегда носила характер борьбы за назначение епископов на территориях архиепископств Гнезненского и Львовского.

Наиболее острой проблемой в историографии остается определение христианской принадлежности и церковности представителей династии великих князей литовских. Персоны великих князей Гедимина и Ольгерда неоднозначно трактуются в литературе, учитывая запутанную историю о попытках крещения монархов и легенды об их похоронной церемонии. С 1392 г. перед нами, кажется, не возникает проблемы определения религиозной принадлежности монархов Великого княжества Литовского — католики, а их верховный пастырь — папа римский. Роль непосредственного духовника монарха интересна настолько, насколько он вправе решать вопрос об отпущении грехов. Казус 1430 г. и похороны великого князя Витовта снова возвращают нас к исконной проблеме династии.

Что же происходит в конце XIV – первой половине XV в. между верховными светским и церковным иерархами?

Главный архив древних актов в Варшаве располагает рядом актов пап римских и Базельского собора к монархам Великого княжества Литовского, относящихся к данному периоду. Это письма Собора в Базеле и папы Евгения IV от 1439 г. к великому князю Жигимонту Кейстутовичу об исповеднике, а также письмо папы Николая V от 1447 г. к великому князю Казимиру с разрешением иметь переносной алтарь. Наличие контекста позволило бы нам многое, но возможность прочтения ограничена состоянием самих актов.

Акты понтификов содержат информацию двух типов: о ситуации в регионе и о поддержании религиозных чувств. Первые — характеризуют политическую (а через нее и религиозную) обстановку в регионе (послания к великому князю Свидригайло и митрополиту Герасиму в 1433–1434 гг. с предложением принять непосредственное участие в работе Вселенского сабора). Вторые — в качестве посланий к представителям династии неофитов содержат указания, как поступать в определенной «духовной» ситуации.

Еще в начале XX в. Богдан Барвинский опубликовал папские послания к князю Жигимонту Кейстутовичу (*Барвинский Б. Кілька документів і заміток до часів вел. князів Свидригайла і Жигимонта Кейстутовича / Б. Барвіньський // Записки наукового товариства імени Шевченка. Т. СХV. С. 5–22*). Он поместил послания пап Мартина V (от 4 августа 1428 г.) и Евгения IV (от марта 1431 г.). В них понтифики обращаются к Жигимонту скорее как к духовному сыну, чем к представителю династии. В письмах речь идет об отпущении грехов и «рецепте» исцеления. Послания подобного характера мы встречаем и в адрес великого князя Свидригайло. Главное «средство», в котором виделось спасение человека (не монарха) — пост. Большая роль отводилась исповеднику великого князя.

Так, душпасторские послания пап римских дают нам возможность говорить, как пеклись о персоне Свидригайло и о чем молил Жигимонт Кейстутович. Интересна роль епископов Великого княжества Литовского, чье имя выводилось за рамки послания, а в некоторых случаях и противопоставлялось Святым престолом наставлению праведному (как пример — дело виленского епископа Матея, инспирированное кардиналом Исидором, бывшим митрополитом Киевским и Всея Руси в 40-е гг. XV в.). Монарх Великого княжества Литовского вводился в орбиту духовного попечения понтификов, и через это отыгрывал одну из главных политических ролей в регионе.

Майоров А. В. Немецкие хроники XV в. о геральдических знаках Галицкой и Волынской земель // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 178–183.

А. В. Майоров

**Немецкие хроники XV в. о геральдических знаках Галицкой
и Волынской земель**

Исполнявший должности секретаря городского совета и епископского нотариуса Ульрих фон Рихенталь (ок. 1366 – ок. 1437) был приглашен в качестве письмоводителя к работе XVI Вселенского собора католической церкви, проводившегося в швабском городе Констанце (на берегу Боденского озера) с 1414 по 1418 гг. и знаменитого смертным приговором, вынесенным Яну Гусу (1415 г.). Составленная Рихенталем ок. 1420 г. хроника представляет значительный интерес как свидетельство очевидца, пользовавшегося практически всей полнотой информации о происходящих событиях. Написанная первоначально по-латыни, хроника затем была переведена на средне-немецкий язык и сохранилась только в этом переводе в нескольких заметно отличающихся друг от друга списках (из работ, посвященных Хронике Рихенталья, см.: *Buck T. M. Fiktion und Realität. Zu den Textinserten der Richental-Chronik // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. 2001*).

Хроника Рихенталья особенно интересна для нас тем, что содержит одно из самых ранних в европейской литературе упоминаний о Червонной Руси, определяемой здесь как территория, входившая в состав русских земель и лежащая между «Правой» и «Белой» Русью («Das ruschiß land: recht Rußen, rot Rußen, wiß Rußen». — *Ulrich von Richental. Chronik des Constanzer Concils 1414. bis 1418. / Hrsg. von M. R. Buck // Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart. Tübingen, 1882. Bd CLVIII. S. 50–51.* — См.: *Schramm G. Die Herkunft des Namens Rus'. Wiesbaden; Berlin, 1982. S. 51–52*). Среди участников собора Рихенталь называет неких представителей «королевства Червонной Руси» (das küngrich von rot Rußen. — *Ulrich von Richental. Chronik des Constanzer Concils 1414. bis 1418. S. 50–51*), в дальнейшем в хронике также упоминается некий «герцог Червонной Руси» (der hertzog von roten Rüßen. — *Ibid. S. 139, 206*) и некий «герцог Федор Смоленский в Червонной Руси» (der hertzog Fedur von Schmolentzgi in roten Rüßen. — *Ibid. S. 207*). Второе упоминание представителей Червонной Руси связано с прибытием в Констанц 19 февраля 1418 г. большой делегации западнорусской православной церкви во главе с киевским митрополитом Григорием Цамблаком (1415–1420), уполномоченной для участия в католическом соборе великим князем литовским и константинопольским патриархом. В состав этой делегации, насчитывавшей тридцать человек, входили неназванный по имени князь Червонной Руси, а также смоленский князь Федор Юрьевич (См.: *Бегунов Ю. К. К вопросу о церковно-политических планах Григория Цамблака // Советское славяноведение. 1981. № 3*).

Некоторые рукописи хроники Рихенталья снабжены раскрашенными иллюстрациями, представляющими сцены из работы собора (в том числе казнь Яна Гуса), а также гербы его участников — всего более тысячи изображений (*Kup K. Ulrich von Richental's Chronicle of the Council of Constance. New York, 1936. P. 20*). На одной из миниатюр представлена сцена

православной литургии, совершенной Григорием Цамблаком 19 февраля 1418 г. в присутствии всех православных участников собора (*Uolrich Richental. Concilium ze Costenz 1414–1418. Lichtdruck von L. Baeckmann in Karlsruhe, Grossherzogstum Baden / Auflage von H. Sevin. Karlsruhe, 1881. S. 276–277*).

Впервые хроника Рихенталя была издана еще в 1483 г. одним из первых немецких типографов Антоном Зоргом (работал в Аугсбурге в 1475–1498 гг.) и стала самой известной его работой — выдающимся произведением книгопечатания (Фототипическое воспроизведение см.: *Ulrich von Richental. Consiliumbuch. Augsburg, Anton Sorg, 1483. Potsdam, 1923*). Текст, изданный Зоргом, воспроизводит сравнительно поздний список хроники, составленный в 1467 г. Гебхардтом Дахером, и сопровождается значительным количеством выполненных на дереве гравюр, большинство которых раскрашено от руки. Помимо сюжетных гравюр в книгу помещены гербы всех присутствовавших или представленных на соборе лиц. В доступном нам экземпляре хроники издания 1483 г. (хранящемся ныне в Библиотеке Эрмитажа) насчитывается 1059 изображений гербов, что позволяет считать это издание первым известным печатным гербовником («Орлы и львы соединились...»). Геральдическое художество в книге: Каталог выставки / Науч. ред. Г. В. Вилинбахов, Е. А. Яровая. СПб., 2006. № 45. С. 89).

На одной из миниатюр первого печатного издания хроники Рихенталя можно видеть также герб безымянного «короля Галиции», к которому относится сообщение о том, что для участия в соборе прибыло: «от светлейшего высокородного князя [и] короля Галиции полномочное великое посольство» («...von dem durchleuchtigen hochgebornen fürsten kunig von Galitzia en machtige grosse bottschaft»). Герб «короля Галиции» представлен в виде увенчанного короной щита с продольными голубыми полосами на белом фоне. Этот же герб изображен на миниатюре Констанцской рукописи хроники Рихенталя, составленной в 1460-х гг. и принадлежащей Росгартенскому музею в Констанце (*Uolrich Richental. Das Konzils ze Konstanz. 1414–1418. Bd I. Faksimile-Ausgabe der Handschriften im Rosgarten Museum zu Konstanz. Starnberg; Konstanz; Stuttgart, 1964. Bl. CXI versol*).

Однако в более ранних рукописях Хроники Констанцкого собора упоминание о «короле Галиции», как и изображение его герба, отсутствуют. К таким рукописям, отражающим первую редакцию хроники, относится прежде всего Олендорфский кодекс из библиотеки графа Густава из Кёнигсегг, составленный в 1438–1450 гг. В этой рукописи, как уже отмечалось, упоминается только безымянный князь Червонной Руси и помещается его герб в виде поделенного надвое черно-белого щита с тремя крестами в верхней половине и двуглавым орлом — в нижней (*Uolrich Richental. Concilium ze Costenz 1414–1418. Lichtdruck von L. Baeckmann in Karlsruhe, Grossherzogstum Baden. S. 485*). Такое же изображение есть и

в Констанцской рукописи хроники, отражающей вторую редакцию памятника (*Uolrich Richental. Das Konzils ze Konstanz. 1414–1418. Bd I. Faksimile-Ausgabe der Handschriften im Rosgarten Museum zu Konstanz. Bl. CXI versol*). Немецкая надпись под рисунком поясняет, что это — герб «высокородного благородного князя Червонной Руси» («Von dem hochgebornen edlen herczogen von roten Reussen»).

Публикация в 1881–1882 гг. полного текста Олендорфской рукописи хроники Рихенталя, включая фотографическое воспроизведение всех ее миниатюр, сделала содержащиеся в ней изображения гербов участников Констанцкого собора, отсутствовавшие в издании 1483 г., предметом тщательного анализа специалистов по истории европейской и в частности польской геральдики. Появляющийся здесь герб Червонной Руси Ф. Пекосинский относит к числу литовских гербов, т. е. территориальных гербов русских земель в составе Великого княжества Литовского. Историк дает ему следующее описание: поделенный надвое щит с тремя красными крестами в верхнем серебряном поле и с золотым двуглавым орлом в нижнем черном поле (*Piekosiński Fr. Heraldyka polska wieków średnich. Kraków, 1899. Nr 638. S. 392. Fig. 747*). Этим описанием Пекосинского пользуются и новейшие авторы (*Гречило А. Територіальні символи Галицько-Волинської держави другої половини XIII – початку XIV століть // Записки Наукового товариства імя Шевченка. Львів, 2000. Т. 240. С. 261*).

Рисунок из хроники Рихенталя, вероятно, является древнейшим сохранившимся изображением двуглавого орла на гербе Галицко-Волынской (Червонной) Руси. Благодаря популярности этого произведения, переизданного в Аугсбурге Генрихом Штайнером в 1536 г. (*Ulrich von Richental. Das Concilium, So zu Constantz gehalten ist worden, Des jars do man zalt von der geburdt vnsers erlösers M. CCCC. XIII. Jar Mit allen handlungen inn Geystlichen und weltlichen sachen, Auch was diß mals für Bāpst, Kayser ... die zu Constantz erschienen seind, mit iren wappen Contrafect, und mit andern schönen figuren und gemäl, durchauß gezieret. Augspurg, 1536*), а также разошедшегося во множестве списков, двуглавый орел стал восприниматься в Западной Европе как геральдический знак Червонной Руси. С небольшими изменениями (с добавлением короны и некоторым изменением формы щита) рисунок из Олендорфской и Констанцской рукописей хроники Рихенталя воспроизводится в Малом гербовнике (*Warpenbüchlein*) известного немецкого гравера и книжного иллюстратора Виргила Солиса (1514–1562), изданном в Нюрнберге в 1555 г.: здесь он представлен как герб «герцогства Червонной Руси» (*Herczogen von Roten Revse — Virgil Solis' Wappenbuchlein: Aus dem Jahre 1555. München, 1882. Tabl. 36*).

По-видимому, изображение двуглавого орла под короной могло считаться официальным гербом Перемышльской земли в составе Польского королевства со времени образования Русского воеводства (ок. 1434 г.), в которое вошла Перемышльская земля.

Именно такое изображение фиксируется в Хронике Мартина Бельского (1494–1575), первым среди польских средневековых историков перешедшего с латыни на родной язык. Перечисляя в начале первой книги своей Хроники (написанной ок. 1550 г.) польские и русские воеводства и земли Польского королевства, в составе Русского воеводства Бельский называет Перемышльскую землю, «которая несет на хоругви своей орла о двух головах в короне, на голубом поле» (*Kronika Marcina Bielskiego* / Wyd. K. J. Turowski. Sanok, 1856. T. I. S. 14).

В польских печатных гербовниках, начиная со второй половины XVI в., двуглавый орел с распростертыми крыльями под короной постоянно фигурирует в качестве территориального символа Перемышльской земли. Такого орла, помещенного в изящном декоративном картуше, можно видеть в гербовнике познаньского ювелира и гравера Эразма Камина (?–1585) («*Librum insigniorum regionum atque clenodiorum Regni Poloniae...*»), изданного в 1575 г. (См.: *Słownik artystów polskich i obcych w Polsce działających: Malarze, rzeźbiarze, graficy* / Red. J. M. Białostocka, A. Ryszkiewicz. Wrocław, 1971. S. 345; *Однороженко О. А.* Руські королівські, господарські та князівські печатки... Мал. IV).

Польский и чешский историк и поэт Бартош (Бартоломей) Папроцкий (1543–1614), считающийся основоположником польской геральдики (о роли Папроцкого в становлении польской геральдики см.: *Kulikowski A.* *Heraldyka szlachecka*. Warszawa, 1990. S. 12, 214, 239; *Adamczewski M.* *Heraldyka miast wielkopolskich do końca XVIII wieku*. Warszawa, 2000. S. 23–24, 41), фиксирует изображение двуглавого орла на гербе Перемышльской земли в опубликованных в Кракове в 1578 и 1584 гг. двух гербовниках, названных им «Гнездо добродетели» (*Gniazdo Cnoty, z kąd herby Rycerstwa Polskiego swój początek mają*) и «Гербы рыцарства польского» (*Herby Rycerstwa Polskiego*). Графические изображения сопровождаются словесным описанием герба, из которого следует, что орел на нем имеет желтый окрас и помещается на голубом поле (*Bartosz Paprocki.* *Herby Rycerstwa Polskiego* / Wyd. K. J. Turowski. Kraków, 1858. S. 914).

Этот герб сопровождает изображение польского короля Александра I на миниатюре из Статута великого коронного канцлера Яна Лаского (*Commune inclyti Polonie Regni privilegium constitutionum et indultuum etc.*), изданного в 1506 г. и представлявшего собой собрание сеймовых постановлений Польского королевства. Среди прочих символов двуглавый орел Перемышльской земли был изображен на знамени польского короля Сигизмунда II Августа 1553 г. (*Krzyżanowski St.* *Słownik Heraldyczny*. Kraków, 1870;

Encyklopedia staropolska ilustrowana / Pod red. Z. Glogera. Warszawa, 1900. T. I. S. 240. — См. также: *Miller J.* Chorągwie i flagi polskie. Warszawa, 1962. S. 21).

Высказывается иногда предположение, что такой же герб, как у Перемышльской земли, имела еще одна земля в составе Русского воеводства Польского королевства — расположенная на самой западной его окраине Саноцкая земля (см., например: *Baliński M., Lipiński T.* Starożytna Polska. Pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana. Warszawa, 1845. T. II. Cz. 2. S. 673). Сегодня желтого двуглавого орла под короной с распушенными крыльями и широко расставленными лапами на голубом поле можно видеть на гербах и флагах Перемышльского и Саноцкого поветов Подкарпатского воеводства Польши, созданных в результате административной реформы 1999 г. (См.: <http://www.powiat.przemysl.pl/>; www.powiat-sanok.pl. — В некоторых современных публикациях, в том числе в Интернете, можно встретить утверждения о том, что цвета современного герба Саноцкого повета — желтый и голубой — характерны для герба силезских Пястов, представленного в Гельрейском или Гельдернском армориале (Armorial de Gelre) — фламандском гербонике конца XIV — начала XV в. (см.: http://pl.wikipedia.org/wiki/Ziemia_sanocka). В действительности, в рукописи Гельрейского армориала из Бельгийской королевской библиотеки (Брюссель), на листе 52 об. изображен герб силезского князя Владислава Опольского (Ladislav, D. d'Opole) (получившего в 1370-х гг. ряд земель Галицко-Волынской Руси от польского и венгерского короля Людовика Анжуйского) в виде желтого одноглавого орла в синем поле. На листе 70 об. помещено изображение герба Санека (Saneck) в виде красного щита с двумя белыми поперечными полосами, параллельными друг другу. А среди нескольких изображений двуглавого орла наиболее близким к нынешнему гербу Саноцкого повета можно считать помещенное на листе 93 об. изображение серебряного двуглавого орла в черном поле на гербе Генриха III, графа Саарвердена (Henri III, C. de Saarwerden — Gelre: B. R. Ms. 15652-56. Uitgeverij / Ed. Jan van Helmont. Leuven, 1992. Nr 504, 759, 1311).

Марзалюк И. А. Торговля московскими невольниками в Могилеве во время Ливонской войны // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 183–188.

Торговля московскими невольниками в Могилеве во время Ливонской войны

Сюжет, которому посвящен данный текст, касается проблемы невольничества, связанного с воинскими действиями во время Ливонской войны. В данном исследовании сделана попытка охарактеризовать экспедиции на «московскую» сторону за «живым товаром» могилевских мещан-добровольцев и продажи ими на могилевском рынке жителей Московского государства.

Как известно, Первый Статут Великого княжества Литовского 1529 г. запретил невольничество, но только для жителей своего государства. Свободный человек не имел права продавать себя, либо своих детей, в рабство. Однако потомственные рабы, «челядь невольная», продолжали оставаться собственностью хозяина, рабами становились также уголовные преступники, осужденные на смерть, в случае если потерпевший соглашался сделать их своими невольниками вместо «каранья горлом». Вольные люди, если они женились на рабынях, также утрачивали свободу. Однако был еще один источник пополнения количества рабов, о котором упоминает Первый Статут — «которые полоном заведены суть с земли неприятельское» (Статут Великого княжества Литовского. 1529 г. Минск, 1960. С. 115–118). Именно последней категории невольников посвящен наш текст. К слову будет сказать, III Статут ВКЛ 1588 г., уничтоживший даже название «невольник», предписавший называть невольников «дворная челядь» и уничтоживший все остальные причины невольничества, фигурирующие в Первом Статуте, эту причину невольничества — военный полон — оставил (Статут Вялікага княства Літоўскага. 1588 г. Мінск, 1989. С. 322, 347).

Какие же категории могилевских мещан принимали участие в вылазках на московскую сторону? Каким временем датируются наиболее ранние из них?

Благодаря тому, что до нас дошли почти все актовые книги могилевского магистрата, мы имеем возможность составить представление и о подготовке, и о самих участниках таких экспедиций. Источники свидетельствуют, что «в заграничье Московское», в «землю неприятеля московитина», ходили по собственному согласию группы хорошо вооруженных «судавшихся в казацтво», на время такой экспедиции, могилевских ремесленников. Среди участников походов упоминаются горшечники, шубники, шорники и представители иных ремесленных специальностей. С оружием у горожан проблем не было, т. к. каждый из них, согласно с нормами магдебургского права, обязан был иметь в доме оружие на случай войны. Наиболее ранние документы про такие походы и захват «живого товара» датированны 1579 г., последний случай зафиксированный в актовых книгах могилевского

магистрата в 1581 г. (АВАК. Т. 39. Вильна, 1915. С. 322, 372, 385, 389, 404–405, 427, 489; *Голубеў В. Ф.* Звесткі з сацыяльна-эканамічнага жыцця г. Магілёва канца XVI ст. паводле актавых кніг гарадскога магістрата // *Старонкі гісторыі Магілёва*. Магілёў, 1998. С. 63–66; *Нацыянальны Гістарычны архіў Беларусі (НГАБ)*. Ф. 1817. Воп. 1. Адз. зах. 1. Актавая кніга Магілёўскага магістрата 1577–1579 гг. С. 65, 66, 76, 77, 115, 128, 130, 153; НГАБ. Ф. 1817. Воп. 1. Адз. зах. 2. Актавая кніга Магілёўскага магістрата 1580–1581 гг. С. 455, 564–565).

В источниках сохранились и описание ритуалов, связанных с подготовкой таких экспедиций. Представим себе. Могилев. Идет воскресная служба в православной церкви. Отдельной группой, в полном вооружении, стоят «показаченные братья». После причастия все участники будущего похода торжественно клянутся один другому делить добычу в походе справедливо, поровну:

«...и ж коли есьмо шли за границу, тогда он з иными товарищами своими, зо мною и з моими поставене такое учинили и руки межи собою дали, и словом своим прирекли, и ж в одном товаристве з нами мели быт, и ест ли бы што Пан Бог послал, то ты мели, вышедшы заграничя, в ровный дел добыч свою межи собою разделить» (АВАК. С. 372).

Что касается конфессионального состава участников. В то время в Могилеве среди горожан не было ни одного католика, как, естественно, и ни одного католического костела в городе. Как видим, принадлежность к православию не мешала ходить православным могилевским горожанам в поисках добычи на московскую сторону. Подчеркнем, их никто не принуждал к этим походам. Это была, так сказать, «инициатива снизу», которая исходила от самих жителей города. Заметим: важнейшей и единственной целью, с которой могилевцы ходили на «московскую» сторону, был тривиальный грабеж и захват в плен и продажа в неволю населения соседнего государства. Отряды передвигались по чужой территории ночью, избегали встречи с московскими войсками, нападали на деревни на рассвете, грабили все, что только можно было найти в крестьянских домах:

«Року 1579 Ивашко Сопронович ходил за границу в товариство в козачтво под Смоленск и тут есмо достали сполне кобылы две, робят москалей два, овчын двадцат чотыры, овец чотыры, замлк нутреных чотыры, узголовья дерюги две, сермяк один, мисы три, ковши два, косы три, топоров сем, скобли две, воску ...волны рун тридцат, чоботы трои, ковши три, скобли две, сорочек дванадцать» (*Нацыянальны Гістарычны архіў Беларусі (НГАБ)*. С. 76, 77).

В источниках нет ни одного упоминания о плене и продаже в невольничество взрослых мужчин. Во время нападения они защищали свои семьи, и их, как правило, убивали на месте. В плен выводили женщин и детей. Во всяком случае, все уцелевшие акты купли-продажи невольников в Могилеве говорят только о них. Естественно, что особенным

спросом пользовались молодые, здоровые женщины. Кстати, именно из-за них чаще всего среди участников экспедиции возникали конфликты, которые приводили к разбирательствам в магистратском суде. Очень часто случалось так, что, пообещав выплатить за «московку» «братам» долю ее реальной себестоимости на невольническом рынке, участник экспедиции, став ее хозяином, это делать не спешил. Не всегда дележка добычи признавалась всеми участниками справедливой. Так, на почве нечестного раздела добычи в сентябре 1579 г. произошел конфликт между могилевцами Богданом Кузьминичем и Жданом Ахремовичем. Богдан Кузьминич пожаловался в суд на бывшего собрата по оружию о несправедливом захвате последним у него «здабычы заграничной». Однако Ждан оспаривал эту жалобу фактом якобы имевшего место нарушения Богданом «братской присяги» о ровном разделе добычи:

«кгдажмы вжо з загранича вышли и вжо на стану будучы, хотели межи собой делитсе, нижли он сам тых речей, што мел з сваими товаришами, в дел ровный дат не хотел, то пак я на станъ его ни з якими помочниками не находил, але мене пан Тудовский, яко старший между нами будучы, казал его добычы взят в дел, што я взял московку, коня слепого, жеребят двое, овчын одиннадцать, а не так много, яко он жалуеть» (АВАК. С. 372).

Молодая, здоровая женщина-«московка» в Могилеве во время Ливонской войны стоила от 2 до 5 коп грошей литовских. Подростка можно было приобрести за 1 копу (АВАК. С. 332, 372, 385, 389, 404, 405, 427, 489; Нацыянальны Гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). С. 65, 66, 76, 77, 115, 128, 130, 153; НГАБ. С. 455, 564, 565). Коп грошей литовских была равна 2 талерам. Это были достаточно большие деньги. Для сравнения: согласно III Статута ВКЛ 1588 г. 2 копы грошей литовских стоил хороший конь, либо вол.

Имел ли какие-нибудь шансы освободиться проданный в рабство пленник? Все зависело от того, на каких условиях он был продан. Самой легкой формой неволи была продажа во временное рабство, «на выробок». В данном случае пленник должен был отработать определенный в акте купли-продажи срок. Этот срок отработки рассматривался как компенсация покупателю за выплаченные им деньги за невольника. Обычно срок временного рабства колебался от двух до четырех лет. Именно на таких условиях в августе 1579 г. была продана «московка» Соломонида:

«...и ж полонянку московку Соломониду, которую достал будучы за границую у земли неприятельской, которую продал на выробок учтивому Тимошку Бутаку, мешанину могилевскому, за копы две грошей монеты и личбы литовской, которую маеть он у себя держати до трех лет, а по трех летех волно маеть быть от него пуцона, а в неволи держана не маеть быти, кому хотя, тому маеть служити» (АВАК. С. 332).

Однако в то же время для пленных существовало и пожизненное рабство. В актах купли-продажи встречаем такие понятия как продажа «вечна» или «абел вечна». В таких случаях человек становился челядью невольной до смерти, как и его наследники. Правда, и в этом случае у пленного оставался шанс стать вольным. В актах купли-продажи оговаривалось, что в том случае, если полоняника находили его родные, хозяин обязан был продать им его по той же стоимости, за которую приобрел. Весьма показательны в связи с этим условия торговой сделки, которая произошла в Могилеве 17 октября 1579 г.:

«...иж московку полонянку, на име Матруну Теренина и з дитятем ее сыном, которую взету на Крапивне, в тех часех не давно прошлых, тую жонку выш помененую прадал обел вечне учтивому Кузме Тарасовичу, мещанину могилевскому, за три копы грошей монеты и личбы литовское, которой жонки на потом сам откупит не маю, толко ест бы се трафил оней жонки муж або приятел з Москвы, тогды тую московку на окуп мает дат у ее сторону, а в Литву а ни до Полски не мает дават» (АВАК. С. 404–405).

Источники позволяют проследить, какими видами деятельности занимались маленькие невольники. Пленные «москалики» использовались в качестве домашней прислуги, лакеев, няnek по досмотру за маленькими детьми. Источники свидетельствуют, что в домах богатых могилевских мещан, представителей магистрата, цеховой старшины, купечества, для «паслугов хатних» использовались «челядники москалики» (АВАК. С. 389, 404–405, 427, 489; ИЮМ. Вып. 8. Витебск, 1887. С. 344). Однако необходимо отметить также и факты усыновления и выкупа маленьких рабов бездетными могилевцами у их хозяев. В 1581 г. Апанас Демидович, шубник могилевский, выкупил у некой Марины Жидкой «москалика»:

«Москалик каб у неволи вечне не зостал ...иж его взял не у неволю, але яко за власное дитя. Которое переховат также кормити, адевати, и тому ремеслу што сам умеет, шубничеству, научить. А кгда тому Федку Макаравичу лет зупольных дойти, волно ему будет кому хотя служыти» (НГАБ. С. 564–565).

Несмотря на тот факт, что нами обработан весь массив могилевских магистратских книг за вторую половину XVI–XVII вв., ни одного случая определения в этих источниках населения Московского государства с «Русью» со стороны могилевских мещан нами не выявлено. Наоборот, эти два понятия в актовых книгах последовательно разводятся и противопоставляются. Устойчиво определяя себя «русинами», «рускими», «Русью», как и свой язык, книги и произведения искусства, в отношении к соседям с востока могилевские мещане последовательно использовали термины «москва», «москвичи», «москали», «москавитины», а их язык, книги и вещи называли «московскими» (*Марзалюк І. А.* Актавыя кнігі магілёўскага магістрата XVI–XVII ст. як крыніца па гісторыі ментальнасці беларускага

мящчанства // *Castrum, urbis et bellum*. Зборнік навуковых прац. Баранавічы, 2002. С. 263–271).

Таким образом, актовые книги могилевского магистрата не позволяют говорить о сохранении на уровне массовых стереотипов могилевского мещанства представлений об этнической одинаковости с великорусским населением. Реалии Ливонской войны, отраженные в актовых книгах магистрата, свидетельствуют об обратном — о трактовке населения соседнего государства в качестве выгодной воинской добычи, «живого товара».

Мартынюк А. В. Епископ Султании Иоанн де Галонифонтибус и его сообщение о Руси и Литве в начале XV в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 188–191.

А. В. Мартынюк

Епископ Султании Иоанн де Галонифонтибус и его сообщение о Руси и Литве в начале XV в.

Фигура Иоанна де Галонифонтибуса, архиепископа Султании, хорошо известна востоковедам. Фрагменты из его «Книги познания мира» (*«Libellus de notitia orbis»*) с описанием Северного Причерноморья и Кавказа в начале XV в. являются чрезвычайно ценным источником по истории этого региона и давно стали хрестоматийными (см.: *Бунятов З. М. Иоанн де Галонифонтибус. Книга познания мира // Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1979*). Тем большее недоумение вызывает тот факт, что за пределами внимания отечественных историков до сих пор остается фрагмент «Книги познания мира», посвященный описанию Руси и Литвы.

Следует кратко остановиться на историческом контексте эпохи и личности самого Иоанна де Галонифонтибуса. Монгольские завоевания XIII в. и последовавшие за ними контакты с монгольскими государствами (Золотая Орда, Ильханат, Чагатайский улус, империя Юань) вызвали к жизни, помимо всего прочего, активную миссионерскую деятельность Римской курии в странах Востока. В 1318 г. римский папа Иоанн XXII провел реорганизацию церковных провинций: обширные пространства Передней Азии (Кавказ, Иран, Средняя Азия, Индия, Эфиопия) были подчинены архиепископу Султании (летняя

столица ильханов в Северном Иране), Центральная Азия и Дальний Восток отошли в ведение архиепископа Ханбалыка (Китай). К началу XV в. золотой век миссионерской деятельности францисканцев и доминиканцев был уже в прошлом, не реализовались и политические проекты, направленные против ближневосточных мусульманских государств. Надежды на помощь с Востока ожили вновь, когда 28 июля 1402 г. в битве под Анкарой Тимур (Тамерлан) разгромил войско турецкого султана Баязида Молниеносного. Весть об этой победе принес в Европу Иоанн де Галонифонтибус, архиепископ Султании (с 1398 г.), в прошлом епископ Нахичевани (с 1377 г.). Именно ему — «франку», хорошо знавшему Восток, — Тимур доверил дипломатическую миссию в Европу, свое письмо европейским правителям и даже свой портрет (см. подробнее: *Reichert F. Johannes von Soldania. Ein persischer Erzbischof in österreichischen Handschriften // Österreich im Mittelalter. St. Pölten, 1999. S. 349–365*).

Сохранившиеся документы и упоминания в хрониках позволяют очертить основные вехи маршрута Иоанна де Галонифонтибуса по Европе: 1403 г. — Венеция, Генуя, Милан, Париж, 1404 г. — Валенсия, 1405 г. — Лондон, Гейдельберг, 1407 г. — Венеция, 1408 г. — Пиза, 1408/1409 г. — Константинополь, Венгрия(?), 1409 г. — Пиза, 1410 г. — Болонья, 1412 г. — Львов. Как видим, смерть Тимура в 1405 г. не остановила дипломатический вояж архиепископа Султании. Повсюду Иоанн встретил теплый прием, его экзотический внешний вид (французский придворный хронист счел необходимым отметить его окладистую белую бороду, необычную для католического прелата) и его рассказы о Востоке произвели сильное впечатление при европейских дворах. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что архиепископ позволял себе при переводе слегка «корректировать» письмо Тимура: в результате этих корректировок Тимур предстал покровителем христиан на Востоке, а сам Иоанн — его ближайшим советником. На всех этапах своего пути энергичный архиепископ запасался письмами к правителям восточных стран и различными привилегиями. Свидетельством высокого доверия со стороны папы римского стало выполнение Иоанном де Галонифонтибусом дипломатических миссий Святого престола и назначение его управляющим архиепископством Ханбалыка. Иоанн де Галонифонтибус стал, таким образом, главой всех христиан латинского обряда на Востоке.

Результатом пребывания архиепископа Иоанна в Европе стали два произведения — краткая записка о Тимуре и его империи и вышеупомянутая «Книга познания мира» (1404 г.). Последнее сочинение было атрибутировано Иоанну де Галонифонтибусу австрийским ученым А. Керном в 1938 г., что положило начало научному изучению памятника (*Kern A. Der «Libellus de notitia orbis» Iohannes III (de Galonifontibus?) O. P. Erzbischof von Sulthanyeh // Archivum Fratrum Praedicatorum. Vol. VIII. 1938. S. 82–123*). Содержание книги — описание

всех известных земель, ее основная мысль — объединение христиан для борьбы против мусульман. Произведение Иоанна де Галонифонтибуса было основано как на литературных источниках (Исидор Севильский, Одорико де Порденоне, Гетум из Корикоса и др.), так и на собственных впечатлениях автора, что придает ему особую ценность в качестве исторического источника. К сожалению, до настоящего времени отсутствует полноценное научное издание «Книги», а ее рукописная традиция изучена в недостаточной степени.

Сообщение о Литве и Руси в «Книге познания мира» достаточно лаконично, но чрезвычайно информативно и содержит интересные детали. Иоанн говорит сначала о «малой» и «великой», а затем о «внешней» и «внутренней» *Руссии*. Именно в последней находится город *Mosco*, из которого идет кратчайший торговый путь в *Catay* — уникальное свидетельство как о русско-татарских отношениях того времени, так и о появлении Москвы в поле зрения Европы! Далее кратко говорится об обычаях русских: наличии у них своего языка и письма, приверженности «греческой схизме», холодном климате страны. Раньше русские земли платили дань и выставляли воинов императору татар, продолжает Галонифонтибус, ныне же большая часть *Руссии* подчинена Витовту и королю Польши. О самой Литве («малой стране») автор сообщает, что прежде ее жители были язычниками, ныне же являются добрыми католиками — «что уже известно всем». Эта краткая ремарка чрезвычайно интересна в контексте той острой идеологической борьбы между Тевтонским орденом и Великим княжеством Литовским, которая развернулась накануне Грюнвальда.

Следует отметить еще одно обстоятельство, которое ускользнуло от внимания большинства исследователей, изучавших биографию и произведения Иоанна де Галонифонтибуса (А. Керн, Л. Тарди, Ф. Шмидер, Ф. Райхерт). В своей первой публикации, посвященной «Книге познания мира», А. Керн выдвинул предположение, что дальнейшее изучение источников позволит выявить дополнительный материал относительно путешествия Галонифонтибуса по Европе. И действительно, в «Мариенбургской книге казначея» (*Marienburger Tresslerbuch*) Тевтонского ордена под 7 и 23 января и 23 февраля 1407 г. отмечена выдача денег «епископу с бородой из Персии» (*bischofe von Persya mit dem barthe*), в котором легко можно опознать архиепископа Султании (благодарю коллегу С. В. Полехова за указание на данное обстоятельство). Более того, 20 января того же года датированы пять писем, которые магистр Ордена Конрад фон Юнгинен отправил с архиепископом Иоанном. Письма были адресованы самому Тимуру, его сыну Мираншаху, византийскому императору Мануилу, королю Кипра и Армении и, наконец, легендарному пресвитеру Иоанну, корою Абиссинии (опубликованы в: *Forstreuter K. Der Deutsche Orden und Südosteuropa* // *Kyrios*. Bd 1. 1936. S. 268–272). Перед нами одно из последних

свидетельств активной восточной политики Тевтонского ордена накануне Грюнвальдской битвы, которая навсегда перечеркнула эти амбиции.

Пребывание Иоанна де Галонифонтибуса на территории Тевтонского ордена ставит вопрос о том, не посетил ли он Великое княжество Литовское или какие-нибудь другие русские земли и возможно ли отыскать в письменных источниках следы его пребывания? Такая постановка вопроса может показаться излишне смелой — но отнюдь не фантастической, если учесть, что архиепископ Иоанн посетил Мариенбург и Львов. Именно Львов стал последней точкой десятилетнего вояжа «епископа с бородой» по королевским и княжеским дворам Европы. Вероятно, именно отсюда Иоанн де Галонифонтибус двинулся в обратный путь — имея при себе полномочия «архиепископа всего Востока» (*archiepiscopus totius Orientis*) и весьма значительный архив посланий европейских монархов своим восточным «братьям по цеху». Судя по «Книге познания мира», регион Северного Причерноморья был хорошо знаком архиепископу Султании. Однако на этом следы этой незаурядной личности исчезают со страниц истории. Представляется, что актуальной задачей является дальнейшее изучение сведений Иоанна де Галонифонтибуса о Восточной Европе и научная публикация соответствующих фрагментов «Книги познания мира».

Матвеев Д. Ю. Возможные контакты Альбрехта Валленштейна со шведским королем Густавом II Адольфом как одна из причин его убийства // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 191–195.

Д. Ю. Матвеев

Возможные контакты Альбрехта Валленштейна со шведским королем Густавом II Адольфом как одна из причин его убийства

Вопрос о возможных контактах Альбрехта Валленштейна со шведским королем Густавом Адольфом в 1631 г. и его вероятной попытке изменить императору Фердинанду II до сих пор является предметом острейшей дискуссии в среде западных историков. Попробуем вкратце осветить эту проблему.

Единственным документом, всецело освещающим этот вопрос, является отчет чешского эмигранта Ярослава Сезимы Рашина из Ризмбурка (Jaroslav Sezima Rašin z Rýzmburku), который состоял на шведской службе и являлся посредником во время переговоров (*Polišenský J. Valdštejn: Ani císař, ani kral. Praha, 1995. S. 190*). Выдержки из этого отчета содержатся в монографии Йозефа Пекаржа «Валленштейн. Трагедия одного заговора». Это, например, сообщение Рашина о первой встрече с Густавом Адольфом, на которой он присутствовал вместе с Йиндржихом Турном (Jindřich Thurn), главой чешской эмиграции (*Pekař J. Wallenstein 1630–1634. Tragödie einer Verschwörung. Berlin, 1937. S. 82*). Кроме того, и другие историки использовали этот отчет в своих работах.

Насколько известно, в 1630 г. Альбрехт Валленштейн был смещен с поста главнокомандующего императорской армии решением сейма имперских князей в Регенсбурге (Военная энциклопедия товарищества И. Д. Сытина. Т. 5. Петербург, 1911. С. 219). Как отмечает Йозеф Пекарж, многие при венском дворе и в особенности в имперской армии были недовольны этим. И даже «испанские посланники в Вене признали решение Регенсбурга за весьма сильную ошибку» (*Pekař J. Wallenstein 1630–1634. Tragödie einer Verschwörung. S. 78*). Сам же Валленштейн, по словам того же Пекаржа, был оскорблен этой отставкой и «страстно желал день мести за Регенсбург приблизить» (*Pekař J. Wallenstein 1630–1634. Tragödie einer Verschwörung. S. 81*). Очевидно, что Валленштейн хотел, чтобы император снова пригласил его на пост генералиссимуса. Причем император должен был сделать это первый, он должен был предложить Валленштейну пост главнокомандующего. Если бы первый шаг к этому сделал сам Валленштейн, то «условия возвращения установил бы император» (*Janaček J. Valdštejn a jeho doba. Praha, 1978. S. 392*).

Обратимся теперь к отчету Рашина. Как отмечает Йозеф Полишенски, написан он был в 1635 г., то есть уже после убийства Валленштейна. За него Рашину было обещано императорское помилование, разрешение возвратиться в Чехию и возмещение ущерба, понесенного им при изгнании, прежде всего — возвращение конфискованного имущества. Помимо всего прочего, окончательную редакцию отчета выполнил не кто иной, как Вилем Славата, отношения которого с Валленштейном были, мягко говоря, очень натянутыми (*Polišenský J. Valdštejn: Ani císař, ani kral. S. 191*). Эти важные нюансы следует учитывать при изучении отчета Рашина.

Согласно отчету, где-то в конце мая 1631 г. Рашин встретился в Берлине с главой чешской эмиграции графом Турном. Рашин передал ему, якобы, известие от представителя одной из самых богатых семей Чехии Адама Трчка (Adam Trčka) о том, что Валленштейн готов вести переговоры со шведским королем. Так ли это было на самом деле, установить не удастся, так как, согласно чешскому историку Антонину Резеку, Валленштейн не любил

вести переговоры сам. Всегда за него «это делали подставные лица» (*Rezek A. Dejiny Saského vpadu do Čech (1631–1632) a návrat emigrace. Praha, 1889. S. 37*).

Далее Рашин сообщает, что вместе с Турном они сразу отправились к шведскому королю в Шпандау, где «имели у короля продолжавшуюся 2 часа аудиенцию, и все, что Адам Трчка рассказывал, устно докладывали» (*Pekař J. Wallenstein 1630–1634. Tragödie einer Verschwörung. S. 82*). Их словам первоначально Густав Адольф очень удивляется, а потом начинает подробно расспрашивать Рашина и Турна о семье Трчка. Йозеф Яначек отмечает, что также «шведский король 11 июня уполномочил Турна вести дальнейшие переговоры с анонимным чешским кавалером, которым был, по всей видимости, Валленштейн» (*Janaček J. Valdštejn a jeho doba. S. 395*).

18 июня появился Рашин снова в Праге и прочитал Валленштейну послание шведского короля. Валленштейн же намекал Рашину, что он страшно разочарован императорскими действиями, и утверждал, что император снова предлагает ему верховное командование, которое он ни за что на свете не хочет принимать. И якобы, именно тогда Валленштейн передал королю через Рашина, что «хочет для короля все сделать, но когда увидит свое время и удобный случай, что не может в такие вещи неловко вскочить» (*Janaček J. Valdštejn a jeho doba. S. 395*). Валленштейн, якобы, хотел, чтобы шведский король первоначально объединился с саксонским курфюрстом. Саксония же занимала до сих пор позицию так называемой «третьей силы», балансируя между враждующими сторонами (*Polišenský J. Valdštejn: Ani císař, ani kral. S. 193*).

Где-то в конце июля или в начале августа Валленштейн принял Рашина еще раз и продиктовал ему свои условия для соглашения со шведами. Он просил у Густава Адольфа, чтобы тот дал ему в распоряжение корпус в десять или двенадцать тысяч человек, с артиллерией, под командованием Турна, который бы, в свою очередь, подчинился непосредственно Валленштейну. Также хотел переманить на свою сторону из императорской армии полк Трчка и часть корпуса, расположенного в Силезии. Рекомендовал королю также захватить императорские гарнизоны в Мекленбурге и офицеров, оказывавших сопротивление, казнить (*Janaček J. Valdštejn a jeho doba. S. 396*). Йозеф Полишенски считает, что рекомендация захватить гарнизоны — это явная выдумка Рашина. Это, отмечает он, «такое абсурдное предложение, что даже не заслуживает комментария» (*Polišenský J. Valdštejn: Ani císař, ani kral. S. 192*).

Если описанные выше предложения действительно имели место, то чего же тогда добивался Альбрехт Валленштейн? По сути, он требовал у Густава Адольфа небольшую армию, которая «представляла приблизительно треть всего шведского войска» (*Janaček J. Valdštejn a jeho doba. S. 397*). Мог ли шведский король доверять Валленштейну, который за

исключением гневных речей в адрес императора за свою первую отставку ничего против него не предпринимал? Кроме этого, здесь нужно учитывать и то, что и от императора Валленштейн мог получить желаемое, а именно — пост главнокомандующего. Если сопоставить все указанные выше факты, все-таки приняв частично доклад Рашина за правду, то можно сделать один вывод — Альбрехт Валленштейн вел двойную игру, присматривался к обеим сторонам, присматривался, что для него будет выгоднее. К такому выводу нас приведут и дальнейшие события.

В конце августа – начале сентября 1631 г. главнокомандующий императорской армией Тилли вторгся в пределы Саксонии. Это был конец саксонского нейтралитета. 11 сентября курфюрст подписал союзный договор со Швецией, а 17 сентября у местечка Брейтенфельд состоялась ожидаемое сражение между Тилли и объединенной шведско-саксонской армией. Императорский главнокомандующий потерпел сокрушительное поражение, «армия была частично рассеяна, артиллерия потеряна» (*Polišenský J. Valdštejn: Ani císař, ani kral. S. 194*). Потери императорского войска оценивались в 12 000 убитых и в 7000 пленных (*Janaček J. Valdštejn a jeho doba. S. 398*). Сразу после этого появились у шведского короля Турн и Рашин. Дать Валленштейну корпус от 10 до 12 тысяч человек Густав Адольф отказался, так как в данной ситуации возможная измена Валленштейна все равно ни на что бы не повлияла — так окрепли позиции шведов. Вместо этого Густав Адольф хотел дать Валленштейну три полка численностью в 1500 человек. Турн ответил, что это предложение Валленштейн без раздумий отклонит. Но Густав Адольф настаивал на своем и посоветовал Валленштейну в таком случае обратиться к саксонскому курфюрсту. Этим переговоры и закончились, так как и у саксонского курфюрста Турн ничего добиться не смог (*Janaček J. Valdštejn a jeho doba. S. 398*).

В конце октября в Прагу к Валленштейну прибыл военный советник Квестенберг просить его от имени императора принять пост главнокомандующего. Валленштейн отверг его с обоснованием, что болен и не имеет желания воевать. После возвращения в Вену Квестенберг снова написал Валленштейну, и на сей раз к его письму было приложено также личное императорское прошение принять пост главнокомандующего. Но Валленштейн тянул с ответом (*Polišenský J. Valdštejn: Ani císař, ani kral. S. 194–195*).

Но тут произошло событие, которое все изменило. Объединенная шведско-саксонская армия разделилась, и саксонцы неожиданно вторглись в Чехию. И в частности, в герцогство Фридланд, которое являлось владением Альбрехта Валленштейна. Чешский историк Антонин Резек, ссылаясь на доклад Рашина, высказывает невероятное предположение о том, что инициатором этого вторжения был сам Альбрехт Валленштейн, имевший контакты с саксонским фельдмаршалом Иоганном Георгом Арнимом (*Rezek A. Dejiny Saského vpadu do*

Čech (1631–1632) a návrat emigrace. S. 54–55). Возможно, так он хотел ускорить свое назначение на пост главнокомандующего. Но более близка к истине, на наш взгляд, точка зрения Полишенски, который считает, что саксонское вторжение инициировано курфюрстом и Арнимом, а также представителями чешской эмиграции. Но второе назначение Валленштейна главнокомандующим это вторжение на самом деле ускорило (*Polišenský J. Valdštejn: Ani cisař, ani kral. S. 195–196*).

Какие выводы мы можем сделать? Если отчет Рашина частично соответствует истине (а судя по всему, это так, потому что почти все исследователи этой проблемы ссылаются на него), то Валленштейн на самом деле вел весьма тонкую и продуманную двойную игру, пытаясь точно узнать, где он сможет получить большую выгоду. И вполне возможно, что именно эти переговоры наряду с другими, более поздними действиями Альбрехта Валленштейна и стали одной из причин императорского решения устранить полководца. Но в то же время мы должны учитывать и то, что отчет Рашина писался после убийства Валленштейна, за него Рашину было обещано прощение и возмещение ущерба, и вполне возможно, что некоторые его отрывки на самом деле являются фикцией.

Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 годы)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

Мих III. Военно-политическая деятельность гетмана польного литовского Винцента Госевского в 1654–1662 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 196–199.

III. Мих

**Военно-политическая деятельность гетмана польного литовского
Винцента Госевского в 1654–1662 гг.**

Винцент Госевский являлся одним из самых важных лиц в Великом княжестве Литовском в середине XVII в. Большая власть, которая скопилась в его руках (а точнее: которую вложил в его руки король), была причиной того, что он мог стать достойным конкурентом для самых крупных литовских родов. Продолжающаяся война сопутствовала его прославлению и представлению его военного таланта.

До сегодняшнего дня не написана полная биография Винцента Госевского, опубликованы лишь краткие биографические статьи. Ученые занимались этой личностью, всего только исследуя определенные вопросы, касающиеся истории Речи Посполитой. Исключительно военная деятельность гетмана в 1656–1657 гг. подробно разработана Славомиром Алгусевичем.

Отец Винцента Госевского, Александер, принимал участие как в переговорах, так и в боях против Москвы. Он приобрел большой опыт, выполняя функцию регента великой канцелярии, а в 1625 г. был назначен на должность смоленского воеводы. В эту должность, после его смерти, вступил Кржиштоф, старший брат Винцента. Матерью Винцента была Ева, урожденная Поцова. Сохранилось немного информации, касающейся детства и молодости Винцента Госевского. Историки даже не знают точно год его рождения. Мы знаем, что он обучался в Вильнюсе, Вене, Риме и Падуе, но не имеем об этом более подробных сведений.

Благодаря покровительству Альбрехта Станислава Радзивилла, Госевский в 1646 г. вступил в должность стольника Великого княжества Литовского. Военный опыт он приобретал под командованием Януша Радзивилла. Успешно сражался в битве под Лоевом 31 июля 1649 г. В 1650 г. его назначили маршалом сейма, а к началу 1651 г. он получил должность генерала артиллерии (*generalis artilleriae magister*).

В 1652 г. Госевский стал великим подскарбием литовским. Это решение имело особое значение. Главный литовский оппозиционер, Януш Радзивилл, являлся гетманом полным и имел поддержку армии. В 1654 г. Ян Казимир распределил незанятые должности в литовской армии и назначил Януша Радзивилла гетманом великим, а Винцента Госевского — полным. Стало очевидно, за чьими делами будет наблюдать только что назначенный гетман полный.

Быстро оказалось, что Госевский не собирается искать согласия со своим коллегой, напротив — он стремился к конфронтации. В это время военная обстановка в ВКЛ являлась трагической. С охваченных войной земель нельзя было ни в коем случае взимать принятых сеймом налогов. Финансовое положение вызывало обоснованное беспокойство среди солдат. Госевского даже заставили гарантировать отдельным страхованием деньги для «старого призыва».

3 августа 1655 г. в военный лагерь в Немеже пришли вести о предательстве под Уйцем. Никто не верил в возможность остановить московскую армию, неуклонно

двигавшуюся вглубь ВКЛ. Единственной проблемой оставалось определение направления отступления. Януш Радзивилл собирался идти в Жмудь, а Винцент Госевский, через Понары, в Корону. План гетмана польного поддержала примерно половина литовских частей. Оказалось, что Госевский, несмотря на популярность Радзивилла, сумел добиться расчленения армии. Однако в результате Вильнюсской битвы гетман польный был вынужден пересечь Вилию и отступить вместе со своим коллегой.

Лето 1655 г. стало для Госевского проверкой его политической ловкости. Он оказался в крайне неудобном положении, практически в плену у Януша Радзивилла. Его поведение вызывает иногда удивление и по-разному оценивается в историографии. Дело прежде всего в подписании акта договора со Швецией в Яшвойнях 17 августа 1655 г. Однако позднейшее поведение Госевского указывает на то, что он последовательно поддерживал королевскую концепцию заключения перемирия с Москвой и выступления против Швеции. Госевский завязал дипломатические отношения с московскими полководцами. Самым большим его успехом было получение от Магнуса Делагарди письменного заверения о наличии планов борьбы с Москвой за отвоевание занятой территории ВКЛ. Отправка этого документа царю разрушила шведско-московский союз.

Еще в сентябре 1655 г. Януш Радзивилл арестовал Госевского и отправил в Ригу. Однако 28 января 1656 г. Госевский оказался в Кенигсберге, где находилась его супруга и много других беженцев из ВКЛ. Шведы отпустили его после того, как он присягнул на верность Карлу Густаву.

После освобождения Винцент Госевский должен был снова заняться финансовыми и военными проблемами. Летом 1656 г. он принимал участие в военных действиях на Нареве. Самое главное, что в то время обе дивизии литовской армии вели совсем независимые друг от друга действия. Части «правого крыла» возглавил Павел Сапега, который после смерти своего родственника, Казимира Леона Сапеги, наследовал от него огромное имение и стал одним из самых крупных землевладельцев в Литве.

В начале августа 1656 г. перед Госевским открылись новые возможности. 3 августа король сообщил ему, что Павел Сапега получил серьезную травму. Госевский должен был возглавить всю армию ВКЛ (а не только свою дивизию, как это было раньше) и повести ее в Жмудь. Победа под Простками 8 октября 1656 г. не оказалась решающей в борьбе против курфюрста. Более существенной казалась поимка Богуслава Радзивилла.

Находящийся в сложной ситуации Богуслав Радзивилл обещал Госевскому Кейданы и Биржи (занятые, кстати, шведским солдатами). Взамен этого его отпустили из плена во время сражения под Филиповом. Сердитый Ян Казимир не скрывал, что знает, чем по-настоящему руководствовался Госевский, освобождая Радзивилла.

Но это не помешало дальнейшему развитию его карьеры. Гетман польный снова быстро оказался в центре политических событий. Он добивался начала переговоров с Фридрихом Вильгельмом при посредничестве Богуслава Радзивилла. Гетман польный завязал также связи с царским посланником (Артеменом Матвеевым), которого он обманывал обещаниями оказать поддержку царю.

Дискуссионным является участие Винцента Госевского в переговорах, предшествующих заключению Велауского мирного трактата 13 сентября 1657 г. Некоторые историки утверждают, что именно Госевский выдал курфюрсту тайную часть инструкции и получил за это 10 тысяч талеров.

В это время обострялась обстановка в Жмуди. Переговоры с Москвой замедлялись и не обеспечивали поддержки в противостоянии со Швецией. Госевский, который теоретически был одним из комиссаров для мирных переговоров, должен был сосредоточиться на военных действиях. Летом 1658 г. получение московского подкрепления стало необходимостью, чтобы противостоять Швеции. В то же время в Жмудь вошел Юрий Алексеевич Долгоруков, а к району военных действий приближался Роберт Дуглас во главе восьми тысяч солдат.

Винцент Госевский перегруппировал свои силы под Кейданами и двинулся против Долгорукова. В стычке на Немане он разбил его арьергард. В то же время шведы взяли Митаву. Гетман польный не ожидал активных действий Долгорукого и 21 октября 1658 г. потерпел поражение под Верками, после которого попал в плен.

Ему позволили взять с собой только самые необходимые вещи и сослали в Москву. Винцент Госевский провел в плену три с половиной года. Тяжело сказать, насколько он разбирался в ситуации в Речи Посполитой. Письма, которые он получал, содержали, прежде всего, соболезнования, а те, которые он отправлял — просьбы помочь ему освободиться. Но он в то же время получал информацию через тайную переписку и в 1662 г. завязал связи с посланниками императора Леопольда I. Только после достижения военных успехов и захвата высокопоставленных московских пленных удалось добиться путем переговоров освобождения гетмана польного. 6 апреля 1662 г. Госевского отпустили в Речь Посполитую.

Возвращение в такой момент сразу поставило его в центр политических событий. Еще 7 ноября 1661 г. литовские солдаты создали конфедерацию, которую возглавил Казимир Хвалибог Жеромский.

Оказалось, что у гетмана польного не хватает таланта для успокоения армии. Впрочем, главной задачей Госевского, который, работая подскарбием, возглавлял заседающую летом 1662 г. в Вильнюсе Казенную комиссию, было разрушение конфедерации. Ему удалось привлечь на свою сторону Казимира Хвалибога Жеромского, но

против него решительно выступали радикалы с Константином Котовским во главе. Кроме того, распространялась молва о том, что гетман собирается с оружием в руках разбить конфедерацию. В ноябре появилась сплетня, говорящая, что Госевский получил золото взамен согласия отдать Москве Смоленск.

20 ноября в Волпе собрались конфедераты. Участники встречи должны были поклясться не раскрывать тайны, о чем шла речь, пока их решения не вступят в силу. Солдаты решили взять под арест Госевского и Жеромского и поставить их перед армией. 25 ноября в Вильнюс приехал отряд конфедератов и арестовал Жеромского, а также тяжелобольного Госевского. Гетман польный под конвоем 29 ноября прибыл в фольварк Кубравка. Прибыл туда и пан Новошинский с приказом о немедленной казни гетмана. Под Острыней Госевского вытащили из кареты и, после того как позволили ему исповедаться, расстреляли.

Эти события произвели в Речи Посполитой огромное впечатление и повлияли на роспуск конфедерации. Тяжело сказать, кто отвечает за смерть Госевского, но можно, однако, подозревать, что за плечами убийц стояли крупные политические фигуры.

Так закончилась бурная и перспективная карьера Винцента Госевского. По нашему мнению, стоит подробно исследовать его биографию, тем более что она включает в себя вопросы как внутренней, так и внешней политики и позволяет лучше узнать и понять один из самых интересных периодов истории региона.

Михайлова И. Б. Псковская земля в период русско-польско-литовской войны 1512–1523 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 200–205.

И. Б. Михайлова

Псковская земля в период русско-польско-литовской войны 1512–1523 гг.

Череда почти непрерывных, прекращавшихся на весьма недолгое время русско-литовских войн конца XV – начала XVI в. (1492–1494, 1500–1503, 1507–1508 гг.), враждебность рыцарей Ливонского ордена, их вторжения на Русь в 1480, 1501, 1502 гг., политика активного наступления Москвы на западном и северо-западном направлениях, ее

утверждение на Новгородских и Торопецких землях обусловили необходимость перехода в состав единого Русского государства экономически высокоразвитого и важного в стратегическом отношении Псковского региона.

Псковское «взятие» 1510 г. сопровождалось выселением местных вольнолюбивых бояр в Москву и подвластные ей центральные уезды Российской державы, а также испомещением в городе на Великой государевых служилых людей. В тот год из Пскова было выслано 300, разумеется, самых родовитых, состоятельных и влиятельных жителей «з женами и з детми» (Псковские летописи (далее — ПЛ). Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 95; Вып. 2. М., 1955. С. 225). Тем самым и городовое ополчение, и противники политики великого князя были обезглавлены. Более того, военная организация Пскова была в кратчайший срок коренным образом реформирована: город принял «с Москвы пищальников казенных и воротников... детей боярских 1000, а пищальников новгородских 500» (ПЛ. Вып. 1. С. 96). Вместо традиционного общинного ополчения здесь создавалось поместное войско, усиленное «нарядом» (артиллеристами) и специализированными частями «стрельцов» из ручного огнестрельного оружия.

Поскольку Василий III и его советники, очевидно, рассматривали Псковскую землю как плацдарм для наступления на неприятеля, ключевой район в системе обороны Московского государства и одновременно средоточие новых военных ресурсов, традиционно отличавшихся высокой боеспособностью, местное население сразу после крестоцелования великому князю было вовлечено в процесс подготовки к предстоящим войнам с Польско-Литовским королевством, затем мобилизовано для участия в них. Сначала псковичей обязали выплачивать новый торговый налог в московскую казну — тамгу. Прежде, свидетельствует летописец, «во Пскове тамга не бывала».

В 1512 г. здесь был произведен набор пищальников для участия в Смоленском походе. Распоряжение государя было непривычным, разнорядка — высокой: «на псковичь накинуша 1000 пищальников», одного ратника брали с 6 $\frac{1}{2}$ дворов. Затраты служилых псковичей по прибору на приобретение вооружения и «корм» были непредвиденными и потому тем более разорительными. Летописец отметил: «Бысть имъ тяжко вельми» (ПЛ. Вып. 1. С. 97).

В поход выступили не только местные пищальники, но и вотчинники. В пути к Смоленску они написали челобитную Василию III с просьбой о материальной помощи, и государь «велел имъ кормъ давати». В течение 6-недельной осады Смоленска боевой дух псковских ратников упал, и, вероятно, для его поддержания Василий III прислал «Хороузе сотнику с товарищи три бочки меду и три бочки пива». Однако он поступил опрометчиво, потому что псковские пищальники «напившись полезоша к городу». Попытка взять

Смоленск штурмом в январе 1513 г. не удалась: великокняжеские войска понесли большие потери и отступили от города. При этом сражавшихся в их первых рядах «псковских пищальников много же прибиша, зане же оны пьяны лезли» (Пл. Вып. 1. С. 97; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 152).

Псковичи принимали участие также во втором Смоленском походе, состоявшемся в июне–ноябре 1513 г. На этот раз на войну отправились дети боярские. Их вел князь Михаил Васильевич Кислой (Кислица) Горбатый. Псковичи выступили в поход из Великих Лук, вероятно, в составе большого полка, который возглавлял этот боярин. В Полоцке командование большим полком принял князь Василий Васильевич Шуйский, а М. В. Кислица Горбатый стал первым воеводой передового полка. Поскольку впоследствии под Смоленском псковские ратники продолжали служить под началом М. В. Кислицы, возможно, они тоже в Полоцке были переведены в передовой полк (Пл. Вып. 1. С. 97; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 1. М., 1977. С. 134, 136).

28 января 1515 г. по приказу Василия III псковское войско снова выступило в поход. Оно переправилось через Двину, сожгло посады Браслава, «Икажна» и город Друю целиком (Пл. Вып. 1. С. 98).

В 1517 г. в городе на Великой распространились слухи об ответном походе в Псковскую землю польско-литовского войска. Обстановка в Пскове была тревожной. Весной, в Великий пост, обрушилась 40-саженная стена Крома, защищавшая цитадель от Троицкого собора до «костра (башни. — *И. М.*) Снетового над Рыбным торгом». Василий III прислал для ее восстановления 700 руб., и закипела работа. Горожане «песокъ носили решетом сеючи», священники возили камень. Летом под руководством архитектора Ивана Фрязина псковичи возвели новую стену. На этом строительство не прекратилось. Еще в 1507 г. местные жители заложили каменную стену около Гремячей горы в Запсковье. Осенью 1517 г. фортификационные работы здесь возобновились: «делаша псковичи стеноу в Песках на проудех к Гремячей горе, и песком посыпали». Укрепления возводились в наиболее уязвимых местах, там, где ожидалось массированные удары польско-литовской рати (Пл. Вып. 1. С. 98; Вып. 2. С. 255).

Между тем в Москве, во время переговоров с имперскими послами, склонявшими Василия III и Сигизмунда к заключению мира, было получено известие, что польский король, заверяя русских в намерении прекратить боевые действия, одновременно собрал большое войско, которое в сентябре 1517 г. вторглось на территорию Псковской земли.

20 сентября оно, усиленное чешскими, венгерскими, сербскими, немецкими, волошскими и татарскими отрядами, подошло к Опочке. Операцией руководил гетман князь

К. И. Острожский. Оборону города возглавил великокняжеский наместник Василий Михайлович Салтыков-Морозов. На помощь опочанам из Великих Лук подошли московские войска. Враг «биша град Опочкою пушками и полезоша ко граду со всеми силами и со всеми своими замышленми, месяца октября въ 6 день, от оутра и до вечера... и много своих голов под градом под Опочкою покладаша князи и бояре», но этот важный стратегический пункт на пути продвижения неприятеля вглубь России отстояли. Противник пытался сломить сопротивление защитников города до 18 октября, после чего «со многим студом» отступил (ПЛ. Вып. 1. С. 99). В сражениях под Опочкой, согласно донесениям русских воевод, «Государя нашего дети боярские Литовских людей многих побили, а иных переимали, и воеводу у них Лятцкого болшего Сокола убили, да и знамя его взяли; а поимали у них на том бою человек с четыреста» (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее — ПДСДР). Ч. 1. СПб., 1851. Стб. 258).

Опочецким направлением польско-литовское наступление не ограничивалось. Неприятельские отряды «от большие силы ходиша под Вороначь и под Велье и под Красной, даже доумаше и до Пскова», но «только те городки поймав», были остановлены русскими войсками под командованием Ивана Васильевича Ляцкого, подоспевшими на помощь местным жителям из Великих Лук. Когда литовцы во главе с паном Черкасом, захватив русских пленников в окрестностях Красного городка, закрепились на Ключицах, на них напали дети боярские, приведенные И. В. Ляцким. Пленники, содержащиеся в церкви, заперлись изнутри. Великокняжеские ратники окружили построенный неприятелем острог и, «много бишася» с литовцами, взяли его, «а полоненных своих из церкви выпустиша». Черкас с уцелевшими соратниками засел на «поповом дворе» и упорно сопротивлялся, однако этот отряд был уничтожен, его предводитель схвачен и отправлен в Москву (ПЛ. Вып. 1. С. 99).

25 октября «прислал к Великому Князю боярин его и воевода князь Александр Володимировичь (Ростовский. — *И. М.*) и иные воеводы: что Великаго Князя дети боярские, князь Федор княж Васильев сын Оболенского Телепнев, да Иван Лятцков и иные дети боярские во многих местех Литовских людей многих побили, а иных многим переимали... а Костянтин Острожской от Опочки побежал прочь» (ПДСДР. Ч. 1. Стб. 256). В ознаменование этих событий Василий III прислал в дар псковичам большой колокол. Его подняли на звонницу собора святой Троицы и повесили на том месте, «где вечевои был» колокол (ПЛ. Ч. 1. С. 100).

Летом 1518 г. московский государь нанес ответный удар Сигизмунду. Его полки воевали на Полоцком и Витебском направлениях. Псковская рать под командованием Ивана Васильевича Шуйского отправилась в Полоцкий поход «со всем нарядом... и с пищальники и с посохою», а духовенство обязали поставить коней и средства передвижения. Добравшись

до Полоцка, псковичи «начаша тоуры под городом ставити и... пушками бити город». Однако осада города объединенным новгородско-псковско-московским войском к успеху не привела. Испытав сильный голод, русские были разбиты польским воеводой Волинцем, потеряли 15 тыс. человек «и отыдоша от Полоцка ничто же получи» (*Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 189). В следующем году «посла князь великий князя Михаила Кислицу с новгородскою силою и псковскою, и псковских 100 пищальников под ним, в Литовскую землю под Молодечно и под инья городки, и выидоша все богом сохранены на Смоленскъ, и оттоле розъехашася по домом, а князь Михаило во Псков» (ПЛ. Вып. 1. С. 100).

Понимая необходимость укрепления рубежей Псковской земли, усиления здесь власти московского государя и распространения христианства среди местного населения, поклонявшегося не только Вседержителю и православным святым, но также языческим богам, фетишам, тотемам и духам природы (см. послание игумена Псковского Елиазарова монастыря Памфила великокняжеским наместникам города на Великой об отправлении всеми окрестными жителями «бесовских», «блудных» обрядов в ночь на Ивана Купалу — ПЛ. Вып. 1. С. 90–91; *Охотникова В. И.* Памфил // Словарь книжников и книжности Древней Руси (далее — СККДР). Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 162–163), Василий III и его сподвижники не жалели сил и средств для поддержки и привлечения на свою сторону духовенства, создания цитаделей-монастырей, упрочения культа их небесных покровителей.

В 10-е – начале 20-х гг. XVI в. развернулась масштабная созидательная деятельность в Печерском монастыре, находившемся «под немецким рубежом 40 версть ото Пскова, а десять версть за Изборском, в Таилове погосте, 7 версть от Нового городка от немецкого» (ПЛ. Вып. 1. С. 101). Псково-Печерская обитель была небольшой и малоодоходной. В ней проживали 2–3 монаха. Верующие редко посещали монастырскую церковь, иноки часто голодали и не каждый день проводили богослужения. Ситуация изменилась, когда Псково-Печерский монастырь попал в поле зрения московского государя и его представителя в городе на Великой, дьяка Михаила Григорьевича Мисюря Мунехина. Последний вместе с помощником — псковичом — подьячим Ортюшей ежегодно в дни Успения Пресвятой Богородицы (15 августа) «и всех ея честных праздникъ» стали «со многими людьми» ездить в Печерскую обитель и щедро «кормить» иноков. Вслед за ними потянулись прочие прихожане. Монастырь ожил. По городам и весям Псковской земли разнеслись слухи о хранившейся здесь чудотворной иконе Пречистой Богородицы. Обитель заполнили многочисленные паломники.

Между тем игумен с братьею и М. Г. Мисюрь Мунехин решили перестроить монастырь. Прежде всего они увеличили церковь Пречистой Богородицы, для этого

пришлось «в гору копаться дале и глыбле». Затем в той же песчаной «горе» «устроиша и храм преподобных отец Антония и Феодосия Печерских». «Потом помыслиша устроить монастырь прямо церкви пречистыа, а верхнеи перенести» к подножию возвышенности. Внизу, под обрывом, густые заросли леса прорезал глубокий и крутой овраг. Чтобы выровнять площадку, инокам пришлось приложить «многыж труды»: они собственноручно «с ветхого монастыря старыа келии и трапезу з горы под гору собе ношаху», затем иконы «святых преподобных отец Печерских Феодосия и Антония снесоша з горы в Печероу, в созданную церковь в новую вкупе с пречистою». Все строительные работы проводились за счет средств, выделенных Мисюрем Мунехиным из псковской казны, и на пожалования прихожан. Нанятые на эти средства работники «копали» храмы Пресвятой Богородицы, Феодосия и Антония Печерских, «возведоша вверхъ» воду из протекавшего через монастырь ручья. Одновременно древоделы «воздвизают и трапезу и церковь святых Сорока мученик, в савастии, теплую». Согласно Псковской Первой летописи, храмы Пречистой Богородицы, Феодосия и Антония Печерских были освящены в 1519 г., тогда же богослужения стали проходить уже в «нижнем» монастыре. По летописцу Псково-Печерской обители, это произошло в 1523 г. Впоследствии игумен Герасим (1526–1529 гг.) ввел монастырский устав, скрепленный подписью М. Г. Мисюря Мунехина.

Василий III контролировал и поддерживал все начинания своего ставленника, связанные с укреплением, расширением и деятельностью Псково-Печерской обители. Когда М. Г. Мисюрь Мунехин «начаша с проскурою и з святою водою (из монастыря. — *И. М.*) къ государю ездити, князь великий даша им подводы на всяки праздникъ ездити им к себе». Псково-печерские старцы свидетельствовали, что они «великого князя жалованием хлебом доволни» (*Серебрянский Н.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле с критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории Псковского монашества. М., 1908. С. 40–45, 53, 333–336, 545–551; ПЛ. Вып. 1. С. 100–101. — См. также: Полное собрание русских летописей. Т. VI. СПб., 1853. С. 29; *Дмитриева Р. П.* Мунехин Михаил Григорьевич // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 121).

Помощь Василия III и М. Г. Мисюря Мунехина позволила Печерской братии выжить, обновить обитель, добиться привлечения в свои храмы неиссякаемого потока верующих, разбогатеть. Через несколько лет Псково-Печерский монастырь стал не только крупным религиозным центром на северо-западе Московского государства, но и мощной крепостью на русско-ливонской границе. Псковский летописец, несколько преувеличив известность обители, в целом верно отметил ее быстро возросшее к середине XVI в. влияние: «И начаша бытии оттоле монастырь Печерской славен, не токмо в Руси, но и в Латыне, рекше в Немецкой земле, даже и до моря Варяжеска» (ПЛ. Вып. 1. С. 101).

Итак, в период русско-польско-литовских войн 10-х — начала 20-х гг. XVI в. Псковская земля сыграла ту важную роль, которая отводилась ей в военных и экономических планах московского государя и его советников. Все проживавшее здесь население воевало или трудилось для обороны родного края и одновременно — пограничного региона единой Русской державы. Военная реформа в сочетании с ратно-патриотическими традициями местных жителей дала именно тот эффект (ярко проявившийся в событиях 1517 г.), на который рассчитывал Василий III в 1509/10 г., когда «взял» Псков и объявил о его вхождении в состав Московского государства.

Муненко В. В. К вопросу о судьбе города Алыста в шведско-русских отношениях начала XVII в.// Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 206–207.

В. В. Муненко

К вопросу о судьбе города Алыста в шведско-русских отношениях начала XVII в.

Большую часть своего правления Карл IX посвятил внешней политике. Швеция исконно вела борьбу на востоке либо с Россией, либо с Польшей. И правление Карла не стало исключением. Но ситуация, вызванная конфликтом с Сигизмундом, а также подписанием в 1595 г. Тявзинского мира с Россией, неизбежно должна была вызвать возобновление войны с Польшей, приостановленной с приходом к власти Юхана III, известного своими пропольскими и прокатолическими взглядами. Именно на риксдаге 1600 г. Карл выступил перед сословиями с речью о необходимости защиты шведских владений в Ливонии. Уже в марте ему присягнул Ревель, проблем не было с усилением шведской власти и в других городах Эстляндии, так как начали проникать слухи о желании Сигизмунда подчинить эти шведские земли власти Литвы. В своей речи Карл напрямую обвинил в посягательствах на территорию Швеции католические державы, имея в виду в первую очередь Польшу. Не получив ответа от Георга Фаренсбека, являвшегося на тот момент губернатором Сигизмунда в Ливонии, на предложения мира Ливонии и Польше, Карл решил первым напасть на владения своего племянника, считая целесообразней вести войну на территории врага и не дожидаться активных действий Сигизмунда на своей границе.

Шведская армия двинулась за пределы Эстляндии в восточную Ливонию. Сам Карл с войском отправился к Пярнов.

Один за другим перед шведами капитулировали города с польскими гарнизонами. 27 декабря пал Дерпт. Начало зимы 1601 г. также было удачным для Карла, удалось взять Вольмар и Вендель. Поляки отступали в Литву. Уже к марту практически вся Ливония (кроме Риги и Кокенкаузена) была под властью шведов, большую роль в этом сыграл и тот факт, что местное население, изнеможенное под польско-папистским гнетом, выражало свою поддержку шведам. Польша теряла свою власть в северной Европе. Но Сигизмунду удалось к марту собрать новые силы, что в купе с усталостью шведской армии позволило полякам изменить ситуацию в свою пользу. В это время Польша вела борьбу на два фронта, на юге ее войска также принимали участие в войнах молдавских феодалов. Но, осознав всю опасность и большую важность событий в Ливонии, Сейм перевел туда южный контингент войск и все командование, в том числе гетмана Яна Ходкевича и канцлера Яна Замойского.

Уже к весне 1601 г. в Ливонии удалось сосредоточить большую часть польских сил. Шведской армии в марте не удалось взять крепость Кокенгаузен, а подоспевшее вовремя польское войско нанесло шведам сокрушительное поражение неподалеку от города. Занятые шведами города начали сдаваться под натиском польских отрядов, контролирующих уже практически всю Ливонию. Карлу пришлось отступать, но уже у Риги произошло сражение, закончившееся победой шведов. План осады Риги шведскому государю все же пришлось оставить. 1602 год начался для скандинавов неудачно.

Вопрос о русско-шведских связях этого периода остается достаточно туманным. У нас имеется переписка Бориса Годунова и Карла IX о ситуации вокруг воцарения нового короля в Швеции и проблеме агрессивной политики Сигизмунда III, но мы совершенно ничего не знаем о вещах, касающихся пограничных отношений Швеции и России в Прибалтике. Именно поэтому найденный нами в фонде 96 «Сношения со Швецией» Российского Государственного Архива Древних Актов документ от 25 апреля 1601 г. «Отписка псковского воеводы князя Голицына о желании шведа Кондрата Буша быть российским подданным и отдать в русские руки город Алыст» может пролить свет на данную проблему. Текст грамоты следующий:

«Государю и Царю и Великому князю Борису Федоровичу Годунову холопи твои Ондрюшка Голицин, да Ивашка Полев, да Сулейка Щербашев челом быют апреля 21 день 1009 года. Приехал в Псков из Алыста пячковской жилец Гришка Богданов, а посылал он нас холопи твоих влявостей, а из Алыста де Государь он поехал апреля 18 день, а в росписи нам холопам твоим тот Гришка сказал, говорил де, Государь, ему в Алысте свейский Немчин Кондрат Буш, да прежняя алыстской подстаростии Анцырихт де Юрьевской прежней

подстарости окоман втай (втайне) а велели де, Государь, ему сказати нам холопи твоим, что в Алысте свейских немец только тридцать человек, а иные де, Государь, свейские немцы стоят помызам и будет де ты, Государь Царь и Великий Царь Борис Федорович Всея Руси, его Кондрата пожалуешь, велишь взять его к себе, ко государю службу. И он де тебе Государю служить рад и город Алыст тебе государю отдадут, а подстарости бы тебе Государю Анцырихата и Акамия ты Государь пожаловал, велел пропустить через свою государеву землю в Литву. А знают де, Государь, его Кондрата гость Тимофей Роховец да московский Немчин Юстар Иванов».

Речь идет о городе Мариенбурге (современном Алуksне). Он также упоминается и в декабрьском Валиесарском шведско-русском перемирии 1658 г., по которому город отходил России.

Назаров В. Д. Официальное летописание 1497–1500 гг. и русско-литовская война 1500–1503 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 208–211.

В. Д. Назаров

Официальное летописание 1497–1500 гг. и русско-литовская война 1500–1503 гг.

Официальное летописание за 7005–7009 гг. дошло до нас в хронологически последовательном виде только в позднейших официальных же сводах. Наиболее ранние из них — Софийская первая летопись по списку Царского (далее — СЦ; издана: ПСРЛ. М., 1994. Т. 39; доведена до 1509 г.), свод 1518 г. (издан: ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28), Иоасафовская летопись (далее — ИЛ; издана: М., 1957, доведена до 1521 г.). В описании событий конца XV в. все они отразили ситуацию после 1502 г., когда единственным соправителем и наследником великого князя Ивана III стал его старший сын от второго брака.

В литературе установлено, что в новгородском своде 1539 г. и в ряде связанных с ним памятников статьи за три года восходят к источнику, текст которого не прошел редактуру в пользу Василия III. Это летописи Новгородская по списку Дубровского (далее — НДубр.; издана: ПСРЛ, М., 2004. Т. 43), Архивская (далее — Арх.; издана: *Шахматов А. А.* О так

называемой Ростовской летописи. М., 1904), Новгородская Уваровская XVII в. (далее — НУв.) и некоторые иные источники. Названные памятники давно привлекли внимание историков. К ним обращались в связи с изучением политической борьбы на рубеже XV–XVI вв., внешней политики и войн России этого времени, истории летописного дела. Назовем в частности труды С. М. Каштанова, А. Л. Хорошкевич, А. А. Зимина, но, прежде всего, Я. С. Лурье.

Именно Лурье, разлив наблюдения предшественников, определил границы источника (статьи за 7006–7008 гг.), его политическую направленность и датировку (до 1502 г.), причины двух ошибочных дат и др. Но многие вопросы остаются еще не исследованными, а ряд выводов нуждается в существенных поправках.

Состав особого летописного отрывка таков. В статью за 7006 г. включены два известия. Первое — о заговоре членов двора князя Василия Ивановича вместе со своим патроном, о винах Софьи, супруги Ивана III, о розыске и казнях обвиненных и осужденных лиц. Второе — о «посаждении» Иваном III на великокняжеский стол Дмитрия, внука (от сына от первого брака Ивана Молодого, умершего в 1490 г.), и соответствующих церемониях. Текст о заговоре значительно превосходит по объему второе сообщение (14,5 строк в печатном издании против 9). 7007 год также представлен двумя записями: об аресте князей Патрикеевых (отца и двух его сыновей), опале на них и казни кн. С. И. Рязанского, зятя кн. И. Ю. Патрикеева. Вторая — о прощении Софьи, кн. Василия и о пожаловании его 21 марта «великим князем» Новгорода и Пскова (6,2 и менее 4 строк).

Подзаголовок «того же лета» (7007 г. — *В. Н.*) открывает «миниповесть» о русско-литовской войне в 1500 г. Это хронологически последовательный, сюжетно выстроенный рассказ (внутри него есть вторая годовая дата — 7008 г.) о событиях с лета 1499 г. и по июль 1500 г., самый объемный в нашем источнике (54,3 строки против 34,5 в четырех указанных известиях 7006 и 7007 гг.). Увы, но именно этот текст остался вне поля зрения ученых.

Сопоставление НДубр, НУв и Арх. с СПб, сводом 1518 г., ИЛ, а также с документальными материалами выявляет две главные особенности отрывка официальной летописи. В нем отражены только суперважные политические события, внутренние и внешние. Известно о шести дипломатических миссиях между Литвой и Россией в феврале–июле 1498 г., но только одна из них (с сознательно измененной датой) фигурирует в отрывке. В позднейшем официальном летописании под этим годом сказано о возвращении русского посла из Турции. В нем же под 7007 г., после текста об опале на Патрикеевых, помещено шесть сообщений о дипломатических событиях за март–июнь, затем говорится о пожаловании 21 марта «великим князем» будущего Василия III, а вслед за этим о двух церковных событиях в июне–июле и о походе русской рати на Югру. «Повесть» о войне 1500

г. (она в позднейших сводах испытала минимальную правку) обрaмлена в них блоками известий за сентябрь 1499 г. – май 1500 г. и за июль–август 1500 г. Это говорит о незавершенности работы составителей. Перед нами «скелет» будущего официального свода, на который нужно было нарастить живую плоть разнообразных фактов (формат подлежащих фиксации известий за календарный год сложился в 1480-е гг.). Даже в контексте суперсобытий в отрывке за 7006–7008 гг. упущены два известия: о прибытии датского посла (переговоры касались и брачных планов Василия III), но особенно о свадьбе кн. В. Д. Холмского и дочери Ивана III в феврале 1500 г.

Вторая особенность свидетельствует о почти полной синхронности отрывка и описанных в нем событий, что подчеркивает его официозность. Характерен рассказ о розыске 1497 г.: названы причины заговора, планы заговорщиков, роль ряда лиц (активность кн. Василия затушевана), описание наказаний (с датой) ранжировано по жестокости казни (два вида четвертования, отсечения головы). Указаны вина Софьи и наказания для нее и ее прислужниц. В позднейших сводах «вины» и причины опалы убраны (добавлено невразумительное «по дьявольству» или «по диаволу действу»), оставлено только перечисление лиц, казненных по «делу князя Василия». Эти изменения фиксируют, как поменялись оценки событий властью. В «Повести» 1500 г. позднейшие своды добавили только одну дату (взятие Путивля) и фразу в конце.

Содержание «Повести» позволяет как будто определить место, время, и, возможно, составителей отрывка летописи за 7006–7008 гг. Показательны: 1) полное преобладание темы о «наступлении» на православие в Литве — сюжет занимает более 60 % текста «Повести»; 2) близкие текстовые параллели между «Повестью» и русским ответом польским и литовским послам в Москве в феврале 1502 г. (ПСРЛ. Т. 43. С. 211, 13–15 строки снизу; Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 315, 4–9 строки снизу); 3) сознательная подмена даты посольства кн. В. В. Ромодановского и В. Кулешина с марта–мая (?) 1498 г. на лето 1499 г., а также его целей (ПСРЛ. Т. 43. С. 211; ср.: Сб. РИО. Т. 35. С. 249–258 и др.); 4) характеристика в «Повести» смоленского владыки Иосифа «отметником» православия, известия о его поставлении киевским митрополитом (в награду за его «наступление» на православных), о его болезни и смерти на следующий год после поставления (ПСРЛ. Т. 43. С. 211; Сб. РИО. Т. 35. С. 125). К сказанному добавим факты биографии дьяка В. Г. Кулешина: назначение казначеем великой княгини Елены Ивановны в Литве в 1495 г. (до осени), посольство в Литву в 1498 г. (с кн. В. В. Ромодановским), ближайшее сотрудничество с казначеем Ивана III Д. В. Ховриным и дьяком Ф. Курицыным (до его смерти (?) весной–летом 1500 г.) в 1499 – мае 1501 г., «заведывание» литовскими делами в 1501 г. (скорее всего, с апреля–мая 1500 г.).

Итак, официальное летописание велось дьяками Казны, записи за 7006–7008 гг. не стали, вопреки мнению Я. С. Лурье и других ученых, завершенным сводом, но были предварительной редакцией текущего летописания с фиксацией важнейших политических событий. Эта редакция датируется временем между февралем и маем 1501 г. Ее составитель/редактор — казенный дьяк В. Г. Кулешин, связанный с летописным делом, возможно с 1498 г. (тогда, видимо, под присмотром Ф. Курицына).

Практически совпадающее отражение событий русско-литовской войны в отрывке за 7006–7008 гг. и в последующих сводах свидетельствует о единой, консолидированной позиции разных групп («партий») политической элиты страны, в том числе и по заявленным мотивам/причинам военных действий с русской стороны. Характерно, что этого сюжета уже нет в текстах за 7009–7011 гг. В них «военных» известий вообще совсем немного. Сама же позиция московского правительства к весне 1500 г. сформировалась явно под воздействием трех факторов: военных и политических успехов в войне 1491–1494 гг., прорусской позиции части православных служилых князей ВКЛ на рубеже двух столетий и провала планов Ивана III, связанных с браком его дочери Елены и великого князя литовского Александра.

Некрасов О. Б. К вопросу о русско-шведских пограничных столкновениях 1550-х гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 211–214.

О. Б. Некрасов

К вопросу о русско-шведских пограничных столкновениях 1550-х гг.

Сюжеты, связанные с русско-шведскими пограничными столкновениями начала и середины 1550-х гг., всегда занимали одно из центральных мест в историографии последовавшей за ними русско-шведской войны. Впрочем, большинство исследователей ограничивались подгонкой трактовки данных событий под свои концептуальные схемы, что, в свою очередь, привело к возникновению широкого спектра гипотез относительно степени влияния «обидных дел», чинимых друг другу «порубежными людьми» на эскалацию военного конфликта. Большинство исследователей, анализировавших данную проблематику, за исключением В. А. Волкова (*Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М.,*

2004. С. 104), О. Сьогрена (*Sjögren O. Gustaf Vasa. Ett 400-årsminne. Stockholm, 1896. S. 493–494*), Г. В. Форстена (*Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI–XVII веках. СПб, 1893. Т. 1. С. 17–19*), Э. Хорнбога (*Hornborg E. Stormakten Sverige-Finland. Delen II. Helsingfors, 1930. S. 87–94*), А. Б. Широкограда (*Широкоград А. Б. Северные войны России. Минск, 2001. С. 120*), рассматривали вышеупомянутый фактор как одну из причин начала боевых действий. Впрочем, сама природа данных столкновений описана практически не была, так же, как не была дана их характеристика на основе привлечения соответствующей источниковой базы.

Строго говоря, русско-шведские пограничные конфликты можно разделить на два периода: до 1553 г. и после. Фактически, мелкие стычки имели место прямо с 1537 г. Данную картину событий подтверждает и приписка, сделанная шведами на полях перемирия 1537 г.: «это перемирие не соблюдалось ни с той, ни с другой стороны, ибо, по прошествии немногих лет, в царствование короля Густава война вновь возгорелась» (О перемирии, состоявшемся между Швецией и Россией в 1537 г. // ЧОИДР. № 4. М. 1895. С. 3–4). Впрочем, локальные пограничные конфликты были характерны для рассматриваемого хронологического периода, например, посольские книги сохранили многочисленные упоминания о переговорах по поводу наказания виновных в грабежах и разбое между Русским государством и ВКЛ (Например, данный вопрос и способы наказания виновных поднимался на переговорах 1553 г. См. Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 407–410).

В послании Грозного Густаву Вазе от августа 1556 г. упоминается о том, что царь не менее пяти лет получал сообщения наместников о жалобах местного населения на нарушение границ шведами: «... наши наместники ... пять лет писали к нам безпрестани, что твои порубежные люди во многих местех... через старые рубежи переходят и людям нашим в землях и водах обиды и насилства делают многие также татба и разбои и убытки чинят великие» (Сб. РИО. Т. 129. СПб., 1909. С. 17–18).

Можно предположить о существовании связи между данной практикой и активизацией восточной политики Густава Вазы. Так, в Выборге развернулось фортификационное строительство (*Viljanti A. Gustav Vasa ryska krig 1554–1557. Stockholm, 1957. S. 344*). В 1547–1550 гг. для усиления обороны города была построена круглая артиллерийская башня рондельного типа в дополнение к уже существовавшей воротной башне, под названием Кариэпортти (Скотопрогонная. — Тюленев В. А. Оборонительный комплекс Кариэпортти Выборгской крепости // Краткие сообщения Института археологии. № 172. М., 1982. С. 90–91). В 1552 г. вал крепости Кивеннапа, построенной, вероятно, не ранее 1540-х гг. (*Kifwanebb, Kivenappa*), был укреплен каменным фундаментом (*Бельский С. В. Пограничные укрепления в XIV–XVI вв. на Карельском перешейке (первые результаты и*

перспективы изучения) // Скандинавские чтения 2004 г. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2005. С. 11).

Данные известия вполне согласуются с политикой освоения восточных границ Шведского государства, которую Густав I проводил в рассматриваемый период. К примеру, можно упомянуть о попытке наладить регулярное судоходство в водах современной Финляндии. Ввиду нехватки кадров, находившихся на государственной службе, король всячески пытался привлечь умелых лоцманов из местного населения, даруя согласившимся земельные наделы, обладающие налоговым иммунитетом (*Kirby D., Hinkkanen M.-L. The Baltic and the North Seas. London, New York, 2000. P. 67*).

1553 г. может считаться поворотным пунктом, когда шведский монарх перешел от оборонительных приготовлений к робкой попытке территориальных притязаний. Ориентировочно в начале июня, в открытом письме, Густав Ваза пообещал освободить от налогов на три года тех, кто заселит территорию Риитамаа (Riitamaa) в уезде Эйрэпээ (Äyräpää), названную в данном послании пустынной местностью (ödemark), и будет там возделывать землю (*Öppet bref på skattefrihet för dem, som ville odla Riitamaa ödemark i Eurepää härad. Juni 1553 // Konung Gustav den Forstes Registratur. B. XXIV. 1553, 1554. Stockholm, 1908. S. 114. — Письмо не имеет точной датировки, составитель данного сборника Й. Алмквист относит его к июню 1553 г.*).

Вопрос принадлежности местности Риитамаа довольно запутан. Строго говоря, судя по топонимам и гидронимам, упоминавшихся в договорах 1323 и 1537 гг. для определения пограничной линии, данная территории была фактически ничья, поскольку окончательное размежевание, намеченное на 1547 г., не состоялось (О перемирии, состоявшемся между Швецией и Россией в 1537 г. // ЧОИДР. № 4. М. 1895. С. 8–9), по-видимому, вследствие усилий Густава Вазы (*Новицкий Г. А. Русско-шведские отношения в середине XVI века и война 1554–1557 годов // Вестник МГУ. Историко-филолог. серия. 1956. № 2. С. 51*). Впрочем, русские полагали, что Риитамаа принадлежит им (*Lundkvist S. Gustav Vasa och Europa. Svensk handels — och utrikespolitik 1534–1557. Uppsala, 1960. S. 341*), и данная акция вызвала сильное негодование местного населения и жалобы в Москву, оставленные, впрочем, без ответа. Король инспирировал заселение территории, которая на протяжении многих лет де-факто считалась принадлежащей Москве.

Нападения шведов из Яски (Jääski) вызывали ответную реакцию русской стороны, предпринимавшей грабительские походы (Сб. РИО. Т. 129. С. 18–19). Густав Ваза отдал распоряжение фогту Кивинэба (Kivinäbb) Андерсу Нильсену, отвечавшему за охрану границ и обеспечение безопасности, позаботиться о защите местного населения (*Till Anders Nilsson angående gränsbornas försvar mot ryssarnes öfvervåld och om en nybyggnad vid Kivinebb. 9*

Februari // Konung Gustav den Forstes Registratur. B. XXIV. 1553, 1554. Stockholm, 1908. S. 214). Однако Андерс Нильсен, учитывая постоянные столкновения, имевшие место на протяжении зимы и весны 1554 г., решил предпринять поход на русские территории. После этого стали активно распространяться слухи о готовящемся ответном походе русских, и Густав Ваза поэтому вновь отдал приказ о защитных мероприятиях. Но Андерс Нильсен, вместо этого, опять повторил свою тактику превентивных ударов. В ответ на это в ноябре 1554 г. русскими был предпринят новый набег на Риитамаа, принесший большие разрушения. Данные события все больше склоняли Густава Вазу к войне с Русским государством. Тем не менее, стоит отметить, что финское дворянство приграничных районов выступало за мирное разрешение конфликта (*Viljanti A. Gustav Vasa ryska krig 1554–1557*. Stockholm, 1957. S. 375–380).

Тем временем ситуация на границе накалялась. В июле и августе 1555 г. Густаву Вазе приходили извещения о том, что русские собираются нападать на Остерботтен (Österbotten). В середине августа король персонально прибыл в Финляндию для того, чтобы ознакомиться с ситуацией на месте (*Till Gustaf, Sten, och Per Brahe angående de föreslagna befästningarne mot danska gränsen, om förhållandena i Finland och konungens påtänkta resa dit, om spridandet of konungens mandate rörande hemmansbruket och om Arvid Claeson utnämning till fogde i Sunnerbo. April, 18.* // Konung Gustav den Forstes Registratur. B. XXV. 1553, 1554. Stockholm, 1910. S. 132–136). На основании рапортов местной администрации относительно возможного количества русских сил, 21 августа король принял решение отдать приказ о нападении на Россию адмиралу Якову Багге (*Gustav Vasa instruktion för befälhavaren Jakob Bagge, Åbo 21/8 1555* // Konung Gustav den Forstes Registratur. B. XXV. 1553, 1554. Stockholm, 1910. S. 362). Как справедливо заметил В. Вестергаард, шведский военачальник действовал в строгом соответствии с инструкцией короля (*Westergaard W. Gustavus Vasa and Russia, 1555–1557* // *The Pacific historical review*. Vol. 2. N. 2. June 1933. P. 165), однако, был обвинен последним в превышении полномочий и развязывании войны, вместо проведения разведки боем (*Till Jacob Bagge angående slottslofven på Viborg, förhållandet till den livländska ordenssten och rätta tidpunkten för fiendtligheternas begynnelse mot Ryssland* // Konung Gustav den Forstes Registratur. B. XXV. 1553, 1554. Stockholm, 1910. S. 389–396).

Подводя итоги, стоит отметить, что мелкие стычки на русско-шведской границе происходили на регулярной основе, на протяжении всего периода от заключения перемирия в 1537 г. до начала войны середины 1550-х гг. Отчасти это было следствием отсутствия четкого размежевания. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что пограничные конфликты, начиная с 1553 г., были следствием определенных политических шагов Густава Вазы, а их закономерным развитием стало столкновение воинских контингентов России и

Швеции, начавшееся осенью 1555 г. По нашему мнению, сюжет, связанный с постоянными конфликтами «порубежных людей» в предвоенный период, следует охарактеризовать не как ряд спорадических столкновений, нарастающая регулярность которых перешла постепенно из количественной составляющей в качественную, а именно как ряд подчас довольно робких и осторожных, но в то же время последовательных шагов Густава Вазы по продвижению на восток.

Некрашевич-Короткая Ж. В. Художественное осмысление исторического значения Грюнвальдской битвы в эпосе «Прусская война» (1516) Яна Вислицкого // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 215–219.

Ж. В. Некрашевич-Короткая

Художественное осмысление исторического значения Грюнвальдской битвы в эпосе «Прусская война» (1516) Яна Вислицкого

Центральное произведение Яна Вислицкого (около 1490 г. – около 1520 г.), героическая поэма «Bellum Prutenum» («Прусская война», 1057 гекзаметров), была опубликована в Кракове, в издательстве Яна Галера в 1516 г. На первый взгляд, центральная тема этого произведения — война с крестоносцами 1410 г. На это указывает в первую очередь название поэмы, которым акцентировано соответствующее событие. Кроме того, самая объемная вторая часть (511 гекзаметров) излагает предысторию битвы с тевтонцами, а также ее непосредственное описание. Вот почему эпопею Яна Вислицкого многие польские исследователи конца XIX – начала XX в. воспринимали как поэму о Грюнвальдской битве, называя при этом автора «неудавшимся эпиком» (Т. Синко). В работах М. Езеницкого, Ст. Витковского, Я. Смереки можно встретить суждения о «бедности сюжета» и «несовершенстве композиции» поэмы, упреки автора за его нежелание пользоваться историческими источниками при описании битвы. Эти поверхностные оценки первых польских исследователей творчества Яна Вислицкого механически переносились и, к сожалению, зачастую переносятся до сегодняшнего дня в работы их последователей.

Поэма Яна Вислицкого рассматривалась чаще всего без учета ее жанровой природы. А ведь, как известно, именно героический эпос был наиболее кодифицированным, с точки

зрения литературной теории, жанром и создавался в соответствии с некоторыми основополагающими принципами. К одному из таких принципов относится необходимость формулировки «общего тезиса» (*thesis universalis*) в начале эпопеи. Именно в первых строках «Илиады» и «Энеиды» излагалась их главная тема. Подобным образом, «Прусская война» начинается с упоминания о «счастливой славе чрезвычайно суровой войны» (*Вісліцкі Ян. Прусская вайна* = Ioannis Visliciensis Bellum Prutenum: На лац. і беларус. мовах; уклад, перакл., камент. Ж. В. Некрашэвіч-Кароткай. Мінск, 2005. Ч. I. С. 1–5). Исходя из этого, легко понять, что поэт-эпик не собирался подробно описывать ход битвы под Грюнвальдом. Значит, все упреки критиков автору за нежелание следовать исторической правде необоснованны: его интересует не хронология, не фактография, а именно *fama* — то, что сохранилось в памяти народа о событиях столетней давности. Важно, что уже в экспозиции поэмы сводятся в одном контексте король Сигизмунд Первый и его легендарный дед, король Ягайло, а значит, в центре внимания автора — история династии Ягеллонов. Победа же короля Ягайло в Грюнвальдской битве нужна здесь лишь как историческая подсветка — правда, достаточно важная.

В первой книге «Прусской войны» после развернутой экспозиции автор представляет читателю страну, которую «несведущий сосед» называл «*Sarmatia*», хотя правильное, исконное ее название — «*Polonia*»: «Ведь поляки, назвавшие так себя на своем языке, населяют [здесь] земли и обрабатывают поля» (*Вісліцкі Ян. Прусская вайна... Ч. I. С. 115–116*). Однако далее поэт подчеркивает, что земли «Полонии» населяют не только сами поляки, но еще и «*triplices Rutheni*» («троякие русины»), которые «расселились вплоть до номадов и мызов на Черном море, а также до широких просторов ливонцев» (*Вісліцкі Ян. Прусская вайна... Ч. I. С. 121–122*). Упоминание «трояких русинов» сочетается с очередным обращением к королю: все они, говорит поэт, объединены властью Сигизмунда Первого.

Ян Вислицкий стремится подчеркнуть, что «*Polonia*» в его время значительно расширила свои границы по сравнению с древними временами, когда Лех был «первым властелином» в этой стране. Неожиданно после рассказа о правлении Леха, Крака и Ванды к поэту является Аполлон, велит ему остановить рассказ о древних правителях Польши, «которых воспевают суровый сармат», и советует: «Пой о божественной родословной польского короля, а также о подвигах его могучего предка» (*Вісліцкі Ян. Прусская вайна... Ч. I. С. 252–255*). Поэт следует совету Аполлона и завершает первую книгу «Прусской войны». Почему все же автор прервал поэтическую родословную древнейших правителей Польши, как будто нарушив композиционную целостность произведения? Ведь последующая история литературы представляет и совсем иные примеры такого рода (например, «*Vitae regum Polonorum*» (1563) Клеменса Яницкого). Суть идейного замысла «Прусской войны»,

объясняющего необычный финал первой книги, концептуально осмыслил В. Короткий. «Как некогда единство Руси, — отмечает он, — воспринималось как единство княжеского рода Рюриковичей, так теперь единство державы народов Польской Короны и Великого княжества Литовского воспринималось как наследственное право Ягеллонов на владение этими землями, а также обязанность защищать и охранять их. <...> Историческая аналогия напрашивается сама собой: как Рюриковичи некогда стали владеть державой Кия, Щека и Хорива с центром в Киеве, так и Ягеллоны — на землях Леха, Крака и Ванды с престолом в Кракове» (*Кароткі У. Пісаў пра мінуўшчыну, думаў пра будучыню... // Маладосць. 1997. № 12. С. 91–92*). Таким образом, композиционное построение поэмы на макроструктурном уровне стало художественной иллюстрацией федеративного мышления поэта.

Вторая часть «Прусской войны» открывается поэтической презентацией Великого княжества Литовского — родины короля Ягайло. Эпический способ изображения короля соответствует постулированной Сарбевским задаче воплощения в эпосе «идеи совершенного героя». Он не просто «*dux pacis*» (*Ulčinaite E. Literatura neolacińska jako świadectwo litewskiej świadomości państwowej i narodowej // Łacina w Polsce: Zeszyty naukowe pod red. J. Axera. Z. 1–2: Między Slavia Latina i Slavia Orthodoxa. Warszawa, 1995. С. 30*), который до последнего момента стремился мирным путем разрешить конфликт с Тевтонским орденом. Он еще и божественный избранник: именно ему была предсказана победа в Грюнвальдской битве святым бискупом Станиславом, явившимся королю «из поднебесных высот» во время богослужения (*Вісліцкі Ян. Пруская вайна... Ч. II. С. 276–297*). Поэтому в финале второй книги поэт не считает возможным сравнивать подвиг короля Ягайло с подвигами античных героев — Ахилла, Гектора, Цезаря, ибо все они «следуют позади него в величии благородной доблести» (*Вісліцкі Ян. Пруская вайна... Ч. II. С. 510–511*). Среди народов, над которыми Ягайло установил свою власть, поэт упоминает «тех с именем “татары”, которых древность зовет номадами», «суровых массагетов», а также «белых русинов, славных военной доблестью» (*Вісліцкі Ян. Пруская вайна... Ч. II. С. 18, 20, 22*). При этом под «белыми русинами» автор имел в виду жителей того региона, который определил как «*Alba Russia*» немецкий писатель Пауль Одерборн, т. е. так называемой этнической Белой Руси. В дальнейшем термины национально-государственной идентификации довольно часто выступают в «Прусской войне» не как этнонимы, а как политонимы. Так, описывая состав войска великого князя Витовта, поэт объединяет литвинов, русинов и номадов в единое целое: «многочисленные полки твоего народа» (*Вісліцкі Ян. Пруская вайна... Ч. II. С. 221*). «Народ Витовта» — это не представители определенного этнического сообщества, а все подданные великого князя. Интересно, что в своей речи, обращенной к Ягайло, Витовт противопоставляет «своих» и «твоих поляков».

Тем самым как будто бы подчеркивается существовавшее в реальности наличие двух вождей в судьбоносной битве с крестоносцами. Однако, как справедливо заметил В. Короткий, «Ян Вислицкий рельефно очерчивает взаимоотношения Ягайло и Витовта как сюзерена и вассала» (*Кароткі У. Г. Дзяржаўная і дынастычная гісторыя ў «Прускай вайне» Яна Вісліцкага // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики. В 2 ч. Ч. 2. Гродно, 2001. С. 263*). Поэт сознательно подчеркнул в начале второй книги, что Ягайло происходит из Великого княжества Литовского. Он — законный властелин обеих государств, наследник как великокняжеской, так и королевской власти. Согласно «Прусской войне», два окровавленных меча получил от крестоносцев только Ягайло, хотя даже слова народной песни свидетельствуют о том, что два меча были присланы и Витовту. В связи с особой позицией автора по отношению к Ягайло и Витовту в поэме подробно представлен только один эпизод — своеобразный конфликт, возникший между двумя братьями-властелинами после первого поражения войска князя Витовта (*Вісліцкі Ян. Пруская вайна... Ч. II. С. 235–237*). Сцену, когда Витовт является к Ягайло во время литургии, Ян Вислицкий излагает не по «Истории» Яна Длугоша, а скорее всего по известным ему преданиям: его вариант сюжетно в точности совпадает с соответствующим эпизодом «Хроники Быховца».

Третья часть поэмы открывается «олимпийским планом»: боги собираются вместе по приказу Юпитера, чтобы избрать жену для седовласого короля Ягайло. То, что вопросом о наследнике Ягайлы озабочены сами олимпийцы, служит знаком неординарности героя и ситуации. Введение этой сцены также соответствует творческой установке автора на создание своеобразной «Ягеллониды» (эта удачная метафора в отношении «Прусской войны» принадлежит Ст. Лэмпицкому).

Поэма «Пруская вайна» была подготовлена к опубликованию в 1515 г. Почему все же победа столетней давности могла заинтересовать читателей, современников автора, и в первую очередь — короля Сигизмунда? Ответ на этот вопрос дал Ю. Новак-Длужевский, отметив, что поэму, формально посвященную победе под Грюнвальдом, автор написал после победы под Оршей, к тому же в период весьма напряженных отношений Польши с орденом крестоносцев (*Nowak-Dłuzewski J. Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce. Czasy Zygmunta. Warszawa, 1966. С. 59*). Именно в 1515 г. магистр ордена Альбрехт фон Гогенцолерн-Ансбах перешел к политике поиска союзников в запланированном вооруженном конфликте с королем Сигизмундом. В этой ситуации Ян Вислицкий хочет напомнить крестоносцам, к чему привело тевтонцев сто лет тому назад излишнее высокомерие магистра Ульрика фон Юнгингена, позорно погибшего на поле Грюнвальда. Поэт ясно дает понять герцогу Альбрехту и всем другим «претендентам» на престолы в

Кракове и Вильне, что правом высшей государственной власти в федеративной державе обладают только потомки Ягеллонов. Символом политического объединения двух государств — Королевства Польского и Великого княжества Литовского — становится в поэме брачный союз короля Ягайло и княжны Софьи Гольшанской.

Только с учетом государственно-династического подтекста может быть расшифрована художественная загадка под названием «Прусская война». Первая книга содержательно на макроструктурном уровне ассоциируется с Польшей, вторая — с Литвой (Великим княжеством Литовским). А в третьей книге Польша и Литва объединяются по решению олимпийцев. «Счастливая слава» Грюнвальдской битвы — самый важный аргумент в пользу этого объединения.

Виктор Дорошкевич писал о «Прусской войне», что ей «свойственна важная черта эпопеи — рассмотрение некоторых явлений жизни с точки зрения исторической и композиционной перспективы» (*Дорошкевич В. И.* Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы: Первая половина XVI века. Минск, 1979. С. 125). Вся поэма, будто величественная египетская пирамида, основанная на широком фундаменте исторической ретроспекции, в конце концов сходится в одной вершине — фигуре короля Сигизмунда Первого. Он восхваляется в финале поэмы как «славный победитель и отец польского отечества» (*Вісліцкі Ян.* Пруская вайна... Ч. III. С. 256). Но панегирик Сигизмунду в конце третьей книги — это логическое и идейное продолжение панегирика королю Ягайло в конце второй книги. Яков Порецкий отмечал «разветвленность замысла Яна Вислицкого и путей, избранных им для воплощения своих идей» (*Парэцкі Я.* Ян Вісліцкі. Мінск, 1991. С. 106). Подчеркивая историческое значение победы под Грюнвальдом, автор разворачивает своеобразную поэтическую карту, на которой представлены все народы и страны, имевшие отношение к этому событию, либо те, которые затрагивали политические интересы Ягеллонов. При этом Ян Вислицкий не ограничивает себя узконациональными взглядами. «Поэт-гуманист далек от мысли возвышения какого-нибудь народа державы Ягеллонов — каждый из них славен своей историей, своим умельством: для характеристики каждого из них Ян Вислицкий находит соответствующие эпитеты» (*Кароткі У.* Пісаў пра мінуўшчыну, думаў пра будучыню... С. 92). Победа на поле Грюнвальда стала их общим триумфом, а поэма «Прусская война» — поэтическим памятником их ратным подвигам и духовному величию, их великой державе и ее непобедимым монархам.

Ноздрин О. Я. Служба русских людей европейским монархам XVI–XVII столетий // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 220–227.

О. Я. Ноздрин

Служба русских людей европейским монархам XVI–XVII столетий

Дипломатическая, торговая, ремесленная, просветительская, военная деятельность иноземцев в России, их правовой статус, конфессиональные предпочтения, этнокультурные сообщества — традиционные сюжеты историографии. Покинувшим отечество «москвитам» XVI–XVII вв., исключая отдельных выдающихся персонажей, уделено гораздо меньше внимания.

Причины, порождавшие феномен «зарубежных русских» различались. Сочувствие современников вызывали полоняники, невольники турецких галер, совершавшие длительные паломничества к святым местам монахи и праведники, участники посольств, оставшиеся после поражений на вражеской территории земляки, по мирным договорам легально менявшие подданство. Резкому осуждению подвергались политические эмигранты, дезертиры, уклонявшиеся от тюрьмы, опалы, религиозных преследований лихоимцы, искатели приключений, поведение которых власти объясняли злым умыслом, корыстью, наваждением. В условиях централизации самовольное оставление страны из допустимого феодальным обычаем отъезда, свободного выбора сюзерена, становилось предательством, тяжким государственным преступлением. Дальнейшая судьба беглецов зависела от международной обстановки, остроты внешних конфликтов, внутренних противоречий, борьбы придворных партий, сиюминутных привходящих обстоятельств, симпатий и антипатий. Прежние положение, преимущества, способности, связи, опыт требовалось подтвердить, отстоять, упрочить на новом месте.

«Имеется уже великое множество московских перебежчиков, нередко появляющихся среди нас, — сгушая краски, предостерегал Сигизмунда II Августа в середине XVI в. Михалон Литвин, — которые, разведав дела и разузнав о деньгах, состояниях и обычаях наших, беспрепятственно возвращаются восвояси; пребывая у нас, они тайно передают своим наши планы. А у татар они ходят в невольниках, у ливонцев же таких убивают, хотя москвитяне не занимали никаких их земель, но всегда связаны с ними вечным миром и договором о [добро] соседстве. Более того, убивший получает кроме имущества убитого

определенную сумму денег от правительства...» (*Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 95–96*).

Гневные инвективы клеймили благосклонно принимаемых Ягеллонами изменников, конкурировавших в получении должностей с природными подданными Короны. Поводов возмущаться было предостаточно.

В 1534 г. к литовцам переметнулся окольный Иван Васильевич Ляцкий (Лятский), пожалованный Сигизмундом I именьями Высокий двор и Золудек Троцкого воеводства (*Wysoki Dwór i Żołudek w Trockim województwie*). В 1552 г. их получил бежавший вместе с отцом Иван Иванович, удостоенный звания лесничего подляского. Ему наследовал будущий писарь польный литовский Теодор (Фёдор) Ляцкий (ум. в 1616 г.), посетивший «для наук и рыцарских упражнений» Германию, Францию, Нидерланды, Италию, Мальту, участник походов венецианцев и госпитальеров против османского флота. В польско-шведской войне 1600–1611 гг. он командовал крупным гусарским отрядом, отличившись в сражениях при Пайде (Белом Камне) осенью 1604 г., где под ним убили двух коней, и Кирхольме 27 сентября 1605 г.. Успешная карьера его сына от брака со знатной итальянкой Изабеллой Бонарелли делла Ровера, Яна (Ивана) Альфонса Ляцкого (ум. в 1646 г.), подкомория Виленского (1622 г.), кастеляна Минского (1630–1634 гг.) и старосты Жмудского (1643–1646 гг.), вполне соответствовала чаяниям «старой» шляхты, ничем не выдавая московское происхождение предков (*Siarczyński F. Obraz wieku panowania Zygmunta III króla polskiego i szwedzkiego, zawierający opis osób żyjących pod jego panowaniem. T. I–II. Lwów, 1828. S. 263–264; Emigracja rosyjska. Losy i idee / Pod red. R. Bäckera, Z. Karpusa. Łódź, 2002. S. 182, 194*).

Подобный случай не был уникальным. В 60-е гг. XVI в. на польскую сторону перешли князь Юрий Иванович Горенский-Оболенский, князь Федор Иванович Буйносов-Хохолков, Владимир Семенович Заболоцкий, насильно постриженный в монахи Антониева-Сийского монастыря под именем Тихона можайский дворовый сын боярский Тимофей Иванович Тетерин-Пухов, новоторжец Осьмой Михайлов сын Непейцын и другие. Только в 1564 г. вместе с князем Андреем Михайловичем Курбским владения Ивана IV Грозного покинуло двадцать дворян (*Зимин А. А. Опричнина. М., 2001. С. 82–83; Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 90–91*). В XVII в. их судьбу повторил оставшийся в Речи Посполитой сторонник несостоявшегося «царя Владислава Жигимонтовича» Иван Никитич Ер Салтыков, давший начало католическому роду Солтык (*Sołtyk*).

Часть беглецов, вроде награжденного Сигизмундом II «за выезд» городом Ковель с окрестными волостями Андрея Курбского или пожалованного именем Смольяны

Владимира Заболоцкого, лично участвовала в походах против русской армии, отрабатывая королевские пожалования и данные родиной прозвища вероломных изменников. Другие не спешили сжигать мосты, уповая на государеву милость.

После Деулинского перемирия 1618 г. правительство царя Михаила Федоровича признало переход Смоленска под контроль Варшавы. Попытка вернуть крепость осадой во время войны 1632–1634 гг. закончилась поражением, среди причин которого называют стремление ряда державших оборону «польских» смолян сохранить дарованные королем Сигизмундом III привилегии. К 1654 г. возникла иная ситуация. Обещанное царем Алексеем Михайловичем прощение положившим оружие недругам, отказ от массовых конфискаций, признание основ сформировавшегося в 1618–1654 гг. землевладения содействовали сдаче королевского гарнизона под давлением защищавших город смоленских «панов обывателей и шляхтичей», среди которых находились Никифор Княжнин, Андрей Кульнев, Павел Шатихин, Александр и Ян Пушкины, Еремей и Денис Петуховы, Семион Потемкин, Станислав Тютчев, Павел Пустошкин, очевидно, имевшие русское происхождение (Список осажденных царем Алексеем Михайловичем в Смоленске в 1654 году // Орловский И. И. Смоленский поход царя Алексея Михайловича в 1654 году. Смоленск, 1905. С. 57, 62, 63, 66).

Фамилия и имя требуют подтверждения «русскости» дополнительными сведениями. Зимой 1633 г. из польского лагеря бежал гайдук Войтех (Войцех) Сливенский. Доставленный в Москву, он назвался «русским человеком», «отец де его был белянин, сын боярский, Петр, прозвище Безсон, Зайцев, а взяли де в полон отца его и мать его литовские люди на Белой, как стоял король под Смоленском, и свезли в Литву, а в Литве отец его жил в Брезском повете у пана у Миколая Пронсковича. И тому де ныне лет с 7 отец его и мать в Литве померли, а он после отца своего остался мал и служил у того ж пана Миколая Пронсковича, а ныне де пришел в Смоленск с Захарьяшем Заруцким. И февраля в 6-й день ныне тому 10-й день стоял он на городе на стороже, и в ночи за два часа до света, спустился с города по веревке и прибежал к немецкому полковнику к Якову Шарлу, и полковник де его послал в острог к боярину, к Михаилу Борисовичу Шеину с товарищи...» (Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 459).

Расспросная речь умалчивает, каким образом сын Петра Безсона Зайцева стал Сливенским. Зависело ли это от прихоти пана Пронсковича или других причин, записывать гайдука поляком, основываясь только на имени Войцех преждевременно.

Помимо Литвы и Польши значение имело северо-западное направление эмиграции. Неудачи Ливонской войны, внутренние мятежи и потрясения, разруха смутного времени ослабили международные позиции России. По Столбовскому миру 1617 г., возвращавшаяся

Великий Новгород Швеция получала Корелу и Ингрию вместе с оставшимся населением. Вопрос взаимной выдачи перебежчиков стал одним из лейтмотивов отношений Москвы и Стокгольма всего последующего XVII столетия.

В 1584 г. источники фиксируют появление в шведских владениях Федора, Касария и Воина Барановых, вместе с братьями Афанасием и Петром Носакиными (Насакиными), а также Василием, Петром и Федором Розладинами (Разладинами), получившими грамоты на земельные пожалования. Как и другие династии «шведов» Калитиных и Климентьевых, они владели ливонскими «маестностями», захваченными в результате успешных походов Ивана IV Грозного конца 50–70-х гг. XVI в. (*Линд Д. Х.* Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. Их социальные и генеалогические корни. М., 2000. С. 9). С падением московской власти в 1580–1582 гг., недавние ее представители предпочли сохранить поместья, присягнув шведам. К ним добавились «начальные люди» присоединенных Густавом II Адольфом в 1617 г. невских земель, выступавшие пособниками новгородской оккупационной администрации Якоба Делагарди. К середине XVII в. сложился круг «русских бояр» — байоров (*baijorfamiljerne*), позднее инкорпорированных в состав шведского дворянства.

Подобно нобилитету соседних стран, байоры предпочитали позволявшую укрепить положение военную службу. Потомок Меншика Баранова и Катарины Икскуль, эстляндский ландрат Клаус Юхан фон Барановф (*von Baranoff*, 1623–1686), последовательно прошел путь от лейтенанта, рейтарского майора северных кампаний 1655–1660 гг., до полковника и командира ингерманландского полка. Юхан (Иван Григорьевич) Аполлов (Опалев или Опалов, *Apolloff*, ум. в 1706 г.) с апреля 1689 г. по май 1702 г. состоял шведским комендантом Ниеншанца, сдавшим город Петру I на условиях почетной капитуляции, а его брат ротмистр Василий исполнял обязанности коменданта Копорья (1701–1703 гг.), позднее вместе с сыном Захариасом (Захарием) оказавшись в русском плену. Их мать, Аграфена Аминова, была дочерью оставшегося после смуты на королевской службе Федора Григорьевича Аминова (*Aminoff*), 24 сентября 1618 г. возведенного королем Густавом II Адольфом в дворянское достоинство (*Schlegel B., Klingspor C. A.* Den med sköldebref förlänade men ej å riddarhuset introducerade svenska adelns ättar-taflor. Stockholm, 2006. P. 10; *Tengström L.* «Muschoviten — Turcken icke olik»: Ryssattribut, och deras motbilder, i svensk heraldik från Gustav Vasa till freden i Stolbova. D. I. Jyväskylä, 1997. P. 216).

5 августа 1628 г., защищая Штральзунд от армии Альбрехта Валленштейна, пал командир шведского гарнизона полковник Фриц Петрович Розладин (*Fritz Petrovitj [Petersson] Rosladin*). Его старшая дочь, Брита (*Brita*, 1626–1675), стала супругой Стена Нильссона Бьелке (1624–1684), адмирала и королевского казначея, а младшая, Кристина Фрицдоттер (*Kristina Fritzdotter*, 1628–1676), 15 мая 1645 г. вышла замуж за Хермана

Классона Флеминга (1619–1673), в 1664–1669 гг. занимавшего должность генерал-губернатора Финляндии (*Tengström L.* «Muschoviten — Turcken icke olijk»... D. II. P. 224).

Прекрасно вписались в ряды скандинавской аристократии продолжающиеся до настоящего времени династии Пересветовых-Моратов (Pereswetoff-Morath) и Аминовых (Aminoff). Последние уже в XIX в. получили титулы баронов Шведского королевства и графов великого княжества Финляндского.

Иная судьба ожидала простых «московских изменников». Словно подтверждая опасения Михалона, секретарь королевской канцелярии Станислав Пиотровский, совершивший вместе с армией Стефана Батория псковский поход, писал 30 августа 1581 г.: «В роте Ухровецкого был русский дезертир, который давно уже бежал из России в Швецию, а потом вступил на службу в польские войска. Под Островом он бежал из роты в крепость, но по сдаче замка взят вместе с другими. Сегодня его четвертовали» (*Tengström L.* «Muschoviten — Turcken icke olijk»... D. II. P. 329).

В период завершения подготовки Смоленского похода, 20 октября 1631 г. новгородские воеводы князя Юрий Якшеевич Сулешев и Семен Никитич Гагарин докладывали Посольскому приказу об аресте польских шпионов Ивашки, по прозвищу «Солдат», Карпушки Серпянина и Ивашки Смольянина. Первый из них на допросе показал, что был пленен мальчишкой во время шведского владычества в Новгороде и отправлен в Выборг, где работал три года в поместье Нильса Андерсона. После этого Ивашка жил слугою четыре года в Стокгольме у капитана Ланспера, с братом которого отправился во Францию, где прожил еще четыре года, после чего служил в шведской армии солдатом. В войне с Речью Посполитой «под Куконосом в те поры, как король имал Лифляндские города», он попал в польский плен, успев побывать в Вильно и Смоленске, где, вместе с прочими пленными шведами работал по укреплению крепости, пока не бежал в 1629 г. в Ригу.

Ивашка Смольянин оказался родом из Смоленска. Захваченный «в малых летах» литовцами, он «служил и жил в Прусской земле, подле города Нюлборка [Нюрнберга] у служилого литвина у Вилима Сарговского шестнадцать лет», затем воевал рядовым цесарской армии против Датского короля, перешел на службу к шведам, снова попал в польский плен, оказавшись солдатом «Сапегина полка», дезертировав в Псков, а оттуда в Новгород. Биография Карпушки мало отличалась от его товарищей.

Вскоре выяснилось, что легко пересекавшие границу арестанты имели «некие грамотки», адресованные сторонникам польского короля в России. По приговору 7 августа 1632 г. Ивашку Солдата и Карпушку Серпянина казнили. Еще ранее, в июле 1632 г. под

пытками умер Ивашка Смольянин (*Джинчарадзе В. З. Борьба с иностранным шпионажем в России в XVII веке // Исторические записки. Вып. 39. М., 1952. С. 250–254*).

Плен был гарантированным способом оказаться вдали от дома, особенно если речь шла о не прекращавшихся столкновениях с турецкими и татарскими соседями.

В 1697–1698 гг. путешествовавшее по Европе «Великое посольство» Петра I застало в Нидерландах десятки русских. 21 октября 1697 г. в Амстердаме к послам явился «полоняник Иван Петров, а сказал: родом воронежец, с малых лет жил на Дону и в чигиринскую службу взят в полон на казачем ерке в Турки и был в полону в Трапезонии лет з дватцать и ис полону ушел в галанский город Ротордам, а оттоле пришел в Амстердам». 25 октября челом бил Максим Кирилов сын Мякиш, просивший, «чтоб ему быть в службе великого государя, в какой ему укажет, а родом де он города Витепска, веры благочестивые греческого закона, служил преж сего в салдатех аглинскому королю, потом на море на караблях был матросом своею волею, а матроскому и салдацкому делу он искусен». Логин Сидоров сын Семенников сказывал, что сам он «з Дону, казачий сын, взят был в полон в первой Крымской поход на казачем ерике в Азов, и был в Азове с месяц, и отвезен в Керчь, и ис Керчи продан в Царьгород и был на каторге 4 месяца, а с каторги продан турчанину в Царь ж город, и был у розных турков пять лет на каюке в перевощиках, а потом ушел во Французскую землю и был в салдатах 3 года, а после в Галанской земле салдатом же». Другой донской казак, Селиверст Жбанов, после бегства из турецкого плена на французском корабле так же воевал в армии Людовика XIV, а затем на стороне Соединенных Провинций, пока не был «по учинению мира отпущен».

Зимой 1697–1698 гг. «великие послы» приняли целую группу «русских людей города Архангельского и холмогорцев посадских людей... всего двадцать человек». «А в допросе сказали, что они посланы были от Города на караблях в Галанскую землю для учения морского ходу и в Галанской земле взяты были в войско и служили в салдатах, а по скончании с французы войны отпущены. А в войску давано им сверх одежды на корм по 8 денег на день...» (Список лиц, принятых в Российскую службу великими послами во главе с Ф. Я. Лефортом, датированный апрелем 1697 – мартом 1698 года. В кн.: *Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов. М., 2006. С. 226, 227, 230, 232, 245*).

В XVI–XVII вв. вернувшиеся на Русь после долгого отсутствия полоняники не спешили сообщать властям подробности скитаний. Даже вынужденная обстоятельствами служба иноземному государю ставила в двусмысленное положение относительно государя собственного.

В 1626 г. Москва встречала шведское посольство дворянина Юрия Бернгарда и бывшего «гражданина Смоленска» Александра Любима Дементьевича Рубцова (Rubzoff),

вызвавшего недоумение принимающей стороны. Посол, по законам дипломатии представлявший его величество короля Густава II Адольфа Шведского, оказался русским посадским человеком. Через пристава царь спросил, на каком языке говорит Рубцов, «в постные дни ест ли рыбу, по какому указу пристав пускал его в церковь, как он в церкви стоит и молится и в каком платье ходит?» Посол отвечал, что он русский человек, пострадал за православную веру от короля Сигизмунда, сидел в Мариенбурге в плену 11 лет и освобожден был королем Густавом-Адольфом. После удовлетворительных ответов ему разрешили посетить церковь, видеть «образ пречистой богородицы», слушать обедню в Успенском соборе, «видеть очи святейшего патриарха Филарета Никитича» и принять его благословение. Челобитная Рубцова, что, будучи заточен «за христианскую веру, отца духовного у него не было долгое время; так бы святейший патриарх пожаловал, велел дать ему запасные дары, где ему случится, в дороге или при смерти, и ему бы тем причаститься, а святейший патриарх его знал в Малборке», также получила положительный ответ (*Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. V. М., 1959. С. 132*).

«И Ноября ж в 25 день, — сообщали дворцовые разряды, — Государь Царь и Великий Князь Михайло Федорович всеа Русии указал быти у себя Государя на приезде Свецкаго Густаф Адольф короля послу Александру Любину Рубцову да королевскому дворенину Юрию Бенгарту. И Свейские послы были у Государя, в золотой меньшей полате. А при Государе были в рындах, в белом платье, с топоры, по правую сторону, столники: князь Федор княж Борисов сын Татев да князь Федор княж Федоров сын Волконской; по левую сторону: столник князь Иван княж Борясов сын Татев да стряпчей Юрей Васильев сын Телепнев» (*Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. V. М., 1959. С. 132*).

Вызывавшее удивление в начале XVII в. совсем иначе выглядело спустя столетие. В 1714 г. ставший королем Великобритании Джорджем I ганноверский курфюрст Георг отправил к Петру I Великому с почетной дипломатической миссией сообщить о своем восшествии на престол прикомандированного к ганноверскому двору русского камер-юнкера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина. «Государь чрезвычайно обрадовался, увидев своего подданного в службе иностранной в почетном звании министра, — писал историк XIX в. Д. Н. Бантыш-Каменский, — щедро одарил его и, по прошествии трех лет, отозвал от двора Великобританского...» (*Бантыш-Каменски Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. II. СПб., 1840. С. 3*).

До издания «Манифеста о вольности дворянской», разрешавшего беспрепятственное пересечение «благородными шляхтичами» границы, обучение в европейских университетах, невраждебную интересам отечества службу иноземным государям, оставалось менее полувека...

Огуй А. Д. Международная торговля Молдавским торговым путем в XIV–XVI вв.: воздействие на денежное обращение региона // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 227–232.

А. Д. Огуй

**Международная торговля Молдавским торговым путем в XIV–XVI вв.:
воздействие на денежное обращение региона**

В экономической жизни каждой страны существенную роль всегда играли институты обмена, занимавшиеся через торговлю дистрибуцией товаров (в т. ч. люксовых), которые доставлялись из других государств торговыми путями. Контроль путей давал государству доступ не только к товарам, но и к доходам, составляющим основу государственной казны. Поэтому в конце XIV в. Польша, став сюзереном Молдавии, в значительной мере взяла под контроль на юге Молдавский торговый путь, ключевой для Центральной и Юго-Восточной Европы, и попыталась в битве под Грюнвальдом (1410) «получить контрольный пакет акций» на северном его завершении — на Балтийском море.

Остановимся подробнее на значении Молдавского торгового пути, роль и функциональная нагрузка которого (в т. ч. и ассортимент товаров), по нашей гипотезе, со временем должны были меняться для Молдавии и Буковины, через которую тот проходил. Опираясь на архивные и летописные данные, а также на местные находки монет, определим типы и объемы проданных товаров и монет, поступивших на территорию Северной Буковины в 1370–1400; 1400–1450; 1500–1550; 1550–1600 гг.

1. Торговля и денежное обращения в последней четверти XIV–XV вв.

1.1. Торговые пути. За документами XIV–XV вв. (особенно «Оустаицтво» 1408 г.), в период нового подъема международной торговли в последней четверти XIV в. вместо небезопасного «татарского пути», проходящего от торгового союза Ганзы по «Высокой дороге» в Краков, Львов, а потом через Золочев, Тереховлю, Каменец-Подольский, Белгород и Перекоп в Кафу землями, контролируемые татарами, утвердился новый «молдавский» («Via valahica»).

Он следовал через Молдавское княжество (1349 г.), принявшее (благодаря расположению) участие в международной транзитной торговле между Южным Востоком и Северным Западом. Путь проходил из Праги (Вроцлава, Познани, Гданска) через Краков, Львов, Бибрку, Рогатин, Галич, Коломыю, Черновцы (или Хотин), Серет, Сучаву, Яссы, Белгород — к генуэзской Кафе (далее на юг и восток в Индию) или на Килию (в устье Дуная) и по суше на Константинополь. Овладение портовыми Белгородом (1399 г.) и Килией (1412 г.) позволило Молдавии, бывшей под протекторатом Польши, через 15 таможенных пунктов (в т. ч. 2 на Сев. Буковине) контролировать важное звено европейского торгового пути и быть одним из столпов транзитной торговли между Востоком и Западом.

1.2. Товары: основные группы. Анализ молдавских грамот Александра от 8 октября 1408 г., Штефана от 18 марта 1434 г., Петра III Арона от 29 июня 1456 г., Штефана III 1460 и 1463 гг., торговых генуэзско-молдавских документов Банка св. Георгия (Banco di San Giorgio) 1457–1475 гг. разрешает определить основные группы товаров.

Транзит составили т. н. люксовые «восточные», «татарские» или «заморские товары»: шелк, камка и тебенка (для обивки седел); пряности и специи (перец, имбирь, тимьян, тмин и ладан, греческий квас, лимоны), дававшие благодаря их высокой стоимости при малом весе высокие прибыли.

С северного направления из Львова поступало: (1) сукно; (2) «покупные вещи»: штаны, пояса, шапки (1408 г.), серпы, ножи, косы (с 1460 г.), серпы «циновиы», ножи, косы, односторонние корды и мечи; (3) «циновни вещи»: мысы, кувшины, «плужные железа» и лемеха. В южном направлении, из Молдавии в Кафу, поступал другой товар: (1) подольское зерно (0,8 дуката за бербеницу); (2) мед и воск; (3) выдубленные кожи; (4) невольники или рабы (ценой от 30 до 150 дукатов) и др.

Общая прибыль Молдавии от торговли составляла на протяжении столетия относительно близкие суммы: от 1000 серебряных рублей на год в 1390-х гг. и 50 тыс. золотых дукатов на год в 1450-х гг. Удачное включение недавно созданного княжества в систему международной торговли обеспечило княжество (через пошлины) необходимым количеством монет (и своей чеканки, и привозной) и фрязького серебра (татарскими сомами).

2. Торговля и особенности денежного обращения в XVI в.

2.1. Изменение торговых акцентов

Конец XV – начало XVI в. принесли кардинальные изменения в экономическую жизнь Европы и Молдавии. Новые географические открытия (в т. ч. морских путей в Индию), перенос торговых дорог, упадок старых и быстрый рост новых центров товарообмена, развитие новых способов рыночного товаропроизводства в ряде стран Западной Европы — все это повлияло на центрально-восточноевропейский регион. Древняя колониальная торговля, проходившая

молдавским путем из Юго-Востока (Константинополя и др.) в Европу, уступила в XVI в. возможностям Лиссабона. Португалия стала поставлять пряности морским путем из Индии в Гамбург и Гданьск. На экономике Молдавии крайне негативно отразилось и завоевание турками Кафы (1475 г.), и потеря портов Килия и Белгород (1484 г.). Это привело к катастрофическому уменьшению товарооборота, что нанесло сильный удар по центрам Молдавского торгового пути (Сучава, Львов, Краков), применение которого (в условиях контроля Турцией) потеряло перспективы для европейской транзитной торговли уже в конце XV в.

В начале XVI в. Молдавский торговый путь получил, однако, хорошие шансы для нового, экспортного применения, поскольку с середины XV в. произошли существенные изменения в пищевом рационе Европы, опустошенной «черной болезнью» — чумой 1343–1350-х гг. Изменение питания за счет существенного улучшения рациона мясом в послечумный период (1400-е гг.) приводило к уменьшению заболеваний. Поэтому в последние десятилетия чумного века (1350–1450 гг.), опустошившего Центральную, Западную и Северную Европу, резко возросла потребность в потреблении мяса, что стало дефицитом. В этих условиях дешевые потребительские цены на внутреннем рынке Молдавии и других стран вызвали заинтересованность на внешнем. Поэтому при активном участии южногерманского капитала (до кризиса 1557 г.) усилилась торговля с Восточной Европой (особенно с Венгрией и Молдовой), где были огромные пастбища. Из восточных окраин Европы (Польши, Молдовы), куда поступал германский капитал, что «лился мощной струей золота и серебра», начался импорт крупного рогатого скота (КРС) на убой. Этот аспект торговли стал для Молдовы (после военных кампаний 1489–1513 гг. и несмотря на последующие войны) очень интенсивным с 1530-х гг. и достиг своего апогея в конце XVI в.

На основании архивных данных и результатов исследований изложим имеющиеся и реконструированные (?) цифровые величины в таблице 1 «Молдавская продажа КРС Польше». Ключевым показателем для объема торговли выступает количество проданного КРС, стоимость которого существенно — до десяти раз превышала объемы и стоимость другой экспортной продукции — проданной рыбы, воска и меда. Совокупная стоимость КРС включала как стоимость количества голов, так и таможенные сборы и пошлины, а также деньги за охрану и перегон скота. Эти сборы, которые в основном были реконструированы, за имеющимися данными соответствовали в конце XVI в. 2/5 стоимости КРС. Полученные величины были количественно сопоставлены с совокупными доходами молдавской казны.

Таблица 1. Молдавская продажа КРС Польше

Объем торговли	1500/30	1531/40	1541/50	1551/70	1570-е гг.	1580-е гг.
Колич. КРС	10–12	21 тыс.	15 тыс.	21 тыс.	25 тыс.	30 тыс.

	тыс.					
Стоимость 1 гол. в Молд. 1 гол. во Львове	1,5–2 дук. 2,5 дук.	2 дук. 3 дук.	2,75–3 дук. 4 дук.	3 дук. 4 дук.	3,5 3,75 д.	3,75–4 дук.
Сукупн. стоим. КРС	20–24 тыс. +?	42 тыс. +12 тыс.	45 тыс. +15 тыс.	63 тыс. +40 тыс.?	87,5 тыс. +50 тыс.	120 тыс. +80 тыс.
Доходы молдав. Казны	200 тыс. ?	300 тыс. дукатов	до 400 тыс. дукатов	400 тыс. ?		340 тыс. дукатов

Как видим, в начале XVI в. из Молдавии (преимущественно Северной Буковины) в Польшу поступало до 10 тыс. голов КРС (20 тыс. дукатов), а в 1530-х гг. — около 21 тыс. голов скота (42 тыс. дукатов), что составляло около 1/10 доходов государственной казны. Благодаря увеличению торговли в 1530–1560 гг. доля ежегодных доходов от Молдавского пути дошла до 1/4 суммы (60–100 тыс. дукатов). В 1570-х гг. выручка от торговли КРС увеличилась до 135 тыс. дукатов (1/3 государственных доходов), а в 1580-х гг. до 200 тыс. дукатов (2/3 доходов), что подтверждает стратегическую роль Молдавского торгового пути для экономики княжества.

3. Денежное обращение на Буковине в составе Молдавии (на материале монетных находок 1300/76–1595 гг.)

Анализ начального монетного материала на Северной Буковине, проведенный автором (Огуй, 2008) на материале выявленных 75 монетных находок 1300–1600 гг., продемонстрировал различный уровень денежных масс (а отсюда и экономической жизни). Изложим полученные данные в таблице 2 «Монетные находки 1300–1600-х гг. на Сев. Буковине» (в переводе на дукаты). Для этого учтем количество монет по находкам, их типы, совокупный вес серебра и золота. Перерасчет серебра на дукаты, стабильные в своем курсе, дает возможность на одном логическом основании сопоставить монеты, принадлежащие к 10 разнородным монетным системам, используемым в денежном обращении Буковины 1300–1600 гг.

Таблица 2. Монетные находки 1300–1600-х гг. на Сев. Буковине

Монетные Находки	1300/80	1380/1400	1400/80	1480/500	1500/80	1580/1600
Осн. Типы монет	Пражские татарские	Молдав., Галицкие	молдав.	Молдав., венг.,тур.	Польск., венг.,тур	Польск., Имперск.
Количество	78 +	303 (381)	60	203 (263)	1820	340
Вес серебра Золота	120	312	40 1,5 г	207 7х3,5=24.5	Всего 1225 г 38,5 г	3250 —
Стоимость в дукатах	3,5	9	2,5	13	53	77

Обобщение и заключение. Сопоставление общего объема монетных находок с учетом количества монет и их стоимости, показывает, что находки XIV в. из Северной Буковины

составляли 381 монету (совокупной стоимостью серебра 12,5 дукатов, причем на 1300–1380 гг. пришлось лишь 3,5 дуката). В находках XV века, несмотря на войны 1430–1450 гг., — 279 монет (15,5 дукатов). В 1500–1580 гг. количество и качество найденных монет выросло в 4 раза, достигнув 1820 (в т.ч. 11 дукатов и 1850 г серебра, стоимостью 53 дукатов), а в 1580–1600 гг. — еще 340 монет (на 77 дукатов). Такое 6-кратное увеличение как количества монет, так и их качества (появление дукатов и талеров) подтвердило интенсификацию денежного обращения края за счет экспорта скота Молдавским торговым путем. Рост монетной массы, оседающей и в государственной казне, и в местных кладах, происходит синхронно с увеличением количества торговых операций. Четырехкратный рост государственных прибылей (1450 г. — 50 тыс. золотых; 1510 г. — 200 тыс. золотых; 1564 г. — 400 тыс. золотых) прослеживается и в больше чем четырехкратном увеличении монетной массы на Буковине (1500–1580). Превышение осевшей разнородной монетной массы свидетельствовало о продаже преимущественно буковинского КРС, т. е. торговля Молдавским путем и экспорт КРС стал основой для временного процветания Буковины в XVI в. Монетный разнотай показал относительную отсталость внутренней торговли и преобладание внешней.

Osipian A. L. Long-live echo of Grunewald battle: the use of the past by Armenian community of Lviv in its trial with the Catholic townspeople in 1578–1631// Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 232–233.

A. L. Osipian

**Long-live echo of Grunewald battle: the use of the past by Armenian community of Lviv
in its trial with the Catholic townspeople in 1578–1631**

In 13th – 14th century many Armenian and German merchants and artisans settled in the city of Lviv (also known as Lemburga or Leopoldis), situated in Ruthenia Rubra (Galician Rus'). After the Polish conquest of Galicia in 1349, local German townspeople (cives catholici) became the dominant community as the Catholics supported by the Polish kings. Economic opportunities of Armenians and Ruthenians as well as of Jews were restricted. In 1578, in the presence of the new king, Stefan Batory,

there was a trial between the Catholic city-dwellers and the local Armenian community. The city's past was actively used by both rival communities as an argument to win the trial. To obtain equal rights with the Catholic city-dwellers in Lviv, local Armenians stated that their ancestors were invited by the Galician prince Daniel and then settled by his son Leo/Lev (1264–1301) in Lviv together with the other «nations» at the time of the city's foundation. In 1597, the Catholics submitted a compliant to the court of king Zygmunt III. This time they were better prepared in the reading of historical chronicles. They admitted the statement of Armenians about invitation of their ancestors — *vocatio Armenorum* — as a real fact, but accused Armenian warriors in the hostile incursions headed by the prince Daniel or Leo together with the Tatars in the 1250s – 1280s against Poland. In such a way, Catholic community won the trial in 1600. Then, Armenians changed their tactics. They stated that their noble ancestors took an active part in wars between Poland and Teutonic Order. Exhausted by the wars they leaved military service and became merchants and artisans. Thus their ancestors were good patriots of Poland when Germans were its enemies. This story they told to the papal nuncios Honoratio Visconti during audience in Warsaw in 1631. Thus the trial witnessed changes in perception of the past in townspeople milieu. It also reflects level of historical reading namely in Polish history (represented by works of M. Cromer, M. Bielski, A. Gwagnini, M. Strykowski etc) and arising importance of Grunewald battle in the Polish national myth.

Папков А. И. Содержание терминов «черкасы» и «люди литовские», использовавшихся в русском делопроизводстве XVII в. для обозначения населения украинских земель Речи Посполитой // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 233–237.

А. И. Папков

**Содержание терминов «черкасы» и «люди литовские», использовавшихся
в русском делопроизводстве XVII в. для обозначения населения
украинских земель Речи Посполитой**

Изучение истории восточных славян, в том числе современных русских и украинцев, имеет большую историографическую традицию. Вместе с тем, нельзя сказать, что

удовлетворительно разрешен вопрос о наименовании восточнославянского населения Речи Посполитой XVII в., ставшего в дальнейшем украинским народом. При попытке решения данного вопроса следует разграничивать три вида терминов: 1) термины, являющиеся самоназванием для определенной человеческой общности; 2) термины, использовавшиеся представителями иных общностей для обозначения представителей рассматриваемой общности; 3) термины, применяемые историками в более позднее время при отсутствии (или незнании ими) терминов первых двух видов.

Жителей территории современной Украины XVI–XVII вв. историки XIX в. преимущественно называли «малороссиянами». Исключение составляют труды украинских исследователей этого времени. С. М. Соловьев, говоря о населении украинских земель Речи Посполитой, предпочитал оперировать термином «казаки», а в XX в. за ними в исторической литературе закрепилось наименование «украинцы». Как правило, все термины употреблялись как очевидные, без всякого обоснования правомерности их применения.

Думается, что в некоторой степени прояснить вопрос о наименовании восточнославянского населения можно на основе изучения исторических материалов, связанных с южной окраиной России. В XVI–XVII вв. эта территория граничила с украинскими землями, принадлежавшими Речи Посполитой. Днепро-Донская лесостепь стала районом достаточно регулярного и довольно тесного соприкосновения подданных двух соседних держав. Процесс порубежного взаимодействия отразился в российской делопроизводственной документации. В отписки российских пограничных воевод из разговорной речи попадали различные наименования подданных Речи Посполитой. Упомянутые названия продолжали бытовать в российской документации. Анализ материалов приказного делопроизводства предоставляет возможность изучения терминологии с целью определения правомерности ее применения в современном научном языке. Для проведения исследования использованы документы конца XVI – первой половины XVII в., отложившиеся в фондах Посольского и Разрядного приказов и связанные с жителями украинских земель Речи Посполитой (хранятся в Российском государственном архиве древних актов).

В отечественной исторической литературе прочно утвердился термин «Украина» (для обозначения Левобережья Днепра) и «украинцы» (по отношению к населению этих территорий в XVI–XVII вв.). Изначально «Украиной» в Литве и Польше называлась вся южная окраина обоих государств. Со второй половины XVI в. это название стало утверждаться за Киевским и Брацлавским воеводствами. После Деулинского перемирия 1618 г. данное наименование распространилось и на ту часть Чернигово-Северской земли, которая отошла к Польше от России и в 1635 г. образовала Черниговское воеводство. Жители

украинских земель Речи Посполитой в российских документах конца XVI – первой половины XVII в. именовались «черкасами» или «людьми литовскими». Думается, что следует изучить содержание и соотношение указанных понятий более детально.

Достаточно уверенно можно утверждать, что реестровых казаков Речи Посполитой, в том числе и исключенных («выписанных») из реестра, в России чаще всего называли «черкасами». Такая терминология встречается в документах, начиная с первых десятилетий XVII в. В этом случае под «черкасами» следует понимать определенную общественную группу. Запорожцев в российском делопроизводстве XVI–XVII вв. также большей частью именовали не «запорожскими казаками», а «запорожскими черкасами». Хотя имеются случаи одновременного использования упомянутых терминов.

Имеются примеры употребления в одном документе различных терминов и по отношению к жителям украинских земель Речи Посполитой. Наименование «черкасы» употреблялось при записи «распросных речей» запорожских казаков. В челобитных выходцы из Днепровского Левобережья именовали себя «черкасами», «переезжими черкасами», «выезжими черкасами» и «нововыезжими черкасами» (в единственном числе употреблялась форма «черкашенин»). Такие же термины утвердились в других видах документов приказного делопроизводства.

Жители украинских земель Речи Посполитой, переселявшиеся в Россию и поступавшие на службу, получали наименование «служилых черкас» или «верстанных черкас». Несмотря на переход в российское подданство и поступление на службу, черкасы зачастую продолжали именовать себя иностранцами. Определение «иностранец-черкашенин» постоянно встречается в их челобитных, «распросных речах» и других документах. Впрочем, иногда данные термины отделяются друг от друга. Крайне редко встречается определение «зарубежный черкашенин», которое, в противоположность словосочетанию «иностранец черкашенин», применялось только по отношению к подданным Речи Посполитой.

Понятие «черкасы» не имело этнического значения. Об этом говорит использование рассматриваемого термина в совокупности с названием города, по аналогии с другими служилыми корпорациями: «белгородские черкасы», «валуйские черкасы», «вольновские черкасы», «воронежские черкасы» (это понятие нередко включало в себя обозначение черкас, служивших в Воронежском уезде, однако иногда их записывали отдельно, называя по селам «костенковскими» и «гвоздевскими»), «дедиловские черкасы», «козловские черкасы», «короченские (корочанские или красногородские) черкасы», «курские черкасы», «ливенские черкасы», «михайловские черкасы», «ольшанские черкасы», «оскольские черкасы», «путивльские черкасы», «рыльские черкасы», «тульские черкасы», «тонбовские

(тамбовские) черкасы», «усердские черкасы», «хотмыжские черкасы», «чугуевские черкасы», «шацкие черкасы», «яблоновские черкасы».

Подданных Речи Посполитой, не принимавших российского подданства и приходивших в пограничные районы для разбоя и грабежа, называли «воровские черкасы» или «воры-черкасы». В беспокойном порубежном регионе, не имевшем естественных рубежей и четко маркированной государственной границы, подобные случаи были частым явлением, и в делопроизводстве Разрядного и Посольского приказов появился устойчивый термин «черкасское воровство».

В ряде документов встречается сочетание двух понятий: «литовские люди» и «черкасы». В этом случае упомянутые понятия, вероятно, несут разную смысловую нагрузку. Вместе с тем, термины «литовские люди» и «черкасы» порой употребляются как синонимы.

Сам термин «литовские люди» применялся для обозначения населения приднепровских земель еще долгое время после того, как указанные территории из состава Великого княжества Литовского перешли в состав Польского королевства. Несмотря на последнее обстоятельство, земли, инкорпорированные Польшей, в России продолжали называть «Литвой», «Литовской стороной» или «Литовской землей». Судя по записям «распросных речей», такие названия употребляли и сами выходцы из украинских земель Речи Посполитой. То, что под «Литовской стороной» подразумевается территория украинских земель Речи Посполитой, ясно из контекста и употребляемых географических названий. Можно встретить тексты, в которых понятие «литовские люди» четко связывается с происхождением или с государственной принадлежностью казаков. В большинстве случаев словосочетание «литовские люди» однозначно определяет их государственную принадлежность.

Словосочетание «литовские люди» зачастую использовалось для обозначения всех вообще подданных Речи Посполитой в том случае, когда не уточнялось их социальное положение. Подобное значение можно приписать словосочетанию «литовские люди черкасы», которое также встречается в российских документах. В этом случае «литовские люди» — определение подданства, а «черкасы» — социального статуса. Однако, необходимо обратить внимание на тот факт, что в одном документе понятие «литовские люди» соединяется с термином «черкасы» союзом «и» (См. подобные примеры: Воссоединение Украины с Россией. М., 1954. Т. I. № 114. С. 189; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 101. Л. 343, 361). В таком случае можно предполагать, что «литовские люди» — это жители Поднепровья, не являвшиеся казаками, а «черкасы» — это казаки.

Очень редко можно уверенно утверждать, что термин «черкасы» употребляется как этноним. Гораздо чаще встречаются случаи одновременного употребления таких терминов, которые сложно однозначно определить. В равной степени они могут быть и этнонимами, и политонимами, и топонимами.

Анализируя приказную документацию, легко заметить неустойчивость использовавшейся терминологии. Напрашивается предположение о связи подобной неустойчивости с многовариантностью самоназваний, бытовавших в разговорном языке. В качестве равноценных терминов употребляются понятия, относящиеся к совершенно разным сферам: государственной, социальной и, возможно, этнической. В одних документах эти термины употреблялись как синонимы, в других они несли разную смысловую нагрузку.

Заметна также эволюция термина «черкасы». Если в XVI в. он возник для обозначения украинских казаков, то к середине XVII в. «черкасами» в официальных российских документах именовали уже всех жителей Украины. Последнее замечание, по крайней мере, справедливо в отношении пограничной территории Российского царства и Речи Посполитой вплоть до середины XVII в. Показательно, что при проведении ревизий в XVIII в. потомки украинских переселенцев, пришедших в Россию в первой половине XVII в., записывались как «подданные черкасы», а потомки переехавших на русские земли после 1654 г. — как «подданные малороссияне».

Обобщая различные мнения, можно утверждать, что в XVI–XVII вв. на украинских землях Речи Посполитой шел этногенетический процесс, приведший в дальнейшем к появлению новой народности. Вопрос о времени завершения этого процесса разработан не достаточно и остается дискуссионным. Во многом сложности осмысления истории украинцев обусловлены тем, что в рассматриваемое время самого явления нации, в современном значении этого слова, не существовало, а термина, являвшегося самоназванием для всей совокупности жителей украинских земель Речи Посполитой, еще не было. Поэтому при изучении вопросов, связанных с взаимодействием подданных России и Речи Посполитой в XVI–XVII вв., для обозначения населения украинских земель Речи Посполитой уместно использование термина, закрепившегося в официальных российских документах и ставшего самоназванием переселенцев из Днепровского Левобережья в России, — «черкасы».

Пенской В. В. Русское войско в зимнем походе 1563/1564 гг. и в сражении на р. Ула // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 237–243.

В. В. Пенской

Русское войско в зимнем походе 1563/1564 гг. и в сражении на р. Ула

Среди битв Ливонской войны сражение на р. Ула 26 января 1564 г. занимает важное место. Быстрое взятие годом ранее Полоцка, продемонстрировавшее, казалось, мощь и непобедимость московского войска и произведшее огромное впечатление на современников, оказалось с лихвой перекрыто «нежданной перамогой» (А. Н. Янушкевич) литовского войска под началом гетмана Н. Радзивилла Рыжего над ратью князя П. И. Шуйского «со товарищи». Литовские власти постарались извлечь из этой победы максимальный пропагандистский и политический эффект, раздув (как и в случае с Оршинской победой полустолетием раньше) ее масштаб и размеры русского поражения до поистине эпических. Последствия этого ощущаются и по сей день благодаря некритически воспринимаемыми некоторыми историками, носящими явно пропагандистский характер сведениями, исходящими из литовских и иных зарубежных источников (см., например: *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 390–392; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 163–165; *Янушкевич А. М.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007. С. 74–90).

Безусловно, история зимней кампании 1563/1564 гг. в целом и Ульской битвы нуждается в глубоком и основательном изучении с привлечением всех возможных источников, и первые серьезные шаги на этом пути уже сделаны (См.: *Янушкевич А. М.* Вялікае Княства Літоўскае... С. 74–90). Однако целый ряд вопросов, связанных с этой страницей истории Ливонской войны, остается непроясненным. В частности, чрезвычайно важным для определения действительного значения этого сражения и его места в истории этого конфликта представляется ответ на вопрос — сколько ратных людей имел в своем распоряжении князь П. И. Шуйский, разбитый литвинами.

Прежде всего — несколько слов о целях и задачах, которые должны были решить русские рати в этом зимнем походе, поскольку от ответа на этот вопрос во многом зависит и правильный ответ на другой, о численности рати П. И. Шуйского. Разрешить эту проблему достаточно легко, поскольку русские летописи в общих чертах передают план Ивана Грозного и его советников, а разрядные книги обрисовывают состав и структуру рати и ее командный состав. А. Н. Янушкевич, характеризуя замысел русского командования,

отмечал, что в задачу отправившегося в поход русского войска входили опустошение и разорение владений Сигизмунда II (*Янушкевич А. М.* Вялікае Княства Літоўскае... С. 75; Дополнения к Никоновской летописи // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 377; Продолжение Alexandro-Невской летописи // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 326, 329; Вестовая отписка неизвестного литвина, о поражении московского войска под Улою и Дубровною // Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. III. СПб., 1848. С. 133). По плану, разработанному в Москве, рать под началом П. И. Шуйского, выступив из Полоцка, должна была соединиться под Оршей («не дошед Орши за пять верст, на Боране», на «Друцких полях») с другой ратью, что отправилась в поход из Смоленска. Перегруппировавшись, соединенное русское войско двинулось бы на запад, намереваясь подвергнуть опустошению Минский и прилежащие к нему поветы Великого княжества Литовского (Дополнения к Никоновской летописи... С. 373; Продолжение Alexandro-Невской летописи... С. 326, 329; Вестовая отписка неизвестного литвина... С. 133). Их встреча должна была состояться в первых числах февраля 1564 г. (во всяком случае, авангарды Радзивилла, после победы на Уле выдвинувшиеся к Орше, встретились примерно в 20 км к востоку от Орши, под Дубровной, со сторожами смоленской рати). Следовательно, собственно набег, по опыту аналогичных походов в предыдущие годы, занял бы 2–3 недели с таким расчетом, чтобы в первых числах марта ратные люди с добычей могли вернуться домой (Ср.: Дополнения к Никоновской летописи... С. 82–83).

Таким образом, перед нами предстает довольно ограниченная и в пространстве, и во времени набеговая операция, преследовавшая собой столь же ограниченные цели. Прежде всего, надо полагать, в намерения Москвы входило стремление оказать давление на правящую элиту Великого княжества Литовского, продемонстрировав ей наглядно свою силу в преддверии нового раунда переговоров о заключении перемирия. Кроме того, опустошение и разорение глубинных земель Литовского княжества ослабляли его военный потенциал и способность и далее вести войну. Наконец, нельзя исключить и такую возможность — под занавес «годования» дать возможность тем же дворянам и детям боярским полоцкого гарнизона ополониться и разжиться «животами» (ср., например: *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского. Т. II. Исследование книжкой культуры. М., 2009. С. 99).

Ограниченным масштабам операции неизбежно должен был соответствовать столь же ограниченный и состав полоцкой рати. Касаясь проблемы определения ее численности, белорусский исследователь А. М. Янушкевич, автор последнего исследования по этой проблеме, приводит сводку данных относительно численности разбитой русской рати по литовско-польским источникам — от 17–18 тыс. до 24 и даже 30 тыс. (*Янушкевич А. М.*

Вялікае Княства Літоўскае... С. 77). Сам историк полагает, что сведения литовского гетмана, приводимые им в письме (17–18 тыс.), написанном на следующий день после сражения, являются наиболее близкими к истинным (*Янушкевіч А. М.* Вялікае Княства Літоўскае... С. 77; см. также: Копия с письма, присланного в Варшаву на имя пана Радзивилла великим гетманом литовским // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 3. III. Материалы иностранные. 1847. С. 2). Русские источники (летописи и разрядные книги) умалчивают о числе ратников Шуйского. Лишь в одной из разрядных книг говорится, что, отправляясь в последних числах февраля 1563 г. с главными силами своего войска домой после одержанной блестящей победы, Иван IV оставил в Полоцке на годованье вместе с 11 воеводами 10 тыс. детей боярских и стрельцов (Разрядная книга 1475–1605. Т. II. Ч. I. М., 1981. С. 136). Таким образом, в нашем распоряжении имеются две цифры, которые представляются более или менее реальными, исходя из которых можно попытаться представить примерную численность московского войска.

Нетрудно заметить, что они различаются практически вдвое. Какую же из них можно принять в качестве основы? На наш взгляд, цифра, приводимая разрядной книгой, выглядит не в пример более предпочтительной, нежели сведения, сообщаемые Радзивиллом, не говоря уже об остальных данных. Почему? Прежде всего отметим, что в одной из разрядных книг сообщается, что Шуйскому «со товарищи» было предписано отправиться в набег «с теми людьми, которые весь год в Полотцку годовали» (Разрядная книга 1559–1605. М., 1974. С. 18). Однако вместе с тем совершенно очевидно, что Шуйский, отправляясь по приказу Ивана в набег, не мог оставить Полоцк совсем без защиты, и должен был оставить там приличный гарнизон, следовательно, его войско по определению должно было насчитывать менее 10 тыс. ратных людей. К этому стоит добавить также, что по сообщению псковского летописца, в гарнизоне Полоцка в 1563 г. «бысть мор, и много людеи мерло и детеи боярских» (Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 244).

На это утверждение можно возразить, что, к примеру, в летописях говорилось — в преддверии похода «воеводы царя и великого князя тогда збиралися в Вязме, в Дорогобуже, в Смоленску, а в Полотцку собраны многие же люди» (Дополнения к Никоновской летописи... С. 373; Продолжение Александро-Невской летописи... С. 326). Но, как нам представляется, здесь нет существенного противоречия — если принять во внимание сообщение псковского летописца, то, несомненно, в Москве, готовясь к набегу, должны были принять меры для того, чтобы восполнить потери полоцкого гарнизона от эпидемии и стычек с литвинами весной–осенью 1563 г.

Обратимся теперь к изучению структуры полоцкой рати. Разрядные книги все как один отмечают — из Полоцка в 20-х числах января 1564 г. выступила 3-полковая (sic!) рать.

Согласно «Государевому разряду», ее структура и командный состав выглядели следующим образом: «В большом полку боярин князь Петр Иванович Шуйской да воеводы князь Федор Татев да князь Иван Охлябинин. А как придет с Лук с Великих Иван Очин, и Ивану Очину быти в большом же полку. В передовом полку Захарья Иванович Очин Плещеев. В сторожевом полку боярин Иван Меншой Васильевич Шереметев да воевода князь Давыд Гундоров...» (Разрядная книга 1475–1598. М., 1966. С. 204; Разрядная книга 1475–1605. Т. II. Ч. I. М., 1981. С. 148). Таким образом, командный состав войска насчитывал вместе с прибылым воеводой 7 человек.

Примечательно, что в Полоцком походе П. И. Шуйский командовал 946 детьми боярскими в большом полку, И. Меншой Шереметев в полку левой руки — 550 детьми боярскими, князья И. Охлябинин и Ф. Татев командовали в государевом полку каждый 154 детьми боярскими, князь Д. Гундоров — сотней детей боярских, З. Очин-Плещеев был окольным при Иване IV, а И. Очин-Плещеев сперва был есаулом в государевом полку, а затем командовал там же 150 детьми боярскими (*Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // *Русский дипломатий.* Вып. 10. М., 2004. С. 124, 126, 127, 131, 133, 134). Таким образом, под их началом годом ранее было немногим более 2 тыс. детей боярских, т. е. примерно 4–4,5 тыс. всадников (если полагать, что в среднем один сын боярский, выступая в дальний поход, брал с собою как минимум одного послужильца).

Могли ли в таком случае те же самые воеводы в несчастном Ульском походе обладать большим количеством всадников, чем в государевом походе на Полоцк, масштабы и значение которого в порядки превосходили экспедицию января 1564 г.? Даже если предположить, что с воеводой И. И. Очин-Плещеевым в Полоцк перед походом прибыли четыре головы с детьми боярскими (выборными?) с Невеля, Себежа, Заволочья и Велижа (для восполнения потерь?) (Разрядная книга 1475–1598. М., 1966. С. 205), то и в таком случае никак не набирается и 5 тыс. всадников. Скорее всего, их было даже меньше — если 4 воеводы полоцкой рати были до того сотенными головами, то, возможно, примерно те же функции они исполняли и в рати Шуйского. Для сравнения, А. И. Филюшкин приводит сведения о численности 5-полковой (sic!) московской рати, отправившейся в набег (sic!) на Ливонию в январе же 1558 г. — около 8 тыс. ратных людей, но не более 11 тыс. (*Филюшкин А. И.* «...и бе их столько, еже несть числа»: Форум // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (Петербургские славянские и балканские исследования). 2009. № 1/2 (5). С. 13). Еще один, весьма схожий пример. В конце 1559 г. 3-полковая русская рать под Дерптом (6 воевод и еще по меньшей мере один воевода «в сходе») насчитывала, согласно сведениям ливонского магистра, 9 тыс. ратников (См.: *Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси.* Т. I. Вильня, 1867. С. 134; Разрядная книга 1475–1605. Т. II.

Ч. I. М., 1981. С. 61–62). Сходная по составу 3-полковая рать малого разряда была послана в декабре 1553 г. против восставших казанцев. Судя по данным разрядных записей, в ней насчитывалось порядка 17 «сотен» и до 1,5 тыс. детей боярских без учета их послужильцев (См.: Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. III. М., 1978. С. 464–465). Наконец, в наказе юрьевскому сыну боярскому И. Кочергину, который в начале 1556 г. встречал литовских послов, было сказано, что если спросят послы о «Полском» походе 1555 г. воеводы И. Большого Шереметева и о том, сколько людей было под его началом (три полка, шесть воевод), то отвечать им: «...было с Иваном всякого человека и з боярскими людьми с полчетверты тысячи...» (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 2 (1533–1560) // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 59. СПб., 1887. С. 488).

Таким образом, можно достаточно уверенно утверждать, что под началом П. И. Шуйского в момент выступления из Полоцка по направлению к Орше было, скорее всего, не более 3–3,5 тыс. дворян и детей боярских с их послужильцами, преимущественно из северо-западных и западных городов (в списках пленных отмечены дети боярские из Новгорода, Пскова, Ржева, Дорогобужа, Вязьмы, Переяславля и Козельска. См., например: Вестовая отписка неизвестного литвина... С. 134). К ним можно добавить еще порядка тысячи посаженных на конь или перевозившихся на санях стрельцов и казаков полоцкого гарнизона. Во всяком случае, среди пленных упоминается некий сын боярский Семейка Хохолин, стрелецкий «тысячник» (sic!) (Вестовая отписка неизвестного литвина... С. 134). Таким образом, под началом князя П. И. Шуйского находилось, по нашему мнению, самое большее 4,5–5 тыс. ратных людей и, возможно, примерно столько же кошевых. Учитывая это, ход сражения, а также особенности комплектования русского войска того времени, цифра русских потерь, приводимая, к примеру, Лебедевской летописью о полутора сотнях детей боярских, убитых, взятых в плен или пропавших без вести, представляется вполне реальной («...детей боярских побили не много, а иные все разбежались прилучилося к ночи...» — см.: Псковская 3-я летопись... С. 245). С учетом же послужильцев, стрельцов и казаков называемая позднейшим Пискаревским летописцем цифра в 700 «побитых и пойманных» (но не дворян и детей боярских, а всех) вовсе не выглядит невозможной, и уж во всяком случае намного ближе к истине, чем заявленные Радзивиллом в его письме 9 тыс. убитых московитов (См.: Копия с письма, присланного в Варшаву... С. 2; Продолжение Александроневской летописи... С. 329; Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 190).

Подводя общий итог, остается только согласиться с мнением А. Н. Янушкевича, отмечавшего, что гибель неприятельского главнокомандующего и взятие в плен нескольких воевод и голов не могли не «...быть лучшим доказательством блестящей победы над

неприятелем...» (Янушкевич А. М. Вялікае Княства Літоўскае... С. 84). Литва, уставшая от неудачной и разорительной войны, нуждалась в этой победе, и Сигизмунд II и его советники постарались извлечь из этой действительно неожиданной победы максимальный политический и идеологический эффект. Аналогичный эффект имело известие о поражении под Улой и для Москвы. Для Ивана Грозного и его воевод она оказалась сродни ушатую холодной воды, снявшего головокружение от успехов. Русские воеводы слишком рано списали Литву со счетов, и гетман Радзивилл показал, что пренебрежение элементарными основами военного искусства может стоить слишком дорого. Взятие русскими Полоцка не сломало воли литвинов к сопротивлению и война продолжилась.

Петров А. В. К вопросу о становлении великорусской идентичности в контексте новгородско-московских отношений второй половины XV в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 243–248.

А. В. Петров

К вопросу о становлении великорусской идентичности в контексте новгородско-московских отношений второй половины XV в.

Какие бы новые научные веяния не изменяли содержания дискуссии по проблемам образования на исходе Средних веков «национальных государств», очевидна поливалентная связь процессов политогенеза и этногенеза.

Отечественный исторический материал не только весьма красноречив в этом отношении, но позволяет ставить вопрос об определяющем влиянии именно этнической компоненты исторического развития, приведшего к сложению единого Великорусского государства с центром в Москве.

По-прежнему актуальны, ставшие классическими, положения В. О. Ключевского о том, что «Московское государство — это вооруженная Великороссия, боровшаяся на два фронта <...> за свое существование»; что «оно было делом народности, образовавшейся к XV веку в области Оки и верхней Волги»; что «это государство началось военным союзом местных государей Великороссии под руководством самого центрального из них, союзом,

вызванным образованием великорусской народности и ее борьбой за свое бытие и самостоятельность».

Особенности (и парадоксы) этого процесса — вечная тема исторической науки.

Новейшие исследования подготавливают для обсуждения всесторонней аргументации и проверки на основании исчерпывающего привлечения имеющихся материалов, положение о том, что к московскому взятию вечевой Новгород приближался, не исчерпав своего исторического потенциала. Роковой и последний удар ему был нанесен не изнутри, а извне.

Вторая половина XIV в., и особенно XV в., характеризовались нарастающими объединительными процессами в русских землях. В глубинной основе этих процессов лежали не столько усиливающиеся экономические связи между отдельными областями, сколько общенациональная потребность в политическом единстве перед лицом внешней угрозы. Наметились и центры, проводившие объединительную политику. Полюсами притяжения стали Литва и Москва. Деятельность их князей по расширению своих владений объективно соответствовала стремлению русских земель к объединению. Вместе с тем следует отметить, что формы присоединения у Москвы и Литвы были различными. Литовские князья оставляли на местах больше самостоятельности, чем московские, не ломали прежних порядков: земли и княжества входили в состав их владений на федеративной основе. Стиль отношений литовских князей с классом крупных землевладельцев отличался от московского. В то время как в Московском государстве возрастала степень зависимости феодалов от государственной власти, в Литовском закладывались основы своеобразной «шляхетской демократии».

В XV в. Новгород должен был окончательно определиться. Остаться в стороне от общерусских исторических процессов, разорвать освященные традицией связи с другими русскими землями он не мог. В XV в. для новгородцев вопрос стоял так: либо к Москве, либо к Литве.

Не стоит преувеличивать именно этническую близость Новгорода XV в. к Москве. Новгородско-псковский северо-запад позднее московско-владимирского северо-востока войдет в регион формирующейся великорусской народности. В Новгороде долго сохранялись древнерусские формы жизни, не только с характерным для нее вечевым укладом, но и с традициями своеобразного «полисного патриотизма». Эти традиции придавали этническому самосознанию новгородцев специфические черты, усиливая его региональную окраску и ослабляя общенациональный фон. Убежденность в принадлежности к великорусской народности, идущей на смену куда менее консолидированной древнерусской народности, еще не успела возобладать на берегах Волхова.

В политическом отношении Новгород теснее всего традиционно был связан с

«Низовской» земель и ее центрами (Суздаем, Владимиром, Тверью, наконец, Москвой). Но при вхождении в возглавленное Москвой государство Новгороду пришлось бы пожертвовать древней вечевой вольностью. Поэтому-то присоединение Новгорода к Москве и сопровождалось такими драматическими коллизиями, а на берегах Волхова были сильны позиции «литовской партии».

Полагаю, будущие исследования окончательно снимут с лидеров данной «партии» обвинения в национальной измене. Новгород еще не успел стать Великороссией, а Руси в древнем смысле этого понятия он не изменял — Великое княжество Литовское и Русское на 90 % состояло из восточнославянских земель, население которых считало «Русью» именно свое государство. При таких условиях обращение новгородцев к великому князю Литовскому не могло означать ничего более попытки сохранить основы социально-политического строя республики, которые, как было очевидно, неминуемо подверглись бы демонтажу при московском варианте централизации. «Литовская партия» не хотела допустить этого варианта. Н. И. Костомаров в своем ярком очерке присоединения Новгорода к Москве имел все основания именовать ее «патриотической». Для новгородца XV в. борьба за сохранение вечевого строя означала борьбу за независимость Отечества. Когда во время московской осады некто Упадыш, желая помочь москвичам, привел в негодность настенные пушки своего города, его казнили, а новгородский книжник в сердцах воскликнул: «Лучше бы тебе, Упадыш, не быть в утробе материнской, чем наречься предателем Новгорода!» Особое новгородское патриотическое чувство, еще не переросшее в великорусское, слышится в приведенном восклицании.

Исполнены новгородского патриотизма и вечевые призывы «литовской партии», когда она дала открытый бой сторонникам Москвы. Марфа Посадница и ее сыновья Дмитрий и Федор вместе со своими приверженцами стали кричать: «Не хотим за великого князя Московского, ни зваться отчиной его! Мы вольные люди, Великий Новгород! А Московский князь великие и многие обиды и неправды над нами чинит. Но хотим за короля Польского и великого князя Литовского Казимира».

«Литовская партия» взяла верх. И не в деньгах ее или коварстве было тут дело, как хотелось бы это изобразить в Москве; за данной партией тогда действительно пошло большинство новгородцев. К весне 1471 г. вероятнее всего относится и договор Новгорода с Казимиром. По данному договору роль новгородского князя отбиралась от великого князя Московского и передавалась «честному королю» и великому князю Литовскому. Все прочее оставалось без существенных изменений, новгородская «старина» и «пошлина» не нарушалась. Особо подчеркивалось требование к королю «веры греческой и православной нашей не отнимать», а также «римских церквей... не строить». Король обязывался в случае

военной угрозы Новгороду, прежде всего со стороны Москвы, «сесть на коня за Великий Новгород со всей своей радой литовской против великого князя и защищать Великий Новгород».

В XV в. главным для Новгорода было сохранение его общественно-политического уклада и религиозно-национального своеобразия. Если второе могло быть достигнуто и в рамках Московской державы, то первое — только под властью «честного короля». С этим и связана победа «литовской партии» Марфы Борецкой на вечевых собраниях зимы и весны 1471 г. В войне с Москвой 1471 г. новгородские войска потерпели сокрушительное поражение.

На вече оживилась оппозиция принятой на вооружение политической линии и ее руководителям. После Шелони «были в Новгороде молва великая и мятеж большой, и умножилась ложь неприязненная», «и разделились люди: одни хотели за князя, а другие за короля Литовского». «Литовская партия» все более утрачивала опору внутри Новгорода на фоне военных поражений за ее пределами. «Господин Великий Новгород» вынужден был просить у Ивана III мира.

Однако торжество «московской партии» оказалось призрачным. Всего через несколько лет противники Москвы не только смогли поднять голову, но и опять стали самой влиятельной силой на берегах Волхова. Возобновил свою деятельность «клуб» в «чудном», — по прозванию летописца — дворе Марфы Борецкой, «где собирались патриоты и рассуждали о том, как им противостоять московскому самовластию».

Между тем не замедлил начаться и последний акт драмы. Иван III выступил в свой главный поход на Новгород. В осажденном городе, как и во время войны 1471 г., вновь начался раздор и, по аналогии с тем годом, сторонники мира с Москвой опять взяли верх. «Коли признали вы вину свою передо мною, — ответил новгородским послам Иван III, — так объявляю вам: хочу у вас такого же государства, как на Москве! ...А государство наше таково: вечевому колоколу в Новгороде не быть; посаднику не быть, а государство все нам держать...».

14 декабря 1477 г. новгородцы приняли условия Москвы, ниспровергшие их народовластие и лишившие государственной самостоятельности. Присоединение Новгорода к Москве — решающее событие в образовании единого Великорусского государства. Это государство окончательно утвердило себя как новая политическая реальность в конце 70-х гг. XV в. Новгород принес присягу на верность великому князю Московскому, а Иван III целовать крест Новгороду отказался. При этом он следовал устанавливавшемуся политическому порядку, стержнем которого являлась строгая централизация и безусловное подчинение верховной власти всех сословий. Московское государство не было «договорно-

правовым». Зарождавшееся, по точному определению В. О. Ключевского, «под гнетом внешнего ига» и строившееся «среди упорной борьбы за свое существование», оно представляло собой государство — боевой стан, где на первый план неминуемо выдвигались не права сословий и корпораций, а их обязанности перед отечеством. Одни служили «копьем и головой» до последней капли крови, бессрочно, не думая о каких-либо договорно-правовых ограничениях своей службы и удивляя при этом заезжих западноевропейских наблюдателей, другие платили подати в казну. И над первыми, и над вторыми возвышалась власть московского государя, неизбежно большая по объему, чем власть современных ей монархов Европы, приобретшая религиозную санкцию и своеобразный отечески-покровительственный оттенок.

Но строй Великорусского государства, ставшего историческим «ответом» на «вызов» внешней угрозы, нельзя мыслить лишенным предпосылок в предыдущем развитии. «Мирская» традиция никогда не прерывалась в русской истории. Неизменно возрождалось в России и земское самоуправление. Уничтожение новгородского веча «...не означало уничтожения Москвой северного народоправства как местного устройства. “Собирая” русские земли, Москва “собирала” и их уклады, включая их в уклад общегосударственный». Эпоху вечевого народовластия, высший взлет которого — в Великом Новгороде, и времена Московского самодержавия прочно связывает древнерусское начало «одиначества», неделимости власти. Вне учета данного принципа не получают адекватного объяснения ни характер самой московской монархии и ее религиозно-нравственное значение, ни характер Земских Соборов и Боярской Думы, ни взаимные отношения этих форм власти.

В событиях 1470-х гг. столкнулись две исторические правды — правда Новгорода и правда Москвы. Первая заключалась в том, что существование вечевого Новгородского республиканского строя в конце XV в. имело более чем достаточные исторические основания. Но исторически оправданными были и действия Москвы по собиранию русских земель в единый боевой лагерь, ни будь которого, не было бы «Стояния на реке Угре»... В этом глубокий драматический смысл событий конца XV в. Права была Москва, порушившая новгородскую самостоятельность и присоединившая Новгород к единому государству. Но прав был и Новгород, боровшийся с Москвой за свои несомненные исторические ценности, которые отнюдь не были ценностями вчерашнего дня и перед которыми при иных внешнеполитических условиях открывалась бы перспектива многообещающего развития.

Полехов С. В. Общество Великого княжества Литовского и гражданская война 30-х гг. XV в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 248–252.

С. В. Полехов

Общество Великого княжества Литовского и гражданская война 30-х гг. XV в.

1. В исторической литературе гражданская война 1432–1438 гг. в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) традиционно рассматривается как противостояние «Литвы» и «Руси». Исследователи принципиально расходятся лишь в определении характера конфликта, которому придается конфессиональная (А. Левицкий), этническая (М. К. Любавский), социальная (М. С. Грушевский) или территориально-политическая (О. Халецкий) подоплека. Эти концепции объединяет и стремление их авторов связать государственный переворот 1432 г., положивший начало гражданской войне, с предшествующей политикой великого князя литовского Свидригайла по отношению к русским землям ВКЛ. Практически все авторы сходятся в том, что Свидригайло Ольгердович за многие годы, проведенные в русских землях ВКЛ, обзавелся значительным числом сторонников-русинов, а придя к власти после смерти Витовта (1392–1430), продолжал опираться на них в общегосударственных делах, что вызвало недовольство «старой» правящей элиты. Это недовольство, по мнению сторонников данной концепции, и стало причиной свержения Свидригайла.

Однако внимательное изучение источников показало, что изложенная концепция не находит в них подтверждения. Изменения состава правящей элиты ВКЛ в 1430–1432 гг. по сравнению с предшествующим периодом были крайне незначительными: важнейшие государственные должности сохранили за собой те же лица, которые занимали их при Витовте. Причиной же переворота стал фактический разрыв унии ВКЛ с Польшей и крайнее напряжение отношений между двумя государствами — вплоть до вооруженного столкновения (Луцкая война 1431 г.). Что же послужило причиной последующего затяжного и кровопролитного конфликта, разгоревшегося в 1432 г.?

2. Перспективы нового исследования определяются двумя факторами. Первый из них — расширение источниковой базы по данной тематике. К числу новых источников относится дипломатическая переписка за 30-е гг. XV в., прежде всего из архива великих магистров Тевтонского ордена (исторического Кенигсбергского архива, ныне хранящегося в

Берлине), ранее знакомая историкам в основном по пересказам в трудах А. Коцебу и И. Даниловича, а также документы о земельных пожалованиях.

Вторая новация касается методики исследования. Ее основой является анализ персонального состава круга сторонников Свидригайла и Сигизмунда Кейстутовича. При переходе же от отдельных лиц к социальным обобщениям имеет смысл отойти от чрезмерно широких социальных категорий, которыми столь охотно оперируют историки («князья», «русские земли», «литовское боярство» и т. д.). Стоит взглянуть на социальную реальность XV в. более дифференцированно, в категориях тех общностей, которые были ближе тогдашним людям, — рода, земли и т. д. Например, если речь идет о князьях, необходимо иметь в виду их происхождение, имущественное положение и претензии, связи с великокняжеским двором и т. д. Наконец, широкое участие населения русских земель ВКЛ в борьбе претендентов на престол требует рассмотреть эти события в контексте формирования общелитовского (т. е. включающего представителей как Литвы, так и Руси) «политического народа». В частности, необходимо учесть результаты недавних исследований литовских «протопарламентских» институтов, прежде всего сейма, который ранее рассматривался как действенный механизм интеграции русских земель в общелитовскую политическую систему. Между тем новые исследования говорят о довольно незначительном месте русских князей и бояр в работе сейма. Их активность на сеймах последних двух третей XV в. связана в основном со стремлением решить личные или локальные проблемы (*Petrauskas R. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės seimo ištakos: Didžiojo kunigaikščio taryba ir bajorų suvažiavimai XIV–XV a. // Parlamento studijos. T. 3. Vilnius, 2005*).

3. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Анализ персонального состава сторонников Свидригайла позволяет выделить среди них группу наиболее активных деятелей. Объединяет их то, что они были так или иначе связаны с великим князем лично: одни начали в его правление свою политическую карьеру (литовский боярин Ивашко Монивидович), другие участвовали в его выступлениях еще при Витовте (кн. Александр Нос), третьи, скорее всего, сотрудничали с ним в «мирные» периоды его предшествующей деятельности — например, когда Свидригайло был черниговским князем (мценский воевода Григорий Протасьев). (Несколько более сложную картину представляли собой взаимоотношения Свидригайла с волынскими и подольскими князьями и боярами, о чем будет сказано ниже). О значении личных связей говорит и то, что некоторые сторонники Свидригайла пребывали в его окружении и после окончания гражданской войны, в частности, в период его княжения на Волыни в 1442–1452 гг. (например, бояре Мишковичи — родоначальники Тышкевичей и Халецких). Примечательно и то, что единственным связующим звеном между отдельными землями ВКЛ в войне 1432–1438 гг. был сам

Свидригайло, а борьба (по крайней мере, для некоторых его сторонников) имела смысл лишь под его знаменами (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung, Ordensbriefarchiv 7160). После того как Свидригайло был окончательно вытеснен из своих былых владений Сигизмундом Кейстутовичем, русские земли ВКЛ не предпринимали никаких совместных действий, а попытка кн. Юрия Лугвеневича утвердиться в Смоленске, Полоцке и Витебске в 1440 г. окончилась поражением (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 420).

Подчеркну, что столь подробные данные сохранились лишь об относительно узком круге ближайших сторонников Свидригайла. О позиции остальной части общества ВКЛ имеются лишь отрывочные сведения. Они дают основания полагать, что эта позиция сильно зависела от того, на чью сторону в тот или иной момент склонялась удача. Особенно ярко эта тенденция проявлялась в тех районах, по которым непосредственно проходили боевые действия. В пользу этого предположения говорят действия некоторых князей, которые в ходе гражданской войны переходили из одного противоборствующего лагеря в другой, по всей видимости, стремясь получить земли, на которые они могли претендовать (Александр Нос, Иван Владимирович — сын Владимира Ольгердовича). По всей видимости, определенную роль играли также связи наиболее активных сторонников Свидригайла (кн. Федько Несвицкий, кн. Михаил Иванович Гольшанский) с местными князьями и боярами. Так или иначе, неоднократно высказывавшаяся в историографии мысль о широком недовольстве населения русских земель как о важном мотиве его участия в событиях 30-х гг. XV в. не подтверждается.

На этом фоне выделяется широкое присутствие в окружении Свидригайла волынских и подольских князей и бояр. Волынь и Восточное (Брацлавское) Подолье (наряду с Киевщиной) были последним оплотом Свидригайла в критический для него момент: эти земли признавали его власть и после отпадения Полоцкой, Витебской и Смоленской земель в 1436 г. вплоть до его окончательного поражения в конце 1438 г. Впоследствии, в 1442 г., волынская знать, недовольная «волынской» политикой литовских панов, правивших от имени малолетнего Казимира Ягеллончика, пригласила на княжение именно Свидригайла, который оставался волынским князем вплоть до своей смерти в 1452 г. Но говорить о том, что в основе этой ситуации лежала личная преданность волынской знати Свидригайлу, было бы упрощением: уже летом 1431 г. она активно обороняла Волынь от польских войск, вторгшихся на ее территорию. Кроме того, обращает на себя внимание непоследовательная позиция волынской знати: в октябре 1432 г. — апреле 1433 г. она признала власть польского короля Владислава II Ягайла, а в 1434–1436 гг. — Сигизмунда Кейстутовича. Все это заставляет предположить, что исходным пунктом для понимания позиции волынян стало

присоединение Западного Подолья к Польше в конце 1430 г. Каменецкий замок поляки захватили обманом, выманив из него литовского старосту Довгирда, а в дальнейшем вели боевые действия на Брацлавщине (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung, Ordensbriefarchiv 5597). Они сопровождалась раздачей имений на Западном Подолье. По всей видимости, это напугало волынских князей и бояр, чем и объясняется их активное противодействие польским войскам летом 1431 г. Переход же Луцкой земли под власть Польши в октябре 1432 г. был связан с выдачей ей привилея, гарантировавшего «права, свободы, льготы и милости» по образцу Польши (Бучинський Б. Кілька причинків до часів вел. князя Свидригайла (1430–1433) // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. 76. Львів, 1907. С. 139–140).

Таким образом, решающим, интегрирующим фактором при формировании «партии» Свидригайла был сам ее глава, с уходом которого с общелитовской политической сцены его «партия» распалась. Более прочным оказалось объединение сторонников Сигизмунда Кейстutowича. Оно восходило к правящей элите времен Витовта, а его члены, в отличие от многих сторонников Свидригайла, имели опыт деятельности общегосударственного масштаба. Именно на этой основе, в которую постепенно интегрировались бывшие сторонники Свидригайла, в дальнейшем происходило формирование «политического народа» ВКЛ.

Исследование выполнено при поддержке Фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung) по проекту AZ 08/SR/09 «Politische Konflikte und die Gesellschaft im Großfürstentum Litauen im 15. Jahrhundert»

Попов В. Е. Опасная грамота Ивана Грозного Понтусу Делагарди 1574 г. из Ревельского архива и судьба пирата Антона Пфлюга // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 252–256.

В. Е. Попов

Опасная грамота Ивана Грозного Понтусу Делагарди 1574 г.

из Ревельского архива и судьба пирата Антона Пфлюга

История Ливонской войны уже долгое время относится к дезидератам отечественной историографии, и многие ее сюжеты по-прежнему обойдены вниманием исследователей. Между тем российские и зарубежные архивы хранят интереснейшие свидетельства эпохи, проливающие свет на дипломатическую практику вовлеченных в войну государств и рассказывающие о драматических судьбах людей того времени. К числу такого рода свидетельств относится копия с немецкого перевода грамоты Ивана Грозного шведскому военачальнику и наместнику Ревеля Понтусу Делагарди (фотокопия в собрании документов Гердер-Института в Марбурге: DSHI 510 Reval B. P. 12. F. 39–39v). Документ, отложившийся в делах магистрата среди переписки Ревеля с русскими наместниками крепости Вайссенштейн, представляет собой современный оригиналу список с дословного перевода русского текста грамоты и снабжен тщательно перерисованной от руки большой государственной печатью 1562 г. Как можно заключить из текста письма, русский государь недвусмысленно склонял Делагарди перейти к себе на службу. В самом этом факте мало удивительного: о подобных переговорах царского правительства как с целыми городами, так и с отдельными лицами сообщал еще А. М. Курбский сразу после бегства в Литву (Государственный исторический архив Латвии. F. 673. Ap. 3. K. 8. № 35), а Ревель традиционно привлекал внимание грозного царя, считавшего город своей отчиной. Интереснее упоминание в грамоте имени Антона Пфлюга, через посредничество которого царь, очевидно, надеялся достичь своей цели. Пфлюг происходил из знатного мейссенского рода и стал европейской знаменитостью благодаря своим приключениям разбойника с большой дороги во время Грумбахской распри и покушением на жизнь саксонского курфюрста Августа (любопытные сведения о Пфлюге, собранные в Дрезденском архиве, см.: *Ortloff F.* Die Geschichte der Grumbachschen Händel. Bde I–IV. Jena, 1869–70; образ этого разбойника долго сохранял романтический ореол, доказательством чему — посвященные ему поэтические произведения: *Koch M.* (Hg.) Quellen zur Geschichte des Kaisers Maximilian II. Leipzig, 1857. S. 41). После подавления распри император объявил за голову Пфлюга награду в 1000 талеров, но тому удалось бежать в Голландию, а летом 1572 г. он вместе с другим авантюристом Отто Виттенстругом завербовался в каперский флот брата шведского короля герцога Карла Зюдерманландского. В течение следующих двух лет Антон Пфлюг успешно грабил суда, направлявшиеся в Нарву, проводя часы досуга в тавернах Стокгольма и Гельсингфорса (*Attman A.* The Russian and Polish markets in international trade, 1500–1650. Göteborg, 1973. P. 113; *Ödberg F.* Om prinsessan Cecilia Wasa, markgrefvinna af Baden-Rodemachern. Stockholm, 1896. S. 103 ff.). Но, как утверждают ливонские хронисты Б. Руссов

и Т. Гиерн, летом 1574 г. корабль Пфлюга потерпел крушение у берегов Нарвы, а сам он был пленен и после долгого заточения казнен в Нарве. От периода между его пленением и казнью сохранились, кроме указанной царской грамоты, несколько писем Пфлюга из Нарвы Понтусу Делагарди и своему слуге Вальтеру (DSHI 510 Reval B. P. 12. F. 34–38), трогательных в своей искренности и житейских подробностях. Последнего он просит о присылке одежды и книг (sic!), жалуется на тюремный быт и своих соратников в Швеции, уже приступивших к дележу его имущества, и просит присмотреть за оставшейся в Гельсингфорсе подругой Сарой; первого же умоляет о помощи в освобождении — Делагарди, в свою очередь, не оставлял письма друга без ответа, но содержание их нам неизвестно. Интересно, что во время интенсивных русско-шведских переговоров о перемирии 1574–1575 гг. ни разу не упоминается имя Пфлюга (РИО. Т. 129). Можно, впрочем, с уверенностью утверждать, что судьба нарвского пленника живо интересовала и самого короля Йохана III, и бывшего его патрона, герцога Карла: в письмах к Делагарди король просит сообщать ему незамедлительно все касающиеся Пфлюга новости и высказывает опасения по поводу интриг его с царем, а герцог Карл еще в 1575 г. допытывался у каких-то татарских пленниках о судьбе своего протеже (Ödberg F. Om stämplingarna mot konung Johan III åren 1572–1575. Stockholm, 1897. S. 229). Интерес к судьбе Антона проявлял и датский король Фредерик II: в конце 1574 г. он требовал у русского царя выдать ему Пфлюга на том основании, что тот является заклятым врагом его родственника, саксонского курфюрста. Царь коротко ответил, что «у нас таких казнят, а не отпускают» (РИБ. Т. 16. № 33). Казнить Пфлюга он, впрочем, не спешил, надеясь, вероятно, на успех его переписки с Делагарди. Провал этой миссии, кажется, и стоил жизни немецкому авантюристу. Можно также осторожно предположить, что роковую роль в судьбе узника сыграло подписание двухлетнего русско-шведского перемирия 8 июля 1575 г.: услуги его казались более неактуальными. Точную дату смерти Антона Пфлюга установить едва ли возможно; во всяком случае, 9 августа советник курфюрста Августа Губерт Ланге писал из Праги в Дрезден о последних известиях из России (в том числе о казни царского гонца Константина Скобельцина): «О казни же Антона Пфлюга не пишу, потому что не сомневаюсь, что Вашему Высочеству уже отовсюду сообщили» (Languet H. Epistolae secretae ad Principem Suum Augustum Saxoniae Ducem. Halle, 1699. P. 116).

Ниже приводятся текст грамоты на немецком языке и русский перевод.

39 1574. Sept 8

Copei des grosfursten schreibens ahn hern Pontus de la Gardie

Durch die geuntzhertzliche gnade vnsers Gottes In welchem ehr vns besucht hatt hoher dan der aufgangk Welher leythe vnsere fuße auf den wegk des frieden. Dieses vnsers gottes in der dreyfaltigkt loben wir die gnade, Wir Grosherscher Keyser vnd grosfurst Joean Wasieliewitz aller Reussen der Wolodimerschen Muskaschen Naugartschen, Keyser zu Kasan Keyser zu Astrican her zur Plescaw, vnd grosfurst zu Schmolenz Twersky, Gugorsky, Permsky, Watzky, Bolgarsky vnd anderer, her vnd Grosfurst zu Naugarden im Niederlande, der Zernigoffschen Resansken Polken Rostowschen, Geroslawischen Beloserschen. Vdorschen, Obdorschen Kondinschen, vnd aller Syberschen landen vnd Norden seiden, Beueler vnd her vnd Eb des lifflendischen landes vnd andere, Deß Schwedischen Königs Kriegsobristen Pontus de la garde, Es sint gekommen des Schwedischen Königs volk, auff vnser Narwischen Orthen zu bekriegen der Rithmester Anthon Pfluch vnd andere Rithmeister, vnd vnsere Woywoden haben des Schwedischen Königs volk geschlagen, den Rithmester Anton vnd andere vele dudischen gefangen genommen, vnd etzlih: erschlagen Vnd Anthon hat vns gebethen, vnd gesagt, dat Jhr sein guter freundt vnd Bruder, dat wir Inen mochten begnaden, Vnd wir haben Anthoni begnaden haben Ihn lassen fragen, was Ihr wolth vnser Keysserliche begnadung haben, vnd zu vns ziehen zu dienen, vnd Anthon hat vns gesaget, das // **39v** das Jhr Ihn freundlich liebeth, Vnd verlest sich das Ihr seine freundschaftt nicht vorgest vnd zu vns komen zu dienen, Vnd ßo Ihr wollt Euren freundlichen Bruder freysehen, vnd vnser Keys. Mt. begnadigung, vnd ßo wolt Ihr komen zu vns, vnd vnser ogen sehen, Vnd wanner Ihr wert sehen vnser augen, vnd wir Euch vnsere Keyserliche meinung vnd vnser Keyserlihe begnadung eroffenen, wie wir Euch wollen begnaden vnd wie Ihr vns solt dienen, vnd so wolth Ihr Eur begehrt antzeigen, wie Ihr vns wolt dienen, Vnd diß ist Euch vnser Keys. Mt. begnadunge Geleits breff, das Ihr solt komen zu vns in vnser herschafft, vnd widderumb wegziehen freywillig, ohne allerley anhaltung, vnd vertzug nach euren willen, Geschrieben in vnser herschafft hoffe die Statt Moschka Im Iar nach Schaffung der Welth 7083. den Monat Septeber den 8. Indicta 3. Vnser herschafft im 42. Vnsers Reussischen Keysserthumbs im 29. Des Casanschen im 23 des Astrakanschen im 21.

Des Schwedischen Königs, krigs krigsobristen Pontusen de la garde
das Sigell *L. S.* vnter Rothen wachsen

1574. 8 сентября

Копия письма великого князя Понтусу Делагарди

Милосердия ради, милости Бога нашего в них же посети нас восток свыше, воеже направить ноги наша на путь мирен к Троицы славимого Бога нашей милостью, мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский и царь Астраханский, государь Псковский и великий князь

Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Новгорода низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всей Сибирской земли и Северной страны повелитель, и отчинный государь Лифляндской земли и иных, полковнику шведского короля Понтусу Делагарди. Приходили воевать на наши нарвские места воинские люди шведского короля, ротмистр Антон Пфлюг и другие ротмистры, и наши воеводы побили воинских людей шведского короля, и взяли в плен ротмистра Антона и других многих немцев, и некоторых убили. И Антон нас умолял, и сказал, что вы его добрый друг и брат, и чтобы мы его пожаловали. И мы Антона пожаловали и велели его спросить, хотите ли вы нашу царскую милость и приехать к нам служить, и Антон нам сказал, что // вы его по-дружески любите, и полагается на то, что вы не забудете его дружбу и приедете к нам служить. И если вы хотите увидеть вашего любезного друга свободным, и нашего царского величества милость, то приходите к нам, видеть наши очи, и когда вы увидите наши очи, мы откроем вам наше царское суждение и нашу царскую милость, как мы хотим вас пожаловать и как вы должны нам служить, и вы нам объявите свое желание, как вы хотите нам служить. А это вам нашего царского величества жалованная опасная грамота, чтобы вам приехать в наше государство и отъехать обратно добровольно без всякой зацепки и задержания по вашей воле. Писана в государстве нашего дворе града Москвы, лета от создания мира 7083, месяца сентября 8, индикта 3, нашего государствия 42, нашего российского царствования 29, казанского 23, астраханского 21.

Полковнику шведского короля Понтусу Делагарди
печать *L. S.* под красным воском

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 09-01-95105 а / Э.

Прудовский П. И. Притязания московского правительства на господство в Восточной Европе: их ареал и политическое содержание на начальном этапе русско-польской войны 1654–1667 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 256–258.

П. И. Прудовский

**Притязания московского правительства на господство в Восточной Европе:
их ареал и политическое содержание на начальном этапе
русско-польской войны 1654–1667 гг.**

Принятие Богдана Хмельницкого и войска Запорожского под власть царя в 1654 г. не только делало неизбежной войну с Польско-Литовским государством, но и отодвинуло далеко на запад границу актуальных территориальных притязаний России. Лозунг защиты православных от притеснений иноверцев, под которым совершилось присоединение Украины к России, логически требовал распространения этой защиты и на остальные земли Речи Посполитой, населенные приверженцами «благочестивой веры греческого закона». Впечатляющие успехи русских войск в начатой с такой программой войне побудили правительство Алексея Михайловича выдвинуть новые политические программы, которые должны были оформить и зафиксировать результаты свершившейся экспансии.

Задача настоящей работы состоит, во-первых, в том, чтобы проследить смену и эволюцию этих программ; во-вторых — в том, чтобы выяснить, насколько они были адекватны реальному политическому положению, складывавшемуся в ходе и в результате захвата восточных земель Речи Посполитой Московским государством, т. е. прежде всего рассмотреть, какие завоеванные территории считалось нужным удерживать, на какие уступки царь готов был пойти и до каких пределов простирались претензии на не перешедшие под русскую власть территории.

Внешнеполитические проекты московского правительства, трактовавшие о судьбах попавших под власть и в орбиту притязаний царя земель, уже становились предметом изучения в историографии. Однако они рассматривались в разных работах изолированно друг от друга, порой вне контекста российской внешней политики, и поэтому попытки их воплощения в жизнь часто выглядели лишь обособленными эпизодами. В результате — важный комплекс представлений о своем месте в мире, развивавшийся у российских властей, и обусловленный этими представлениями внешнеполитический курс, доминировавший, пусть и с локальными изменениями, в дипломатии первых лет войны, выпадал из рассмотрения ученых.

В 1654–1658 гг. в политике Алексея Михайловича сменяли друг друга следующие проекты распространения российского господства на запад:

1. Призыв православных жителей Речи Посполитой на сторону и под власть царя. Сопровождал вступление России в войну и начальный период утверждения российской власти в восточных областях Великого княжества Литовского.

2. Провозглашение Алексея Михайловича литовским великим князем после взятия Вильны (август 1655 г.) и призыв всем жителям Великого княжества и его высшим официальным лицам присягнуть новому государю. Этой линии русское правительство придерживалось неуклонно, время от времени возобновляя подобные призывы; дальнейшие проекты не замещали ее, а накладывались на нее и придавали ей различное международно-правовое выражение.

3. Попытка объединить под своей властью в возможно большем объеме осколки распавшейся под ударами шведов Речи Посполитой (так в Кремле оценили политическую ситуацию после бегства польского короля Яна-Казимира из страны и принятия частью шляхты шведского подданства осенью 1655 г.), чтобы она не была ими захвачена целиком (начало 1656 г.)

4. Проект избрания Алексея Михайловича (или его сына Алексея) на трон Речи Посполитой при жизни Яна-Казимира (вернувшегося в начале 1656 г. в Польшу) в качестве наследника последнего (лето–осень 1656 г.). При этом Украина (вплоть до Волыни и Подолья) и восточная часть Великого княжества Литовского (по реку Березину) входила в состав России, а его остаток передавался России на 20 лет в возмещение военных расходов (с тем чтобы по всей вероятности Литва так и не вышла из-под власти царя — от Яна-Казимира не ждали особого долголетия). Этот проект оставался на вооружении русского правительства и в дальнейшем.

5. Претензии на господство над малыми государствами, вассальными от Речи Посполитой — Курляндией, Пруссией, Молдавией и Валахией (лето–осень 1656 г.). Переговоры о переходе Курляндии под русскую власть продолжались с перерывами до 1658 г.

6. Почти параллельно с проектом № 4 существовал и другой вариант: «разлучение» Великого княжества Литовского от Короны, для чего литовские сенаторы и войско должны были принять царское подданство и провозгласить свое отделение от Польши.

7. Начатая царем весной 1656 г. война со Швецией обнаружила территориальные претензии к северному соседу. Максимальные российские требования предусматривали отказ Швеции от всех ее прибалтийских владений.

Взгляд на географию перечисленных проектов показывает, что область российских интересов разделялась на концентрические зоны по степени настойчивости и силы притязаний на них. Внутри располагалась область, принадлежность которой России, по мнению русских политиков, не подлежала даже обсуждению; снаружи — область менее

категоричных требований и большей или меньшей готовности к компромиссам. При этом границы этих зон не соответствовали границе оккупированных территорий.

Изучение хронологии царских притязаний показывает, что они росли по мере продвижения российских войск, достигнув максимума ко второй половине 1656 г., когда не только охватили всю территорию Речи Посполитой, но и вышли за ее пределы. После того, как обнаружилась неосуществимость части проектов и они были оставлены, притязания сохранялись на стабильном уровне до возобновления военных действий с Польско-Литовским государством осенью 1658 г.

Существование у царя Алексея Михайловича и его правительства подобных планов показывает, что успешный ход военных действий в изучаемые годы не только позволил им претендовать на значительное расширение Московского государства, но и побудил их увидеть в России потенциального гегемона Восточной Европы.

Рахимзянов Б. Р. Друг, брат, отец: персональные связи московского правителя с татарской элитой в конце XV – начале XVI в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 258–263.

Б. Р. Рахимзянов

**Друг, брат, отец: персональные связи московского правителя
с татарской элитой в конце XV – начале XVI в.**

С распадом Золотой Орды связи между ее отдельными частями не были разрушены. Общее пространство, правильно называемое иногда позднесолотоордынским (в значении того, что империя не умерла, а перешла в стадию трансформации), было скреплено множеством факторов: географическим, торговым, военным, политическим и, несомненно, наиболее важным для средневекового периода — личным, персональными связями между правителями. Москва выступала в данных взаимоотношениях не как внешняя сила, а как равноправная сторона. Текст постарается штрихами обозначить личные связи между московскими правителями Иваном III, Василием III и их татарскими коллегами-друзьями-оппонентами: крымским ханом Менгли-Гиреем, его женой из Ногаев Нур-Салтан, ее

сыновьями — казанскими ханами Мухаммад-Амином и Абдыл-Латифом (1485–1518 гг.). Использование этих связей, как связей политических, также будет в фокусе тезисов.

К середине 80-х гг. XV в. Казань была в тисках борьбы за ханский трон. Она началась как внутренний конфликт, когда различные группы знати поддерживали разных сыновей умершего в 1479 г. хана Ибрагима: одна — Алегама (Али-Ибрагим), другая — его единоутробного брата Мухаммад-Амина. Этот конфликт недолго оставался внутренним. Примерно в 1485–1486 гг. молодой претендент на трон Мухаммад-Амин покинул Казань и осел в Московском княжестве. Ему была дана Кашира в удел.

В это же время мать Мухаммад-Амина, ханша Нур-Салтан, также покинула Казань. К 1486 г. она переехала в Крым, где стала очередной женой хана Менгли-Гирея. К июлю 1487 г. внимание Нур-Салтан было приковано к ее младшему сыну, Абдыл-Латифу, которого она привезла с собой в Крым. Абдыл-Латиф, младший сын казанского хана Ибрагима и Нур-Салтан, родился в Казани около 1475 г. При выходе матери замуж за крымского хана Менгли-Гирея в 1480 г. султан был увезен из Казани в Бахчисарай и провел детство и юность в Крыму.

Вскоре после прибытия на черноморский полуостров Нур-Салтан поняла, что Крым был не лучшим местом для Абдыл-Латифа («сия земля лиха» (Сб. РИО. Т. 41). Нур-Салтан начала выяснять возможности отсылки сына на север — либо к своему брату Мухаммад-Амину в Казань, либо к Ивану III в Москву. Первое такое письмо в Москву пришло в течение года после ее прибытия в Крым: «Здесе ему (*Абдыл-Латифу*) Менли-Гирей царь *отец*; а коли его к тебе (*Ивану III*) пошлю, то ведает Бог, да ты ему и *отец*».

В январе 1493 г. Абдыл-Латиф прибыл в Москву. По прибытии Джучид был пожалован городом Звенигородом. Несколько лет спустя, во время событий 1496–97 гг., двое братьев вновь оказались в фокусе московско-крымских отношений. Нур-Салтан и Менгли-Гирей получили известия, что Мамук, Джучид шибанидской ветви, атаковал Казань, сместил Мухаммад-Амина и взошел на трон. В отчаянии они обратились к Ивану за подробностями и попросили его присмотреть за смещенным ханом. Чтобы подчеркнуть ответственность Ивана за смещенного Джучида, Менгли-Гирей напомнил Ивану его прежние отношения с Мухаммад-Амином: «Магмед Аминя царя гораздо бы еси подчивал названой тебе *сын и друг*».

В 1502 г. двое братьев вновь оказались в водовороте московско-крымских контактов. Как и ранее, причиной была политическая неурядица в Казани, но на этот раз вследствие этих событий политические отношения между Крымом и Москвой ухудшатся надолго. Прелюдией послужило короткое сообщение из Москвы в Крым по поводу последних событий в Казани: «Прислал еси ко мне (*Ивану III*) своего сына Абды-Летифа царевича; и

тебе (*Менгли-Гирею*) ведомо, как есми его жаловал, да и на отца его юрте его есми посадил. И он как на чем мне молвил и правду учинил, в том мне ни в чем не исправился. И яз ныне твоего же сына Магмет-Аминя царя на том юрте посадил. То бы тебе ведомо было».

Подразумевалось, но не говорилось об этом прямо, что в результате «неисправления» Абдыл-Летифа он был смещен великим князем с ханского трона в Казани. Сообщение о том, что молодой Джучид был лишен трона своим недавним московским покровителем, вызвало всеобщее недовольство властных кругов Крыма. Хан добавлял, что и ранее, и сейчас он сам готов присматривать за мальчиком в Крыму. Нур-Салтан вторила ему, опасаясь за его безопасность. Она жаловалась, что, согласно ее источникам, мальчик вообще затерялся в Степи. Она вновь повторяла ранее звучавшую просьбу отправиться на север (Казань—Москва) посетить ее сыновей.

Фактически юный хан содержался под стражей («нятство») в Белоозере. В апреле 1503 г. Менгли-Гирей настаивал, что адекватное отношение к нему является предпосылкой дальнейших нормальных отношений между Крымом и Москвой: «У тебя прошение наше то стоит: Абдыл-Летифу царю поместье дав, у себя его добром держишь, нам он дитя стоит, а он к тебе не лихом ехал, ты просил добром, и мы отпустили дитя свое добром, немочно ли нам было его кормити; нашим здоровьем Абдыл-Летифу царю так быти непригоже. И ты не всхочешь его у себя кормити, Бог нам дал, улусы у нас есть, и ты его к нам отпусти. Наше прошение инаково учинишь, то тебе **брату нашему** непригоже».

Право упрекать Ивана выводилось Менгли-Гиреем из факта, что Абдыл-Латиф был его «сыном»: «нам он дитя». Юный Джучид был его сыном не только потому, что он женился на Нур-Салтан (биологически Менгли-Гирей отцом Абдыл-Латифа не являлся). Отношения «отец—сын» отражали также и возрастную разницу в поколение между ними. Важным было то, что Менгли-Гирей взял на себя политические обязательства «отцовства» по отношению к юному Джучиду. На нем, как на «политическом отце», соответственно лежала обязанность присматривать за тем, чтобы все его «сыновья» — т. е. все младшие Джучиды-родственники, принявшие его ханскую власть и патронаж — были бы хорошо обустроены и имели бы соответствующее уважительное отношение. Это включало в себя, помимо всего прочего, поддержку материального положения («кормити») и наделение его людьми («улусы»).

Иван также принял обязательства «отцовства» по отношению к Абдыл-Латифу. Можно вспомнить, как Нур-Салтан декларировала: «а коли его к тебе пошлю, то ведает Бог, да ты ему и **отец**». Теперь, в неприятной для них новой ситуации, крымские родственники Абдыл-Латифа настаивали на том, что Иван обязан выполнять свои обязательства как «отца».

Это был не первый раз, когда Иван принимал на себя «отцовские» функции в отношениях с Джучидом. Когда Мухаммад-Амин бежал в Московию в 1485 г., летописцы приписывают ему обращение к Ивану быть его «отцом». Подтверждение этого также находится и в дипломатических документах. К примеру, в 1489 г., в письме Ивана Ногаю, он обозначал Мухаммад-Амина как своего «брата и сына» («И посадили есмь на том юрте на Казани *своего брата и сына* Магмет Аминя царя»).

Крымские родственники Абдыл-Латифа агрессивно настаивали на полной реабилитации. Резкий отказ великого князя спровоцировал не менее резкое возражение со стороны Менгли-Гирея. Если Иван не сделает Абдыл-Латифа снова своим «сыном», хан разорвет свой союз с Москвой. Перед лицом повторяющихся протестов Крыма Москва перешла на более примирительный тон. В конце 1508 г. преемник Ивана III, Василий III, согласился на прощение Абдыл-Латифа и вновь подтвердил официальные отношения с заблудшим Джучидом. Данный акт включал в себя возобновление образных «родственных» связей с Абдыл-Латифом и наделение его московской территорией, где он, его родственники и люди могли бы поселиться.

Церемония и документация, сопровождавшие «прощение» хана, были весьма детальными. Крымцы требовали, чтобы великий князь признал хана «другом и братом», в то время как еще в 1504 г., при жизни Ивана III, их требования не простирались далее «друга и сына». В итоге, московские представители согласились на «друга и брата».

Договор не продлился более четырех лет. Весной 1512 г. Крым предпринял поход против Московского княжества. Это привело к финальному разрыву отношений между Москвой и Бахчисараем. Москва обвинила Абдыл-Латифа в соучастии, и он вновь был заключен под стражу.

В течение последующих пяти лет было сделано еще несколько запросов, касающихся Абдыл-Латифа. Василий был готов использовать Абдыл-Латифа как дополнительную карту в переговорах с Крымом, но в то же время неохотно мирился с мыслью отпуска его в Крым.

К осени 1517 г. компромисс был наконец достигнут. Вместо того чтобы ехать в Крым, либо оставаться в Московии, Абдыл-Латиф должен был быть послан в Казань к Мухаммад-Амину. Казанский хан был тяжело болен, что остро поставило вопрос о престолонаследии. Пока шли окончательные приготовления между сторонами, Василий III согласился на прощение Абдыл-Латифа и отослал его в Каширу. Он также согласился назвать его «сыном и братом», что, возможно, должно было символизировать «патерналистскую» функцию, исполняемую Василием, когда он представлял Абдыл-Латифа как наследника престола в Казани.

Однако судьба распорядилась так, что Абдыл-Латиф больше никогда не увидел Казань. Будучи в Кашире и дожидаясь утряски всех организационных вопросов, он вдруг неожиданно заболел и умер 19 ноября 1517 г. Мухаммад-Амин вскоре последует за своим братом и покинет этот мир в декабре 1518 г.

Смерти Абдыл-Латифа и Мухаммад-Амина знаменуют собой конец целой эры. Начиная с конца 1480-х гг. и далее на протяжении 1490-х гг., Иван III установил особые личные связи («образное родство») с двумя братьями-Джучидами. Если для крымского хана Менгли-Гирея и его ногайской жены Нур-Салтан московский великий князь был «братом», то в случае с сыновьями Нур-Салтан его статус варьировался от «друга» до «брата» и достиг своего апофеоза в роли «отца». В совокупности с торговыми связями и военной мощью, эти отношения обеспечивали Москву рычагами воздействия для установлении своего влияния в средневожском ханстве — Казани.

Однако сами Джучиды были далеко не послушными «сыновьями» «бекского» правителя, видимо, воспринимая союз с ним как временную меру, и при благоприятных обстоятельствах незамедлительно освобождались от опеки «неверных» — как, например, Мухаммад-Амин в 1505 г. в Казани, произведя русский погром и до конца своих дней в 1518 г. уже никогда не входивший в тесный альянс со своим московским покровителем. После безвременной кончины сыновей казанского хана Ибрагима эти отношения исчезли, а с ними и большая часть московского влияния в этом районе Дешт-и-Кипчака.

Работа выполнена при финансовой поддержке Gerda Henkel Stiftung (грант AZ 09/SR/10).

Селарт А. Иоганн Бланкенфельд и Россия // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 263–265.

А. Селарт

Иоганн Бланкенфельд и Россия

Иоганн Бланкенфельд (ок. 1471–1527 гг.), епископ ревельский (1514–1524 гг.) и дерптский (1518–1527 гг.), архиепископ рижский (1524–1527 гг.) родился в семье

берлинского патрициата. Он учился в Лейпциге и Болонье, а позднее служил дипломатом бранденбургского курфюрста Йоахима Нестора; в 1512–1519 гг. выполнял в Риме должность генерального прокуратора (представителя у папской курии) Тевтонского ордена, генеральным магистром которого был Альбрехт Бранденбургский (1511–1525 гг., герцог Пруссии в 1525–1568 гг.), представитель той же властвующей семьи. Личные связи с лидерами современного мира способствовали его церковной карьере. В Ливонии Бланкенфельд испытывал все-таки немало трудностей. Его вассалы и города видели в нем папского приспешника, который, более того, не был готов выполнять их требования относительно привилегий и преимуществ. Именно в это время в городах Ливонии происходили события реформации, что повлекло за собой исключение епископа из администрации городской церковной организации. В марте 1524 г. состоялся иконоборческий погром в Риге, а в начале 1525 г. — в Дерпте, где горожане не только разграбили церкви, но и захватили епископский замок на Домберге.

В начале 1525 г. в Ливонии стали распространяться слухи, что архиепископ Бланкенфельд поддерживает изменнические отношения с Россией. Такая информация происходила прежде всего из среды политических противников Бланкенфельда. После присоединения Новгорода к Великому княжеству Московскому отношение Ливонии к ее восточному соседу изменилось, ливонцы стали видеть в России возможного крупного агрессора. Эта ситуация политически сближала ливонских ландесгерров с Польско-Литовским государством. В то же время папская курия мечтала о союзе с Москвой против Османского государства, а император и Тевтонский орден в Пруссии, наоборот, видели в великом князе союзника против Польской Короны. В 1515–1522 гг. Василий III и Альбрехт Бранденбургский заключили союз, который получил из Москвы субсидии для войны с Сигизмундом Старым. Также в эти десятилетия довольно часто папская курия и великий князь московский меняли посланников. Бланкенфельд был посредником контактов как Альбрехта, так и курии с Россией.

В своих ответных оправданиях архиепископ указывал на папское поручение для переговоров с русскими, а также представлял свои личные встречи с московскими чиновниками как нормальное общение между соседями. Но Бланкенфельда обвинили в том, что он искал у великого князя московского и псковского наместника помощи против города Дерпт и дерптского дворянства. Также подозревали, что он искал поддержки у польского короля. В конце 1525 г. архиепископа заключили в его замок Роннебург, а его рыцарство переняло управление архиепископства. В самом деле, Рижский штифт попал под контроль Тевтонского ордена и орденского мастера Вальтера фон Плеттенберга. В первые месяцы 1526 г. в Ливонии многие были уверены, что если Василий III не был бы занят своим

разводом, он вторгся бы в Ливонию. В самом деле, Псковская первая летопись содержит заметку о том, что архиепископ просил у псковского дьяка Мисюра Мунехина и великого князя помощи против ливонского мастера, но великий князь поддержки не дал.

Летом 1526 г., на ландтаге в городе Вольмар, Бланкенфельд лично отвергнул все обвинения в конспирации против ливонских ландесгерров и сословия. Наоборот, утверждал, что отклонил предложение помощи псковских сановников Мунехина и Александра. Результатом ландтага было исключение архиепископа из ливонской внутренней политики. В августе архиепископ уехал из Ливонии, чтобы представлять интересы ливонского Тевтонского ордена и Плеттенберга у императора и папской курии. В сентябре 1527 г. он умер в Испании недалеко от Торкемада.

Дипломатические отношения Иоганна Бланкенфельда с Россией, в самом деле, превосходили обычные рамки почти регулярных ливонско-русских переговоров первых десятилетий XVI в. У него было, в контексте Ливонии, великолепное образование и необычайный дипломатический опыт. Он мог считать себя другом папы Климента VII. Его попытка использовать Россию против его соперников в Ливонии, в принципе, повторяла подход Альбрехта Прусского. Но политическая ситуация в Ливонии в 1525–1526 гг. оказалась особенно напряженной, и переговоры архиепископа стали пропагандически использоваться против его самого.

Литература:

Псковские летописи / Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 1. М., 2003.

Akten und Rezesse der livländischen Ständetage. Bd 3. Hrsg. von L. Arbusow. Riga, 1910.

Arbusow L. Die Einführung der Reformation in Liv-, Est- und Kurland. Leipzig, 1921.

Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1525–1534). Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den ostpreußischen Folianten. Bearb. von U. Müller. Köln; Weimar; Wien, 1996.

Sach M. Hochmeister und Grossfürst. Die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preussen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Stuttgart, 2002.

Schuchard Ch. Johann Blankenfeld (†1527) — eine Karriere zwischen Berlin, Rom und Livland // Berlin in Geschichte und Gegenwart. Jahrbuch des Landesarchivs Berlin 2002. Berlin, 2002. S. 27–56.

Uebersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Bd 1. 1488–1605. Wien; Leipzig, 1906.

Работа выполнена при поддержке проекта ETF № 09054E и РГНФ 09-01-95105 а/Э.

Селезнёв Ю. В. Хан Джелаль-ад-Дин в эпоху Грюнвальдской битвы// Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 266–270.

Ю. В. Селезнёв

Хан Джелаль-ад-Дин в эпоху Грюнвальдской битвы

Начало XV в. — время значимых перемен в системе международных отношений Центрально- и Восточно-Европейского региона. Связаны данные перемены во многом с крушением Орды как единого государства и становлением самостоятельных ханств и орд с независимой внешней политикой. Однако все эти процессы не были одномоментны и растянулись на длительный, полувековой период. Различные аспекты международных отношений в указанное время в связи с процессом распада Орды затрагивались в работах Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского, И. Б. Грекова, А. А. Горского, Б. М. Пудалова, П. В. Чеченкова, В. В. Трепавлова, в специальном исследовании М. Г. Сафаргалиева, а также автором данной работы. Однако деятельность отдельных лиц в данное время рассматривается обрывочно и эпизодически. Между тем, целостное представление о жизни и деятельности отдельных представителей элиты степного государства поможет выявить особенности протекания ряда внешнеполитических процессов в регионе, уточнить состав различных политических группировок, их международные связи и ориентации.

Свидетельства об истории ордынского государства рассматриваемого периода отложились в русских летописных сводах, польских и литовских хрониках, в ряде персидских и арабских памятников (в первую очередь дипломатического и генеалогического характера). Дополнительную уточняющую информацию можно извлечь из нумизматического и археологического материала, эпоса «Идегей», актовых документов. К сожалению, интерес соседей к истории Орды в данное время стремительно падает. Потому сведения об истории степного государства носят часто обрывочный, косвенный характер.

Попытки сохранить единство Джучиева Улуса связаны с именами хана Токтамыша и эмира Идигу (Едигея), которые выступали в конце XIV в. политическими противниками друг друга. В 1405 г., в результате очередного военного столкновения между ними, хан Токтамыш погиб. На политическую арену вышли его сыновья.

Весьма активную роль в политической жизни региона стал играть Джелаль-ад-Дин, девятый сын Токтамыша. Его матерью была Тагайбек-хатун.

Впервые как политический лидер оппозиции Едигею Джелаль-ад-Дин выступает в 1407 г. Тогда ему удалось на короткое время захватить ордынский престол. Однако Едигей сумел вытеснить его в Булгар, где летом 1407 г. Джелаль-ад-Дин был провозглашен ханом, а затем разгромить там его войска. Арабский автор Ибн Арабшах отмечает, что после смерти Токтамыша его сыновья «разбрелись в [разные] стороны», а двое из его сыновей — Джелаль-ад-Дин и Керим-Берди — ушли на Русь. Но русские источники не сохранили никаких следов их пребывания в Москве или в других княжествах. Возможно, пройдя окраинами русских земель, Джелаль-ад-Дин и Керим-Берди ушли в Литву. Не исключено также и то, что пребывание Токтамышевичей на Руси держалось в строжайшем секрете. Тем не менее, одним из обвинений Василию I, как первая причина нашествия Едигея на Русь в 1408 г., являлся упрек в укрывательстве детей Токтамыша. Немаловажным для решения данного вопроса может быть наблюдение А. А. Горского о том, что Василий «в юности около 3-х лет прожил в Орде» и, несомненно, был лично знаком с сыновьями Токтамыша.

Показательно, что, по свидетельству Шильтбергера, хан Пулад был изгнан Джелаль-ад-Дином именно тогда, когда эмир Едигей в конце 1408 г. с основными силами Орды находился под Москвой. Осаду пришлось прекратить и срочно вернуть войска в степь. Союзные отношения между Василием и Джелаль-ад-Дином в данном контексте становятся весьма вероятными.

Далее имя сына Токтамыша встречается в одной из грамот Витовта магистру Ливонского ордена (от 9.10.1409 г.). В это же время, в конце 1409 г., Витовт заключил с Джелаль-ад-Дином договор о военном союзе против ордена. Положения данного договора обусловили участие татар во главе с Джелаль-ад-Дином в Грюнвальдской битве 15 июля 1410 г.

Мы видим, что в конце 1409 г. сын Токтамыша сопровождает Витовта в Брест, где тот совещается с Ягайлой о ходе предстоящей компании против Ордена. Польский историк Длугош отмечает, что после переговоров Витовт «отъезжает в Литву с татарским ханом, которого всю зиму и почти до праздника святого Иоанна Крестителя (24 июня. — Ю. С.) удерживал в своей стране». Затем, в самом начале военных действий, 25 июня 1410 г., Витовт вслед за Ягайло у Червенского монастыря форсирует Вислу «со своим войском и татарским ханом». Л. В. Разумовская приводит мнение С. Кучинского о численности татарского войска в 1000–2000 сабель. М. Бискуп называет цифру в тысячу всадников.

Во время Грюнвальдской битвы отряд татар под командованием Джелаль-ад-Дина занимал правый фланг польско-литовских войска. Длугош сообщает, что когда «среди

литовцев, русских и татар закипела битва, литовское войско» панически бежало. Из контекста повествования Длугоша создается впечатление, что паника охватила и татар, и русских (кроме трех смоленских полков). Однако в «Хронике» Поссильге упоминается об участии литовцев в окончательном разгроме орденовских войск в тот же день. Не исключено, что здесь мы наблюдаем применение излюбленного приема кочевых, в том числе, ордынских войск — притворное отступление с целью расстройств рядов противника. Когда вражеские отряды размыкают строй, конница в полной боевой готовности обрушивается на врага. Однако такая интерпретация свидетельств источников о бегстве литовских войск остается лишь осторожным предположением.

М. Г. Сафаргалиева указывает, что после Грюнвальдской битвы, разорив Польшу, войска Джелаль-ад-Дина отошли в степь, где он совершил очередную попытку захватить ордынский престол. Ему удалось закрепиться в Крыму, а затем он начал наступление на Азак. В 1411 г. у указанного города между ханом Пуладом и Джелаль-ад-Дином произошло сражение, в котором первый погиб. На трон Едигей возвел сына Тимур-Кутлуга Тимура. Его войска захватили венецианскую колонию Тана, а Джелаль-ад-Дин вновь бежал к Витовту.

Однако Ибн Арабшах сообщает, что Тимур-хан решил сместить Едигея. Тот был вынужден бежать и укрылся в Хорезме. Персидский автор Абд-ар-Раззак Самарканди отмечает, что «это произошло в начале 814 г. (25.04.1411 – 12.04.1412 гг.)». Таким образом, Едигей укрылся в Хорезме в апреле–мае 1411 г., и около полугода войска Тимура во главе с эмирами Газаном и Декной осаждали его там. Вскоре было получено известие о гибели Тимура и воцарении Джелаль-ад-Дина. Соответственно, приход к власти Джелаль-ад-Дина необходимо отнести к **ноябрю–декабрю 1411 г.** Данный вывод подтверждается сведениями русских летописей, в частности Никоновского свода XVI в., который достаточно точно локализует время прихода к власти Джелаль-ад-Дина: «Тое же зимы (1411–1412 гг. — Ю. С.) сяде Зелени-Салтан на царстве, Тахтамышев сын».

Показательно, что и Ибн Арабшах именно к этому времени относит очередной захват престола Джелаль-ад-Дином: «Произошло это событие в течение 814 года (25.04.1411 – 12.04.1412)».

Новый хан также не желал оставлять живым и на свободе такого опасного противника, как эмир Идигу (Едигей). В 814 г. хиджры (25.04.1411 – 12.04.1412) Джелаль-ад-Дин направил эмира Каджулай-бахадур на помощь войскам, осаждавшим эмира Едигея в Хорезме. Но тот потерпел от Едигея, опытного полководца, жесточайшее поражение.

Из «Русского улуса» к новому хану первыми прибыли нижегородские князья. А 1 августа 1412 г. в Орду отправился великий князь Василий I. Известно, что в октябре (по Никоновскому своду) «выиде из Орды князь великий Василий Дмитриевич Московский». В

ноябре–декабре (по данным Тверской летописи) 1412 г. Василий вернулся из степи «пожалован царем».

Великий князь Тверской Иван Михайлович отправился в ставку великого хана 15 августа 1412 г. Пробыл он там до весны 1413 г. Никоновский свод отмечает, что до его появления при ордынском дворе Джелаль-ад-Дин был «застрелен от своего брата Керим-Бердия».

Таким образом, мы можем установить примерную дату гибели хана Джелаль-ад-Дина. Как видно из описания пребывания в ставке хана московского князя Василия I, дорога из степи (а, стало быть, и в степь) занимала чуть меньше двух месяцев (князь выехал из Орды после 26 октября, а прибыл в Москву до 24 декабря). Иван Михайлович выехал из Твери 15 августа и должен был прибыть в ставку до 15 октября. Джелаль-ад-Дин погиб до его прибытия, вероятнее всего в сентябре – первой половине октября 1412 г.

«Аноним Искандера» пишет о Джелаль-ад-Дине, что «он был царем достойным, уважаемым, красивым, красноречивым. Большую часть времени он заседал с достойными (людьми)». Однако «из-за крайнего благодушия и личной храбрости, он совершенно оставил в пренебрежении путь благоразумия и осторожности и отдал естественному ходу дел конечную нужду государства». В результате «в недолгое время произошло много несчастий, и дела, пришедшие в порядок, расстроились». «Аноним Искандера» далее отмечает, что брат Джелаль-ад-Дина, названный Султан-Мухаммедом «подстрекаемый эмирами... После того как брат его правил один год... в полночь неожиданно захватил его на троне и безжалостно убил».

Таким образом, время пребывания Джелаль-ад-Дина на ордынском троне можно ограничить ноябрем–декабром 1411 г. – сентябрем–октябрем 1412 г. — около десяти месяцев. В МУИЗЗе дважды отмечается, что время правления хана продолжалось меньше года (неполный год). Данный вывод косвенно подтверждает и наличие монет Джелаль-ад-Дина, выбитых в 814 г. х. (25.04.1411 – 12.04.1412) и 815 г. х. (13.04.1412 – 02.04.1413).

Довольно короткая политическая активность Джелаль-ад-Дина, зафиксированная источниками, ограничена 1407–1412 гг. — всего шесть лет. Однако, будучи одним из главных претендентов на ордынский трон, а затем ханом Орды, Джелаль-ад-Дин оказался важным участником международной жизни региона. Постоянные попытки захватить престол требовали поисков внешнеполитической поддержки. Таковую он нашел, в первую очередь, у союзника своего отца, хана Токтамыша, литовского великого князя Витовта. Есть все основания полагать, что военно-политическое соглашение было у Джелаль-ад-Дина и с зятем Витовта, Василием I Дмитриевичем, князем Московским и Владимирским. В начале 1412 г. ко двору Джелаль-ад-Дина были направлены послы Сигизмунда, в то время короля

венгерского (1387–1437 гг.) и немецкого (1410–1437 гг.) с предложением присоединиться к антиосманской лиге, включавшей и Византию. Это предложение было одобрено и на него получен положительный ответ.

Его главным и постоянным противником являлся могущественнейший эмир, талантливый полководец и политик своего времени Идигу (Едигей). Договор с Витовтом обусловил участие войск Джелаль-ад-Дина в Грюнвальдской битве, результаты которой изменили геополитическую ситуацию в регионе. «Аноним Искандера» называет его достойным, уважаемым, красивым и красноречивым, но беспечным. Эта беспечность привела Джелаль-ад-Дина к гибели, а смерть хана прервала все возможные его шаги к укреплению власти внутри Орды и восстановлению внешнеполитического могущества Джучиева Улуса в восточноевропейском регионе.

Селин А. А. Ивангородские службы новгородских дворян и приграничная дипломатия накануне Смутного времени // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 270–277.

А. А. Селин

Ивангородские службы новгородских дворян и приграничная дипломатия накануне Смутного времени

Северо-Запад Новгородской земли до Ливонской войны составлял единое политическое и культурное пространство с внутренними областями. Усилия московских властей, а также назначавшихся в Новгород архиереев, были направлены на всемерную интеграцию Новгородской земли в Московское государство. Распространение поместной системы на Северо-Западе в XVI в. имело не только социальные и экономические, но и культурные последствия, т. к. сопровождалось переселением помещиков в сельскую местность. Одним из заметных последствий этого был слом погостской приходской системы и формирование новой сети сельских приходов, опирающейся на центры поместных владений. Возможно предположить, что и этнические особенности Северо-Запада в эти годы начинают сглаживаться.

Начавшаяся в середине XVI в. война в Прибалтике заметно изменила политический и культурный ландшафт. В завоеванных областях Ливонии возник новый тип управления (видимо, повторяя ту модель, которая использовалась в Среднем и Нижнем Поволжье). Новгородские помещики, составлявшие значительную часть воевавшего в Ливонии войска, становились воеводами и головами крепостей, помещиками новых, создаваемых в Прибалтике, уездов, из них комплектовались крепостные гарнизоны. В Прибалтике появилось и понятие «годования» — срочной службы новгородских служилых людей в новозавоеванных крепостях (не только служилых людей по отчеству, но и священников и служилых по прибору — стрельцов, палачей, казаков).

Боевые действия на Северо-Западе 1580-х гг. закончились утратой Московским государством не только завоеванных областей в Прибалтике, но и нескольких северо-западных уездов. На несколько лет в Ивангородском, Копорском, Ямском и Корельском уездах было ликвидировано поместное землевладение, просуществовавшее на протяжении жизни 3–4 поколений (в отличие от Ливонских земель, где помещичьи гнезда сложиться, вероятно, не успели).

Возобновившиеся в 1589 г. боевые действия принесли быстрый успех московской стороне, но на Нарове война была остановлена. Вскоре после этого было проведено писцовое описание возвращенных уездов. Поместное землевладение было восстановлено на данной территории не в полном объеме (и через двадцать лет, в 1618 г. московские чиновники вспоминали, что новые поместья были созданы только в семи погостах Копорского уезда). В Ивангород, Ям, Копорье, позднее — в Корелу были назначены воеводы, введены гарнизоны. Уже накануне Тявзинского мира в Ивангороде на службе оказались новгородские дворяне (*Рябошанко Ю. Б.* Тявзинские переговоры 1594–1595 гг. // Социально-политическая история СССР. М.; Л., 1974. Ч. 2. С. 25–68). Во все вновь присоединенные города новгородские служилые люди отправлялись «на годованье», как в завоеванные земли. Таким годованьем для новгородцев служба, к примеру, в Кореле оставалась и в 1608 г. (Список с кабал 1618–1620 гг. Т. Ю. Хахина // СПБИИ. Ф. 109. Д. 227. Л. 15).

Ивангород после Тявзинского мира стал одним из важнейших пунктов московской власти в этом районе, позже получившем название Ингерманландии. Администрация времен Бориса Годунова, нацеливаясь вообще на укрепление руководства городов Северо-Запада, выделяла приоритетные города — Ивангород и Корелу. Излишняя централизация Новгородской земли в конце XV – первой половине XVI в. (идущая со времен новгородской независимости), несомненно, мешала управлению этой территорией. Ивангород и Корела стали потенциальными новыми центрами Северо-Запада. Если в другие новгородские

пригороды назначался воевода и подьячий, то сюда, как правило — воевода и дьяк. Здесь была концентрация служилых людей, здесь формировались стрелецкие сотни.

Город Ивангород, пограничный с Нарвой, был на протяжении всего конца XVI — начала XVII в. местом тесных взаимоотношений двух культур, московской и европейской. Это создавало подчас атмосферу шпиономании и доносительства. Так, в сентябре 1599 г. было возбуждено дело по доносу первого воеводы кн. В. И. Ростовского на второго воеводу кн. Д. Бельского. В доносе, в частности, значилось: «сходятца ко князю Дмитрею Бельскому да дьяку Григорью Витовтову [в] вечере позд[н]о и ночью голова Федор Супонев да голова стрелетцкая Иван Мунзорин да сын боярской Вотцкие пятины Василей Трусов, сходясь думают неведомо что». Проводившие следствие Иван Пушкин и дьяк Второй Поздеев, допросив дворян, выяснили, что те «у князя Дмитрея и у диака у Григорья Витовтова с ним со князем Дмитрием [в] вечере позд[н]о не сиживали, и измены некоторые не думывали и не советовали, а меж себя едали и пивали и ввечеру у них бывали, как которой голова и дети боярские в дьячей избе начюют, и оне к ним прихаживали, а не для которого умышленья. А коли бывало [в] вечере позд[н]о и ночью сходитися, а живет он, князь Дмитрей и диак Григорей Витофтов в городе, а Федор Супонев, Василей Трусов живут за городом, и ночью было им ходити нелзе, ключи городовые всегда живут у князя Василья, а не у них». Однако воевода кн. В. И. Ростовский продолжал настаивать на вине кн. Бельского и новгородцев: «кому [у] князя Дмитрея да у дьяка у Григорья Федор Супонев а Иван Мунзорин да Василей Трусов да Осан Отяев пируют, и с ними всякие дела говорят, и князь Дмитрей и диак Григорей у нево, у князя Василья, ключи имывали, и их из города к себе выпускали, а про то ему, князю Василью, сказывали, что пропускают людей своих и женок из города» (Допросные речи по извету кн. Д. Г. Бельского ивангородскому воеводе кн. В. И. Ростовскому и дьяку Г. Витовтову о чинимых им с ругодивским иноземцем Арманом замыслах к измене. 1599, сентября // РГАДА. Ф. 96. 1599. Д. 2). Дело кончилось ничем; впрочем, вероятно, Москва специально поддерживала взаимную враждебность воевод.

В данном деле примечательно упоминание большого числа новгородских детей боярских, служивших в Ивангороде на годовании. Их поместья располагались сравнительно далеко от Ивангорода, в Полужской половине Водской пятины, в окрестностях Ладоги. На службу в Ивангород в 1590-е гг. назначались и дворяне из северных погостов Шелонской пятины (Прибужского и Щепецкого).

Ивангород находился не просто на границе с владениями Швеции в Ливонии. Невозможность достойно конкурировать с Нарвой, особенно четко обозначившаяся после явной дипломатической неудачи Москвы — Тявзинского мира — компенсировалась возможностью запретить шведам возможность свободного сообщения Финляндии с

Ливонией. Именно эта потеря для Швеции конца XVI в. была особенно острой, в условиях династической борьбы и тлеющей гражданской войны в королевстве.

В начале января 1599 г. ивангородские воеводы получили указание в Ивангородском уезде «заказ и заставы учинить, что из Выбора в Ругодив немец не пропускать». Воеводы жаловались в Москву, что у них нет для этого детей боярских, а все наличные разосланы для «государевых дел с головами», «и в светлице и в Вышегороде и в Большом каменном и в земляном городе и в остроге, и в захабе, и в остроге в дозоре, и для всякого береженья и у ключей городовых, и в выимке в городах и в остроге и на большом посаде и на Гостином дворе для всякого ж береженья и на море на заставе и на стороже» (Отписка ивангородских воевод кн. В. И. Ростовского с товарищами в Посольский приказ. 1599, января после 7 // РГАДА. Ф. 96. 1598. Д. 1. Ч. 1. Л. 182–183).

Шведские подданные, впрочем, всячески старались сообщение Нарвы с Выборгом наладить, обходя большие дороги. Ивангородские воеводы жаловались в Москву, что в Нарву из Выборга ездят «ругодивские и шкотцкие немцы и латыши... на Котлин остров, а с Котлина острова в Дудоровский погост в д. на Сипере<во>», а оттуда — в Копорской уезд, в деревню Варьявалду. Нарвский же губернатор постоянно обращался в Ивангород с просьбой пропустить «ругодивских немцев» и «выборских латышей» (Отписка ивангородских воевод кн. В. И. Ростовского, кн. Д. Г. Бельского и дьяка Гр. Витовтова в Посольский приказ. Сильно повреждена. 1598, декабря после 19 или 1599, января // РГАДА. Ф. 96. 1598. Д. 1. Ч. 1. Л. 122–123). В условиях, когда Нарва поддерживала Карла Сёдерманландского, а Финляндия — Сигизмунда, тем же путем, «из Выборского уезда из Валкосари на Котлин остров, а с Котлина острова в Ореховской уезд в Дудоровской погост на деревню на Сипереву, а из деревни ис Сиперева в Копорской уезд в деревню Варьявалду, а из деревни из Варьявалды Копорским же уездом в Ругодив» был доставлен из Выборга в Нарву «Арцы Карлусов воевода Ганш Ганшев» (Отписка ивангородских воевод кн. В. И. Ростовского с товарищами в Посольский приказ. 1598, декабря около 18 // РГАДА. Ф. 96. 1598. Д. 1. Ч. 1. Л. 148–158). Наместник Выборга Матиас Ларсен попытался завязать личные отношения с осадным головой Копорья — Матвеем Хлоповым. Тот был уличен в получении подарков от выборгского наместника; по делу об из переписке началось следствие (Память из Посольского приказа Леонтию Ивановичу (Вельяминову). Сильно повреждена. 1599. 11.02. // РГАДА. Ф. 96. 1598. Д. 1. Ч. 2. Л. 316–317).

Новый этап активной жизни Ивангорода начался около 1599 г., когда через него вглубь Московского государства стали следовать посольские миссии. Первой такой миссией была, вероятно, миссия имперского посланника Микаэля Шхеля, в мае 1601 г. приехавшая в Ивангород. Частично сохранился и опубликован комплекс документации, связанный с его

приездом в Ивангород (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с Римской империей. Ч. 2 (с 1594 по 1621 г.). СПб., 1852. Ст. 753–762). Эти документы содержат информацию о службе в Ивангороде тех же дворян и детей боярских Водской пятины, которые служили здесь и в первые годы после отвоевания этих областей.

Значительно более полно сохранился комплекс документов, связанных с приездом в Московское государство датского принца Ганса в августе 1602 г. Документы Посольского приказа вновь называют помещиков Водской пятины, постоянно находившихся на службе в Ивангороде. Однако гораздо более полно сохранилась разрядная документация, связанная с этим визитом: списки новгородцев, торопчан, лучан, невлян и пусторжевцев, которым было велено явиться в Ивангород на встречу принца, списки неявившихся служилых людей, переписка ивангородского воеводы кн. В. И. Ростовского с встречавшими принца боярином М. Г. Салтыковым и дьяком А. И. Власевым (Подробнее: *Селин А. А.* Комплекс документов о визите датского принца Юхана в Новгород в августе 1602 г. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2009. № 3. С. 101–102).

Очерк истории русско-шведских отношений в последние месяцы накануне Смуты принадлежит перу В. И. Ульяновского. Ученый справедливо отметил, что события 1605–1606 гг. в Новгороде плохо изучены, и, как правило, освещаются историографией тенденциозно. Наиболее подробно история Северо-Запада в эти годы рассматривалась в шведской историографии, в первую очередь Х. Альмквистом. По мнению шведского ученого, Лжедмитрий в отношениях со Швецией выполнял требования Сигизмунда и папы, следовательно — поддерживал претензии Сигизмунда на Швецию. В последние годы своего царствования Годунов искал союза со Швецией против Польши. В 1604 г. к шведской границе был отправлен окольный М. Г. Салтыков, еще в 1602 г. встречавший здесь датского принца Юхана. В декабре 1604 г. к «свейскому рубежу» был отправлен немецкий толмач Яков Яковлев. Продолжались переговоры со Швецией П. Шереметева, кн. И. П. Ромодановского, Г. Клобукова и И. Максимова. Это возымело достаточно быструю реакцию шведской стороны. 12 февраля – 25 марта 1605 г. в Орешке находились шведские комиссары, а войска в Нарве были приведены в боевую готовность. 14 июня 1605 г. в Ивангород пришла весть о новом царе. Это вызвало панику в соседнем городе. Шведы начали срочные военные приготовления. Уже в июле 1605 г. были составлены послания Карла IX в Новгород, изобличающие Лжедмитрия. В феврале 1606 г. он предложил русским помощь против Самозванца в Польше. В эти месяцы прослеживается стремление шведской стороны установить самостоятельные отношения с Новгородом и Ивангородом.

В конце 1604 г. готовилась посольская миссия боярина П. Н. Шереметева и думного дьяка Г. Клобукова. Для посольской службы в Орешек были назначены дворяне и дети боярские Водской пятины «больших статей», а в Ивангород — остальные. Список назначенных в Ивангород служилых людей Водской пятины сохранился (Список детей боярских Водской пятины, назначенных на службу на посольском съезде в Ивангород. 1604 декабря около 26 // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 156–159).

В августе 1605 г. возник спор из-за московского служащего Ганса Англера, захваченного шведами на датском корабле. Окольничий М. Г. Салтыков, находившийся в Ивангороде, безуспешно требовал его отпустить. Интересны строки письма Англера, приведенные В. И. Ульяновским: «В письме от 28 сентября 1605 г. русскому толмачу в Ивангороде Габриэлю Савиновичу, он (Англер. — А. С.) заявил, что шведы “много от меня хотят узнать, а я ничего не знаю”». Этот Габриэль Савинович — это Г. С. Бекетов, бывший пленный Ливонской войны и участник событий Смутного времени в Новгороде. 3 февраля 1606 г. шведские власти из Нарвы обратились в Ивангород с предложением о мире и добрососедстве. В письме содержалось очень большое опасение возможной войны с Москвой (Ульяновский В. И. Русско-шведские отношения в начале XVII в. и борьба за Балтику // Скандинавский сборник. Вып. 33. 1990. С. 60–75).

Последней службой новгородских служилых людей Водской и Шелонской пятин в Ивангороде было верстание 27 сентября 1605 г., проведенное уже именем царя Дмитрия Ивановича. Остальные три пятины, а также все новгородские татары и новокрещены верстались в Новгороде. В Ивангороде одновременно оказалось до тысячи новгородских служилых людей. Существует мнение, что такое верстание проводилось в качестве своеобразной демонстрации военной силы вблизи русско-шведской границы. Впрочем, применять ее московские власти не стали.

Существуют источники, позволяющие судить о географических представлениях новгородцев начала XVII в. (Селин А. А. Новгородское общество начала XVII века. СПб., 2008. С. 313–322). Ивангород занимал в этих представлениях важное место.

В ночь на 23 января 1616 г. из шведского посольского стана в московский выехали три новгородца: дворяне Я. М. Боборыкин, У. И. Лупандин и старорусский подьячий Ф. Витовтов. Прежние их (в особенности Боборыкина) услуги московской стороне, а также высокая информированность о действительном состоянии занятой шведами территории стали причиной высокого внимания Посольского приказа к их личностям. Доставленные в Москву, новгородцы подверглись тщательному расспросу.

Надо сказать, что информация Посольского приказа того времени о пространстве, которое занимали шведы на Северо-Западе, была достаточно скудной и ограничивалась в

лучшем случае перечнем. Здесь новгородцы оказались информаторами очень важными, не только рассказавшими, где какой город находится, но и оценившими фискальный и геополитический потенциал каждого из новгородских пригородов.

Так они рассуждали о Копорье, Яме и Ивангороде: «А Копорья уездом болши к Орешку и живущее и земля лутче, а к Новугороду Копорской уезд ближко помещиковыми землями, а не дворцовыми селы. А дворцовые села от Новагорода далече, верст за сто и болши, то звали Копорским уездом. А помещиковы земли от Копорьи приписаны к Новугороду и называют Новгородцким уездом, и ведали к Новугороду, а х Копорье помещиковых земель не ведают. И доходом Копорья Орешка болши, токмо Орешек город крепче и Новугороду замок в государеву сторону лутчи. А Яма город и Ямской уезд подошел к Иваню городу, а уезд невелик, всево пять погостов, а доходом Копорьи гораздо был менши, а Ивангородцкого уезда доходом был болши. А Ивангород крепок городом, и что было доходов с посаду и тамги, тово не ведает, а уездом невелик, и в болшом мести от города уезд на 15 верст, и доход с уезда был невелик, менши всех городов». Однако и в этом случае Боборыкин не ограничивается описанием, но приводит чрезвычайно ценное наблюдение: «А толко вместо Иванягорода учинити судовая пристань на Невском устье, и в Ыванегороде прибыли не будет, а Невское устье в Ореховском уезде».

Иными словами, налицо анализ новгородским дворянином геополитической ситуации в Новгородской земле. Явная неудача Ивана III с выбором места для строительства Ивангорода — возможного торгового соперника Нарвы — могла, по мысли новгородца, быть компенсирована возведением торговой фактории в Невском устье. Обращает на себя внимание то, что Боборыкин, несмотря на свою особую роль в истории последних двух лет существования шведской администрации в Новгороде, все же не принадлежал к лицам, принимавшим в Новгороде сколько-нибудь ответственные решения. В этом сообщении новгородца мы сталкиваемся с общими представлениями новгородского дворянства о перспективах развития урбанизма на Северо-Западе, как выяснилось через столетие–полтора, достаточно точными. Яков Боборыкин — представитель как раз той среды, которая прослужила на годовании в Ивангороде и других городах Новгородской земли.

Семененко А. В. Взгляды современников и историков на проблему «Шведского Потопа»// Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы

при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 277–280.

А. В. Семененко

Взгляды современников и историков на проблему «Шведского Потопа»

В 1655 г. начинается короткий, но очень значимый период польской истории, получивший в национальной историографии название «Шведский Потоп». Такое название возникло не в последнюю очередь благодаря изданному в 1886 г. роману Генрика Сенкевича «Потоп», посвященному событиям этого периода (впервые публиковался с декабря 1884 г. по сентябрь 1886 г. сразу в трех газетах: краковской «Слово», варшавской «Час» и газете «Дзенник познаньски» (*Kersten A. Sienkiewicz-«Potop»-historia. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1966. S. 7*).

При написании романа Сенкевич опирался на источники, в числе которых «основным источником при описании шведской войны» сам Сенкевич называет «Мемуары» Яна Хризостома Пасека — шляхетские записки, в которых упоминаются события «Потопа». (Первое издание — *Ramiętniki, Poznań, 1836* в русском переводе был опубликован отрывок «Библиотека для Чтения» (1860, № 12)).

Первые главы «Мемуаров», в которых, по-видимому, описывалось начало военной службы Пасека, не сохранились, что несколько усложняет исследование освещения событий «Шведского Потопа» 1655–1656 гг., т. к. утрачены записи, которые могли бы выявить отношение автора к роли Стефана Чарнецкого (в составе отряда которого воевал Пасек) в первом периоде войны (известно, что Чарнецкий первоначально принял сторону шведов). Пасек достаточно подробно описывает финальную стадию кампании, когда польские войска воевали в Дании. Следует отметить, что для него польско-шведская война не является принципиально значимым событием в истории страны. По-видимому, причину такого взгляда стоит искать в том числе в неосведомленности автора «Мемуаров», судя по тексту, не имевшему представления о действительном масштабе вторжения шведов.

Среди источников, которыми пользовался Сенкевич при написании романа, писатель указал также «Историю правления Яна Казимира» (*Historya panowania Jana Kazimira. Poznań: Księgarnia Walentego Stefanskiego, 1840*) Веспасиана Коховского (это название части «Анналов Польши», опубликованной в середине XIX в., дал ее издатель Валентин Стефанский). «История...» включает в себя описание интересующего нас военного периода 1655–1656 гг. В. Коховский разделил хронику на семилетние циклы — «климактеры» (лат. *climakter* — критический год). Эту идею он позаимствовал у античных авторов, которые считали, что каждые семь лет в любой системе происходит кризис. Коховский приложил

идею цикличности к истории Польши: по его мнению, каждые семь лет в истории Речи Посполитой происходит важное, кризисное событие. Так, в 1648 г., с которого начинается изложение событий в хронике (и в «Истории правления Яна Казимира»), умер польский король Владислав IV, и произошло казацкое восстание Б. Хмельницкого в Украине; через семь лет, в 1655 г., Речь Посполитая вступила в изнурительную войну со Швецией; в 1662 г. состоялся рокош, а в 1668 г. неудачливый правитель Польши Ян Казимир отрекся от престола. В целом в «Анналах Польши» освещаются преимущественно военно-политические события: кризисы, описываемые Коховским — это именно «кризисы власти».

Проанализировав эти источники, можно прийти к выводу, что для современников польско-шведская война 1655–1660 гг. не являлась переломным моментом в истории страны. Более того, она рассматривалась всего лишь как звено в цепи войн, которые вела в середине XVII в. со своими соседями Речь Посполитая: Смоленская война 1632–1634 гг. с Россией, закончившаяся отказом польского короля от прав на русский трон; восстание Богдана Хмельницкого и польско-казацкая война с 1648 г.; еще одна война с Россией в 1654–1656 гг.

События польско-шведской войны 1655–1656 гг. тесно связаны с восстанием Богдана Хмельницкого и польско-русской войной 1654–1656 гг., также имевших, по мнению современников (в том числе Веспасиана Коховского), крайне важное значение для развития Речи Посполитой.

Отмечал эту тесную взаимосвязь событий и сам Генрик Сенкевич: ведь роман «Потоп» является только частью трилогии, в состав которой входят еще два романа: «Огнем и мечом» и «Пан Володыевский», посвященные войнам с казаками и татарами в середине XVII в. Именно влиянию романов Генрика Сенкевича мы во многом обязаны нашим сегодняшним знаниям о шведском вторжении. Об этом говорят и сами поляки, отмечая, в частности, что «наше представление о XVII в. в первую очередь создается “Трилогией” Генрика Сенкевича» (*Maczak A. W czasach «Potopy»*. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 1999. S. 5).

К сожалению, такой комплексный («казацко-русско-шведский») подход в научной литературе встречается далеко не всегда: в русской литературе — в работах Л. В. Заборовского, в польской — А. Керстена и В. Чаплинского, одним из первых применившего термин «казацко-шведские войны XVII в.» для описания событий с 1648 по 1660 гг. (*Czaplinski W. O Polsce siedemnastowiecznej*. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1966. S. 10). Кроме уже упоминавшихся авторов, стоит отметить сборник статей «Польша в XVII в.» (*Polska XVII wieku*. Warszawa: Wiedza powszechna, 1969), в написании которого приняли участие выдающиеся польские историки того периода, и работу Мариуша Маркевича «История Польши 1492–1795 гг.» (*Markiewicz M. Historia Polski 1492–1795*. Kraków:

Wydawnictwo literackie, 2002). Таким образом, мы видим, что к концу века в историографии существует достаточно прочно укоренившаяся традиция делить историю XVII в. на две части — до и после «казацко-шведских войн», которые многие исследователи, например Ян Рутковский, Адам Керстен (*Kersten A. Historia Powszechna — wiek XVII. Warszawa: Wydawnictwo Szkolne i Pedagogiczne, 1984. S. 110*) и Владислав Чаплинский (*Czaplinski W. O Polsce siedemnastowiecznej. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1966. S. 10*), считают одной из значимых причин начавшегося упадка Речи Посполитой.

В целом, отечественные исследователи больше (что тоже естественно) занимаются рассмотрением русских дипломатических связей (*Кобзарева Е. И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 гг. М., 1998*), русско-польских/русско-шведских войн (*Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейхгауз, 2006*) и восстания Богдана Хмельницкого, а польские историки уделяют сравнительно мало внимания борьбе России за влияние в Балтийском регионе.

Таким образом, мы видим, что освещение событий «Потопа» в литературе крайне неоднородно и во многом подчинено идеологическому контексту эпохи: например, советская литература уделяла большое внимание «борьбе польского народа против шведского нашествия», почти не рассматривая участие в этой борьбе шляхты (фактически, за исключением Стефана Чарнецкого).

Очевидно также и влияние романа Генрика Сенкевича, которое проявляется не только в оценках политических деятелей времен «Потопа» (Януш Радзивилл — предатель и изменник, Стефан Чарнецкий — герой и спаситель Отечества), но и в оценке масштабов сопротивления — на самом деле народное антишведское движение (по свидетельству Пасека) имело скорее характер самостоятельной партизанской войны, а не помощи польским отрядам, как описано в романе Сенкевича.

Подводя итоги, необходимо сказать, что, по моему мнению, «Потоп» без сомнения является переломным моментом в истории Речи Посполитой XVII в. Однако этот перелом был подготовлен и восстанием Богдана Хмельницкого, и русско-польской войной, которые серьезно изменили геополитическую ситуацию в Балтийском регионе и серьезно ослабили Речь Посполитую, что сделало возможным успех шведского вторжения на начальном его этапе. Кроме того, именно последствия шведского вторжения, серьезно нарушившего экономику страны, явились одной из причин начавшегося упадка Речи Посполитой, который в конечном итоге завершился тремя ее разделами.

Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного

потенциала высшей школы (2006–2008 годы)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

Сень Д. В. Международное положение Российского государства, Крымского ханства, Османской империи и донское казачество (1670–1680-е гг.) // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 280–284.

Д. В. Сень

Международное положение Российского государства, Крымского ханства, Османской империи и донское казачество (1670–1680-е гг.)

Описываемое время — новый период вековых отношений донского казачества с Крымом и Османской империей. Все более основательной трансформации подвергаются массовые представления донских казаков о турках и татарах как о союзниках, о ханах и султанах — как о возможных своих государях. Такие процессы развиваются на фоне распространения в казачьей среде негативных характеристик «никонианской» Москвы; и подобное сочетание вряд ли случайно. «Порука старине» отношений казаков с мусульманскими государствами Причерноморья состоит и в том, что переход донцов в османский Азак стал явлением *постоянным*, чего точно не наблюдалось раньше. Считаем, что в типологическом отношении прослеживается связь между казачьими переходами в Азак 1670–1680-х гг. и событиями 1690-х гг. Тогда окажется, что в Азак, наряду с Крымом, устремятся казаки-старообрядцы, участники событий «донского раскола».

На рубеже 1660–1670-х гг. отношения между крымскими ханами и Войском Донским получают качественно новое развитие. Впервые в своей истории стороны заговорили о сотрудничестве на уровне войсковой верхушки и правящих крымских ханов. Материалы показывают, что самое существенное воздействие на процессы такого рода оказало выступление С. Т. Разина, личная позиция вождя движения и гибкая позиция ханов Адиль-Гирея и Селим-Гирея. Переписка Разина с Гиреями вызвала тревогу Москвы, организовавшую в 1673 г. розыск соответствующих писем, сознательно, как мы считаем,

сохранявшихся на Дону. В правление последнего из названных выше ханов произойдет позже примечательное событие. Тогда, в начале 1690-х гг., Гирей обретут новых подданных в лице сразу нескольких сот донских казаков-старообрядцев. Считаем, что практики 1670-х гг. со стороны хана могли этому способствовать. В 1688 г. перебежчик из османского Азака сообщал Войску Донскому о якобы имевшем место уходе крымского хана Селим-Гирея за Перекоп, из опасений лишиться престола по воле султана Сулеймана II. Перебежчик уточнял, что намерения хана состоят в том, чтобы «отложитца к Черкасскому или к *Донским казаком* (выделено нами. — Д. С.) и салтану турецкому чинить отмщение» (Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т. 12. С. 227–228).

Возможность «крымской измены» со стороны казаков проявилась уже через несколько лет после «усмирения» Дона начала 1670-х гг. В 1675 г. Войско Донское столкнулось с негативной реакцией казаков на попытки добиться выдачи в Москву Сеньки Буянки. Недовольные усилением давления со стороны Москвы, жители многих казачьих городков «говорят, что хотят собрався идти великого государя на ратных людей, которые в ратном городке, и воевод и всех начальных людей и стрельцов московских побить всех, а городовым стрельцом дать волю» (Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. / Сост. Е. А. Швецова, ред. А. А. Новосельский. М., 1962. Т. III. С. 352). На специальную «думу» («незаконный» круг?) казаки даже стали съезжаться в Паншинский городок. Обращают на себя внимание слова царских «информантов» о том, что казаки говорили такие слова: «А естли де пришет великий государь на Дон рать большую, и они де замирятца с Озовом и поднимут Крым». Нельзя не обратить внимания на обстановку, сопровождавшую подобные заявления — речи велись в казачьих городках, станичных избах и пр. Здесь, по нашему мнению, уместно говорить о массовости подобных настроений, их направленности в первую очередь на членов «*мы-группы*», а не на царских представителей, информантов Москвы.

Положение донского казачества, активного участника военных кампаний России XVII в., зависело не только от размеров и регулярности выплачиваемого Войску жалованья, либо усилий Москвы другими методами распространить свое влияние на Дону. Международная обстановка (анализируемая в контексте отношений России, Крымского ханства, Османской империи, а в некоторых случаях — также Речи Посполитой) последней четверти XVII в., и международный договорный процесс самым серьезным образом коснулись донского казачества. Имели место случаи, когда новая международная обстановка актуализировала интерес различных правителей (ханов, польских королей) к донским казакам, вынужденным при этом лавировать, учитывая изменившийся статус Донской земли после 1671 г. Архивные

источники позволили развить тезис А. П. Пронштейна о том, что в нарушение присяги 1671 г., «еще в 80-х годах XVII в. Войско проявляло самостоятельность в отношениях с некоторыми государствами, в частности с Польшей и турецкими вассалами — Азовом и Крымом» (*Пронштейн А. А. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961. С. 220*). События такого рода поставлены нами в типологическую связь с процессами развивающихся отношений казаков Дона с «тюркско-татарским миром», с их намерением сменить подданство.

Можно говорить о нескольких измерениях влияния международных политических процессов на жизнь донских казаков, включая конфликт интересов Дона и Москвы в ходе реализации Россией договорных обязательств со своими партнерами (после заключения Бахчисарайского договора 1681 г.). Новые международные обязательства России нанесли удар по одной из доходных статей Войска Донского — «окупным» операциям в отношении пленных. Кроме того, казаки теперь были ограничены в возможностях совершать походы и набеги на владения Гиреев и Османов. До заключения Вечного мира с Речью Посполитой (1686 г.) подобные действия со стороны донцов являлись нарушением со стороны России Бахчисарайского договора. Изучение таких фактов необходимо рассмотреть в связи с соответствующей реакцией Москвы как участника международных договорных отношений последней четверти XVII в.

1680-е гг. стали временем явного снижения «морской активности» донского казачества, причины которого крылись не только в целенаправленных действиях Османской империи времен везирата Кёпрюлю, но и в возросшей зависимости Войска Донского от России после присяги 1671 г. и Бахчисарайского мира 1681 г. Неудачные действия казаков на Казачьем ерике и под Азовом в 1685 г. привели к тому, что донцы стали обвинять атамана Ф. Минаева в неверных действиях, заявляя, что лучше было бы идти походом на Волгу — к слову сказать, на царских служилых людей (князя А. И. Голицына и полковника Б. Головнина): «Тут де бы был зипун доброй, такой же, что и при Стенке Разине» (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1685 г. Д. 4. Л. 5). Казаки решили готовиться к общевойсковому сбору в Черкасске и просить хана Аюку помочь воинским контингентом, «будто идти под Азов». Смысл преподносимых информантом Москвы сведений сводился к тому, что казаки готовились к «воровскому» походу, а среди его направлений упоминались Волга и Астрахань. Об одном из нападений «воровских» донских казаков на Волге вскоре стало известно из расспросных речей (22 сентября 1685 г.) в Саратовской приказной избе нескольких очевидцев событий. Нападение на струг произошло «от Царицына повыше Камышенки, в урочище у речки Терновки...» (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1685 г. Д. 4. Л. 10). Возвращаясь к анализу событий до указанного нападения, отметим, что атамана Фрола

Минаева, упорно сопротивлявшегося таким намерениям, донцы в кругах «бранили матерно». Информант Москвы, Еремка Степанов, сообщил также, что казаки выражали сожаление — мол, напрасно они не отправились в «королевскую сторону с своею братьею». Донцы ожидали получения жалованья от короля, причем 300 казаков готовились выступить с Дона (Там же. Л. 7). И еще одна деталь: «Да он же... слышал от казаков, что есть де у них в Войсковой избе от польского короля к ним казаков и к Аюкаю тайше и в юрты к мурзам листы, а о чем, того де подлинно не доведася, потому что бывают де у них тайные круги с старшиною малыми людми». 18 августа 1685 г. в Черкасске на казачьем круге «королевские листы» были озвучены. Оказалось, что за богатое вознаграждение король Речи Посполитой Ян Собеский предлагал казакам идти ему на помощь. Однако Войско во главе с атаманом Ф. Минаевым тогда якобы от приглашения отказалось, мотивируя решение отсутствием царского указа. Москва, в свою очередь, указала на необходимость поимки королевских посланцев (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1685 г. Д. 3. Л. 23–24). История с польскими письмами получила вскоре новое звучание — причем в контексте последствий морских походов, ограниченная география которых не могла устраивать радикально настроенную часть Войска Донского. Информант Москвы сообщал 5 сентября 1685 г., что в период его пребывания среди казаков (после 18 июля – около 16 августа) оттуда «вышло» по призыву польского короля 500 казаков (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1685 г. Д. 4. Д. 4. Л. 3). К слову сказать, грамотой еще от 28 октября 1684 г. Москва запрещала казакам подобное «своевольство», с недовольством отреагировав на уход с Дона 200 донцов, а также калмыков, направившихся сначала в Сечь, а затем — в Польшу (Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Новочеркасск, 1891. Т. 1. С. 129). «Польский след» ряда событий, происходивших на Дону («выходки» на территорию Речи Посполитой отдельных донцов и даже казачьих групп), представляет интерес с точки зрения оценок *самими* казаками своего социального и даже международного положения.

Войсковое руководство пребывало в трудной ситуации — указания из Москвы наталкивались не только на глухое брожение, но и развитие казаками «воровских» замыслов. В отписке от 17 июня 1686 г. на имя князя В. В. Голицына атаман Минаев указывал на готовность казаков откликнуться на разговоры о возможном походе на «Хволынское море на шаха». Он прямо писал, что «нас... люди непостоянные, на те речи и стекаютца, и идти хотят, и мы посилу их держим» (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 13. Л. 1). Крымские походы актуализовали в глазах казаков мысль о связи судьбы государства Гиреев с судьбами самих донцов, что, очевидно, еще более подтолкнуло их часть к разрыву с Доном и Москвой. Кроме того, середина 1680-х гг. — это время обострения межрелигиозного конфликта

казаков с Москвой, других конфликтов, из которых казаки искали *выходы* как ситуативные, так и стратегические.

Итак, международные политические процессы последней четверти XVII в. нанесли серьезный удар по правам, благосостоянию Войска Донского, активно сопротивлявшегося рождению нового исторического порядка — установлению линейных границ и пр. Москва все более основательно борется с правом Войска Донского осуществлять внешнеполитические сношения. Реакция части казаков на системные ограничения, преследования привела в итоге к результату, вполне закономерному, исторически обусловленному — переходу части казаков-неконформистов на рубеже 1680–1690-х гг. в крымское подданство, Азак, а также на Северо-Восточный Кавказ. Такая форма *сопротивления* казаков ограничительно-репрессивным мерам царизма как «уход с реки» нашла выход в нескольких географических направлениях. Важно, что к переходу на новый уровень неконфронтационных отношений оказались готовы все стороны, не в последнюю очередь — сами мусульманские правители.

Скобелкин О. В. Участие иностранцев в составе русского войска в войнах XVI – начала XVII в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 285–289.

О. В. Скобелкин

Участие иностранцев в составе русского войска в войнах XVI – начала XVII в.

В первой четверти XVI столетия в военных действиях участвовали две категории служилых иноземцев — пушкарки и пехотинцы.

Об участии пушкарей в боевых действиях известно следующее.

Во время войны с Казанью в 1505 г. участвовало три пушкаря-иноземца, в том числе и итальянец Варфоломей (*Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 172). В 1514 г. перед взятием Смоленска канонадой руководил пушкарь Стефан (*Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 161). В 1521 г., во время нашествия Мухаммед-Гирея, немецкий пушкарь Николай, «родившийся на Рейне недалеко от немецкого имперского

города Шпайера», помогал установить к воротам одной из проезжих башен Кремля огромную пушку, и, по мнению Герберштейна, благодаря его сообразительности и усердию «была спасена крепость». Были в тот момент в Москве и другие немецкие пушкарки, которые «весьма достохвально проявили себя». (Правда, остается не вполне ясным, в чем именно проявили себя иностранные «военспецы», поскольку в 1521 г. татары российскую столицу не осаждали.) Во время отхода татары попытались взять Рязань, но были отбиты. При защите города отличился немецкий пушкарь Иоанн Иордан, который метким выстрелом заставил татар отойти от городских стен. Еще один пушкарь, уроженец Савойи, фигурирует в рассказе Герберштейна о казанском походе Василия III в 1524 г. Он «хотел было предаться врагу вместе с вверенной ему пушкой», но был пойман, допрошен, во всем признался и был прощен (*Герберштейн С.* Указ. соч. С. 116, 172–175, 179).

Использовались иностранцы и в качестве минных мастеров. Видимо, таковыми были итальянские специалисты по осаде крепостей, отправившиеся в Россию из Любека в 1513 г. (*Зимин А. А.* Указ. соч. С. 153). К сожалению, об их деятельности ничего неизвестно.

Наемники, служившие в пехоте, с начала 20-х гг. XVI в. начинают использоваться в войсках, направляемых для обороны южных границ, в борьбе с крымскими татарами. Так, рассказывая о событиях 1521–1522 гг., Герберштейн отмечает, что на следующий год после нашествия Мухаммед-Гирея Василий III впервые вывел на Оку, помимо конницы, еще пехоту и артиллерию. Хотя автор «Записок о Московии» прямо об этом не пишет, из контекста можно сделать вывод, что среди пехотинцев были и иноземцы. Спустя четыре года, когда Герберштейн во второй раз находился в России, в распоряжении великого князя было уже почти полторы тысячи пехоты «из литовцев и всякого сброда». Среди последних были, надо полагать, западноевропейцы. Участвовали «наемные воины из немцев и литовцев» также и в осаде Казани в 1524 г. (*Герберштейн С.* Указ. соч. С. 114, 178). Хотя автор не называет род войск, к которому они относились, скорее всего, это была пехота.

Во второй половине XVI в. картина меняется.

Во-первых, источники уже не упоминают о пушкарях-иностранцах. Видимо, за предшествующие десятилетия были подготовлены свои собственные кадры артиллеристов. Единственное, кажется, упоминание о западноевропейце-минере относится к Казанскому взятию, когда Иван IV «послал... к немчину, повеле готовить подкопы»; этот иноземный мастер Размысл взорвал порох в подкопах, что сразу же переломило ситуацию в пользу русских (Разрядная книга 1475–1605 гг. (далее — РК 1475–1605). Т. 1. Ч. 3. М., 1977. С. 420; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 42).

Во-вторых, помимо пехотинцев, появляются и иностранные кавалеристы. Первое упоминание о «конных немецких воинских людях» принадлежит Штадену (*Штаден Г.*

Записки немца-опричника. М., 2002. С. 81). Это позволяет предположить, что в коннице иноземцы появляются в промежутке между 20-ми и 60-ми гг. XVI в.

Горсей кратко описывает и вооружение конных иноземцев: «вооружили их мечами, ружьями и пистоллями». Судя по этому описанию, можно предположить, что мы имеем дело с первыми в России рейтарскими подразделениями, хотя само слово «рейтары», видимо, было еще неизвестно русским. Горсей сообщает также (его свидетельство единственное для XVI в.), что из иноземцев формировали отряды по национальному признаку, во главе которых ставили офицеров той же национальности. Так, для одного отряда шотландцев командиром был назначен Джими Лингет, «доблестный воин и благородный человек», а в другом отряде начальником стал «храбрый шотландский капитан» Габриэль Элфингстоун (*Горсей Дж. Путешествия сэра Джерома Горсея // Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1991. С. 70, 107*). По численности эти два шотландских отряда были небольшими: первый был сформирован за счет «лучших воинов» из числа 85 пленных шотландцев и 3 англичан, во второй же вообще входило только шестеро солдат, дезертировавших из шведской армии. Видимо, эти отряды были частями более крупных воинских формирований, которые в следующем столетии будут называть ротами, и которые состояли из нескольких отрядов разных национальностей. Судя по свидетельству Флетчера, шотландцы и голландцы в количестве 150 человек составляли одно подразделение, а греки, турки, датчане и шведы — другое, «в числе 100 человек или около того» (*Флетчер Дж. О государстве Русском. М., 2002. С. 87*). Видимо, именно эти отряды следует считать аналогом более поздних рот.

Если верить Горсею, то в 70–80-х гг. XVI в. иностранная конница была объединена в какое-то единое формирование, во главе которого не позднее 1587 г. находился «знатный человек из Гельдерланда, герр Захариус Глизенберг», «главный начальник наемной конницы царя». Умер он в России, и здесь же оставался его 10-летний сын, которого российские власти не хотели отпускать на родину отца. Судя по тому, что за мальчика ходатайствовали король и правительство Дании, сам Глизенберг был датчанином (*Горсей Дж. Указ. соч. С. 110*).

Уже во времена Герберштейна служилых западноевропейцев использовали либо против крымских, либо против казанских татар, опасаясь, видимо, за лояльность иноземцев в случае их участия в военных действиях против западных соседей России. Традиция эта сохранилась и во второй половине столетия, модифицировавшись лишь в том плане, что после завоевания Среднего и Нижнего Поволжья иностранцев стали использовать только на южном направлении.

В боевых действиях против крымцев и обороне южных границ России принимал участие вестфалец Генрих Штаден; по его же данным именно «немецкими воинскими людьми» пользуется великий князь против крымского царя (*Штаден Г. Указ. соч. С. 23*). Горсей пишет, что все иноземцы были задействованы в 100-тысячной конной армии, которая ежегодно в течение лета сражалась с крымскими татарами, и не использовались против Польши и Швеции (против этих стран вместе в составе русских войск использовались, как раз, татары). По его мнению, конница из иностранцев, вооруженная огнестрельным оружием, была более эффективной, чем традиционная русская конница: «двенадцать сотен этих солдат сражались с татарами успешнее, чем двенадцать тысяч русских с их короткими луками и стрелами. Крымские татары, не знавшие до того ружей и пистолей, были напуганы до смерти стреляющей конницей, которой они до того не видели, и кричали: “Прочь от этих новых дьяволов, которые пришли со своими метаящими «паффами»”» (*Горсей Дж. Указ. соч. С. 69–71*). (Разумеется, здесь Горсей, в присущей ему манере, явно сгущает краски, а известие о том, что до появления в русских войсках иноземцев татары не сталкивались с огнестрельным оружием, просто неправдоподобно.) О том, что выходцев из Западной Европы «употребляют только на границе, смежной с татарами, и против сибиряков», а на западных границах, в войне с поляками и шведами, используют татар, упоминает и Флетчер (*Флетчер Дж. Указ. соч. С. 87*).

Конкретные (но, к сожалению, единичные) примеры участия западноевропейцев в военных действиях на южном направлении содержатся в разрядных книгах. В росписи «береговой» службы 1572 г. указано, что в большом полку, базой которого был Серпухов, «по вестям», помимо дополнительных русских контингентов «быти Юрью Францбеку с немцы». Участвовали западноевропейцы и в знаменитой битве на Молодях в том же году: во время одного из эпизодов сражения они под командованием князя Д. Хворостинина вышли из гуляй-города и ударили по татарам. Участвовал в этом сражении и Ю. Францбек со своим отрядом (РК 1475–1598. С. 247; РК 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 309, 313–314; РК 1559–1605. С. 86).

В 1591 г. во время сражения с войсками Казы-Гирея у Данилова монастыря «ротмистров с литовскими и с немецкими людьми» вместе русскими отрядами посылали «с крымскими людьми травиться». В конце весны следующего, 1592-го, года «немцы» вместе с «литвой» были сначала в большом полку в Туле, а оттуда были посланы в Ливны, чтобы вместе с русскими служилыми людьми идти вдогонку «за крымскими царевичи». Весной 1595 г. «немцы и литва, и всякие иноземцы многих земель, многие с вогненным боем» вновь были в полках «на берегу» и охраняли южную границу. Участвовали «немцы» (наряду с татарами и «литвой») и в Серпуховском походе Бориса Годунова в 1598 г., когда ожидался

новый набег Казы-Гирея. В мае 1601 г. иноземцы вновь упоминаются в составе полков, выдвинутых для отражения возможного набег Казы-Гирея (РК 1559–1605. С. 271; РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. С. 216; РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 3. С. 29, 37–38, 90; РК 1475–1605. Т. 4. Ч. 1. С. 47–48; РК 1598–1604. С. 30, 104).

Следует заметить, что в XVII в. эта практика продолжилась, и «тульская служба», заменив службу «береговую», стала традиционной для служилых московских иноземцев (Скобелкин О. В. Служба иноземцев в Украинном разряде в 20-х гг. XVII века // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М., 2006. С. 292–302).

Впрочем, из правила не использовать западноевропейцев в войнах на западе бывали и исключения: в походе на Пайду в конце 1572 г. участвовал и Юрий Франзбек (РК 1559–1605. С. 93; РК 1475–1598. С. 248–249; РК 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 322), вероятно, во главе отряда иноземцев. Однако участие этого иноземца в военных действиях на западном направлении должно было еще более укрепить московские власти в идее использовать выходцев из Западной Европы только против татар: или в ходе самого похода, или сразу же после него Франзбек бежал с русской службы. В 1573 г. он был уже вне России (Опарина Т. А. Род Фаренсбахов в XVI веке // Человек в пространстве и времени культуры. Барнаул, 2008. С. 60).

Славнитский Н. Р. Крепости Северо-Запада России в XVII в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 289–293.

Н. Р. Славнитский

Крепости Северо-Запада России в XVII в.

Система обороны северо-западных рубежей России в начале XVII столетия состояла из «линии» укреплений, куда входили Новгород, Псков, Ладога, Орешек, Ивангород, а также Корела. Однако в ходе Смутного времени Орешек, Ивангород и Корела были взяты шведскими войсками и при заключении Столбовского мирного договора 1617 г. отошли Швеции.

Оборонительные сооружения в Новгороде XVII в. состояли из трех линий укреплений: Каменного города (Кремля или Детинца), Малого (или Среднего) города и Большого (или Окольного) города. Каменный город состоял из стен и башен, сложенных в XIV–XV вв. из плитного и булыжного камня на известковом растворе. Высота стен равнялась 8–10 м до зубчатых бойниц, высота зубцов доходила до 1 м. Высота сохранившихся к этому времени 10 башен доходила до 25 м. Линия укреплений Детинца описывала замкнутую фигуру в виде неправильного эллипса. Вокруг стен Кремля находился ров, соединенный с Волховом и наполненный водой. Длина стен Кремля составляла 576 саженей. Малый (или Средний) город состоял из деревянных стен и 8 деревянных башен, расположенных по земляному валу, и повторял линию кремлевских стен в небольшом от них расстоянии. Малый город также был окружен рвом. Длина его равнялась 984 сажени (около 2 км). Эти укрепления располагали на Софийской стороне, то есть на левом берегу Волхова. Большой (или Окольный) город окружал обе стороны, на которые делился Новгород — Софийскую и Торговую. Деревянные стены и башни Окольного города были расположены по древнему земляному валу. Общая длина Большого города на обеих сторонах Волхова составляла 4532 сажени (около 9 км).

Так называемый Каменный город, расположенный на Софийской стороне, состоял из 11 башен (Пречистенской, Борисоглебской, Спасской, Покровской, Красной, Воскресенской, Владимирской и четырех безымянных) и соединявших их стен общей протяженностью 576,5 сажен (1228 м). Некоторые из башен были снабжены «шатрами». Ворота имелись в Пречистенской, Спасской, Воскресенской и Владимирской башнях. Кроме того, имелся каменный «роскат», расположенный между одной из безымянных и Покровской башней и соединенный с ними каменной стеной (Новгород Великий в XVII веке. Документы по истории градостроительства / Сост. А. Н. Медушевский. Вып. 2. М., 1986. С. 276–282).

Земляной город возник в 1582 г. Система его обороны состояла из рва, шести отводных быков-бастионов и соединяющих их куртин. По периметру всего сооружения, повторяя его изломанные контуры, шел вал с деревянной стеной, рубленой тарасами. Кроме того, на оконечности бастионов в линии стен были возведены башни. Укрепления Малого города были геометрическими по плану, с равномерным распределением одинаковых бастионов, свойственных новоитальянской фортификационной системе второй половины XVI в. Вынос бастионов (около 50 м) за линию куртинного фронта равнялся половине длины их основания (горжи). Фас бастионов составлял 1/6 часть линии внутреннего полигона. Длина куртин равнялась удвоенному фасу. Бастионы были снабжены боковыми уступами, прикрытыми крыльями или орильонами. Благодаря этому фланки получили двухъярусную пушечную защиту (к этому прибавлялся и «высотный огонь» из башен). Малый земляной

город полукольцом охватывал с напольной стороны каменные стены Новгородского детинца, представляя как бы первую линию их обороны (*Кирпичников А. Н.* Крепости бастионного типа в средневековой России // *Памятники культуры. Новые открытия.* 1978. Л., 1979. С. 490–491.).

Псковские укрепления состояли из пяти оборонительных поясов, сложившихся постепенно: Кром или Детинец (Псковский кремль), деревянные стены которого датированы VII–X вв., а каменные — X–XIII вв.; Довмонтов город или Довмантова стена — вторая половина XIII в.; стены посадника Бориса — 1309 г.; каменные стены Среднего города — 1375 г. (ей предшествовала деревянная стена, известная в середине XIV в.); стена окольного города: деревянная — 1465 г., каменная 70-х гг. XV–XVI вв. (*Морозкина Е. И.* Псковская крепость в конце XVII века // *Псков через века. Памятники Пскова сегодня.* СПб., 1994. С. 157).

Таким образом, укрепления Пскова также состояли из нескольких частей: Кремль-город, Довмонтов-город, Средний город, Крайний или Окольный город и Запсковье. Окольный город назывался также Большим городом. Каждый из этих «городов», составляющих часть Пскова, имел свои укрепления (которыми и отделялся от другого), состоявшие из окружающих эти города каменных стен и башен, сложенных из местного плитняка. В начале XVIII в. оборонное значение сохраняли стены и башни, окружавшие город с внешней стороны, то есть стены и башни Окольного города и Запсковья, а также стены города по р. Великая и левому берегу р. Псков. Внутренние же стены и башни Среднего и Довмантова города практически потеряли свое значение как укрепления, хотя на них по-прежнему по традиции продолжали стоять артиллерийские орудия. Высота башен Псковской крепости, число которых достигало 40, достигала в некоторых случаях от 15 до 20 м. В стенах и башнях были «слухи» (подкопы в сторону противника). Длина наружных стен Окольного города вместе с Запсковьем и стенами Среднего города равнялась 3952 саженьям (более 8 км).

Каменная крепость в Ладоге была возведена в начале XII в., ее стены первоначально имели высоту 8 м и толщину около 2 м. Естественно, что впоследствии она подвергалась неоднократным переделкам. Наиболее серьезная перестройка относится к концу XV в., когда здесь было по сути дела построено новое оборонительное сооружение, состоявшее из 5 башен высотой 16–19 м при ширине в основании 16–24,5 м, соединенных стенами высотой от 7 до 12 м.

Ее стены и башни сложены из местного плитняка и подчас очень крупных ледниковых валунов. Из отесанного известняка выкладывались их внешние поверхности, а валуны использовались как материал для забутовки.

В 1584–1585 гг. к югу от крепости было сооружено небольшое деревоземляное фортификационное сооружение, состоявшее из трех бастионов. Тогда же была несколько обновлена и модернизирована и сама каменная крепость.

В XVII в. общая протяженность фортификационных укреплений Ладоги достигала 154 сажень (332,64 м). В эту боевую линию входили три круглые башни — Климентовская (наиболее мощная), Стрелочная Раскатная, полукруглая Тайничная башня (снабженная в первом ярусе колодцем) и прямоугольная Воротная башня. Все башни ладожской крепости были трехъярусными, в поперечнике достигали 6–10 сажен (12,96–21,6 м), немного превышали по высоте смежные участки стен и располагались более или менее равномерно по периметру крепостного мыса на расстоянии 18,5–30 сажен (39,96–64,8 м) друг от друга. Входы в башни (за исключением Воротной) находились во вторых ярусах, совпадавших по уровню с поверхностью крепостного двора. Сообщение осуществлялось по внутрибашенным лестницам. С юга укрепление ограничивали земляной вал высотой 5,5 сажен (11,88 м) и ров глубиной 2 сажени (4,32 м).

Однако со временем стены и башни ладожской крепости стали приходить в упадок, что вызывало тревогу местных властей. В частности, в 1655 г. в донесении сообщалось: «от немецкого свейского рубежа город Ладога всего 30 верст, и ездят в государеву сторону мимо Ладоги немецкие посланники и гонцы и торговые люди приезжают почасту, и городовое нестроение видят» (Цит. по: *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1896. С. 258.).

Наиболее полная картина состояния Ладожской крепости содержится в донесении воеводы Кулубакина, составленного в 1665–1667 гг. Он, в частности, отмечал: ни на одной башне крыш уже нет и все сверху начали обваливаться, а пятая, отделившись от стены, накренилась к Волхову и угрожает неминуемым падением. Стены также были без покрытий и сохранились еще почти полностью только в двух местах, на части северной половины западного фаса и на части восточного фаса, но они уже в это время осыпались; кроме того, в значительной степени оставалась еще сохранившаяся стена, составлявшая южную половину западного фаса, на которой только исчезли зубцы, замененные деревянными тарасами, по всему остальному протяжению ограды тянулись уже местами деревянные постройки из тарасов, взамен обвалившейся каменной кладки, местами же вновь возведенные целиком «деревянные рубленные стены» (южный фас и южная половина фаса восточного). Но и все эти пристройки в тот период были уже гнилыми и развалились.

В 1672 г. на восточном фаса исчезла уже средняя башня, которую пришлось разобрать «по нижний свод», и заменена рубленной стеной, а к 1676 г. провалились все полы в остальных башнях и засыпался колодец в Тайничной башне. В тот период в донесении отмечалось, что «тот каменный город весь стоит без кровли и без починки многие лета и в

башнях мост от мокроты от дождю и от снегу все огнили и провалились, а наряд пушки стоят в башенных окнах на каменной стене».

В 1685 г. бои в стенах ограды, а также потайной выход из юго-западной башни были уже завалены совершенно; еще держались три четверти стен на западном фесе и северная половина восточного, но к 1692 г. рухнули и эти, за исключением южной половины западного фаса.

В 1699 г., когда Петр затребовал выписку из Новгородских описных книг о состоянии ладожской крепости, ему было доложено: «Город Каменный, а в нем башни и прясла стоят без кровли и без починки многие годы, и на башнях кровлей и в башнях мостов нет, от дождя и снега все сгнило без остатку и провалилось», в Деревянном городе все башни, мосты и ворота также сгнили и «валились врозь» (*Лебедев Г. С. Старая Ладога в Северной войне // От Нарвы к Ништадту. СПб., 2001. С. 60*).

Таким образом, состояние ладожской крепости к началу Северной войны следует назвать плачевным и признать, что данные укрепления вряд ли смогли бы выдержать правильную осаду. Новгород и Псков обладали довольно мощными и исправными, правда, несколько устаревшими укреплениями, но вполне могли выдержать осаду.

При этом во Пскове, начиная с 1620-х гг., были проведены довольно серьезные работы по модернизации крепости — было возведено 8 башен-фортов, осуществлены ремонтные работы стен.

Слиж Н. В. Война 1654–1667 гг. в восприятии жителя Великого княжества Литовского // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 293–295.

Н. В. Слиж

Война 1654–1667 гг. в восприятии жителя Великого княжества Литовского

Войны в трудах исследователей чаще всего предстают как история событий, военных стратегий, операций и т. д. Антропологические исследования показали возможность увидеть события с точки зрения того или иного человека. Война как событие трагическое вспоминается человеком крайне негативно и эмоционально, с болью и горем.

Историография войны 1654–1667 гг. имеет политическую окраску. О ней умалчивали, называли русско-польской. Только в последнее время появились работы, которые пробуют более объективно представить события тех лет. В них приводятся масштабы материальных и человеческих потерь (*Ткачоў М.* Вайна Расіі з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг. // *Беларускі гістарычны часопіс*. 1993. № 1. С. 83–90; *Сагановіч Г.* Невядомая вайна: 1654–1667. Мн., 1995; *Wilczesk W.* Spustoszenia wojenne w dekanacie Słonimskim w czase najścia moskiewskiego w połowie XVII wieku // *Nasza Przyszłość*. 2000. Т. 94. S. 245–298; *Бабятынскі К.* Ад Смаленску да Вільні. Вайна Рэчы Паспалітай з Масковіяй (1654–1655 гг.) // *Arche* Пачатак. 2008. № 7–8 (70–71). С. 188–365; *Kotljarchuk A.* In the Shadows of the Poland and Russia. The Grand Duchy of Lithuania in the European Crisis of the mid-17th century. Södertörns högskola, 2006). Работ, где бы были рассмотрены персональные переживания войны, не так уж много (*Гардзеў М. Ю.* Полацкія магістрацкія кнігі другой паловы XVII ст. як гістарычная крыніца // *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэрыялы II Міжнароднай навуковай канферэнцыі*. Полацк, 1998. С. 76–79; *Гардзеў М. Ю.* «Под час небеспеченства од Москвы...» (актавая кніга полацкага магістрату за 1656–1657 гг. як крыніца па вивучэнні вайны 1654–1667 гг.) // *Беларускі гістарычны агляд*. 1999. Т. 6. Сш. 1–2. С. 202–221; *Гардзеў М. Ю.* Запісы-тэстаменты полацкіх мяшчан часоў вайны 1654–1667 гг. як пісьмовыя гістарычныя крыніцы // *Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні: Матэрыялы Рэсп. навукова-практ. канф.* Мінск, 27 сакавіка 1999 г. У 2 ч. Мінск, 1999. Ч. 2. С. 39–42; *Сліж Н.* Лёс шляхцянак у вайне 1654–1667 г. // *Герольд Litherland*. 2004. № 3–4 (15–16). С. 85–90). В данной работе мы бы хотели представить войну 1654–1667 гг. глазами очевидцев, через их судьбу и судьбу их близких.

Основными источниками стали личные документы, дневники и воспоминания. В них приводится информация не только про события, которые пережили авторы и их близкие, родственники, друзья, но и эмоции, личное отношение к происходящему. Война 1654–1667 гг. сильно повлияла на содержание документов, их формуляр, ведение делопроизводства (*Гардзеў М.* «Под час небеспеченства од Москвы...» С. 202–221). Фиксация частных документов в книги земского, городского судов и магистратов была либо приостановлена, либо модифицирована. Государственные учреждения полноценно заработали после освобождения территории ВКЛ от московских войск. В судебных книгах за 1660–1670-е гг. содержится достаточно документов за 1650-е гг., когда они были составлены, но по причине войны не были зафиксированы сразу же в судах. Часто эти документы были написаны в плену, в разных городах России — Казань, Ярославль. Часть их была опубликована (Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губернии Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске. Вып. 21. Витебск, 1891; Русско-

белорусские связи во второй половине XVII в. (1667–1686 гг.). Сборник документов. Мн., 1972; Гардзееў М. «Под час небеспеченства од Москвы...» С. 202–221).

Наиболее интересными частными источниками являются завещания. В них часто приводится обширная информация о ходе войны, обстоятельствах попадания в плен, условиях пребывания там. Особое место занимает беспокойство о семье. Авторы упоминают о судьбах супругов, детей, родственников. При распределении имущества после своей смерти учитывают и тех, кто попал в плен и чья судьба на момент написания завещания была неизвестна.

Документы этого периода очень эмоциональны. В них читается страх за себя, своих родных, неуверенность в завтрашнем дне, ненадежность происходящего. Явно присутствует состояние психологического шока. Даже когда люди писали про эту войну спустя много лет, они не оставались равнодушными при описании событий. Часто пережитый стресс сохранял свой след на психике людей до конца их жизни. К войне было очень негативное отношение. Документы демонстрируют ненависть к врагу, называя его тираном, неприятелем и т. д.

Особое место в источниках занимает описание повседневности, трудностей, бедствий, связанных с войной. Среди них отмечают голод, эпидемии, неурожай, плохие условия содержания в плену.

Военные события через призму личного восприятия предстают в ином свете. Когда они характеризуются с точки зрения военной стратегии, то в них оценивают профессионализм военачальников, количество убитых, раненых, захваченных в плен. Это идет как статистические данные. Но описания тех же событий от первого лица предстают в ракурсе трагедии и переживаний.

Смирнов Н. В. Военная кампания 1654–55 гг. на литовском направлении // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 295–300.

Н. В. Смирнов

Военная кампания 1654–55 гг. на литовском направлении

Одним из исторических стереотипов по отношению к военной истории допетровской России является представление о ее почти феодальном характере. Русская армия XVII в. часто ассоциируется с «ополчением», а боевые действия описываются в виде ряда «походов воевод». Между тем военные конфликты XVII в. в Восточной Европе уже мало отличались от европейских войн «нового времени». Четкое планирование военной кампании, маневренная борьба на нескольких операционных направлениях, борьба за коммуникации и вопросы снабжения армий стали обязательным элементом военных кампаний.

Впервые, в полной мере, новый характер войны в Восточной Европе проявился в крупнейшем столкновении XVII столетия — русско-польской войне 1654–67 гг. за Украину и Белоруссию. Кампании 1654–55 гг. представляют в этой войне наибольший интерес, так как представляют боевые действия войск России и Речи Посполитой, находящихся в наибольшей боеготовности. Кроме того, вмешательство третьих стран в конфликт (за исключением перешедших на русскую сторону казаков Хмельницкого) еще не влияло на ход боевых действий.

Военные действия 1654–55 гг. в Белоруссии делятся на три кампании: летне-осенняя 1654 гг. (наступление русских войск), зимняя 1654 г. (контрнаступление литовских войск), весенне-летняя 1655 г. (второе наступление русских войск). Эти операции не обойдены вниманием исследователей, однако в них в основном рассматривается ход событий и их внешнеполитический фон. В настоящее время наиболее подробно история борьбы в Белоруссии освещаются в работах А. Н. Мальцева, К. Бобятынского и А. Малова.

Анализируя кампанию 1654 г. с русской стороны, следует отметить две основных тенденции. Прежде всего, очевиден учет опыта Смоленской войны и желания избежать повторения ошибок событий 1632–33 гг.:

— Увеличение фронта наступления за счет создания отдельного соединения на северо-западном направлении (полк В. П. Шереметева), увеличение роли и численности армии на юго-западном направлении (полк А. Н. Трубецкого) и посылки войск на Украину (полки В. Б. Шереметева и Ф. В. Бутурлина).

— Активные действия русских войск против полевой армии Великого княжества Литовского под командованием великого гетмана Я. Радзивилла. Настойчивые действия полков А. Н. Трубецкого и Я. К. Черкасского привели к боям у Шклова и Шепелевичей (12 и 24.08.1654 г.) и разгрому литовской армии, решившему в итоге судьбу Смоленска и всей летней кампании.

— Тщательная подготовка и настойчивость при осаде Смоленска. Предварительное выдвижение осадной артиллерии позволило быстро перейти от блокады крепости к

правильной осаде и предпринять быстрый штурм. Весть о разгроме литовской армии стала последним аргументом, заставившим капитулировать Смоленский гарнизон (29.09.1654 г.).

Второй чертой кампании стала ярко выраженная борьба за коммуникации и, главным образом, за Днепр. Контроль над рекой имел стратегически важное значение, т. к. она лучше других путей связывала два изолированных театра военных действий — Украину и Белоруссию. Ради борьбы за Днепровские крепости приходилось жертвовать успехам на иных направлениях. Так, в конце кампании все наличные силы, кроме северо-западной группировки, были сосредоточены на борьбе с двумя последними удерживаемыми врагом крепостями — Дубровной (взята 22.10.1654 г.) и Старым Быховым (взят запорожскими казаками в 1656 г.). К сожалению, решить задачу контроля над верхним течением Днепра удалось только к концу 1656 г., когда необходимость в нем отпала.

Новые стратегические решения не могли полностью отменить традиционные взгляды. На протяжении всей кампании было очевидно желание русского командования держать максимальное количество войск в главной армии. В эту политику вписывались и требования о прибытии под Смоленск запорожскому полку И. Золотаренко (обусловленные также и политическим расчетом) и отказ от движения на Украину полка А. Н. Трубецкого, который в октябре был возвращен к Дубровне.

К традиционным чертам действий русских войск следует отнести и осторожность в проведении кампании 1654 г. Несмотря на очевидное превосходство в силах (60–70 тыс. русских и 15–20 тыс. украинских войск против 30–40 тыс. польско-литовских), командование русской армии отказывалось от рискованных глубоких операций, предпочитая методичную борьбу за крепости. Следует отметить, что эти действия были успешными и обеспечили прочное удержание позиций в ходе литовского контрнаступления.

В свою очередь польско-литовское командование допустило ряд просчетов в подготовке кампании. Причины неготовности Речи Посполитой к войне в 1654 г. лежат в нескольких плоскостях: политической, стратегической и организационной. В политическом плане роковую роль сыграло противостояние политического руководства Короны и Великого княжества Литовского. В середине XVII в. отношения двух частей Речи Посполитой переживали тяжелейший кризис, который неизбежно сказывался на обороноспособности страны. Крайне напряженными были и личные отношения Яна Казимира и Я. Радзивилла. Зачастую личные амбиции напрямую вредили подготовке к войне. Дополнительным фактором, ухудшавшим отношения двух частей Речи Посполитой, был рост сепаратистских настроений среди литовской знати (в первую очередь Радзивиллов и их сторонников). Учитывая, что в противостоянии Русскому государству Великое княжество Литовское уже с начала XVI в. было не способно справиться своими силами,

стремление к независимости фактически означало курс на подчинение Шведскому королевству.

На политическую нестабильность накладывались организационные проблемы вооруженных сил, особенно ее литовской составляющей. Еще в XVI в. в структуре вооруженных сил сформировались три основных составляющих — посполитое рушение, наемные (компутовые) войска и приватные отряды. При хорошей подготовке и достаточном финансировании это позволяло выставить в поле армию, превышающую по количественному и, что более важно, качественному составу любого потенциального противника. Но успехи польско-литовского оружия во второй половине XVI — первой половине XVII в. привели к тому, что правительство в основном опиралось на наемную армию. Компутовые войска отличались высокой степенью готовности и большим опытом, кроме того эта система позволяла быстро восполнять потери набором новых жолнеров. Однако подобная система комплектования была очень дорогой и не рассчитанной на длительные войны. Недостаток средств, с одной стороны, ограничивал численность армии, а в перспективе сказывался на моральном состоянии наемников. Более того, и без того скромные литовские силы были организационно разделены на две самостоятельные группировки без единого командования — дивизии правого (великий гетман Я. Радзивилл) и левого крыла (польный гетман В. К. Гонсевский). В итоге — в начале войны главным силам русской армии противостояла лишь небольшая армия, основу которой составляли около 15 000 наемных войск в двух дивизиях.

Катастрофическое соотношение сил могло полностью измениться со вступлением в борьбу коронных войск. Такое вступление играло решающую роль в предыдущих русско-польско-литовских войнах (Оршинская кампания 1514 г., походы Стефана Батория 1579–81 гг., Смута 1609–18 гг., Смоленская война 1632–34 гг.). В 1654 г. Корона располагала значительными силами как наемных войск, так и приватных магнатских отрядов. Но здесь сказался стратегический просчет польско-литовского командования. Причиной очередной русско-польской войны была борьба за Украину. Король и его окружение предполагали, что именно в этом регионе будет нанесен главный удар русских вооруженных сил. Сказались и приоритеты польских магнатов, стремившихся в первую очередь удержать владения на Украине. Дополнительным фактором, приковывавшем внимание Короны к украинскому фронту, являлась угроза со стороны казаков для собственно польских земель.

Действия Я. Радзивилла в этой ситуации полностью основывались на опыте Смоленской войны и недооценке противника. Он рассчитывал, базируясь на поднепровские крепости, сорвать осаду Смоленска, дождавшись подхода многочисленных польских и литовских подкреплений. Некоторые его действия даже имели небольшой успех (атака

отряда Г. Ганскофа на полк Н. И. Одоевского 01.07.1654 г.). Возможно, это был единственно верный вариант действий. Однако, на этот раз ситуация развивалась иначе. Русская армия навязала Радзивиллу активную стратегию, нанеся ему поражение и отбросив к Минску.

Уже к октябрю 1654 г. русское наступление остановилось. Желание русского командования закрепиться на занятых рубежах полностью отвечало оперативной обстановке. Во-первых, ослабленные боями русские полки не могли рассчитывать на подкрепление, т. к. Россию захлестнула волна очередной эпидемии, принявшей катастрофические масштабы. Это дезорганизовало тыл русской армии в Белоруссии. Во-вторых, несмотря на неудачи, польско-литовская армия наращивала свою численность. Под Минском объединились и наконец-то были поставлены под единое командование дивизии Радзивилла и Гонсевского. К ним же подошел на подкрепление коронный корпус (прибыл в Минск во второй половине октября). К тому же нельзя было гарантировать, что он не являлся авангардом главных сил польской армии. В перспективе проявилась угроза столкновения с равными или превосходящими силой врагами.

Если в завершении кампании 1654 г. русское командование приняло правильное решение, то действия польско-литовских сил были излишне пассивными. Своевременный момент перехода в контрнаступление был упущен из-за очередного витка внутрисполитического противостояния. В итоге два месяца передышки позволили царским войскам укрепить захваченные крепости и ликвидировать последние очаги сопротивления литовцев в Восточной Белоруссии. Так, Витебск был взят всего за неделю до подхода литовского подкрепления С. Коморовского (2.12.1654 г.). Контрнаступление проходило в самое неудачное время — войскам приходилось в зимнее время заниматься осадой крепостей.

С одной стороны, выбор направления главного удара был определен стремлением вернуть линию днепровских крепостей, но в немалой степени был продиктован надеждой на измену моголевского полковника К. Поклонского и быструю сдачу города. В итоге широко задуманное контрнаступление свелось в основном к утомительной и безрезультатной осаде Могилева (2.02.–1.05.1655 г.). Неудача осады прежде всего подорвала моральное состояние польско-литовского войска. Все прочие действия свелись к незначительным успехам. Таким образом, стойкость сравнительно небольшого моголевского гарнизона решила исход зимней кампании 1655 г.

Последующие победы в летней кампании 1655 г. и крах литовской обороны были логическим следствием успехов русской армии в наступлении и обороне 1654 – начала 1655 г. Исходные позиции для наступления на Вильно были намного лучше, чем год назад — у

противника не было ни сил, чтобы противостоять царским полкам, ни крепостей, опираясь на которые можно было выиграть время.

Успехи русской армии в начале русско-польской войны были обеспечены не столько численным превосходством русской армии, сколько тщательной подготовкой и хорошей организацией боевых действий. К середине XVII в. во главе вооруженных сил встал целый ряд талантливых и инициативных полководцев, многие из которых имели большой военный опыт (А. Н. Трубецкой, В. П. и В. Б. Шереметевы, Я. К. Черкасский). Большим подспорьем для них стали иностранные командиры, которые к этому времени стали оказывать значительное влияние на русскую военную политику (например, генералы А. Лесли, Н. Бауман).

Важную роль сыграло и решение царя возглавить армию в двух наступательных кампаниях. Помимо морального значения и повышенной ответственности подчиненных, личное присутствие Алексея Михайловича позволило оперативно отреагировать на ситуацию. Только с согласия царя можно было направить половину осадной армии против Радзивилла к Орше и Шклову и быстро перенаправить туда же группировку Трубецкого.

Если русское командование проявило высокое мастерство планирования операций и управления войсками, то значительная доля вины за неудачи Речи Посполитого ложится на великого гетмана Я. Радзивилла. При его попустительстве литовская часть государства оказалась совершенно неготовой к отпору, а внутривойсковые разногласия постоянно сковывали действия вооруженных сил. Запоздалое контрнаступление своей неудачей лишь усугубило ситуацию, фактически облегчив русским войскам продвижение вглубь княжества в летней кампании 1655 г. На протяжении всей кампании гетман всячески подчеркивал свою независимость перед королем. Неудивительно, что итогом подобной политики и военных просчетов стало сначала предательство (Кейданский договор 20.10.1655 г.), а затем и гибель (гетман умер 31.12.1655 г. в Тикочине, осажденный войсками, верными присяге Речи Посполитой).

Не меньшей была вина и короля Яна Казимира, который, даже выяснив направление главного удара царских войск в кампании 1654 г, а тем более 1655 г., оказал более чем скромную помощь Великому княжеству Литовскому, направляя все усилия на Украину.

Признавая военные таланты и безусловную личную храбрость обоих польско-литовских командующих, следует констатировать тот факт, что эти качества не могли помочь польско-литовскому государству в борьбе. Кампании 1654–55 гг. в Белоруссии были выиграны стороной, которая лучше всего была готова к современной войне, и таковой оказалось Русское государство.

Солодкин Я. Г. Внешнеполитические последствия крымского нашествия 1591 г. на Москву // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 300–304.

Я. Г. Солодкин

Внешнеполитические последствия крымского нашествия 1591 г. на Москву

В начале июля 1591 г. орде Казы (Гази)-Гирея удалось прорваться к Москве. Но в окрестностях русской столицы встреченные полками боярина Ф. И. Мстиславского и «изрядного правителя» Б. Ф. Годунова крымцы провели менее суток и бежали, «никуда не уклоняясь для добычи, прямо домой» (Платонов С. Ф. Смутное время. СПб., 2001. С. 233). До Судбищ татар преследовал отряд выборного тульского дворянина И. Н. Мясного. Это нашествие, по версии московского правительства, предпринятое «по турецкого салтана велению» и стоившее хану две трети войска (Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 10. Примеч. 269, 270), оказалось последним в истории русско-крымских отношений. Крупная неудача, постигшая Казы-Гирея, имела немалые внешнеполитические последствия.

Прежде всего она сказалась на двусторонних отношениях. С точки зрения А. А. Зимина, хан стремился урегулировать их мирным путем, но его послы в конце 1591 г. «откровенно выражали досаду на постройку городков на Тереке, ибо они запирали для османо-татарских войск путь на Иран»; переговоры затянулись, результатом чего явился набег калги Фети-Гирея и нурадина Бахты-Гирея (возможно, с 80-тысячным войском) весной следующего года (Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 183). Как представляется Р. Г. Скрынникову, крымские царевичи, опустошившие тульские, каширские и рязанские земли и сжегшие крепость в Елифани, воспользовались оплошностью русских: Боярская дума не позаботилась, вопреки обыкновению, сосредоточить на Оке крупные силы, поскольку в ответ на предложение Казы-Гирея решила отправить послов для заключения мира (хан уверял русских дипломатов, что царевичи, напавшие на русскую «украину», действовали самовольно).

С 1593 г. хану пришлось участвовать на стороне Турции в войне против Империи, и 14 ноября того же года в Ливнах был подписан договор о мире и дружбе, предусматривающий заключение союза против Речи Посполитой; ровно через полгода, перед походом на Венгрию, хан ратифицировал это соглашение, хотя, по замечанию Р. Г. Скрынникова, московское правительство прислало лишь половину «запроса» и «поминок». С точки зрения А. А. Новосельского, хан, который начал войну в Венгрии, опасался, как бы правительство «везиря» Бориса не заключило союза с Речью Посполитой.

В 1593 г. Крыму предлагалась помощь вплоть до постройки на Донце двух городов, куда тотчас будет прислано многочисленное войско, дабы вместе с ханом на его «недругов стояти заодин» (ранее Казы-Гирей предлагал царю Федору «поставить» на русские деньги крепость на Кошкином перевозе). Тогда же в Бахчисарай отправили 10 тыс. рублей (подчеркнув, что столь щедрая «посылка николи прежним царем не бывала»), согласно утверждению А. И. Папкова, в качестве компенсации за продвижение России на юг. А. В. Лаврентьев же писал, что в 1594 г. в Крым была отправлена впятеро большая сумма «для смягчения» его реакции «на активное строительство крепостей “на поле”, предпринятое правительством Бориса Годунова» (*Лаврентьев А. В. Царевич — царь — цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 124*). Но ведь ранее, зимой 1591–1592 гг., был основан только Елец, как думалось В. П. Загоровскому, в ответ на недавнее нашествие Казы-Гирея; к 1594 г. относится «поставление» Кром. Скорее, отправляя хану и его приближенным богатые «поминки», русское правительство надеялось добиться подтверждения ранее заключенного мира и предотвращения новых татарских вторжений.

С 1593 г., — указывал А. А. Зимин, — нападения татар до самого конца XVI в. прекратились, их совершал только Дос-Магмет из Азова — в 1594 г. на алатырские места, в 1596 г. — на ряжские. Известно, впрочем, о крымских набегах 1593 и 1594 гг. на южную «украину» (Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 1. С. 111; *Глазьев В. Н. Структура власти в городах-крепостях «на Поле» в конце XVI века // Ист. зап.: Науч. тр. ист. фак. Воронеж, 1997. Вып. 2. С. 11*).

Мнение, что «конец XVI века отмечен конфронтацией между Россией и Крымским ханством» (*Лисейцев Д. Русско-крымские отношения в эпоху Смуты // Россия XXI. 2000. № 1. С. 97*), стало быть, односторонен, как и вывод, будто тогда отношения этих стран оставались неопределенными (*Любомиров П. Борис Федорович Годунов // Русский биографический словарь. М., 1998. Т. 3. С. 149*).

В течение пяти лет после того, когда князь М. А. Щербатый привез в Москву шертную грамоту хана, как представлялось О. А. Державиной, «других сношений» с Казы-

Гиреем при Федоре Ивановиче не было (Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 480. Комм. 151). В действительности, как, к примеру, во второй половине 1570-х гг., русско-крымские дипломатические контакты регулярно поддерживались и вслед за поспешным бегством татар из предместий «царствующего града». В частности, в последние годы XVI в. в Бахчисарае побывали казначей И. В. Траханиотов и дьяк А. И. Демьянов (они обменяли на татар и выкупили десятки русских пленных), выборные дворяне А. Ф. Зиновьев и И. Бунаков (*Лихачев Н.* Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. СПб., 1894. Прилож. С. 49–51; Разрядная книга... Т. 2. Вып. 1. С. 100–101, 119, 157, 159; *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 220, 223; *Виноградов А. В.* Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник: 2005. М., 2006. С. 64, 65, 67–70 и др.).

Согласно недавно высказанному мнению, «Борис Годунов почувствовал некоторую уверенность в отношениях с Крымом из-за его участия в войне с Венгрией» (История внешней политики России: Конец XV–XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 197). Такой взгляд является по меньшей мере односторонним. Еще Н. М. Карамзин полагал, что России удалось обуздать крымцев не с помощью османов или посредством мирных переговоров с ханом, а благодаря строительству крепостей на своих южных рубежах. Тем самым, думалось С. Ф. Платонову, реализовывался «план занятия «дикого поля»», разработанный еще в 1570-х гг., что «закрыло для татар пути к Москве и вообще в московский центр». Вслед за Воронежем, Ливнами, Ельцом и Кромами на Поле в 1596 г. (эта дата была установлена В. И. Бугановым и В. П. Загоровским) встали Курск, Белгород и Оскол. После 1591 г. «общий характер отношений к Крыму определился в пользу Москвы», там «не было страха перед Крымом, и московское правительство, не озираясь на Крым, свободно действовало против ногаев и татар “кавказской группы”» (*Платонов С. Ф.* Смутное время. С. 234, 246, 269–270. Ср.: С. 167, 363). В «разрядах» даже сообщается об обращении «всей земли» к «миропреподобному» Федору Ивановичу в мае 1595 г. с просьбой о походе на Крым, но «святожительный» государь (точнее, по выражению А. А. Зимина, Борис Годунов «устаи царя») ответил отказом. Достоверность соответствующей разрядной записи нам, в отличие от Н. М. Карамзина, А. А. Зимина и Р. Г. Скрынникова, кажется сомнительной. Хотя объединившиеся в антитурецкую коалицию папа, император и испанский король намеревались использовать военные силы России для нейтрализации Крыма (*Накашидзе Н. Т.* Русско-английские отношения во второй половине XVI в. Тбилиси, 1955. С. 123), московское правительство не склонно было ввязываться в открытую борьбу с

ханом, фактически оставаясь без союзников и понимая, что в таком противостоянии Казы-Гирея в любом случае поддержат османы.

Польско-литовские и австрийские дипломаты, побывавшие в российской столице в 1592 и 1593 гг., получили обстоятельные сведения о недавнем «приходе» к ней «крымского царя», и, разумеется, неспроста. Однако возможность союза с Речью Посполитой и Империей против «Перекопского ханства» в Москве, скорее всего, признавали иллюзорной.

Вторжение 1591 г. было предпринято Крымом по согласованию со Швецией (*Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 41, 433), в войну с которой, надеясь вернуть прибалтийские земли, уступленные по Плюсскому перемирию, полтора годами прежде вступила Россия. В кампанию 1591 г. армия фельдмаршала К. Флеминга не смогла овладеть Гдовом и, разграбив окрестности Пскова и порубежные районы, отступила.

Разумеется, едва ли подобно Р. Г. Скрынникову стоит утверждать, что «поражение Крымской орды под стенами Москвы... обрекло на неудачу шведское вторжение» (*Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1978. С. 65; *Он же.* Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 91). После успешного похода русских войск к Выборгу и Кореле (зимой 1591–1592 гг.) на реке Плюсе начались переговоры, через пять месяцев, 20 января 1593 г., завершившиеся подписанием двухлетнего перемирия; 18 мая 1595 г. же был заключен Тязвинский мир между Московским государством и Швецией.

Под влиянием разгрома хана на подступах к русской столице Сигизмунд III 15 декабря 1591 г. ратифицировал подписанное 10 января того же года в Москве соглашение о перемирии, хотя и с условием, что в течение 12 лет Россия и Литва не будут претендовать на Нарву.

В связь с начавшимся после поражения Казы-Гирея возле Москвы русско-крымским сближением можно поставить стремление правительства Федора Ивановича укрепить свои позиции на Северном Кавказе: в сентябре 1593 г. войско князя А. И. Хворостинина было отправлено на Терек.

Таким образом, вследствие неудачи крымского нашествия 1591 г. на Москву ее внешнеполитическое положение существенно упрочилось. В последние годы царствования «блаженного Феодора» его «пестуну» Борису удалось обеспечить безопасность южных границ и добиться заключения мирных соглашений с Речью Посполитой и Швецией, которые вскоре вступили в войну друг с другом, что позволило затем России попытаться решить Балтийский вопрос дипломатическими средствами (*Рябошанко Ю. Б.* Русско-шведские отношения на рубеже XVI–XVII веков // Вопросы истории. 1977. № 3. С. 26, 30–34).

Суляк С. Г. Грюнвальдская битва и роль Карпатской Руси и Молдавии в общественно-политической жизни Центральной и Восточной Европы в XIV–XVII вв. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 305–309.

С. Г. Суляк

**Грюнвальдская битва и роль Карпатской Руси и Молдавии
в общественно-политической жизни Центральной и Восточной Европы
в XIV–XVII вв.**

Дореволюционный историк А. Барбашев сравнил значение Грюнвальдской битвы с Куликовской (*Барбашев А.* Витовт. Последние двадцать лет княжения. СПб., 1891. С. 35). На наш взгляд, победа объединенного польско-литовско-русского войска только закрепила изменившуюся геополитическую ситуацию в регионе. Под командованием Витовта сражались и отряды из православных Валашского и Молдавского княжеств. В 1421 г. молдавские воины участвуют в осаде Мариенбурга (*Стати В.* История Молдовы. Кишинев, 2002. С. 59-60). Таким образом, образованное в 1359 г. Молдавское княжество стало участником значимых для судеб Центральной и Восточной Европы событий.

Молдавское государство возникло на землях, входивших ранее в состав Древней, а затем Галицкой Руси. Эти земли населяли племена тиверцев, уличей и хорватов. Древнерусское население Карпатской Руси имело хозяйственный уклад, несколько отличный от других регионов Руси: наряду с земледелием здесь было распространено отгонное скотоводство. Летописец Нестор, описывая участников похода князя Олега на греков в 907 г. упоминает тиверцев, «иже суть толковины» (ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846. С. 12.; ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 272), указывал род их занятий — пастушество (в русинском языке до сих пор сохранилось древнерусское слово «толока» в значении «пастбище»; в этом же значении оно до сих пор употребляется в ряде областей России и Украины). Название соседнего тиверцам племени — хорваты — от древнеиранского «пастух, страж скота». В 1223 г. воинов, пришедших из Карпато-Днестровских земель на 1000 ладьях на помощь объединенному русскому войску и

принявших участие в битве на Калке, назовут «выгонцами галицкими» (ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 130), учитывая их «государственную» принадлежность и род занятий — пастушество (слова «толока» и «выгон» в данном случае синонимы. См.: Суляк С. Г. Русины: Страницы истории // Международный исторический журнал Русин. Кишинев, 2005. № 1. С. 50; Сын самодержца всея Руси // Международный исторический журнал Русин. Кишинев, 2005. № 2. С. 35–36). Именно этот хозяйственно-экономический уклад привел в дальнейшем к русинско-волошскому симбиозу.

К X в. земли тиверцев, уличей и хорватов вошли в состав Древнерусского государства, а в конце XI в. выделились в отдельное Галицкое княжество. Во второй половине XIII в. северный берег Черного моря оказался под контролем монголо-татар. Однако Пруто-Днестровское междуречье некоторое время продолжало входить в состав Галицкого княжества. В XIII в. Подкарпатская Русь окончательно вошла в состав Венгерского королевства. После прекращения рода Даниила Галицкого в 1340 г. началась война между Польшей и Литвой за галицко-волынское наследство. В 1349 г. польский король Казимир III захватил Галицкое княжество, Волынь осталась за Литвой.

В начале XII в. начинается волошско-русинская (русское население Карпато-Днестровских земель называло себя русинами; «русин» — самоназвание населения Древней Руси, производное от слова Русь, второй этноним населения Карпатской Руси — «руснак»; само слово «руснак» возникло как противопоставление этнониму «поляк») колонизация восточных склонов Карпат. В этом переселенческом процессе наряду с волохами приняли участие и русины Марамороша (Мараморош (Марамуреш) — комитат (жупа) в северо-восточной части Венгерского королевства; сегодня 3/5 территории Марамороша находится в Закарпатской области Украины, 2/5 — в Румынии). Молдавское княжество было образовано в период усиления борьбы между Польшей и Литвой за галицко-волынское наследство.

В середине XIV в. население Молдавского княжества составило свыше 78 тыс. человек, около 40 % населения было русским. В первой трети XV в. население княжества возросло почти до 126 тыс. чел., в конце XVI в. — до 300 тыс. чел. Такой прирост был достигнут путем массового переселения волохов и русинов из Марамуреша, а также русинов из Галичины, Подолии (Полевой Л. Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев: Штиинца, 1979. С. 112–114).

Первые воеводы Молдавии — Богдан I Основатель (1359–1365), Лацко (1365–1374) — были по происхождению русинами (*Iorga Nicolae. Histoire des relations russo-roumaines // Histoires des relations roumaines. Anthologie et edition augmentee par Florin Rotaru. Bucarest: Imprimerie Semne, 1995. P. 358*). Молдавская государственность создавалась по

древнерусским образцам, русский язык того времени был официальным языком Молдавии до начала XVIII в.

В конце XIV в. молдавский господарь Роман I распространил свою власть «от планины (*горные пастбища в Карпатах* С. С.) до моря» (Documenta romanicae historica. A. Moldova. Vol. I (1384–1448). București, 1975. С. 3). Усилению Молдавского княжества способствовала победа великого князя Литовского и Русского Ольгерда над татарскими ханами Кутлубугой и Хаджибеем в Подолии, на берегах реки Синие воды (Синюхи) в 1362 г. В результате литовско-русские князья распространили свою власть до Черного моря, ослабив татарское присутствие в регионе.

Молдавский воевода Роман вступает в коалицию с киевским князем Владимиром Ольгердовичем, новгород-северским князем Корибутом Ольгердовичем, витебским князем Свидригайлом Ольгердовичем и подольским князем Федором Кориатовичем, недовольными Кревской унией 1385 г., и оказывает в 1393 г. военную помощь последнему против Витовта (*Войтович Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 673*).

В 1400 г. молдавский престол занимает Александр Добрый, правивший Молдавией 32 года. В 1402 г. он подтвердил вассальную зависимость от Польши. В годы правления Александра Доброго была реформирована административная, судебная система, реорганизован государственный совет, создана централизованная система управления государством (*Григоре Уреке. Летаписецул Цэрий Молдовей. Студиу ынродутив де Е. Руссев. Кишинэу: Литература Артистикэ, 1988. С. 73*). Одновременно шла реорганизация церковной жизни. В 1401 г. Константинопольский патриарх признал митрополита Сочавского и всея Молдавии Иосифа. Было организовано два епископства. Столицей государства и кафедрой митрополии стала Сучава (*Арсений (Стадницкий), епископ Псковский. Исследования и монографии по истории Молдавской церкви. СПб., 1904. С. 33–34*).

Вскоре Молдавия становится оплотом православия в Карпатской Руси. В конце XVI в., после введения Брестской унии, сохраняется духовно-каноническая связь галицкого и закарпатского духовенства с Молдавской православной церковью. Молдавские господа помогали сохранять православие на землях Карпатской Руси (*Добрянский А. Ведомость историческая о месте Перемышля // Лірвак з-над Сяну. Перемиські друки середини XIX століття. Перемишль, 2001. С. 252; Головацкий Я. Ф. Карпатская Русь. ЖМНП. Ч. CLXXIX. 1875. Июнь. С. 391–392*). Многие православные иерархи Галицкой православной кафедры и Мукачевской епархии отправлялись на посвящение в Молдавию (*Гавриил (Кризина), игумен. Православная Церковь в Закарпатье (век XX). С. 18*).

Население Карпатской Руси принимало активное участие в гуситских войнах. В 1422 г. более 5000 галицких русинов под предводительством князя Сигизмунда Корибутовича выступили на помощь гуситам (История Чешского королевства. Сочинение В. Томка. СПб., 1868. С. 428). Позже они влились в ряды таборитов. Приток русинов в войска гуситов продолжался и позже. После поражения таборитов в 1434 г. профессиональные военные поступали на службу в различные страны. В Словакии во второй половине XV в. действовали «братики», возглавляемые Я. Искрой, среди них было много «русняков». Отдельные отряды действовали в Словакии до их разгрома в 1467 г. После чего упоминания о них, как и о воинах-«русняках», исчезают (*Неедлы* З. Гуситы и русские. Исторический журнал № 10–11. 1941. С. 128).

Во времена Александра Доброго в Молдавии, начиная с 1420 г., появляются гуситы. Вначале они приходят из Северной Венгрии и Словакии, районов компактного проживания русинов. Причем даже в середине XVI в. количество гуситов на севере Молдавии было довольно велико (История Молдавской ССР. Т. I. Картя Молдовеняскэ. С. 135, 138). Учитывая вышеизложенное, а также то, что гуситы быстро интегрировались в молдавское общество, речь идет, скорее всего, о таборитах-русинах, профессиональных воинах, чье прибытие усилило обороноспособность Молдавии.

Во времена правления молдавского господаря Стефана Великого (1457–1504) Молдавия успешно отстаивала свой суверенитет в борьбе с Трансильванией, Польшей и Османской империей, выдержав около 40 войн. В этот период Молдавия вместе с Московской Русью были единственными независимыми православными государствами. После падения Константинополя Стефан Великий пытается взять на себя роль защитника православия. Он развивает культ св. Георгия и именуется «царем». В 1472 г. Стефан женится на Марии, дочери мангупского князя, находящегося в родстве с домом Палеологов. После 1484 г., когда турки захватили молдавские порты Белгород и Килия, он вынужден был отказаться от своих намерений. В 1486 г. Стефан Великий предложил Ивану Васильевичу заключить союз против османов, поскольку видел в нем «супостата крепкого противу поганьства». Показательно и то, что молдавский господарь признал старшинство великого московского князя, именуя Ивана Васильевича «господин мой», «государь великий», «ваша милость» (*Руссев Н. Д.* Русский мир и русская державность. Международный исторический журнал «Русин». Кишинев, 2009. № 1 (15). С. 149–150).

В 1490–1492 гг. Стефан Великий, поддерживаемый местным населением, попытался присоединить к своим владениям часть Галиции. Как указывается в молдавско-немецкой летописи 1457–1499 гг., «послал Стефан одного боярина в Землю русинов и [он] занял ее

вплоть до Галича» (Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М.: Наука, 1976. С. 53). Выступление Мухи, собравшего 10 000 воинов, закончилось поражением.

Таирова-Яковлева Т. Г. Гадячский договор и идея триединого государства «Речь Посполитая» // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 309–311.

Т. Г. Таирова-Яковлева

Гадячский договор и идея триединого государства «Речь Посполитая»

Гадячский договор — один из самых известных и в то же время противоречивых документов в истории Украины. Это, безусловно, блестящий образец юридической мысли представителей государственной группировки старшины. На долгие десятилетия он оставался своеобразным эталоном для последователей государственной идеи, к которому обращались даже в начале XVIII в. Широко известен факт, что когда в 1706 г. возник конфликт с правительством Петра, старшина бросилась в Печерскую библиотеку, чтобы перечитать Гадячский договор. Правда, этот договор (в той форме, которая вызывает восхищение) никогда не обретал юридической силы и не воплощался в жизнь.

Следует подчеркнуть, что до нас не дошел документ, подписанный И. Выговским и польскими комиссарами 8/18 сентября 1658 г. в Гадяче. Известна только окончательная редакция, утвержденная сеймом Речи Посполитой в мае 1659 г., и целый ряд списков, сделанных современниками на различных стадиях между его подписанием и утверждением.

Автор данной работы в своей монографии и ряде статей (Таирова-Яковлева Т. Г. 1) Гетьманщина в другий половині 50-х років XVII століття, причини і початок руїни. К., 1998; 2) Гадячский договор — легенда и реальность // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1. М., 1995. С. 62–78; 3) Гадячский договор от подписания до утверждения сеймом // История, історіографія, джерелознавство. Істор. 36 ір. К., 1996. С. 60–80; 4) Гадяцька угода — текстологічний аналіз // Гадяцька унія 1658 року. К., 2008. С. 31–46; 6) Новые архивные материалы и спорные вопросы гадячского соглашения // 350-lecie unii Nadziackiej (1658–2008). Warszawa, 2008. S. 551–564) провела текстологический анализ всех имеющихся списков договора, которые делали современники, и попыталась провести

реконструкцию первоначального текста. Анализ современных списков неопровержимо показывает, что текст договора претерпел драматические изменения с момента его подписания до момента его утверждения сеймом. Собственно, в юридический текст Гадячского договора идея о «триедином государстве» не вошла. Однако это не делает ее менее интересной.

Начало Гадячскому договору было положено в июле 1658 г. под Гощей, во время переговоров Переяславского полковника Павла Тетери с польским комиссаром Станиславом Казимиром Беневским. Именно тогда Тетеря представил полякам «Puncta na supplikę Woyska Zaporowskiego» (Матеріали до історії козащини / Від. В. Герасимчук. Львів, 1994. № 65). Несмотря на то, что большая часть положений Межиреченского соглашения перешла в Гадячский договор, в сентябре 1658 г., в ходе переговоров, появляется новый концептуальный подход. Речь идет о превращении Речи Посполитой в государство «трех народов», создании Княжества Руського. Именно на этом этапе к переговорам активно подключается Юрий (Ежи) Немирич, украинский шляхтич, судьба которого весьма похожа на авантюрный роман. Непосредственно перед заключением Гадячского договора Немирич, после многих головокружительных перипетий, попал шведам.

Мы никогда точно не узнаем, кто был автором блистательной идеи объединения Княжества Руського с Короной и Великим княжеством Литовским как «равного с равным», но то, что Юрий Немирич сыграл в этом не последнюю роль, можно не сомневаться. Впрочем, и без Выговского — опытного юриста, прошедшего большую школу в городских канцеляриях Речи Посполитой и Генеральной канцелярии Украинского гетманства — здесь тоже не обошлось.

В сентябре 1658 г. был написан знаменитый универсал Войска Запорожского «к иноземным владетелям», в котором аргументировалась необходимость отступления от «Московии» и перехода под покровительство Речи Посполитой. На нем, равно как и на окончательной редакции Гадячского договора, И. Выговский подписался: «Hetman X-tw Ruskich» (т. е. гетман княжеств Руських). В первоначальных вариантах соглашения встречаются такие термины, как «Речь Посполитая народа Польского, Великого княжества Литовского и Руського», «гетман войск Руських» и т. д. (*Стадник М. Гадяцька унія // ЗНТШ. Т. УІІІ. С. 31–37*). Причем казацкие послы, прибывшие на сейм в Варшаву, выступали за расширенное понятие этого образования: «чтобы воеводство Волынское, Руськое и Подольское присоединены были к великому княжеству Руському» (Памятники, издаваемые Временною Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Изд. I. Т. ІІІ. N LXXV. С. 315). Т. е., по сути речь шла об Украинском гетманстве в границах времен Богдана Хмельницкого. Здесь же были требования об учреждении трибунала великого княжества Руського, судов

сеймовых и задворных, чтобы князья в великом княжестве Русьском не имели преимущества перед шляхтой, чтобы все уряды на его территории (не только сенаторские, но и генеральные, и партикулярные) давались только православным (Памятники, издаваемые Временною Киевскою комиссиею... С. 325).

Гадячский договор готовился после десяти лет практически непрерывных войн с Речью Посполитой, на фоне серьезных конфликтов с русскими воеводами и, безусловно, учитывал весь отрицательный опыт, накопленный старшиной. Внимательное изучение Гадячского договора показывает, что для казацкой старшины это была не «пропольская политика», но поиск варианта наибольшей автономии.

Темушев В. Н. «Странная» война 1486–1494 гг. Специфика ведения боевых действий в первой московско-литовской пограничной войне// Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 311–315.

В. Н. Темушев

**«Странная» война 1486–1494 гг. Специфика ведения боевых действий
в первой московско-литовской пограничной войне**

Среди событий российской истории конца XV – первой трети XVI в. заслуживают особенного внимания литовско-московские отношения и, как наиболее яркое их проявление — ряд пограничных войн, итогом которых явились серьезные изменения в геополитической ситуации во всей Восточной Европе. Из пограничных войн одна остается до сих пор без отдельного исследования и вообще выделяется своей неразработанностью. При этом необходимо заметить, что именно во время этой, первой пограничной войны Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) с Великим княжеством Московским (так в то время в дипломатических документах называлось Российское государство), определялась дальнейшая стратегия поведения в отношениях соседних государств, складывалась идеология только что появившегося на свет единого Российского государства и проявлялись претензии московского правителя на «русские» земли ВКЛ. Сохранившиеся проблемы первой войны вызвали вторую — по существу, первая война и представляла собой

подготовку ко второй, была своеобразной пробой сил, разведкой перед решающим столкновением.

К сожалению, большинство исследователей не проявляло интереса к историко-географическим обстоятельствам первой пограничной войны. Источники дают достаточную информацию, но до сих пор попыток на ее основе сделать выводы о ходе военных действий, их направленности, подсчитать территориальные потери и обозначить проблемные регионы, слабые места, вокруг которых и разгорелся следующий конфликт, почти не встречается. Между тем, знание местности и конфигурации московско-литовской границы позволяет понять тактические и даже стратегические замыслы московских и литовских правителей. Например, пожалование литовскому перебежчику князю Ф. И. Бельскому владений на границе с Торопецким поветом ВКЛ было вызвано сознательным стремлением московского правительства организовать постоянное давление и беспокойство территории соседа (*Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 283, 287). Такие же задачи выполняли новый правитель Твери великий князь Иван Молодой, владелец Ржевы — князь Борис Волоцкий, Можайска — князь Андрей Углицкий. Великокняжеский дьяк Василий Долматов и мединский наместник Василий Давыдович также заботились об интересах государя на литовском рубеже. Между прочим, политика создания невыносимых условий жизни на пограничье стала своеобразной формой ведения войны со стороны Москвы.

Чтобы окончательно ослабить позиции литовской великокняжеской власти, московская сторона наносила точечные удары по центрам наместничеств ВКЛ и средоточиям местной княжеской власти — городам Любуцк, Мценск, Серпейск, Воротыньск, Вязьма и др. Эти города находились в окружении владений князей — вассалов великого князя литовского, и в итоге верность последних в сочетании с постоянным ожиданием репрессий из-за границы становилась очень зыбкой.

Террор и запугивание населения, пресечение торговли, грабительские наезды, ослабление центров литовской великокняжеской власти с целью привлечения к себе местных князей, прямые захваты и колонизация земель ВКЛ стали неотъемлемыми компонентами той войны. Можно увидеть, что в разнообразии приемов ее ведения места для непосредственных боевых действий московских великокняжеских войск оставалось не так много. Таким образом, если сосредоточиться на поиске «чистой» войны, т. е. на движении войск и бряцании оружия, то имеем шанс войну и не увидеть. Наконец, нужно заметить, что ряд мероприятий, целью которых было желание использовать как можно меньше сил в борьбе с ВКЛ и позаботиться о скрытности, незаметности прохождения войны, был вызван естественными причинами — стремлением Ивана III достигнуть успехов между теми

многочисленными сложными международными и внутренними делами, которыми он был в то время занят. Поход на Казань, крымские заботы, конфликты с остатками Большой орды, покорение Вятки, проблемы со своими удельными князьями — все это не позволяло одновременно вести открытую серьезную войну еще и с ВКЛ.

Но, несмотря на периферийное и второстепенное значение во внешней политике России войны с ВКЛ, необходимо отметить общую связь, запланированность и целесообразность всех мероприятий, которые осуществлялись на разных уровнях московской власти. По мнению К. В. Базилевича, в московских нападениях на пограничные земли ВКЛ, несмотря на их хаотичный характер, «отсутствовал элемент случайности или личной инициативы отдельных московских вотчинников» (*Базилевич К. В. Указ. соч. С. 283–284*). Как замечал А. А. Зимин, на юго-западе страны Иван III сам руководил военными действиями (*Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 96*).

В юго-западном направлении (район т. н. Верховских княжеств) московская политика была особенно продуманной. Осторожными действиями можно было достигнуть больших успехов, чем открытым военным давлением. И действительно, Москва использовала определенные рычаги в отношениях с местными князьями, точечные удары по пунктам сопротивления и в результате малыми средствами осуществила многое. Но необходимо заметить, что после некоторых успехов развитие наступления в регионе Верхней Оки и далее было сознательно приостановлено. Продолжение войны могло, по мнению Ю. Г. Алексеева, привести к конфликту со всеми государствами Ягеллонов, что, безусловно, не могло не насторожить Ивана III (*Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 333*). Таким образом, данное направление боевых действий не было до конца реализовано. Вопрос принадлежности остатков Верховских княжеств, а также Северской земли решался в следующей войне — 1500–1503 гг.

Существует традиция деления войны на два периода (1486/87–1492 и 1492–1494 гг.) или даже отрицания состояния войны между Москвой и Вильней до смерти Казимира IV (7 июня 1492 г.). Однако такие представления не выдерживают критики, хотя бы потому, что не только начиная с 1492 г., но уже в 1489 г. был осуществлен большой поход великокняжеских московских войск на наиболее значительные центры власти ВКЛ в регионе Верхней Оки — Любутск и Мценск.

Тем не менее, вслед за другими исследователями, в ходе войны необходимо выделить два периода. Давно замечено, что военные действия до 1492 г. и после него отличаются по характеру весьма существенно. Период 1486–1492 гг. заполнен мелкими нападениями московских служилых людей на пограничные земли ВКЛ, рейдами московских удельных князей в глубину пограничной зоны, захватом близких к границе волостей. Военные

действия 1492–1493 гг., за малым исключением, направлялись с московской стороны на главные центры власти ВКЛ в пограничном регионе и, в определенном смысле, завершали то, что было начато в первые годы войны. К этому времени относятся также более-менее активные действия и с литовской стороны. Поэтому совершенно справедливо выделять в ходе войны два периода: первый — 1486–1492 гг. и второй — 1492–1494 гг. Именно первому периоду более соответствуют определения российских исследователей «хитрая» или «странная» война. Как московские, так и литовские центральные власти в это время считали за лучшее не использовать великокняжеские войска, а довольствоваться силами наместников, служилых и удельных князей, которые находились вдоль границы. Результатом и последствием первого периода войны был подрыв обороны восточной границы ВКЛ (*Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 290). Во второй период на первый план вышли действия больших контингентов войск, которые осуществляли крупные операции. Для Москвы добывались города, закреплялись княжеские владения. Иной, более масштабный характер боевых действий, проявивший себя после смерти короля и великого князя Казимира, был замечен и литовской стороной. Вступивший на престол ВКЛ Александр Казимирович, обращаясь в посольской речи к Ивану III по поводу новых московских нападений, говорил: «Ино самъ того посмотри, гораздо ль то деятьсе, чого перъво сего за отца нашего от тебе дел знаменитыхъ не было» (*Lietuvos Metrika — Lithuanian Metrica — Литовская Метрика. Кн. 5 (1427–1506) / Parengė E. Banionis. V., 1993. № 9. P. 63*).

Внешне результаты войны для Москвы выглядят довольно скромными, хотя бы в сравнении с выгодными для нее изменениями, которые произошли во время следующего конфликта 1500–1503 гг. В конце XV в. ВКЛ потеряло только относительно небольшую территорию Вяземского княжества и лишилось и так полунезависимых владений части Верховских князей. И это будто бы все. Однако на самом деле мир 1494 г. утвердил весьма значительные изменения в политической ситуации Восточной Европы. Он не только закрепил общие усилия ряда московских князей по собиранию русских земель, но и открывал перспективы, давал возможности дальнейшему развитию московского наступления. Фактически, литовская сторона согласилась с тем, что Тверь, Великий Новгород, Рязань и т. д. — города, которые находились ранее также и в сфере интересов ВКЛ — теперь являлись вотчиной великого князя московского. Оставлялись претензии даже на территории совместного литовско-новгородского управления (Чернокунство). Неопределенность новой границы давала Москве возможности распространения своей власти в направлении полоцких и витебских земель, владений Мезецких князей и т. д.

Невидимыми глазу остались значительные военные успехи, которых достигло Великое княжество Московское — почти полное уничтожение системы обороны ВКЛ,

захват инициативы в пограничных делах и предупреждение любых действий со стороны литовских властей. В закреплении результатов войны проявилась некоторая осторожность московских властей. Возвращались захваченные города, восстанавливалась кое-где старая граница. Одной из причин этого было отсутствие опоры и симпатий к московской стороне во многих местах (М. М. Кром), однако не последнюю роль сыграло и сознательное прекращение наступления Иваном III, возможно, с расчетом на дальнейший реванш (Ю. Г. Алексеев).

Тюменцев И. О. Дипломатия Лжедмитрия II // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филлюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 315–321.

И. О. Тюменцев

Дипломатия Лжедмитрия II

Проанализировав разрозненные данные о дипломатических контактах Лжедмитрия II и его окружения в 1608-1608 гг., исследователи пришли к выводу, что руководство Речи Посполитой, как впрочем и других государств, отказались иметь дело с самозванцем (Гиришберг А. Марина Мнишек. М., 1908; Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII ст.: Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999; Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество. М., 2005). Анализ документальных источников тушинского и сапежинского лагерей позволяет внести уточнения в сложившиеся представления.

Действительно, со времени объявления Лжедмитрия II в Стародубе Северском вплоть до распада Тушинского лагеря руководители повстанческого лагеря М. Меховецкий, Р. Ружинский, И. М. Заруцкий различными путями пытались получить поддержку властей Речи Посполитой, но они наотрез отказывались иметь дело с самозванцем. Не помогло подключение к этим переговорам Ю. Мнишка и его друзей. Не удалось Мнишкам получить помощь для самозванца и от папского престола (Подробнее см. Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М., 2008).

Осада Москвы тушинцами с лета 1608 г. по январь 1610 г. привела к появлению второй столицы Российского государства, которой стал Тушинский лагерь самозванца. В

стане «царика», как установила И. В. Магилина, побывали посольства из Ирана, Священной Римской империи, миссия кармелитов (*Магилина И. В. Московское государство и проект антитурецкой коалиции в конце XVI – начале XVII веков. Автореф. канд. ист. наук. Волгоград, 2008. С. 21*). Дипломатические связи со шведами, которые являлись союзниками царя Василия Шуйского и считались в Тушине врагами, ограничились контактами пограничных воевод Ивангорода и Нарвы (Отписка ивангородского воеводы И. Ф. Хованского дерптскому державцу о совместной борьбе против шведских войск // *Biblioteka Narodowa w Warszawie. Rkp. 3085ż4. К. 199. См.: Флоря Б. Н. Указ. Соч. С. 94; Отписка ивангородского воеводы И. Ф. Хованского коменданту Нарвы М. Олафсону в октябре 1609 г. // Stockholm. Riksarkivet. Extrenia. Moscovitica. Box 156.1. См. также: Almkvist H. Sverige och Rysland förbundet mot Polen, 1595–1611. Upsala, 1907. S. 164–166*).

Новый этап во взаимоотношениях властей Речи Посполитой с утвердившимся в Калуге Лжедмитрием и его окружением наступил весной 1610 г., когда все попытки вернуть на королевскую службу наемных солдат из тушинского войска провалились. К маю 1610 г. Сигизмунду III удалось вернуть на службу только наиболее боеспособные полки и роты гусар во главе с полковником А. Зборовским (*Punkty instrukcii A. Zborowskiemu i posłom z wojska Cara do króla posłanym // Stockholm. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Polska brev (SRSPB). E. 8597; Respons Zymunta III posłóm z wojska Cara 2 (12) kwiecia 1610 r. // Ibid; Respons Zymunta III posłóm z wojska Cara w maju 1610 r. // Ibid; Assecuratio Zymunta III 19 (29) maja 1610 r. // Ibid; Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне / Пер. с польского, предисл. и прим. П. А. Муханова. 2-е изд. СПб., 1871. С. 37, 40; Маскевич С. Памятник // Сказания современников о Дмитрии самозванце. СПб., 1859. Ч. 2. С. 32*). Несравненно большая и «худородная» часть бывшего наемного войска самозванца осталась ни с чем. Ей было предложено начать служить королю без всяких условий (*Маскевич С. Указ. соч. С. 32*). Солдаты, как видно из показаний Й. Будилы, сразу же по получении ответа короля 16 (26) мая 1610 г. отправили посольство к царику (*Будила Й. История ложного Дмитрия 1603–1613 гг. // Памятники, относящиеся к Смутному времени начала XVII ст. (Серия Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1872. Т. 1. Стб. 193*). Лжедмитрий II настаивал на том, чтобы войско составило полный перечень солдат и приняло новую конфедерацию, в которой обязалось служить ему верой и правдой до тех пор, пока он их не отпустит (РИБ. Стб. 193–194). Я. Сапега, ничего не добившись на аудиенции у короля, неожиданно для властей Речи Посполитой прибыл к солдатам на Угру 6 (16) июня 1610 г. с полком в 1000 солдат (*Sapieha J. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Lwów, 1901. Т. 1. S. 253*). Ему довольно быстро удалось стать новым гетманом наемного войска самозванца (*Sapieha J. Op. cit. S. 256*).

В апреле 1610 г. калужские власти через брата М. Мнишек, старосту Саноцкого Станислава Мнишка, дали знать королю, что самозванец готов восстановить с ним отношения и будто бы согласен просить у короля «покровительства». Если раньше власти Речи Посполитой никак не реагировали на эти предложения, то в сложившейся ситуации они поступили иначе. Ю. Мнишек отправился в Калугу, откуда вернулся в мае 1610 г. с известием, что самозванец отправляет посольство к королю (Поход его королевского величества в Москву 1609 г. // РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 574–575, 590). Намерения сторон на этот раз остались на словах.

24 июня (4 июля) 1610 г. гетман С. Жолкевский в сражении у Клушина разгромил союзническое русско-шведское войско. Ситуация в стране радикально изменилась. Дорога на Москву для польского войска и отрядов самозванца оказалась открытой. Войско самозванца выступило в поход на Москву из Калуги и в Боровске вплотную приблизились к наступавшему к Москве из Можайска войску С. Жолкевского. Стало ясно, что вот-вот могут вспыхнуть открытые столкновения между польскими и воровскими полками. Я. Сапега и его солдат, надеявшихся в конце концов уладить отношения с королем и вернуться на родину, такое развитие событий явно не устраивало. 10 (20) июля 1610 г. Я. Сапега созвал войсковое собрание (*Sapieha J. P. Op. cit. S. 260*). По настоянию Я. Сапеги, из Боровска наемное войско оправило послов к С. Жолкевскому, которые должны были известить коронного гетмана, что вскоре к Сигизмунду III приедет посольство Лжедмитрия II с просьбой не захватывать те крепости, которые «рыцарство добыло своею кровью» (*Sapieha J. P. Op. cit. S. 260*). Посольство положило начало длительной переписке между С. Жолкевским и сапежинцами, которая частично сохранилась и поддается реконструкции (*Тюменцев И. О. и др. Русский архив Я. Сапеги 1608–1611 годов: Опыт реконструкции и источниковедческого анализа. Волгоград, 2005. С. 252–256*). К сожалению, этот комплекс документов остался недоступен Б. Н. Флоре из-за проблем с публикацией нашего труда. См.: *Флоря Б. Н. Указ. Соч. С. 181*). Послы вернулись к сапежинцам уже под Москвой и сообщили, что гетман и его солдаты не собираются нападать и занимать замки, отвоеванные солдатами у приверженцев В. Шуйского, и что он уважает заслуги войска (*Respons S. Żókieńskiego posłom z wojska Cara // SRSPB. E. 8597; Sapieha J. P. Op. cit. S. 264*). Ответ гетмана несколько успокоил сапежинцев.

22 июля (1 августа) 1610 г. к стенам Москвы по Смоленской дороге подошло войско С. Жолкевского. Между гетманом и московскими боярами начались переговоры, завершившиеся подписанием 17 (27) августа 1610 г. договора об избрании королевича Владислава (*Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII ст. // Собр. соч. В 8 кн. СПб., 1904. Кн. II. С. 463–472 и др.*). Лжедмитрий II тут же пошел на

новые уступки наемникам. Самозванец написал письмо Я. Сапеге, в котором соглашался признать себя вассалом короля в обмен за помощь в занятии Московского престола. Царик поклялся платить за это в течение десяти лет ежегодно 300 тыс. злотых королю, 300 тыс. злотых в казну Речи Посполитой, 100 тыс. злотых королевичу, обязался «за свой кошт» завоевать для Речи Посполитой Ливонию, дать 15 тыс. воинов королю для завоевания Швеции и «стоять против любого врага» Польши и Литвы. Только о будущем Северской земли самозванец просил вести в дальнейшем переговоры (Письмо Лжедмитрия II Я. Сапеге 18 (28) июля 1610 г. // Жолкевский С. Записки. Прил. № 33. Стб. 99–102). Наемное войско с энтузиазмом приняло предложение самозванца и устроило собрание, на котором постановило направить посольство к королю. Лжедмитрий II и Я. Сапега составили по этому поводу кондиции. Два дня спустя войско составило конфедерацию, которая постановила не отступать от принятых решений ни при каких условиях (*Kondycii wojska Cara do Zygmunta III 18 (28) lipica 1610 r.* // SRSPB. E. 8597; *Sapieha J. P.* Op. cit. S. 263).

На войсковом собрании 23 июля (2 августа) 1610 г. войско выбрало новых послов к королю: Яниковского, Казимирского и Билинского, которые должны были передать «Кондиции» Лжедмитрия II относительно будущего России. Я. Сапега написал письмо С. Жолкевскому, в котором просил гетмана пропустить послов к королю без задержки и извещал, что убедил царя пойти на большие уступки Речи Посполитой (*Kondycii wojska Cara do Zygmunta III 18 (28) lipica 1610 r...*; *Sapieha J. P.* Op. cit. S. 264.). Гетман заявил в ответном послании, что рад желанию «рыцарства» быть с ним и с королем в совете и согласии, что немедленно отправит послов к Сигизмунду III и надеется, что они будут приняты хорошо. Я. Сапега тотчас написал еще одно письмо, в котором просил С. Жолкевского высказать свое мнение относительно предложений рыцарства и их нынешних действий. Дипломатичный С. Жолкевский в день начала переговоров с московскими боярами в ответном письме Я. Сапеге заявил, что, в принципе, не возражает против предложенных сапежинцами проектов принятия Лжедмитрием II вассальной зависимости от короля, однако решать придется королю и москвичам. Лично его не устраивает неопределенность статуса Северской земли. Нужно, чтобы самозванец передал ее Речи Посполитой. 28 июля (7 августа) 1610 г. Я. Сапега предложил С. Жолкевскому разграничить места сбора продовольствия для обеих войск. Его «рыцарство» должно было собирать «корм» к югу от столицы, а солдаты коронного гетмана — к северу (*Kondycii wojska Cara do Zygmunta III 18 (28) lipica 1610 r...*; *Sapieha J. P.* Op. cit. S. 264).

Переговоры между гетманом С. Жолкевским и сапежинцами вступили в новую фазу после заключения 17 (27) августа 1610 г. договора об избрании королевича Владислава на русский престол (*Жолкевский С.* Указ. соч. С. 76). В соответствии с договором,

С. Жолкевский должен был добиться ухода от Лжедмитрия II Я. Сапеги и его солдат, схватить или отогнать царика от Москвы. 18 (28) августа 1610 г. он прислал к сапежинцам послов ротмистров Олизара и Малицкого, которые объявили солдатам об избрании королевича Владислава и уведомили солдат, что, в соответствии с прежними договоренностями, коронный гетман не будет претендовать на их «заслуги». Они просили сапежинцев отступить от Москвы (в дневнике они ошибочно названы Иваном Третьсяковым и Неходошим; см.: *Sapieha J. P. Op. cit. S. 271*), но те решили не уходить от столицы, пока не будут урегулированы отношения с королем, и потребовали, чтобы царик сделал это как можно быстрее (*Sapieha J. P. Op. cit. S. 272–273*).

Строптивость сапежинцев поставила С. Жолкевского в чрезвычайно затруднительное положение. Московские бояре настоятельно требовали, чтобы гетман отогнал царика и его солдат от столицы, в противном случае только что подписанное соглашение могло превратиться в простую бумагу. Коронный гетман, по-видимому, решил подтолкнуть сапежинцев выполнить его требования, устроив демонстрацию силы, а заодно показать боярам свою готовность соблюдать достигнутое соглашение. Он вывел свое войско в поле перед таборами Лжедмитрия II. Из Москвы к нему на помощь вышел кн. Ф. И. Мстиславский с 15 тыс. русских воинов. Я. Сапега в ответ приказал своим отрядам построиться в боевой порядок, демонстрируя коронному гетману и боярам решимость стоять на своем вплоть до вооруженной схватки. Демонстрации едва не переросли в сражение, т. к. между русскими отрядами с той и с другой стороны начались столкновения.

Чтобы избежать боя, С. Жолкевский предложил Я. Сапеге встретиться перед войсками и мирно урегулировать вопрос. Между обоими гетманами произошли бурные объяснения. В конце концов, С. Жолкевский и Я. Сапега договорились и отдали приказ своим войскам вернуться в их лагерь, а сами продолжили переговоры с участием А. Гонсевского, маршалка Чарнецкого и полковников. Убеждая сапежинцев отойти от столицы, С. Жолкевский написал Я. Сапеге и его солдатам рескрипт: если Лжедмитрий II присягнет королю, то тот может пожаловать царика уделом в Самборе или Гродно. В случае отказа, коронный гетман предлагал Я. Сапеге захватить царика и передать ему, чтобы он мог отвезти «обманщика» к королю, как братьев Шуйских (*Sapieha J. P. Op. cit. S. 274*; *Будила Й. Указ. соч. Стб. 209–210*; *Жолкевский С. Указ. соч. С. 80–82*). С. Жолкевский явно блефовал, пытаясь любой ценой выпроводить сапежинцев из-под столицы. Он прекрасно знал, что король и сенаторы на переговорах под Смоленском потребовали возвращения солдат на службу на прежних условиях (*Rozmowa posłów pod Smolenskóm w sierpień 1610 г. // SRSPB. E. 8597*).

Сапежинцы приняли предложение С. Жолкевского и отправили к Лжедмитрию II послов Быховца и Побединского, которые должны были убедить царика смириться с избранием на русский престол королевича Владислава и принять условия, предложенные ему С. Жолкевским. Лжедмитрий II, по свидетельству секретарей Я. Сапеги, гордо ответил послам, что «лучше ему служить холопом, добывая трудом кусок хлеба, нежели получать его из рук короля» (*Sapieha J. P. Op. cit. S. 274–275*). М. Мнишек, как отметил в своих записках С. Жолкевский, с издевкой заявила: «Пусть король уступит царю Краков, а царь отдаст королю Варшаву» (*Жолкевский С. Указ. соч. С. 83*). С этого момента Лжедмитрий II и его окружение не предпринимали попыток договориться с королем или гетманом.

Усыпив бдительность сапежинцев переговорами, С. Жолкевский 27 августа (6 сентября) 1609 г. с наступлением сумерек провел своих солдат по улицам Москвы и вплотную подступил к Николо-Угreshскому монастырю, где располагалась ставка самозванца. Узнав о происходящем, Я. Сапега тотчас отправил на помощь самозванцу два полка, но дорогой солдаты узнали, что самозванец с М. Мнишек и своим двором бежал, вновь бросив их на произвол судьбы. Оказавшись хозяином положения, С. Жолкевский вызвал к себе Я. Сапегу для объяснений (*Жолкевский С. Указ. соч. С. 83; Sapieha J. P. Op. cit. S. 275; Будила Й. Указ. соч. Стб. 210; Маскевич С. Указ. соч. С. 45*). В сложившейся ситуации сапежинцам ничего не оставалось, как договариваться с королем и коронным гетманом. Лжедмитрий II перестал быть главным козырем в переговорах Сигизмунда III, С. Жолкевского с наемным войском самозванца. Хотя вплоть до гибели царика в декабре 1610 г. калужские власти неоднократно пытались вести переговоры о возвращении сапежинцев на службу (*Sapieha J. P. Op. cit. S. 281, 283–286, 288–290; List Mariny Carowy do J. Sapiehi 29 wrzesnia (9 pazdziernika) 1610 r. // Kognowicki K. Op. cit. № 12*).

Ретроспективный анализ данных о попытках дипломатических контактов Лжедмитрия II подтверждает вывод о том, что официальные власти Речи Посполитой и других соседних государств на протяжении двух с половиной лет авантюры отказывались иметь дело с самозванцем. Вместе с тем, сам Лжедмитрий II, М. Мнишек, различные политические силы, руководившие движением самозванца в 1607–1610 гг., предпринимали настойчивые попытки добиться признания царика как партнера на международных переговорах и разработали как минимум три проекта установления новых взаимоотношений России и Речи Посполитой.

Ульянов В. П. Дипломатическая деятельность М. И. Воротынского // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 321–325.

В. П. Ульянов

Дипломатическая деятельность М. И. Воротынского

Князь М. И. Воротынский (1510–1573) известен прежде всего благодаря военной службе, но источники представляют М. И. Воротынского и как дипломата. К этим источникам прежде всего относятся посольские книги, рассказывающие о дипломатических сношениях с Польско-Литовским государством.

До 1561 г. М. И. Воротынский в этих источниках упоминается лишь два раза. В марте 1542 г., во время торжественного приема литовского посольства, он с братьями был при послых. В описании церемонии все присутствующие были поделены на группы. М. И. Воротынский вошел в состав группы «князей и детей боярских которые в думе не живут, а при послах в избе были» (Сборник императорского Русского Исторического Общества (далее — Сб. РИО) СПб., 1887. Т. 59. СПб. С. 147). Братья Воротынские вместе с отцом в правление Елены Глинской сидели в тюрьме по обвинению в измене. И. М. Воротынский в заключении умер. Его сыновей вскоре простили, вернули им имущество, родовые земли и свободу, восстановили на службе. Князья Воротынские были выходцами из Литвы, и их присутствие при встрече литовского посольства очень знаменательно. Русское правительство показывало, что эти князья освобождены, им возвратили честь, свободу, имущество, и они снова оказались в числе высшей придворной знати.

М. И. Воротынский в 1553 г. участвовал в одной акции, которая, очевидно, не осталась незамеченной соседями России. 5 октября 1553 г. в Москве была сыграна свадьба Семиона Касаевича и Марии Андреевны Кутузовой-Клеопиной, на которой присутствовали Иван IV и его окружение (Разрядная книга 1475–1605. М., 1978 Т. 1. Ч. 1. С. 290). На этой свадьбе «тысяцким», т. е. руководителем, согласно разрядам, был «слуга» М. И. Воротынский. Напомним, что Семион Касаевич — это последний хан Казани Едигер, плененный русскими 2 октября 1552 г. Представляется, что эта свадьба — очень важная внешнеполитическая акция, предназначенная прежде всего для правящих кругов Османской империи, Крымского ханства и Ногайской Орды. М. И. Воротынский был одним из главных героев Казанского взятия. Во время генерального штурма воины князя сражались с главными силами казанцев во главе с ханом, захватили его дворец и преследовали татар. Когда они поняли, что проиграли, то выдали хана русским воинам (ПСРЛ. М., 1904. Т. 13. С. 508–509).

Спустя год и три дня бывший казанский хан принял крещение и женился. Его бывший противник, М. И. Воротынский, руководил этой свадьбой. Тем самым М. И. Воротынский ввел бывшего врага в узкий круг высшей титулованной знати России. Русское правительство в лице М. И. Воротынского демонстрировало врагам России великодушие. Присутствие на свадьбе Ивана IV с ближайшим окружением показывало, что территория бывшего Казанского ханства стала частью России, а бывший хан стал знатным подданным.

Позднее некоторые победы М. И. Воротынского использовались как аргументы в дипломатической дуэли между Москвой и Вильно. Так, в январе 1559 г. крымский царевич Мухаммед-Гирей попытался нанести внезапный удар по русской «украине». Татарам оставалось всего два дня пути до границы, когда они узнали о расположенных в приграничных городах крупных русских силах. Царевич принял решение отступить. Когда в Москве узнали о зимнем татарском выходе, царь приказал М. И. Воротынскому преследовать татар. Отступление татар превратилось в паническое бегство. М. И. Воротынский при преследовании видел множество трупов людей, лошадей, верблюдов. Князь татар не догнал и вернулся назад (ПСРЛ. М., 1904. Т. 13. С. 314–315). С 11 мая по 27 августа 1559 г. в Литве находилось русское посольство во главе с Романом Пивовым. В инструкции послу нашлось место для справки о зимнем походе крымского царевича, о его бесславном бегстве и о погоне за ним, организованной М. И. Воротынским. Русские дипломаты представили М. И. Воротынского как полководца, одно упоминание имени которого приводит врага в ужас и заставляет в панике бежать (Сб. РИО. Т. 59. С. 585).

С 1561 по 1571 гг. М. И. Воротынский значится в дипломатических документах уже с иными целями. С 25 января по 18 февраля 1561 г. в Москве находилось литовское посольство под руководством Яна Шимкова и Яна Гайка (Сб. РИО. Т. 71. СПб., 1882. С. 23). 9 февраля послов принимал сам царь. М. И. Воротынский участвовал в торжественном приеме послов. В списке официальных лиц князь упомянут после И. Д. Бельского и И. Ф. Мстиславского, т. е. третьим. 11 февраля «слуга» М. И. Воротынский со свитой в 6 человек (бояре В. М. Юрьев, М. И. Волынский, Ф. М. Сукин, печатник и дьяк И. М. Висковатый, дьяки И. Безносков и А. Васильев) пришел с ответом от государя к литовским послам, ожидавшим его в Набережной палате. Литовцы прибыли для переговоров о мире, у них была и секретная миссия, связанная с возможной женитьбой Грозного на Катерине, младшей сестре литовского великого князя Сигизмунда II Августа. Литовцы требовали от русских вообще оставить Ливонию, а для положительного ответа на сватовство Грозного добивались уступки Новгорода Великого, Северы, Смоленска. М. И. Воротынский руководил переговорами с литовцами. Русские вопрос о Ливонии вообще не стали обсуждать, заявив, что это исконная земля Московского государства. Говорить о мире в Москве также

отказались по причине отсутствия полномочий у послов. Что касается территориальных уступок ради будущей женитьбы, то русские сочли их чрезмерными. Литовскую сторону обвинили в умышленном затягивании переговоров и в нежелании заключать мир на московских условиях. Литовское посольство, ничего не добившись, уехало обратно. М. И. Воротынский, как руководитель русской миссии, проявил твердость и последовательность. Русские предъявили литовцам документы прежних посольств, где обсуждались подобные вопросы, и обвинили своих оппонентов в нежелании идти на уступки.

В посольских книгах сохранились послания Сигизмунду II Августу и гетману Г. А. Ходкевичу, написанные при непосредственном участии Ивана IV от имени главных московских вельмож князей И. Д. Бельского, И. Ф. Мстиславского, М. И. Воротынского и боярина И. П. Федорова (СБ. РИО. Т. 71. СПб., 1882. С. 499–521). В 1567 г. литовцы, не надеясь победить русских в Ливонии, прибегли к интригам. Польско-литовское правительство предприняло попытку склонить ряд виднейших представителей русской знати перейти на сторону короля. Обращения к русским вельможам не сохранились, но содержание этих писем можно частично восстановить по имеющимся ответам на них. М. И. Воротынский недавно вернулся из ссылки и опалы в свои родовые вотчины. На него литовцы возлагали особые надежды, тем более что его владения располагались у литовской границы. Считается, что все ответы лично продиктованы царем, но, как представляется, сам князь мог написать часть своего послания. М. И. Воротынский просил короля уступить ему Новгородок Литовский (Новогрудок), Витебск, Минск, Шклов, Могилев и иные города по Днепру, а также Волынскую и Подольскую земли. Князь напоминает, что имевшийся у Воротынских в сильном запустении Новосиль благодаря государственной субсидии отстроен и сделан родовой столицей. Последнее доказывает официальный титул князя: «его царского величества совету боярин, наместник казанский, державца новосильский». Литовцы напомнили М. И. Воротынскому, что его отец был верным королю и хотел с уделом перейти на его сторону, за что немало лет провел в заточении на Белоозере и принял смерть (СБ. РИО. Т. 71. СПб., 1882. С. 507). Князь, оправдывая отца, обвиняет литовскую сторону в том, что они укоряют мертвого. Воротынские — не изменники, они верно царю служили, опала же на отца легла по его проступкам, а умер он по божьему велению, царь волен жаловать и наказывать (СБ. РИО. Т. 71. СПб., 1882. С. 510). В этом эпизоде послания М. И. Воротынский предстает логичным оппонентом. Князь умело отстаивает честь своего рода, он прекрасно осведомлен о географии Литвы, что заметно по его территориальным требованиям.

В годы опричнины земской Боярской думой руководили бояре князя И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский и М. И. Воротынский. По прямому приказу Грозного эти лица

принимали иностранные посольства, способствовали скорейшему проезду русских гонцов и членов посольств в царскую резиденцию, принимали активное участие в разработке официальных ответов на переговорах, читали и обсуждали иностранные дипломатические документы, принимали решения о заключении перемирия.

С 10 января до середины сентября 1570 г. в России находилось посольство Сигизмунда-Августа (СБ. РИО. Т. 71. СПб., 1882. С. 623). Иван Грозный был занят расправой с новгородцами, и в Москве его не было. Посольство находилось в Москве с 3 марта 1570 г. (СБ. РИО. Т. 71. СПб., 1882. С. 630). Главные бояре вести переговоры были не уполномочены, литовцы страдали от скуки. Главные бояре постоянно писали царю о ссорах и драках между русскими приставами и литовцами. Так, бояре сообщали о крупной драке вечером 16 апреля 1570 г. (СБ. РИО. Т. 71. СПб., 1882. С. 639). Наконец Иван IV вернулся в Москву и 4 мая принял литовское посольство. Переговоры шли напряженно. 20 июля 1570 г. литовцы передали русским грамоту, где король именовался «паном и дедичем». Трое главных бояр не согласились с этой формулировкой, поскольку короля в прежних документах так никогда не именовали, а значит и впредь именовать не стоит. Литовцы настаивали на своем. Дело дошло «до великих браней». Грозный придавал большое значение титулам и поэтому приказал не уступать (СБ. РИО. Т. 71. СПб., 1882. С. 716). В итоге русские, приложив максимум усилий, добились перемирия.

В это же время в Москве находилось и шведское посольство. Трое главных бояр по поручению царя выслушали челобитье шведов и передали его царю. 11 июня М. И. Воротынский принимал участие в приеме шведов в Набережной палате. 12 июня переговоры о перемирии зашли в тупик и главные бояре предложили отправить шведское посольство в Муром, а «шведское дело решить по случаю» (СБ. РИО. Т. 129. СПб. 1910. С. 180, 187).

В том же 1570 г. от бояр И. Д. Бельского, И. Ф. Мстиславского, М. И. Воротынского царю была прислана отписка о том, что они по царскому приказу в марте 1569 г. из московской тюрьмы отпустили сибирского татарина Аису к хану Кучуму с грамотой. Затем из Перми вернулся Н. Ромодановский, который привез грамоту сибирского «царя» на татарском языке. Письменный отчет посла и грамоту отправили к Грозному в Александрову слободу. В ответной грамоте в 1571 г. царь приказывает своим трем главным боярам обсудить в Думе вопрос: «а пригоже ли нам с сибирским царем ссылатся», Грозного также интересовали копии грамот, посланных к сибирскому хану с Аисой (Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. С. 340).

Итак, М. И. Воротынский принимал активное участие в дипломатических делах в 1561–1571 гг. М. И. Воротынский на этой службе проявил себя внимательным, целеустремленным, цепким дипломатом, защищая интересы России не только за столом

переговоров, но и с пером.

Усачев А. С. «Мирный сосед» или «агрессор»? (русский государь глазами русских публицистов XVI в.) // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 326–330.

А. С. Усачев

«Мирный сосед» или «агрессор»? (русский государь глазами русских публицистов XVI в.)

Россия в XVI в., как известно, была государством, находящимся в состоянии почти непрерывных войн. Многочисленные столкновения с Крымом, Казанью, Польско-Литовским государством, Ливонским орденом и Швецией неизбежно находили отклик у крупнейших русских мыслителей этой поры. Каким образом они реагировали на происходящее: стремились ли они своими сочинениями активизировать внешнеполитическую активность русского государя или побуждали его сосредоточить свое внимание главным образом на внутренних делах вверенного ему Богом «царства»? Ответу на этот вопрос и посвящена настоящая работа, которая основана на анализе ряда памятников книжности этой поры.

К числу авторов этих памятников относится, пожалуй, самый известный русский писатель XVI в. — Максим Грек. В ряде своих произведений он представил свой взгляд по интересующему нас вопросу. Апеллируя к примерам из всемирной истории, афонский старец в одном из своих посланий Ивану IV привел ему в пример ветхозаветного царя Давида, императоров Константина Великого, Феодосия I, Феодосия II «и иных многих благовернейших и праведнейших» правителей, которые не только «державу» «преславнейшими победами украшают и прославляют», но и «во глубоче мире тишине всегда сохраняют». Как указывал ученый грек, эти правители «въ мире глубоче и тишине пребываху присно, и победы преславны взяху на варвары, всемогущею десницею Вышняго покрываемы же и утверждаемы» (см.: Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. Казань, 1896. С. 347). Наиболее рельефно взгляд Максима по интересующему нас вопросу представлен в также адресованных молодому царю «Главах поучительных начальствующим

правомерно»: ему рекомендовалось взять себе «дивна советника», который «не иже чрезъ правду на рати и воевания вооружаетъ тя, но иже советуетъ тебе миръ и примирение любити всегда со всеми окрестными соседы богохранимыя ти державы» (Сочинения преподобного Максима Грека. С. 162). Как следует из анализа сочинений ученого грека, он допускал необходимость ведения войны лишь «ради крепчайшая нужи», сосредотачивая внимание читателя на необходимости правления «во глубоце мире и тишине». Создавая образ идеальной державы, управляемой достойным властителем, Максим в «Послании к начальствующим правомерно, о исправлении» отмечает: «Вси бо окрестнии соседи таковую державу и любятъ и почитаютъ ея за многу, яже въ ней, правду и правость соправящихъ царю ея православныхъ князехъ и болярехъ и немздоимание судящихъ, еще же и миръ имети всегда съ нею желаютъ, праведнаго ради прилежания же и бодрости о воинственныхъ делехъ держащаго царские скипетры ея, и наипаче за единомыслие и друголюбие, еже посреде болярехъ и воеводахъ, ихже ничтоже кречайше есть и страшнейше супостатомъ» (Сочинения преподобного Максима Грека. С. 338–339). Как видим, согласно взгляду, выраженному Максимом Греком, управляемому на основаниях «правды» государству не страшны враги; это делает излишним ведение крупномасштабных войн.

«Мирный» идеал также представлен в Степенной книге, составленной по поручению митрополита Макария близким к нему протопопом Благовещенского собора, царским духовником Андреем на рубеже 50–60-х гг. XVI в. В памятнике содержатся порой весьма объемные похвалы всем русским правителям — прямым предкам Ивана IV. Важно отметить, что в них неизменно подчеркиваются высокие морально-этические характеристики русских князей (прежде всего, их благочестие). При этом лишь немногие из них (Владимир Мономах, Александр Невский, Дмитрий Донской) проставляются за воинские доблести — внимание читателя сосредоточено главным образом на «мирных» характеристиках русских правителей: благочестии, «смирennemудрии» и т. д.

Наиболее последовательно взгляд на правителя и ведомые им войны выражен в описании Василия III в 16 ст. В ней отмечается, что этот князь «со всеми окрестными его царствы желаше мирно пребывати, противу же враждующихъ ему крепко тцашеся подвизати за отческое свое достояние. С Крымськымъ же царемъ Минли-Гиреемъ миръ и дружбу и братство утверди, яко и отецъ его» (см.: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. М., 2008. С. 287). Из последнего примера видно, что в случае необходимости государь должен «крепко» выступать против «враждующих ему» за «отеческую» державу. При этом, однако, нельзя не заметить, что «утверждение» «мира и дружбы и братства» книжнику представляется предпочтительным. Несомненно изображая в весьма радужных тонах победы русского оружия, достигнутые благодаря самой активной

поддержке Бога (например, победы древнерусских князей над половцами и московских государей над татарами), писатель, тем не менее, не считал необходимым концентрировать внимание читателя на «военных» чертах идеала правителя. Согласно представленному в Степенной книге взгляду, победы являлись своего рода следствием высоких достоинств правителя, который благодаря им обеспечивал себе поддержку небесных сил.

По-видимому, отмеченные выше особенности восприятия русских государей составителем Степенной книги могли обуславливаться двумя обстоятельствами. Во-первых, митрополичьим происхождением памятника — как отмечалось в историографии, митрополит Макарий в середине XVI в. был одним из вдохновителей «мирной» партии при русском дворе, являясь активным сторонником мирного урегулирования спорных вопросов с Польско-Литовским государством (см.: *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 113–115, 142, 158–159, 163, 165–166). Во-вторых, в Степенной книге основное внимание сосредоточено на морально-этической характеристике правителя. Вероятно, по этой причине описания каких-либо конкретных политических (в т. ч. и внешнеполитических) действий государей в произведении помещены на второй план. Таким образом, можно полагать, что, включая мужество и храбрость в число добродетелей правителя, книжник в качестве идеального властителя рассматривал государя, мирно сосуществующего с соседями (подробнее см.: *Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 640–649).

Приведенный выше материал посланий Максима Грека и Степенной книги может быть сопоставлен с прочими сочинениями первой половины – середины XVI в. Некоторые из них — послания новгородского архиепископа Феодосия, митрополита Макария, Сильвестра, сочинения И. С. Пересветова, Казанская история — фиксируют неоднократно отмечаемый в историографии «агрессивный» мотив. Авторы соответствующих произведений, несомненно, различными аргументами оправдывают подчинение Казани. При этом важно зафиксировать два момента. Во-первых, речь идет почти исключительно о памятниках, связанных с Казанскими походами, т. е. о восточном направлении внешней политики. Во-вторых, даже в этих памятниках книжники большое внимание уделяют образу идеального православного государя, которого в первую очередь должны занимать заботы, связанные с укреплением православия. Так, в своем послании 1550 г. Феодосий, вдохновляя Ивана IV на борьбу с восточным соседом, внимание читателя обращает и на «мирные» стороны идеала правителя: «Ты же, о благочестивый Богом утвержденный царю, по пророку [рече]: напрази и спей, и царствуй истины ради и кротости и правды, и наставит тя чудне, господине, десница твоя же» (см.: *Филюшкин А. И.* Грамоты новгородского архиепископа Феодосия, посвященные «Казанскому взятию» // *Герменевтика древнерусской литературы.* М., 2000. Сб. 10. С. 345). В

своем послании к первому казанскому наместнику А. Б. Горбатову Сильвестр прославляет русского царя не столько за взятие Казани, сколько за ее «просвещение», сопоставляя его с Константином Великим, славным не столько своими завоеваниями, сколько распространением христианства (см.: *Голохвастов Д. П., Леонид (Кавелин)*. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 90). В Похвале Ивану IV в Казанской истории также отмечаются достоинства царя, напрямую несвязанные с проведением активной внешней политики, — его пренебрежение охотой, скоморохами и прочими увеселениями (см.: ПСРЛ. Т. 19. М., 2000. Стб. 186–188). Стремление связать те или иные «внешнеполитические» (с точки зрения современного исследователя) события с представлениями о религиозных функциях правителя отразилось и в описании взятия Полоцка. Как отметил С. Н. Богатырев, обосновывая его присоединение, московские книжники этой поры, также как и в случае с Казанью, это событие в своих сочинениях представляли как акт борьбы русского самодержца за чистоту веры и за расширение вселенского православия (см.: *Bogatyrev S. N. Battle for Divine Wisdom. The Rhetoric of Ivan IV's Campaign against Polotsk // The Military and Society in Russia, 1450–1917. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 325–363*).

Излишне специально останавливаться на том, что, согласно данным приведенных выше памятников (а также других сочинений эпохи средневековья), все победы русских государей состоялись исключительно благодаря поддержке небесных сил. Важно отметить, что эта поддержка явилась своего рода следствием высоких морально-этических качеств правителей (наиболее рельефно этот взгляд представлен в Степенной книге). Это в свою очередь побуждает заключить, что при описании войн русских государей писатели XVI в. обращали внимание главным образом на те их аспекты, которые давали возможность подчеркнуть необходимость соблюдения государем определенного кодекса поведения идеального православного правителя, который вырабатывался в древнерусской книжности на протяжении столетий. При этом «внешнеполитические» успехи правителей рассматривались как самое непосредственное отражение соблюдения ими соответствующей модели поведения, которая и находилась в центре внимания мыслителей рассматриваемой поры.

Подводя итоги, отметим следующее. Русские книжники XVI в., несомненно, в самых радужных тонах изображали победы московских государей. При этом они подчеркивали необходимость правителя соответствовать определенной модели поведения, в которой ключевое место занимали «внутренние» дела — прежде всего, укрепление православия. В условиях эсхатологических ожиданий, которыми пронизана русская средневековая культура, книжники этого времени в качестве важнейшей задачи государя рассматривали создание им

условий для подготовки страны к Спасению. Последнее, а также тесно связанное с этим следование определенным морально-этическим нормам, согласно приведенным выше данным, должно было занимать правителя более чем что-либо иное (даже победоносные войны).

Работа выполнена при поддержке ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009-2013 годы по направлению "Исторические науки". Мероприятие 1.2.2. Проект: "Переломные периоды в развитии русской историографии XVI-XXI вв. глазами молодых исследователей".

Фаизов С. Ф. Богдан Лыков — дипломат и писатель (XVII ст.) // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 330–332.

С. Ф. Фаизов

Богдан Лыков — дипломат и писатель (XVII ст.)

Богдан Иванович Лыков — один из тех незамеченных свои временем неординарных людей, которые рискуют остаться на периферии внимания потомков или оказаться в полном забвении, напоминая о себе лишь справочной карточкой в архивной или библиотечной картотеке, лапидарной сноской в какой-нибудь сугубо специальной статье или диссертации. Более полувека тому назад его имя усилиями С. М. Глускиной было извлечено из «справочного» забвения, он удостоился исследования своего творчества в кандидатской диссертации, но предметом внимания Глускиной стала лишь переводческая деятельность Лыкова над «Космографией», высоко оцененная исследовательницей. Между тем Богдан Лыков, пусть в кратких эпизодах своей биографии, заявил о себе как талантливый дипломат и необычный — в литературном контексте XVII в. — писатель. И, наконец, то немногое, что о нем известно, позволяет видеть в нем человека благородного, наделенного ощущением несуетности своего земного существования.

По источникам, которые сегодня удалось выявить, Лыков, происходивший из среды провинциального дворянства, полтора десятилетия пребывавший в плену в Польше, во второй пол. 1630-х – первой пол. 1640-х гг. служил в Посольском приказе в должности переводчика с польского и латинского языков. В иерархии переводчиков приказа он занимал высокое третье место с годовым окладом в 50 руб. Перевод «Космографии» (переложение на русский язык «Атласа» Г. Меркатора) он осуществил в паре с Иваном (Адамом) Дорном, бывшим послом германского императора в Персию, и завершил эту работу в 1637 г. На 1640–1641 гг. приходится его единственная самостоятельная дипломатическая миссия — поездка в Стамбул в качестве гонца, уполномоченного вести переговоры с представителями османского двора. Спустя три года переводчик попал под опалу: «в государевом деле сидел за приставом», в начале 1647 г. он получил урезанное (до 30 р.) жалованье.

Визит Б. Лыкова и сопровождавшего его толмача Афанасия Букалова в Стамбул состоялся в условиях сложной внешнеполитической ситуации, когда правительство царя Михаила Федоровича должно было выбирать между двумя взаимоисключающими курсами на важнейшем в то время южном направлении своей внешней политики: переходом от завуалированной поддержки сидящих в Азове донских и запорожских казаков к широкомасштабной войне с Османской империей (в этом случае Россия могла рассчитывать и рассчитывала на союз с Речью Посполитой) и восстановлением мирных отношений с османами на основе статус-кво (возвращения Азова). Поездка Б. Лыкова оказалась чрезвычайно плодотворной: его встречи с османскими чиновниками прошли в атмосфере, близкой к взаимному доверию, в значительной мере содействовали формированию позитивных ожиданий османов относительно подхода России к проблеме Азова и оставили самое благоприятное впечатление о компетенции и искусстве диалога российского представителя. В то же время отписки Б. Лыкова в Москву позволили московскому правительству иметь точное представление не только о декларируемых намерениях османов, но и о вероятности их реализации, готовности армии и флота к боевым действиям в районе Азова, настроениях в османском правительстве и обществе. Насколько важными для русского правительства были сообщения Б. Лыкова, красноречиво подсказывает то обстоятельство, что известный Земский собор 1642 г., рассматривавший вопрос о сдаче Азова, был созван спустя сутки после получения Посольским приказом отписки выезжавших из Стамбула Б. Лыкова и А. Букалова и письма переводчика османских падишахов Зульфикара-аги (январь 1642 г.); имена Б. Лыкова и А. Букалова прозвучали на первом рабочем заседании собора.

Благодаря переводу «Космографии», географического и социального трактата, воплощавшего достижения естественно-научной и общественной мысли второй половины

XVI в., Б. Лыков внес большой вклад в развитие не только научных представлений своих современников-соотечественников, но и в становление языка описания природных и социальных явлений, устной языковой коммуникации относительно тонкого тогда слоя образованных людей России. Лыков, видимо, не ставил перед собой особые литературные задачи, когда писал отписки, их язык в целом не выходит за пределы стилистического стандарта, но здесь есть исключение, заставляющее нас видеть в переводчике «Космографии» человека незаурядного литературного таланта, — его отписка о событиях 28–29 января 1642 г. на Северном Донце (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1640. Д. 1. Л. 306–309. Фрагмент столбца. Оригинал. Посольский приказ маркировал отписку также именем А. Букалова). Сюжет отписки — нападение неких неизвестных лиц на объединенную группу дипломатических представителей, в которую, помимо Б. Лыкова и А. Букалова, входили турецкая и крымская делегации. Нападение было неожиданным, обстрел объединенной миссии начался в то время, когда шла переправа миссии через зимнюю, но не замерзшую реку. Был убит турецкий представитель Магмет-чауш, едва не был убит и сам Богдан Лыков. Нападения на посольства и купеческие обозы в степном пограничье в то время были явлением обычным, и сохранилось по меньшей мере несколько описаний такого рода нападений, сделанных российскими дипломатическими представителями, но только Б. Лыкову удалось зафиксировать происшествие так, как будто оно происходит «здесь и сейчас». Зимняя, уже открывшаяся или не замерзавшая река с ее темными, холодными водами, на одном берегу — люди посольской службы, на другом — люди, готовые стрелять, разбойничий или наемный отряд, возможно, призванный кем-то из посольских. «Москва! Москва! Не стреляйте!» Но люди стреляющие и так знают, что на противоположном берегу есть люди из Москвы. Они стреляют. В турка Магмета, в москвича Богдана. Течет река...

Экспрессивный реализм, сконцентрировавшийся на 3–4 листках отписки Лыкова, как это ни парадоксально, станет понятным всем способом видения мира лишь в литературе XX в. Он придет в русскую литературу в то же время, когда в русскую политическую жизнь войдет парламент — институт, впервые описанный на русском языке тем же Лыковым.

Федорук А. В. Огнестрельная артиллерия в Великой войне государств Ягеллонской унии с Немецким орденом 1409–1411 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое

время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 333–336.

А. В. Федорук

Огнестрельная артиллерия в Великой войне государств Ягеллонской унии с Немецким орденом 1409–1411 гг.

Великая война Польского королевства и Великого княжества Литовского с Немецким орденом в Пруссии как один из значимых конфликтов XV в. довольно часто привлекал внимание широкого круга исследователей. Между тем и в общих, и в специальных исторических работах далеко не полно изучена роль огнестрельной артиллерии в этом крупном вооруженном столкновении. Привлеченные в настоящем сообщении весьма скудные свидетельства разных видов письменных источников и результаты археологических раскопок позволяют определить место нового ствольного порохового оружия в «прусской войне» и ее главном событии — Грюнвальдской битве 15 июля 1410 г.

Известно, что обе воюющие стороны еще до начала активных действий в равной мере использовали пушки уже несколько десятилетий. Источники следующим образом фиксируют первые даты, связанные с их хранением и применением враждующими государствами: в Немецком ордене — 1374 г., в Литве — 1382 г., и в Польше — 1383 г. Во всех приведенных случаях письменные сообщения отражают достаточно заметное событие, следовательно, первые эксперименты могли произойти несколько раньше. Однако период скрытого внедрения огнестрельной артиллерии в упомянутых странах измерялся не десятилетиями, а годами. В частности, он полностью совпал с первой волной его распространения на территории Центральной и Восточной Европы.

Готовясь к решительному столкновению, противники постепенно наращивали свой артиллерийский арсенал. Так, в 1400 г. общее количество пушек разного рода, которые были в распоряжении крестоносцев, составляло около 100 единиц. А между 1401 и 1409 гг., когда Орден вел наиболее интенсивные приготовления к войне с государствами Ягеллонской унии, только в Мариенбурге было отлито по меньшей мере 24 орудийных ствола. Из них один, по сохранившемуся сообщению прусской хроники, был очень большого размера, что «такого не было во всех немецких землях, ни в Польше, ни в Венгрии». По некоторым данным перед самой Великой войной в арсеналах замков крестоносцев накопилось приблизительно 140 орудий.

В свою очередь количество огнестрельной артиллерии увеличили и союзники. По сообщению донесения рогнетского комтура к великому маршалу Ордена, составленного 27 ноября 1409 г., Витовт только в Троках имел 15 орудий, из которых самое большое стреляло

каменными ядрами размером с человеческую голову. А в письме от 14 июня 1410 г. тот же комтур писал, что великий князь литовский давно уже выслал пушки в неизвестном направлении. Значительное число пушек разных размеров было и в распоряжении поляков. При этом надо отметить, что именно во времена правления короля Владислава II Ягеллы началось активное развитие артиллерии в Польше. За подсчетами современных исследователей, перед войной с крестоносцами на ее вооружении было не менее 60 орудий разного рода.

Что касается величины орудий, какие использовали обе воюющие стороны, то вначале XV в. их было три разновидности, согласно с размерами калибров. К легким относились пушки калибром от 120 до 200 мм, к средним — от 250 до 450 мм, а к тяжелым — от 500 до 800 мм. Сохранились описания двух видов орудий того времени. Часть из них были бомбарды, которые стреляли каменными снарядами и поэтому назывались по-немецки «Steinbüchsen». Пушки, стрелявшие железными ядрами, по калибру меньше каменных, известны в источниках под названием «Lotbüchsen». Перед самой войной крестоносцы имели за неполными данными 38 бомбард первого вида и 63 орудия — второго.

Какой вид пушек преобладал в войске союзников — так до конца и остается неизвестным. Источники только сообщают, что на месте прежних стоянок польско-литовского войска прусские разведчики находили «брошенные ядра для бомбард». Зато есть данные о финансовых издержках поляков на производство артиллерии во время подготовки похода в Пруссию. Исходя из них, изготовление одного орудия в литейных мастерских Кракова обходилось до 130 гривен, и, таким образом, было делом достаточно дорогим для королевского двора. Недешево для последнего обходились и услуги артиллерийских мастеров — «magister pixidum». Согласно данным одного из его сохранившихся счетов, один такой пушкарь по имени Зброжек, получил в 1393 г. по приказу короля полное вооружение копейщика, ценой большей, чем 14 гривен, а также значительно лучшее по качеству того, которым в тоже время был награжден смоленский князь Глеб. Все это указывает на то, что подобные специалисты занимали довольно высокие позиции в средневековой военной иерархии. Кроме того, должность «magister pixidum» как в Польше, так и в Немецком ордене часто занимали иностранцы, родом из Чехии, Силезии и других земель Центральной Европы.

С началом войны в 1409 г. огнестрельная артиллерия активно использовалась обеими сторонами для проведения осадных операций. Так, при осаде замка Добжин великий магистр Ульрих фон Юнгинген, «с помощью непрерывных ударов бомбард и частого метания зажигательных стрел завоевывает и сжигает его». Затем, проследовав с войском к замку Бобровник, он подобным же образом после долгой осады принудил его сдаться. Аналогическую ситуацию наблюдаем и под Злоторыей, где «на восьмой же день осады замок

сдается магистру, так как большая часть рыцарей, оборонявших его, была убита ядрами бомбард и дальше нельзя было держаться». Кроме них крестоносцам удалось завладеть еще рядом польских замков и городов. В ответ Владислав II собирает наспех силы польского ополчения, осаждают захваченный врагом замок Быдгощь, «и огораживают его кругом щитами или плетнями, как стенами над валом, и громит бомбардами». В ходе ожесточенных боев за это укрепление ствольное пороховое оружие использовалось со значительной эффективностью. Прежде всего, пушки продемонстрировали свою угрозу для жизни военным командующих. Известно, что «непрерывной стрельбой из них был убит командор и староста замка». Наконец через восемь дней осады король «завоевывает замок силой оружия». Однако достигнутый обеими сторонами военный успех был частичным, поэтому они охотно согласились на девятимесячное перемирие, которому способствовало посредничество чешского короля Вацлава Люксембурга.

После возобновления военных действий в 1410 г. крестоносцами была сделана первая крупная попытка в регионе использовать огнестрельную артиллерию в полевом сражении. Первый такой случай у них представился при попытке польско-литовских сил перейти реку Дрвенцу. Но Владислав II, увидев, что в случае переправы союзного войска через водную преграду, «сильное вражеское войско обороняло бы столь укрепленные берега бомбардами, стрелами и любыми средствами», решил обойти его и вступить с ним в боевое столкновение при более благоприятных условиях. Совершив ловкий маневр, польско-литовское войско двинулось на Мариенбург. Оставляя свои позиции, силы крестоносцев последовали за противником. Впоследствии на Дрвенце, во время археологического исследования небольшого замка в Кужентнике, была обнаружена бронзовая бомбарда периода «прусской войны».

Войска противников сошлись под Грюнвальдом, и великий магистр решил использовать артиллерию в начале битвы. Когда вражеские хоругви пошли в атаку, «крестоносцы после по крайней мере двух выстрелов из бомбард старались разбить и опрокинуть польское войско». Но все их старания остановить таким образом отряды противника были тщетными. Более того, в результате полного разгрома орденского войска всю его артиллерию захватили польские и литовские отряды. Число трофейных орудий было, очевидно, настолько значительным, что «князь великий Витовт прислал зятю своему великому князю Василию дары многи и 2 пушки медяны прусские».

В отличие от противника, союзное войско не использовало своей артиллерии. Орудия не учитывались Владиславом II в плане сражения, которое рассматривалось как типичный средневековый бой конницы с конницей. Определенную роль в таком решении короля, по всей видимости, сыграл и опыт поражения Витовта в битве с татарами на Ворскле в 1399 г.

Тогда великий князь литовский использовал против врага артиллерию, но по словам русского летописца, «въ полѣ чистѣ пушки и пищали недѣйствени бываху».

После Грюнвальдской битвы обе воюющие стороны снова использовали огнестрельную артиллерию только для проведения осадных операций. Самой крупной из них была осада союзным войском Мариенбурга. Во время нее они активно применяли орудия разной величины. По сообщениям источников, «польский король Владислав... установив большие бомбарды в городской церкви, непрерывной стрельбой из них бьет по замку. Поставлены были и другие бомбарды среди литовского войска: одни вдоль городских стен, другие у начала моста, сожженного с другой стороны Вислы; из всех них весьма сильно били по замку с четырех сторон». Но все усилия, сделанные союзниками при попытках взять орденскую столицу, оказались безрезультатными. Крестоносцы еще перед войной, учитывая боевые качества ствольного порохового оружия, перестроили по новым требованиям укрепления Мариенбурга. Поэтому польско-литовское войско, из-за недостаточного количества тяжелой артиллерии и осадных машин, было вынуждено снять длительную осаду орденской столицы.

Более удачными были действия крестоносцев по отношению к занятым поляками прусским замкам, которые проводились под руководством нового великого магистра Генриха фон Плауэна. Располагая множеством бомбард, боеприпасов и прочего военного снаряжения, они методично брали одно укрепление за другим. Таким путем великому магистру удалось вернуть большинство утерянных замков и городов в Пруссии.

Таким образом, во время Великой войны 1409–1411 гг. новое оружие продемонстрировало отличные боевые качества при взятии замков. Только при осаде Мариенбурга его технических мощностей оказалось недостаточно. Слабость огнестрельной артиллерии, ее уязвимость были связаны с малой скорострельностью, трудностью перемещения и небольшой дальностью стрельбы. Поэтому оно было еще не в состоянии повлиять на развитие тактики средневекового сражения.

Филюшкин А. И. Раздел империи как построение будущей империи, или Ливонская война могла бы начаться в 1551 г. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы

международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 337–344.

А. И. Филюшкин

**Раздел империи как построение будущей империи,
или Ливонская война могла бы начаться в 1551 г.**

В каждом исследовании необходимо установить хронологическую точку отсчета. В нашем случае она устанавливается не без затруднений, потому что нарратив о Ливонской войне возникает через несколько лет после ее начала, и в нем называются разные даты ее начала. Одни историки-современники считали началом конфликта 1556 г., так называемую «войну коадьюторов», конфликт орденского магистра и рижского архиепископа. Он чуть не привел к иностранной интервенции, военному вторжению Королевства Польского (во всяком случае, в августе 1557 г. уже была готова грамота Сигизмунда II Августа об объявлении войны Ордену). От него Ливонию спасла только быстрая капитуляция, так называемые Позвольские соглашения сентября 1557 г.

Но мир пришел на многострадальную прибалтийскую землю всего на два-три месяца. В ноябре 1557 г. в Москве составляют грамоту об объявлении войны Ливонии, а в январе 1558 г. русская конница переходит границу и начинает погром приграничных территорий. Агрессия России затмила собой события 1556–1557 гг., и, по образному выражению О. Дзярновича, «войну коадьюторов» и Позвольский мир, которые могли бы положить конец разделу Ливонии, «теперь помнят только историки» — все затмила начавшаяся в 1558 г. Ливонская война. То есть, за вторую точку отсчета берется январь 1558 г., первый поход русской армии за Нарову.

На самом деле, конфликт невозможно рассматривать без его предыстории — на грани войны стороны оказались уже в 1550 г., когда Россия поставила условием продления перемирия «исправление» ливонцев в их «прегрешениях» в течение года, иначе — война. Впервые о войне применительно к Ливонии в 1550-е гг. говорится в письме рижского архиепископа Вильгельма прусскому герцогу Альбрехту от 9 декабря 1551 г. В нем сообщается, что один слуга магистра был послан в Москву к Ивану IV, вызвал недовольство царя «невежливым» обращением, недостаточно почтительным отношением к титулу (царь требовал, чтобы его именовали «непобедимым» — «unüberwindlicher Kaiser»). Царь также был раздражен запретом на пропуск из Ливонии вооружения (Kriegsrüstung). Упоминаются и неудачные переговоры 1550 г., на которых якобы обидели русских послов. В итоге Иван IV будто бы хочет получить из Казанского ханства 80 000 татар, разместить их в Новгороде и Пскове и готовиться к нападению на Ливонию.

Данное сообщение несет важную информацию — во-первых, оно говорит о том, что в 1551 г., ввиду истечения годичного ультиматума, предъявленного Россией Ливонии после неудачных переговоров 1550 г. (ультиматума, судя по всему, порожденного эмоциями от плохого обращения с русским посольством), магистр-таки посылал в Москву гонца и пытался если не уладить конфликт, то, по крайней мере, понять, стоит ли ждать русского нападения в 1551–1552 гг. В русских источниках эти переговоры не упоминаются — видимо, они носили конфиденциальный характер. Для подобных заданий использовались малоизвестные посредники — так, летом в 1552 г. мирные предложения от имени магистра в Москву возила миссия еврея Симона, также неизвестная по русским документам.

Не знаю, насколько в Ливонии понимали фантастичность рассказа про 80 000 завербованных казанских татар (все казанское войско в лучшие времена немногим превышало 30 000, да и с Казанью в 1551 г. русские воевали, а не дружили) Но примечательно, ради чего архиепископ Вильгельм заводит этот разговор: в очередной раз муссирует свою любимую тему о полезности союза с Польшей (будучи родственником Сигизмунда II Августа, рижский архиепископ спал и видел инкорпорацию Ливонии и Короны). Говорит о введении новых налогов и тут же сетует, что им будет сопротивляться дворянство. Но ведь для защиты родной земли от «русской угрозы» можно и потерпеть? И, главное, Вильгельм, будучи архиепископом Риги, враждовал с Орденом. Орден в письме прелата — главный виновник конфликта с Россией. Именно орденские чиновники обижали и унижали русское посольство, и разозлили Ивана IV. Орден виноват в грядущих бедствиях Ливонии! А сам Вильгельм — радетель за интересы всей земли...

Ливонские политики вскоре разобрались, кто с кем воевал в Казани, но это мало что изменило: сразу же возникло стойкое убеждение, что Иван IV после Казани будет завоевывать Ливонию, это его следующая цель. Перспективы грядущей войны с Россией рассматривались в меморандуме неизвестного автора о положении Ливонии 1552 г. Здесь названа конкретная дата чуть не состоявшейся русской агрессии — день святого Мартина, 11 ноября 1551 г., когда к границам Ливонии подошли 100 000 русских и 18 000 татар. Ландсгерры в панике провели ревизию вооруженных сил, и выяснили, что навстречу этой несметной орде могут выйти 7000: 3000 от Ордена, 2000 от архиепископа и 2000 — от горожан Риги, Дерпта и Ревеля. Прогноз, чем закончилось бы подобное столкновение, был, мягко говоря, неблагоприятным. Но русские так и не напали — испугались морового поветрия, которое весь 1551 г. было в Гарриене и Вирланде и унесло много жизней. Очевидна фантастичность и этого сообщения: во всей русской армии не было столько войска в 1551 г.

Иван IV — такой же враг христианского мира (в лице Ливонии), как и турецкий султан («...des Zaren gegen Livland entspricht der des türkischen Sultans gegen andere Länder der Christenheit»). Он выдвигает к Ливонии следующие претензии: 1) перекрытие всех путей для русской торговли; 2) высокие экспортные пошлины для русских товаров; 3) препятствование ввозу в Россию военных товаров и пропуску военных и технических специалистов, желающих наняться на русскую службу; 4) конфискация товаров у русских купцов, за что следует выплатить компенсацию в 60 000 талеров; 5) умаление титула русского царя всея Руси, именование его всего лишь «великим князем московским» («die Vorenthaltung des ihm zustehenden Titels eines Kaisers aller Russen und statt dessen die Verwendung der Bezeichnung “Großfürst von Moskau”»).

Данный перечень не совпадает с реальными претензиями, которые Москва предъявила Ливонии в 1550 г. Они известны благодаря хранящемуся в РГАДА тексту русско-ливонского договора 1550 г. В нем говорится о резком обострении отношений, инициатором которого выступает именно Москва: «...благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси положил был гнев на честного князя Вифленского, и на архиепископа, и на всю их державу за порубежные дела, и за гостей новгородских и псковских бесчестья и за обиды, и за торговые неисправления, и что из Литвы и из заморья людей служилых, и всяких мастеров не пропускали, и за то не велел был наместником своих отчин Великого Новгорода и Пскова дати перемирья».

Остальной текст договоров 1550 г. близок к договору 1535 г. и восходит к более ранним соглашениям. То есть, новизна проявилась именно в самой угрозе войны «за неисправление», внесенной в договор. Причины названы две: пограничные конфликты (порубежные дела) и блокада Русского государства, непропуск в Россию европейских военных и технических специалистов. В договоре Пскова с дерптским епископом 1550 г. этот перечень чуть более подробен: «...за порубежные дела и за гостей новгородских и псковских безчестья, и за обиды, и за торговые неисправления, и за дань, и за старые залогов, и что из Литвы и из заморья людей служилых и всяких мастеров не пропускали...».

То есть, тут акцент делается на обидах, нанесенных новгородским и псковским купцам, и на неплатеже «дани и старых залогов». Надо подчеркнуть, что все эти требования — и в договоре с магистром, и в договоре с дерптским епископом — были традиционными для русско-ливонских конфликтов второй половины XV — первой половины XVI в. И пограничные споры, и притеснения купцов, и непропуск мастеров и стратегических товаров — все это были «факторами раздражения» в русско-ливонских отношениях еще со времен Новгородской и Псковской республики. И даже упоминание некоей дани и «старых

залогов», под которой, несомненно, имеется в виду знаменитая Юрьевская дань, тоже было ритуальной традицией.

Русский текст является юридическим документом, фиксировавшим те требования русской стороны, которые были на самом деле. А вот ливонский меморандум отражает видение проблемы через оптику западной стороны. Здесь примечательно, как она трактовала и понимала статьи договора и на что обращала внимание. «Порубежные дела», т. е. пограничные конфликты, в тексте не упоминаются вовсе. Равно как и «старые залого», платеж дани. Ни слова о «бесчестье купцов». Зато 4 из пяти пунктов — экономические. Препятствование торговле, высокие пошлины и даже факт изъятия товаров у новгородских и псковских купцов, оцениваемый русской стороной как прежде всего «бесчестье», здесь получает коммерческую трактовку — ливонцев в первую очередь интересует, сколько стоил товар и какая возможна за него компенсация...

Здесь в полной мере проявилась та разница культур, разница уровня развития, которая будет красной нитью проходить через все дискурсы Ливонской войны и обуславливать роковое непонимание сторон. Запад исходил из буржуазных, т. е. в первую очередь экономических критериев. С этой точки зрения он оценивал и мотивы России — чего она, как обычное государство, должна хотеть в той или иной ситуации. Того же, чего хотят европейские страны Балтийского региона: прибыли, выгодной торговли, реализации коммерческих интересов. Проблема была в том, что Россия до такого уровня влияния экономики на политику еще не доросла. У нее была средневековая система ценностей, средневековые культурные мотивации, где конфискация товара у купцов — прежде всего бесчестье, и лишь потом — упущенная выгода. В силу этого Запад часто не понимал мотивы действий русского правительства и приписывал ему собственные желания и устремления, которых, в свою очередь, понимали русские.

Несколько загадочным здесь выглядит пункт о непризнании царского титула. Он странен, поскольку с Ливонией не возникало титулатурных проблем. Немецкие тексты русско-ливонских договоров содержат титулование *Kaiser*, и нет примеров, чтобы из-за данного вопроса вспыхивала хоть какая-то полемика. Даже Герберштейн отмечал, что ливонцы — одни из немногих, кто признают царский титул московского государя. Никаких следов титулатурной полемики в тексте договора 1550 г. не отражено, там стоит «*Kaiser und Hercherder aller Russen*». Остается предположить только одно: поскольку читателем меморандума предполагался Альбрехт Гогенцеллерн, союзник Сигизмунда II Августа, как раз в начале 1550-х гг. работавший над планами инкорпорации Ливонии в состав Короны, то этот пункт был рассчитан на польского читателя (или — сочувствующего полякам). Для них

тема «титудатурной войны» с Россией как раз была весьма актуальной и могла вызвать горячее сочувствие.

Анализ остальных пунктов меморандума показывает, что его целью было не сколько предотвратить войну, сколько убедить читателя в ошибочности политики Ливонского ордена по сравнению с рижским архиепископом. Орден провалил всю подготовку к войне, имеет нелепые территориальные споры с Литвой, его политика вызывает недовольство местного дворянства. Таким образом, тема «русской угрозы» была опять-таки использована для интриг, порожденных политическим противостоянием внутри Ордена.

Тема грядущего вторжения России в таком же ключе продолжала обсуждаться весной–летом 1552 г., но вяло. Ливонцы ожидали окончания «татарских дел» Ивана IV, после чего он обязательно займется Ливонией (используя тех же татар). Чтобы это предотвратить, надо попытаться договориться с Москвой и на всякий случай готовиться к обороне, собирать войска. И та, и другая задача в переписке Вильгельма Бранденбургского и Альбрехта возлагались на магистра и руководство Ливонского ордена. Постоянным рефреном шли упреки в адрес Ордена в его несостоятельности и неспособности к правильным действиям. Нападения России теперь ждали зимой 1552/53 гг.

Зато карта «русской угрозы» с 1552 г. начала разыгрываться на другом направлении. Архиепископ Вильгельм был главой «польской партии» в Ливонии, вместе с Альбрехтом Гогенцоллерном строил планы по присоединению Ливонии к Королевству Польскому по модели инкорпорации Пруссии в 1525 г. Сигизмунд II Август колебался. Сама идея ему нравилась, но ее реализация таила в себе массу сложностей. Тевтонский орден издревле воевал с Польшей, последняя война была как раз накануне его секуляризации и покорения Короне, в 1518–1519 гг. Поэтому события 1525 г. никого не удивили, Польша была, что называется, в своем моральном праве. Ливонская ветвь Немецкого ордена давно уже не вела самостоятельных войн с Великим княжеством Литовским. Исключая пограничные стычки и конфликты, последнее масштабное участие ливонских войск в войнах Тевтонского ордена, Польши, Литвы было в 1435 г. С тех пор военно-политическая роль Ливонии была сугубо региональной и незначительной.

Поэтому, чтобы напасть на Ливонию или иным способом принудить ливонского магистра стать вассалом Польши также, как им в 1525 г. стал Альбрехт, требовались серьезные основания. Не то чтобы Корона боялась обвинений в агрессии или не хотела выглядеть неблагородно. Надлежит помнить, что в 1512–13 гг. при разделе Священной Римской империи на 10 округов Ливония была включена в ее состав, причем вошла в одну провинцию вместе с Богемией и Пруссией. 24 декабря 1526 г., после падения Пруссии, в Эсслингене была дана грамота, подтверждающая, что Ливония является частью Священной

Римской империи, а в 1530 г. Карл V официально пожаловал в Аугсбурге ливонского магистра провинцией Ливонией. Теперь ливонский представитель мог присутствовать на рейхстагах, а магистр считался имперским князем. В то же время Ватикан считал епископские земли Ливонии под своим управлением, что видно из папских булл, выдаваемых ландсгеррам-епископам.

То есть, инкорпорировать пришлось бы провинцию Священной Римской империи, значит, конфликта с императором и папой не избежать. Понятно, что императору, пытавшемуся как-то потушить полыхавший пожар Реформации, было немного не до Ливонии, но все-таки польский король не мог не считаться с империей (тем более, что отношения Габсбургов и Ягеллонов и так были непростыми). И надо было тысячу раз подумать, стоит ли рисковать и ввязываться в спор из-за Ливонии.

Тем не менее, соблазн был слишком велик, а Ливония оказывалась чересчур соблазнительным кусочком. Вот здесь и разыгрывалась карта «русской угрозы». Сторонники инкорпорации, прежде всего Альбрехт и Вильгельм, на переговорах с Сигизмундом II упирали на то, что если Ливонию не захватит Польша — ее захватит Россия. По указанию И. Олевника, уже в письме Акации Цемы к Альбрехту от 21 июня 1525 г. содержится рекомендация: «не ограничиваться секуляризацией Прусского ордена, но то же сделать и с Ливонией, иначе она станет добычей Москвы».

Первые попытки разработать план аннексии Ливонского ордена Польской Короной, по Э. Тибергу, предпринимались еще в 1547–1548 гг. В плоскость практических действий эти попытки были переведены в сентябре 1552 г. на тайной встрече Сигизмунда II с Альбрехтом Гогенцоллерном в Крупишках и Брайтенштайне. На переговорах присутствовал мальборский воевода Акаций Цема. Сигизмунд II поручил Альбрехту разработать план инкорпорации Ливонии по образцу присоединения Пруссии 1525 г. Несомненно, что к этому стороны подтолкнуло несостоявшееся «вторжение» России 1551–1552 гг.

Главным мотивом будущей акции было нежелание уступить русским: Ливония должна быть превращена в лен Ягеллонской монархии, чтобы «не достаться Московии». И польские, и прусские, и ливонские политики отдавали себе полный отчет, что Ливония не сможет противостоять Московии в случае серьезного военного конфликта. Причем, как и Россия, Польша апеллировала к очень древним, забытым и никогда не исполнявшимся договорам: в 1366 г. император Священной Римской империи Карл IV Люксембургский признал за польским королем Казимиром Великим и его наследниками титул протектора Рижского архиепископства. Теперь Сигизмунд II «вспомнил» об этом ягеллонском наследстве, и напомнил, что является протектором и покровителем Вильгельма, рижского архиепископа.

Правда, Альбрехт не спешил. Как показал И. Олевник, почти три года спустя, в июле 1555 г., прусский герцог писал Сигизмунду II, что с момента тайных переговоров 1552 г. он «размышлял об этих разговорах, и начал искать, но так и не смог найти подходящего пути, чтобы двинуть дело вперед». Польский историк склонен доверять этому заявлению и делает вывод, что в 1552–1555 гг. к энергичным мерам по инкорпорации Ливонии, с точки зрения Альбрехта, не располагала обстановка. Несколько иначе трактует ситуацию К. Расмуссен: по его мнению, медлительность герцога была связана с его концептуальными разногласиями с королем. Альбрехт считал, что Ливония должна подчиниться Польской Короне, а Сигизмунд был склонен передать ключевую роль в инкорпорации Ордена Великому княжеству Литовскому.

3 октября 1552 г. Вильгельм послал Альбрехту мемориал с характеристикой текущего положения и стоящих перед политиками задач. Обсуждался вопрос о встрече Вильгельма с польским королем. Высказывалось предположение, что Россия не напала на Ливонию в 1551–1552 гг., как хотела, из-за того, что была измотана в войне с татарами. Русские готовы заключить перемирие на 20 или даже 30 лет, если будут удовлетворены их требования по торговле, свободному пропуску военных специалистов из Европы и т. д. Поэтому на переговорах с ними надо соглашаться только на перемирие на 3–4 года. Угроза войны не снята — Вильгельму стало известно, что Иван IV приказал засыпать 8000 ластов обмолоченной пшеницы в хранилища недалеко от псковской границы. Несомненно, они предназначены для фуража войска в случае войны. Нужно введение новых специальных налогов, урегулирование отношений архиепископа и дворянства и т. д.

Постепенно тема немедленной войны с русскими затихла, и превратилась в перманентное обсуждение в переписке проблем сбора ополчения, найма наемников, покупки военных лошадей и т. д. Некоторое время вопрос о неизбежном скором нападении Москвы не поднимался. О Ливонии в Москве немного забыли — в 1551–1552 гг. в самом разгаре было покорение Казани, до скучной Прибалтики ли тут... Срок ультиматума кончился, на Ливонию никто не нападал. И в 1554 г. осмелевшие дипломаты Ордена и дерптского епископа поехали в Москву, как ни в чем не бывало, продлить перемирие. Там их ждал сюрприз: Россия предъявила печально известные требования уплаты Юрьевской дани. Под дипломатическим давлением послы заключили договор 1554 г., содержащий обязательства уплаты дани. Но Ливония их не выполнила, да и не собиралась выполнять. В 1556–1557 гг. она пережила «войну коадьюторов» и едва не была аннексирована Польшей. Неизвестно, как бы развивались события после кабального Позвольского договора 1557 г., но в том же году истекли три года, отпущенные на сбор дани, и в январе 1558 г. начался карательный поход на неплательщиков, главной целью которого было принудить к исполнению договора 1554 г.

Вскоре в борьбу за раздел провинции Священной Римской империи вмешаются Дания, пытавшаяся реанимировать «империю Ольденбургов», и Швеция, начавшая строительство своей империи. Началась эпоха Балтийских войн, длившаяся почти два столетия (точку в ней поставит только Россия Ништадтским миром 1721 г.).

Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 годы)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

Хайдаров Т. Ф. Участие Данцига в Великой войне (1409–1410) // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 344–348.

Т. Ф. Хайдаров

Участие Данцига в Великой войне (1409–1410)

К началу XV в. в Тевтонском ордене были сформированы, главным образом, основные органы управления (*Mülverstedt G. A. von. Die Beamte und Conventsmitglieder in der Verwaltungs-Districten des Deutschen Ordens innerhalb des Regierungsbezirks Danzig // ZWG. 1888. Hf. 24. S. 1–68; Bär M. Über Gerichte in Preussen zur Zeit der polnischen Herrschaft // ZWG. 1904. Hf. 44. S. 67–95; Simson P. Geschichte der Stadt Danzig: in 3 Bde. Danzig, 1913–1918; Ramm-Helmsing H. von. Riga und Danzig in ihren Wechselbeziehungen zur Zeit ihrer Zugehörigkeit zu Polen-Litauen (Ein Beitrag zur polnischen Städte- und Zollpolitik) // HGBll. 1938. Jg. 62. S. 150–172; Mülverstedt G. A. Die Beamte und Conventsmitglieder in der Verwaltungs-Districten des Deutschen Ordens innerhalb des Regierungsbezirks Danzig // ZWG. 1888. Hf. 24. S. 1–68*). Несколько иначе выглядели структуры орденского управления в Данциге. Несмотря на то, что орденские структуры управления в городе появляются уже в 1310 г., т. е. почти сразу же после завоевания города Тевтонским (Немецким) орденом, в 1308/09 г. на территории данцигского комтурства продолжали параллельно существовать

земельные владения поморянского князя, монастыря Оливия, леславского епископа, подданного Польской Короны, и данцигского магистрата, что в свою очередь приводило к постоянному конфликту между ними. На территории самого города, практически до Тринадцатилетней войны (1454–1466), параллельно сосуществовали неподчинявшиеся друг другу различные образования (Рехтштадта, Хакельверка, Альтштадта и Юнгштадта), отличавшиеся не только в правовом плане, но и в этническом.

Самое значимое для Тевтонского ордена занимал основанный в 1320 г. южнее старого поселения любекских переселенцев Рехтштадт (*Simson P. Geschichte der Stadt Danzig. Bd I. S. 26*), в котором вплоть до 1333 г. действовало любекское право со всеми вытекающими отсюда последствиями: значительная автономия судопроизводства, торговой, таможенной и финансовой политики. Но несмотря на введение в 1342 г. нового закона, основанного на Кульмском праве, Рехтштадту были сохранены значительные городские свободы: самостоятельный выбор бургомистров, раттманов, главного городского судью и шеффенов (*Ibid. Bd I. S. 56*). В юрисдикцию орденских чиновников входили только уголовные правонарушения, совершенные на улицах.

В условиях подъема городской торговли в 30-е гг. XIV в. и, не в последнюю очередь, вследствие роста самосознания горожан, заложенного в XIII в. любекским правом, происходит формирование независимого от великого магистра городского совета (*Ibid. Bd 3. № 84*). Последнему, в условиях противостояния с монастырем св. Оливии и леславским епископом, в середине 40-х г. XIV в. удается стать единственным крупным землевладельцем на территории города (*Ibid. Bd 1. S. 58*), а также при непосредственной поддержке великих магистров Ордена Генриха Дусемера (1345–151) и бывшего комтура Данцига (1338–1341) Винриха фон Книпроде (1351–1382) была проведена судебная реформа, позволившая значительно расширить права городской общины в области судопроизводства. В результате все решения по наиболее спорным делам стали выноситься теперь не верховным орденским судом в Кульме, а городским советом Данцига.

Прямым следствием этой реформы стало включение в правовое пространство Рехтштадта в 1348 г. поселение польских, славянских и отчасти старопрусских рыбаков — Хакльверка (*Ibid. № 88*), а в 1377 г. — Альтштадта (Старый город) (*Ibid. Bd 1. S. 64*).

Усиление позиций городского совета Рехтштадта приводит к росту социального напряжения, имевшего ярко выраженный национальный подтекст. Во время первого городского восстания 1378 г. восставших ремесленников и городскую бедноту поддержало польско-пруско-кушубское меньшинство (*Ibid. Bd 1. S. 75*). Одним из результатов этого восстания стало создание несколькими патрицианскими семьями (Кцан, Мунцер, Тиргарт) внутри городского совета еще одного совета — братства Св. Георгия, своеобразного

рыцарского ордена с собственным уставом и постоянными членами, что, в конечном счете, привело к еще большей концентрации власти в руках узкого круга патрициата (Ibid. Bd 1. S. 76).

Рост влияния рехтштадтовского совета, как следствие укрепление власти данцигского патрициата, не могло не вызвать обеспокоенность со стороны орденских властей. Поэтому в 1354 г. Орден в соответствии с оборонительным правом Даницга (*Befestigungsrecht*) позволил городским купцам создать свое братство стрелков из арбалета, получившее со второй половины XV в. название братства Косырей, которому, как и в других орденских городах, стал покровительствовать великий магистр Ордена. Основной функцией этого братства являлась прежде всего вооруженная защита города (Ibid. Bd 1. S. 58). Стремясь к увеличению доходов от торговли зерном и лесом и попытке к установлению контроля над остальным Данцигом, Тевтонским орденом 18 января 1380 г. в устье Вислы был основан подчиненный напрямую верховному совету Ордена (Ibid. Bd 1. S. 94) и заселенный выходцами из верхненемецких земель Юнгштадт (Новый город).

Из всего выше сказанного можно сделать вывод: на территории города, в соответствии с предоставленным в начале XIV в. Орденом оборонительным правом, на территории Данцига существовало несколько независимых вооруженных отрядов: рыцарские отряды — братства данцигского патрициата св. Георгия и Тевтонского ордена, бюргерские отряды — братства стрелков из арбалета и данцигских «корабельных детей» матросов. Существование различных вооруженных отрядов в городе подтверждает участие в Грюнвальдском сражении сразу двух хоругвей из Данцига. Общее число равнялось примерно 2100 человек. Среди них 1200 чел. городского ополчения, 300 чел. «корабельных детей» (Ibid. Bd I. S. 127), 60 чел. орденских братьев и 540 чел. орденских полубратьев-кнехтов (*Козюренко К. Л. Армия Тевтонского ордена. [Электрон. ресурс] — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/_Koz_ArmTevt.php*). Кроме того, город являлся крупнейшим поставщиком пороха и оружия (*Simson P. Geschichte der Stadt Danzig. Bd I. S. 127*).

Наличие такого большого представительства среди орденских городов в войске Тевтонского ордена доказывало большое значение Данцига. Следует предположить, что скорее всего обе данцигские хоругви находились в резерве под командованием великого магистра Ульриха Юнингена (*Гейсман П. А. Польско-литовско-русский поход в Восточную Пруссию и сражение при Грюнвальде-Танненберге 15 июля 1410 года. Киев, 1910. С. 27*). При попытке окружения польского войска великим магистром все 16 резервных хоругвий были уничтожены, тем самым определив победу союзников над Орденом. В Данциг вернулось только 300 человек из участвовавших.

Сразу же после победы польско-литовские войска двинулись на столицу Ордена город Мариенбург. Данцигский комтур и двоюродный брат погибшего магистра, Генрих фон Плауэн, собрав всех воинов, оставшихся в живых после Грюнвальда, двинулся на Мариенбург. Вскоре к Плауэну прибыло подкрепление: 400 данцигских «корабельных детей»—матросов. Началась двухмесячная осада города.

В этих условиях Данциг был вынужден присягнуть 30 июля 1410 г. польскому королю. Это подтверждает и Ян Дуглош (Там же). Причиной тому стала скорее не угроза осады со стороны союзных войск, а рост противоречий между городским советом и Орденом вызванной попыткой последнего сократить городские привилегии (Там же). Однако, пока это не привело к открытому выступлению против орденских властей. В 1413 г., во время сбора следующей поголовной подати, городской совет Данцига отказался платить (*Лависс Э. Очерки по истории Пруссии. С. 177*) и быстро возвел перед городским замком новую проездную башню *Kiek in de Kuk*, т. е. окно на кухню, что являлось прямым нарушением оборонительного права Данцига (*Simson P. Geschichte der Stadt Danzig. Bd I. S. 58*). В ответ на это данцигский комтур велел казнить нескольких членов городского совета (*Лависс Э. Очерки по истории Пруссии. С. 179*). Этот факт имел далеко идущие последствия, приведшие к окончательной потере влияния Тевтонского ордена над Данцигом в 1440 г.

После присяги Данцига Польской Короне 5 августа 1410 г. в город был назначен польский наместник Януш из Тульсикова. Однако, согласно секретному договору, окончательное включение Данцига должно было состояться после взятия Мариенбурга (*Дуглош Ян. Грюнвальдская битва. С. 124*) и при значительном расширении городских привилегий, городской территории (*Simson P. Geschichte der Stadt Danzig. Bd I. S. 132*). Уже 10 августа в Данциге состоялся съезд представителей крупнейших орденских городов (Торна, Эльбинга, Браунсберга, Данцига). На этом съезде основным вопросом стало приведение в соответствии с польским законодательством торгового и монетного права прусских городов.

Ситуация резко поменялась в пользу Тевтонского ордена после того, как 7 августа данцигским кастеляном Янушем Фулисковым был подкуплен литовский князь Александр (*Ibid. S. 133*). Последний вскоре увел свои войска, что привело к окончательному снятию поляками осады с Мариенбурга (22 сентября 1410). 9 ноября 1410 г. великим магистром становится Генрих фон Плауэн. Для продолжения войны, для найма нового войска ему пришлось попросить у Данцига заем в размере 100 тыс. флоринов и вооруженный отряд, которые вскоре были благополучно предоставлены ему (*Дуглош Ян. Грюнвальдская битва. С. 132*), а сама присяга Данцига польскому королю была денонсирована (Там же. С. 147).

В феврале 1411 г. в городе Торн Польша и Великое княжество Литовское заключили с Тевтонским орденом первый торуньский мирный договор, по которому Орден возвращал все

занятые ранее у Польши и Литвы территории и выплачивал контрибуцию, за Польшей закреплялась Самготия. Данциг, сохраняя все свои привилегии, вновь входил в состав Тевтонского ордена.

Итак, можно подвести итог. Данциг занимал особое положение в Тевтонском ордене. Являясь крупнейшим городом Ордена, он принял самое активное участие в Великой войне, поставляя великому магистру не только солдат, но солидные денежные вливания и амуницию. Однако заложенная в 1310 г. либеральная позиция орденских властей в отношении Данцига напрямую способствовала фактическому выходу города из состава Ордена.

Хлевов А. А. Кораблестроительная революция в Северной Европе XII–XV вв.// Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 349–352.

А. А. Хлевов

Кораблестроительная революция в Северной Европе XII–XV вв.

Традиция североευропейского кораблестроения уходит корнями, без всякого преувеличения, в глубину веков. Материалы мезолитических поселений вполне явственно свидетельствуют об употреблении плавсредств уже в эту эпоху: собственно, и заселение Северной Европы было бы невозможно без относительно свободного овладения морскими пространствами. Представляется вполне доказанным и тот факт, что в период бытования в Европе культуры боевых топоров (как локального варианта культуры шнуровой керамики) акватория Балтийского моря оказалась по сути внутренним водоемом, в рамках которого осуществлялись вполне надежные и устойчивые торговые, культурные и военные контакты. Не менее «мореходный» характер имела и культура западной части Скандинавии и зоны Датских проливов. Таким образом, уже около 3000 лет до н. э. на Балтике и побережьях Северного моря складывается развитая традиция изготовления и использования средств передвижения по морю. О ее характере, базовых и доминантных типах этих судов можно составить вполне ясное представление на основе анализа, в частности, наскальных изображений Скандинавии эпохи бронзового века. Как известно, двухштевневые суда являются едва ли не самым популярным объектом северной петроглифики, причем

значительная часть данных изображений носит не ритуальный, а вполне реалистический характер. Материальным подтверждением данной традиции является ладья из Хьёртшпринга, демонстрирующая полное совпадение с наскальным образцом реального судна середины I тыс. до н. э.

Вместе с тем, не вызывает сомнения, что в период с V в. до н. э. до V в. н. э. (отталкиваясь от сообщений Тацита — не позднее I в. н. э.) в Скандинавском регионе произошла подлинная революция в кораблестроении. Она выразилась в создании одноштевневых судов вельботного типа, с симметричными очертаниями носа и кормы. Многочисленные образчики таких судов широко известны как по изображениям и описаниям, так и по ряду археологических находок. Именно этот тип судна, более известный как «судно викингов», и стал своего рода символом эпохи — неотъемлемым атрибутом морских походов, переселенческих экспедиций и экспансии викингов во всех ее мыслимых формах. Важно заметить, что никаких принципиальных изменений в конструкцию этого корабля за период с IV по XI столетие внесено не было. Менялись обводы корпуса, его длина, конфигурация отдельных элементов набора, но «философия судна» оставалась неизменной. Еще более показательно то, что не существовало принципиальной разницы между «боевым» и «торговым» или «транспортным» судном, что обычно характерно для развитых судостроительных традиций: как правило, разница эта сводилась к соотношению длины и ширины корпуса. Отметим, что суда викингов отличались без преувеличения блистательными мореходными данными. То есть, до определенного момента нужды в их глубокой модернизации не возникало.

Однако в XIII–XV вв. ситуация меняется, причем очень существенно. На морях Северной Европы весьма быстро начинает доминировать совершенно новый тип судна, известный как ког или — нередко более конкретно — ганзейский ког. Без сомнения, это судно стало почти столь же легендарным, как и корабли викингов (хотя эта легендарность и носит более локальный характер), ибо сыграло огромную роль в истории европейской цивилизации в самых разных ее аспектах. Эта «вторая судостроительная революция», вне всякого сомнения, вызывает интерес хотя бы с той точки зрения, что произошла она в регионе, имеющем богатую судостроительную традицию. Принципиальные новшества заключались в том, что ког обладал несколькими яркими отличительными чертами — высокобортным и достаточно объемным корпусом, прямыми штевнями и навесным рулем. Остальные новшества — оборонительные надстройки, закрытые помещения для команды, одномачтовость и однопалубность — либо не являются новшествами, либо убедительно объясняются логикой количественного увеличения параметров судна. Проблемой, собственно, является причина отказа от традиционного и весьма эффективного типа судна в

пользу нового и полностью заимствованного извне. Ибо несомненно, что ког как судостроительный тип в значительной степени является не вполне творческой адаптацией к североморским условиям средиземноморского нефа более раннего периода — причем без существенного прироста характеристик.

Решение данной проблемы возможно на пути анализа исторической ситуации переломного периода истории Средневековья, каковым является, в частности, XIII столетие. Не вызывает сомнения, что крестовые походы активизировали даже не столько торговлю с неевропейскими регионами, сколько потребность в притоке импортных товаров. Результатом стало увеличение объемов как европейского импорта, так и внутриевропейских перевозок. Само по себе это кажется достаточным аргументом в пользу начала строительства более водоизмещающих судов, обладавших меньшей маневренностью, но обеспечивавших большую эффективность перевозок. Однако, помимо экономических, действовали, несомненно, и иные факторы.

Так, причины завершения эпохи викингов и, в частности, самих походов, трактовались разными исследователями с различных позиций. Предлагались и изменения в политической системе Скандинавских стран, и социальная трансформация, и даже принятие христианства как сдерживающего агрессивность фактора. Ни один из этих аргументов не выглядит убедительно. Единственным реально «работающим» аргументом является резкое изменение характера военного дела на Западе. Быстрое распространение тяжелой кавалерии в первой половине XI в. сделало неэффективными пешие воинские формирования, не имевшие шанса конкурировать на поле боя с кавалеристами, что вполне продемонстрировала битва при Гастингсе в 1066 г. В свою очередь, доставка большого количества коней по морю требовала принципиальной революции в кораблестроении, на которую Скандинавия, занятая социальной модернизацией, пойти не могла. То есть, походы викингов прекратились в силу того, что заброска на Запад пехотинцев не имела теперь смысла, а кавалерия, если и была в сколько-нибудь заметном количестве, испытывала трудности с доставкой (вспомним, какой проблемой была переправа через Ла-Манш для Вильгельма Завоевателя).

Обратим внимание, что походы на Восток (Балтика) не прекратились в середине XI в. Ингвар в 1043 г. совершил последнюю дальнюю операцию, но нападения на земли Приладожья и уж, тем более, на берега Финского залива, продолжались с той же интенсивностью и в XII в., и в начале XIII в. Крайне показательно, что в 1240 г. шведская экспедиция в устье Ижоры завершается весьма плачевно именно в силу неспособности шведского контингента (в основном пешего) противостоять войскам Александра Невского (в частности, конной дружине). Симптоматично, что в дальнейшем в войнах в Восточной Прибалтике наступает перелом: набеговые, рейдовые операции сменяются достаточно

регулярными феодальными войнами. Примером являются уже войны России и Швеции конца XIII в. На первый план выходит задача доставки войск — в частности, переправа коней, насущно необходимых в боевых действиях — и их снабжения, переброска снаряжения, материальная поддержка гарнизонов крепостей и т. д. Суда прежнего типа теряют актуальность и постепенно заменяются тяжелыми грузовыми транспортом.

Не менее показательным, что именно в 1241 г. Любек и Гамбург заключают между собой соглашение о защите от скандинавских пиратов морского торгового пути, пролежавшего через Датские проливы. Эта дата многими рассматривается как момент физического и юридического оформления зародыша Ганзы. Думается, что совпадение дат не является случайным, хотя причина в данном случае иная. Пиратство представляло страшную угрозу в силу почти полного совпадения типов судов нападающих и обороняющихся сторон. Традиционная манера абсордажного боя с «очисткой корабля», не менявшаяся с эпохи бронзового века, могла быть пресечена только путем резкого отрыва в кораблестроительной традиции. Тяжелое судно, несмотря на свою неповоротливость, могло, во-первых, нести достаточное количество воинов для отражения атаки. Но, во-вторых (и это более важно), высота его борта серьезно усложняла задачу нападающих и сама по себе резко снижала их шансы на успех. Абсордажный штурм кога с борта шнеки, в сущности, представлял собой в XIII в., в условиях отсутствия огнестрельного оружия, технически вряд ли разрешимую задачу.

Таким образом, в середине XIII в. синхронно в немецких землях и в Скандинавии складываются условия, делающие невозможным применение чрезвычайно эффективных судов старого типа. При этом экономический и торговый фактор является важным, но никак не определяющим, уступая первое место фактору военному. Решение этой задачи происходит не путем развития существующего типа судна, а посредством заимствования — с несущественными дополнениями или упрощениями — средиземноморской кораблестроительной традиции.

Хорошкевич А. Л. История Тевтонского ордена в представлении гданьского бюргера и монаха-доминиканца конца XVI в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 352–357.

А. Л. Хорошкевич

**История Тевтонского ордена в представлении гданьского бюргера
и монаха-доминиканца конца XVI в.**

À ààèùíàéòàì èçèíàéíè Æðóíààã ññðàáíòì-èààò ñàíà áíèíàíèà íà èñòíðèè ìðàáíà. Íí òèòò, ÷òí òðèñòèàíàí àèàáíàðý èð ààèíðàò óààèíñ óíðààèýòù Ñàýòíè çàíèáè è Èððòñàèèíí, íàíàèí ìèðòàààøèà èð ýçù-íèèè íà ààààèè ñíèý, óñòðàèàý èðíàíðíèèòíùà íàíààíèý. Õðèñòèàíà æà. ñíàðààøèàñý èçí àñàé Ààðíñ - Õðáíòèè, Íèààðèàíàí è Áíàèèè è ìðíààèààøèà òýàèèè íòòù ñí ñòøà è ñðð, òàðýèè èðààè è à àèòààò (Æðóíààã ààòèðòàò ñàíó èç ìèð 1188 ã.) è ìò ÷òí, íàíàíèðòàòí ñàòíðýàøèñý. Ðààè ìðàíù Ñàýòíè ñàèèù òðèñòèàíà èçàðàèè àà çàùèòíèèíà, ñðààè èíòíðòù àúèí ñíàí è íàíòàà èç àèàáíðíàíùð ðíàíà - ðùòàðáé Ñàýòíè ñàèèù. Ñàíè ñíè æèèè à Ñàýòíí àíðíàà Èððòñàèèíà íèíèí òàðèàè ñà. Ìàðèè à àíðòèèèòà, èíàíòáíèè íàèíòíðíèè àíñíèòàèàí (Íðàáí àúè ñííàáí à 1187 ã. à ðàçóèùòàòà òðàòùàáí èðàñòíàíàí ñðíàà - ÆÕ). Ýòí çàáíèà àúèí ññðòàáíí ñí-ðáííùí íàíòàí æý ìòàùòà íàíàòèèð ñàèííèèíà, ñí-àíò íàèíòíðíèè ñí àúè ìðíàáí Íàíàòèèí àííí (à àáí íàèòàòàèè - ñà. Ìàðèè àðàòùýíè Íàíàòèíàí àíà), à íàèíòíðíèè - òðàííí (Òàìðè) Ñàýòíè ñàèèù.

Íñíèèùèò ñíè, àèàáíðíàíùà íàíòù, ààèè àíàíàíýçíàííùè è ñíèðàííùè íàðàç æèçíè, ññòíýíí çàíèíàýñù ðùòàðñèèèè òíðàèíàíèýíè, ñíè ìðààèèèññ àñàíò ìèðò, èí ññíùèàèè àíàòòùà ààðù, ñèààà í ìèð àíòèà íàèííàò àí íàíù è èíàðàòíðà, èíòíðíà ìðèçíàèè èð à èà-àñòàà ìðàáíà - àíñíèòàèèàðíà èèè Íàíàòèíàí ìðàáíà, èóàà ìðèèíàèè òíèùèí íàíòàà àèàáíðíàíàí ññíèíàèý - è ñíèíàùð, è ñòàðùð, èèòù àú òà àúèè ìðèçíàíù àíàííùè è àíèíà.. Æðóíààã íà óèàçùààò ààòù ýòíàí ñíàùòèý (Íà ñàííí ààèà 1221 ã. ÆÕ).

Àíñíèòàèèàðù ìèòàèèññ èç íàùàáí èíòèà, àíèæíù àúèè àààáíàáí íàñíèèùèí ðàç ÷èòàòù Ìò-à íàò è àèòù ñíèííù (“englische gruesse”), ñí íè-àíò, èðíà àíèíèíàí ààèà, íà ó-èèèññ, çà èñèèð-àíèàí ñàýàáíèèíà. Æðóíààã íàðààò àíèíàíèà íà ðàçíñòù àíàòíàáí íàèèèà ñíèàáíèè è àðàòùàà àíñíèòàèèàðíà: ìàðàùà ñòðèàèè àíðíàù, ññòàèèíùà ìòàùèààèè àà ñí àðàíàíè ññòòíèàíèý à ìðàáí. Á ìèðíà àðàíý ñíè ñèààèè ñí àíàí, èíòíðíà ñèíðàà àúèè èðàñíòýíè, à à àíàííà àðàíý - à ñàèòèàð. Ííè ìèèíàà íà ðàñíòàààèèññ ñí ìðòàèàí, òíàèèè à íàù-ííè íàíàòèèè íààæàà, ñààðò èíòíðíè ñíèèè ààèùà ñèàùè, íà ìðàáíí ñèà-à èíòíðòù àúè çàèðàíèáí èðàñò, ñí-àíò èð íàçùààèè èðàñòííñòàíè. Çààèè èð è íààèñòàíè, ññíèèùèò ñíè íàò-àèè àíèíà. Àèààà èð ñíððàíèè ýòíò òèòòè - Õíòíàèèòàðà, ìàðàùí èç ìèð àúè Áàíðèò òíí Ààèñíèòò (çààññ Æðóíààã íàñíèèùèí ìèèáñý: òàíèèèý ìàðàíàí Ààèñíò 1198-1200).

Õíòý èðàñòííñòù ñíèùçíààèèññ àíèùòíè ñèàáíè, àñèíðà èí “èç-çà ìðààòàèèòàà” ìèèèíññ ñíèèíòù ñàýòíè àíðíà. Ííè íàðàòèèèññ ñí ìðíñàíè è ààðíàíñèíò èàèçàðò Õðèàðèòò (II Ààðààðíñà, èíðíèð ñí 1196, èàèçàðò ñí 1220 ñí 1250 ãã.), ÷òíàù ñí ìðàáíñòààèè èí íàñòí æý ñòðíèòàèèòàà ñíàñòùðý. Íà ýòíí òñèùòàè ñíèñíèèè èíýçù Èàøèí (Èàøèí Áàèùè, ñàíàíèèðñèèè è èðàèíàñèèè 1194-1198/99, 1202-1207) è Èíðàà, íàçíàòèèè èíýçù, òàðíààøèà àíèùòèà ìèðòàñíàíèý ìò “ààçáíàíùð” ìòðñííà è ñí òðòáíí íàíðíýàøèàñý ìò ìèð. Привилей этого князя, датированный 1230 г., уже давно был предметом ожесточенных споров, точку в которых поставил Герард Кухарский. Произведя дипломатический и содержательный анализ документа, он убедительно доказал, что сохранившаяся в папской канцелярии копия была составлена в южной Италии, но отредактирована при дворе императора Фридриха II. Кроме того, булла папы Григория IX от

12 сентября 1230 г, соответствующая основному тезису Конрада о борьбе с пруссами и предоставляющая кму право на уже завоеванные прусские земли и узаконивающая его дальнейшее продвижение в этом направлении, говорит в пользу мнения о достоверности Крушвицкого договора. (*Kucharski G. Przywilej kruszwicki Konrada mazowieckiego dla zakonu krzyż'ackiego z 1230 roku // Zapiski historyczne, poświęcone historii Pomorza i krajów bałtyckich. T. LXV. R. 2000. Z. 3–4. S. 7–44*). Пользуюсь случаем поблагодарить редактора журнала проф. Мариана Бискупа за многолетнее дружеское внимание, благодаря которому мне доступно это издание.

È çíàÿ, ÷òí íàíàöèèà áðàòÿ òæàñòàáíí ñðàæàèèñ ñ ÿçú÷íèèàì, ííè ðàøèèè ñíðíñèòù ó íèð ñííùè òðòèà ðàçíðèðàèèè ñàíàáí òà÷àñòàà. À ñíàíó òòðààèèè ñííèùòàí è òàò è èàèçàðó, ÷òíàí àíàèòù ñàíàáí. È àñà æàèàáíà ñèó÷èè. Ííè çàèèð÷èè àà÷íúè àíàíàð, ñèðàíèáííúè èèÿòàíé, ÷òí èðàñòííñòù áóáò òàèààòù íààðíúð. Ýòí òðèçíèèí òè ÷àðàðòòí òòíàèñòàðà, èòòðàí ààèè Æàðíàíí òí Çàèüà (1209–1239). È òè íàí æà íàíòù àíàðàùà àñòòòèèè òðòèà òðòññèè ÿçú÷íèèà à 1230 ã.

Íñèà àíèàèð àíéí, ààèèèèð òðòàíà è èðíàñíðíèèèè èðàñòííñòù ñà÷èèèè ñààà àñð Ìðòññèð è íàñòíèùèí ñàààèèè òæàñòàáííúð ÿçú÷íèèà, ÷òí ààæà èð ðíàííè ÿçúè óààñ, à èð çàíèè íàðààòùààèè íàíòù. Ííàèà èç òóçàííúð àíÿè ñòàèèñ òè òðàáíñèèð áðàòÿð, èàè Æðóíààà òèòàò, - “àíñíààð”, çàíÿàøèð íààçèðàààøòð çàíèð, ñòðíèèè àíðíàà è çàíèè, èç èíèð ñàííèè çíàíàíèèòùè ÿàèÿðòñÿ ÷àòùðà - à èíàíí Òòðí (ñèùñè. Òòðòèù), Ýèùàéíà (ñèùñè. Ýèùàéíà), Èàíèàñàðà (íúíà Èàèèèèàðà), Ààíòèà (ñèùñ. Ààáíñè). Èðàñòííñòù “íàðèèèè” çàíèð áíæüàè ñèóàáíé, àíçààèè èðàñèàùà òàðèàè è ííàñòùðè. À èð àèàáíúè àíí è òàðèíàù, èòòðàà áúèè à Èàðòñàèèíà, òòòàà ñíà÷àèà áúèè íàðàíàñàíú à Àèèí, çàòàí Àáíàøèð, òòòàà à Ìàðáðà è, íàèíàò, à Ìðòññèð, ààà òðààáííúà ñèóàè Ñàÿòíé Àààù Ìàðèè ñíçààèè àíðíà Ìàðèáíáóðà (Ìàèüáíðè). Ìò íèð è ñèèí, ÷òí àíèùèèñòàí òàðèààè à Ìðòññèè àíçààèààòñÿ à ÷àñòù Áíàíàòàðè. Ýòèí ííè áúðàæàèè ñíàòð èðáíàù è íàé, è àñà ñàíè òñíàòè à àèòààð òèèèñíààèè íà ñààà, íí Íààñíííè èíðíèààà, èàè èð ñèðíàèèðàèèèèèèè.

Ìà ÿòíí òñíàòè èðàñòííñòàà, ñí Æðóíàààò, èíí÷àòñÿ, è ñíèà òèèííòñèíàí íààèðàáíèÿ í òíí, ÷òí íè÷òí íà àà÷íí íà ÿòíí ñààðà, àñà ííñèòñÿ òòàà è ñðàà, ñíàíáí èíðààèð à áóøòðàí íðà, íí çàíà÷àò, ÷òí íàùàÿ ñóàüàà ñíðèèèà è ÿòò òðàáí èðàñòííñòàà. È íà íàíè ííè ííèèè èðàñò, íí àñà èð íèðàñòíúà ñíñààè èíàèè òò íèð àíñòàòí÷íí èðàñòííèè íóèè. Íííðòù, èàøóáù, íàçòðù, ñèÿèè (О расположении этих племен см. *Biscup M., Labuda G. Dzieje Zakonu Krzyż'ackiego w Prusach. Gospodarka. Spół/tczyen'stwo. Pan'stwo. Ideologia. Gdan'sk, 1986. S. 31–34*) è èèòíàòù àñàààà èíàèè òè÷èí æàèíàòùñÿ. Íí íèèòí íà íà íèèàè èí ñíí÷ü, àáíüàè ñíèðüààèè àñà. Íàààííúà èíàñòííñòàà ñòðàààèè òò èð íàñíðààààèèàíñòàè, è ñàíè ííè íèàçàèèñ íà ààèí, à ðàçàðíàèáíú. Ìè÷èí ÿòíàí Æðóíàààà èüàò à èð “àñííèíóíèè”: èíàà èííó-íèáóàü óààààèíñü òæàñòàáííí òèè÷èòùñÿ à àèòàà èèè ñí àáí ñíààòò èòí-èèáí ààèàè ÷òí-òí ñèàçíà, íí çàáüààè òèèèñàòù ÿòí Æíñíàó Áíàò è àáí àíçèðàèáííèè Ìàðàðè (ñí íàðàçòò

ĩðǎǎǎǎ), à èèøü ñǎĩĩó ñǎǎǎ. Ǻǎǎǎ òĩò, èòĩ íǎ ñǎ ýǎèòü ðüòǎðñèèð ãĩñòĩèĩñòǎ, ñòǎè áũñĩèĩñǎðĩüĩ, ĩðǎçèðǎè ìǎèüð ìèðǎ ñǎǎĩ. Ǫĩðǎǎè-ǎ áũñĩǎèǎǎèè ìèǎǎðǎǎè-ǎ èèè ĩĩĩðýĩ, ǎǎǎǎ ãñèè òǎ ĩðĩèñðĩǎèèè èç ãðèñòĩèðǎèèè. È ýòĩ íǎĩĩòðý íǎ òĩ, ÷òĩ Ǻĩñĩǎũ Ǻĩǎ ñðǎǎè ìèð èĩǎè ñǎĩèð ǎǎðĩüð, ñ ĩĩüũþ èĩòĩðüð ĩĩ ìðèçüǎǎè è ĩĩèǎýĩèþ òǎð, èòĩ ĩðǎñòóĩèè ǎǎĩ çǎĩǎǎǎè. Íĩ ìè-÷òĩ íǎ ĩĩĩǎǎèĩ, ĩĩè ǎĩèǎĩü áũèè ĩñòĩðĩĩèòũñý è òǎðĩǎòü ðóǎǎòǎèũñòǎǎ è ĩðǎñèǎǎĩǎǎĩèý. Ǻǎǎĩüǎ ĩĩǎǎǎĩüǎ èðǎñòĩĩñòǎǎ ÷ǎñòĩ ǎǎǎǎ ðĩðǎèè áũ ìèǎçǎòũñý ĩĩǎ ǎèǎñòũþ ýçü-ìèèĩǎ ĩðóññĩǎ èèè òǎòǎð, à “íǎ ýòèð çèüð ĩðǎǎĩñèèð èþǎǎè”. Í ñòǎðüð ĩðóññǎð ĩèøóò, ÷òĩ ĩĩè, ðĩòý è ýçü-ìèèè, èĩǎèè ǎĩèüøóþ ñèèĩĩĩñòü è ìèèĩñǎðǎèþ è ÷ǎñòĩ ĩðèðĩǎèèè ìǎ ĩĩüü ñòðǎǎèòüèĩ ǎǎǎǎ ǎǎç èð ĩðĩñüǎü. Ǫðèñòèǎĩǎ ǎǎ è ĩĩèýüèǎñý ĩĩǎðè ìǎĩðĩòèǎ, ÷ǎñòĩ áũǎǎþò ĩĩǎǎèǎĩóòü è ìèèĩñǎðǎèþ èèøü ĩðĩñüǎǎĩè è ñèǎçǎĩè. Ǫĩ, ÷òĩ ĩĩè òǎè ĩèĩðĩ ĩèüèè, ýòĩ ǎèĩǎ ìǎ Êĩðǎǎèý, èĩòĩðüè ǎñǎĩ ñĩǎǎǎǎĩ à èçĩǎèèèè, ĩĩ èð ìǎðǎçóĩèý, èǎĩ ĩĩè ĩñòĩýĩĩĩ ĩĩǎðòüǎǎǎèè ðóèü ĩðĩòèǎ ǎǎððǎ, ĩĩ-ǎĩò ǎ èĩĩòǎ èĩĩòĩǎ èð ñòǎĩĩ è áũèĩ ìǎèðüòĩ ǎĩèĩǎĩè (В тексте stier - бык, голова которого часто завершала нос ганзейских кораблей-когг. *Mülverstedt G. A. von. Die Beamte und Conventsmitglieder in der Verwaltungs-Districten des Deutschen Ordens innerhalb des Regierungsbezirks Danzig // ZWG. 1888. Hf. 24. S. 1–68; Bär M. Über Gerichte in Preussen zur Zeit der polnischen Herrschaft // ZWG. 1904. Hf. 44. S. 67–95; Simson P. Geschichte der Stadt Danzig: in 3 Bde. Danzig, 1913–1918; Ramm-Helmsing H. von. Riga und Danzig in ihren Wechselbeziehungen zur Zeit ihrer Zugehörigkeit zu Polen-Litauen (Ein Beitrag zur polnischen Städte- und Zollpolitik) // HGBll. 1938. Jg. 62. S. 150–172). È èǎè ýòĩ ñèó-ǎǎòñý, èĩǎǎǎ èĩðǎǎèü ìǎ-èĩǎǎò èðóǎèòü, èǎǎǎüè ǎóĩǎǎò, ÷òĩ ĩĩ ĩĩǎǎò ĩĩǎñòèñü ñǎĩ. Ǫǎè è ĩñòóĩèèè ĩĩǎǎǎĩüǎ ýòèð ðĩĩóüèð ǎĩñĩǎ. Êǎǎǎüè ǎǎèǎè, ÷òĩ ĩĩǎ, ǎǎǎü èçǎǎǎĩóòü ĩĩǎñĩñòè. Êðǎñòüýĩǎ ĩðĩǎǎǎǎèè ñǎĩè çǎĩèè, ÷òĩǎü èñèǎòü ĩðĩèðǎĩèǎ ǎ ǎĩðĩǎǎò, ǎþðǎǎðü ǎǎèĩóèèñü èç ìǎèèèð ǎĩðĩǎĩǎ ǎ èðóĩüǎ. Ǻǎǎü èǎǎǎĩó èǎǎèòñý èǎǎ-ǎ ñòðǎǎǎòü ǎ òĩèĩǎ. È òǎèǎǎ ĩñòóĩèèè è ìǎèè ĩðǎǎèè...”*

Íǎ ýòĩĩ - ǎñòóĩèǎĩèǎ è ðĩǎĩñèĩǎòó çǎǎǎðøǎǎòñý, ìǎĩǎðóǎèǎǎý ĩðè ýòĩĩ ñǎĩǎĩǎðǎçĩüè èñòĩðèçĩ, ñèèĩĩĩñòü ǎǎòĩðǎ è ìǎðǎçĩĩó ĩüøèǎĩèþ è ĩĩñòǎǎòñòǎǎĩĩ èçèĩǎǎĩèþ, à òǎèǎǎ è ýòèĩèĩǎè-ǎñèèĩ èçüñèǎĩèýĩ. Íǎĩǎèĩ ĩðèǎǎǎǎĩüè èðǎòèèè ðǎññèǎç èĩòǎðǎñǎĩ ñ ìǎñèĩèüèèð ǎðóǎèð òĩ-ǎè çðǎĩèý. Èĩòǎðǎñ è ñĩòèǎèüĩè èñòĩðèè Íðǎǎĩ ìǎüýñĩýǎòñý ìǎ òĩèüèĩ òǎèüþ ìǎĩèñǎĩèý ýòĩǎĩ ððǎǎĩǎĩòǎ, ĩĩ è ĩǎðǎĩǎ-ǎèüĩüè çǎĩýòèýĩè ìǎðòèĩǎ Ǻðóĩǎǎǎǎ, èĩòĩðüè ǎ ñèèó ĩĩǎòèðèèèè ñǎĩǎè ðǎǎĩòü áũĩóǎǎĩ áũè èĩòǎðǎñĩǎǎòũñý è çǎĩèĩǎòũñý ìǎðǎðèǎèüĩüè, ǎĩèĩǎ çǎĩüüè ĩðĩǎèǎĩǎè. ĩðĩòèǎĩðǎ-èǎĩñòü ĩĩǎðĩǎǎ è èñòĩðèè Íðǎǎĩǎ - ĩĩ-ðè ǎĩñòèüǎĩèǎ ǎ ĩǎðǎĩè ÷ǎñòè ðǎññèǎçǎ ì ñĩçǎǎĩèè Íðǎǎĩǎ, ĩðèçĩǎĩèǎ çǎèĩĩĩǎðĩñòè ǎĩðüǎü ððèñòèǎĩ ñ ìǎǎǎðĩüüè è ñòðĩǎǎý èðèðèèǎ ǎǎýòǎèüĩñòè Íðǎǎĩǎ ǎĩ ǎòĩðĩè ÷ǎñòè - ÷èñòĩ ǎĩǎøĩýý. È ǎ ĩǎðǎĩè - ìǎĩǎǎèðè-ǎñèĩè, è ǎĩ ǎòĩðĩè - ðǎçèĩ ĩñóǎǎǎþüǎè ĩĩ áũñòóĩǎǎò, èǎè ǎèóǎĩèĩ ðǎèèǎèĩçĩüè ÷ǎèĩǎǎè ñðǎǎĩǎǎèĩǎũý, ǎèý èĩòĩðĩǎĩ ĩðǎèüĩüǎ ĩĩðü ððèñòèǎĩñòǎǎ ìǎýçǎòǎèüü è ñĩǎèþǎǎĩèþ ĩðè ǎñǎð è ǎĩ ǎñǎð òñèĩǎèýð.

Ñèĩĩǎòèè Ǻðóĩǎǎǎǎ è ĩĩèĩðǎĩüü èðǎñòĩĩñòǎĩè ìǎðĩǎǎĩ èĩǎǎò è ǎðóǎóþ - ÷èñòĩ ñĩòèǎèüĩóþ ĩĩñĩǎó. Íðǎǎǎǎü è ǎǎǎü ǎǎòĩðǎ è áũèè òǎĩè ñǎĩüüè èðǎñòüýĩǎĩè, èĩòĩðüð èðǎñòĩĩñòü áũòǎñĩýèè ñ èð

iañeæáíúð è íaðááíòáíúð çáíæü. Ñàì áàòíð, ÷óáñòáíááæéè ðíáíáóþ ñâyçü ñ íèì, íáñíòðý íá ñáíþ áíáðíñíáñòíñòü è ÷áñòíñòü íòíþäü íá íðíóáæ á òíðáíáí ááæá, ðíòý è ñíáæçæñý á íáí áíñòáòí÷íí áíæáí. À á ñâyçè ñ ýòèì ÷óáñòáíáæ íáèíòíðóþ óúáíæáííñòü. Ñ áíðá÷üþ íí ñéàçæ íá íáíí èç ðíáñòááííééíá, ÷òí “òíò áúè áíñííæéíí, á ó íááí ñáííáí èð áúéí òðíá”

Óðááíáíò íáíáðóæéááò è íáú÷íóþ æý ýòíáí áàòíðà òíæðáíòíñòü íí íòííðáíèþ éí áñáí íáðíááí íáçááèñéíí ò èð ááðíèñííáááíéý. Áèæéíí, ñéàçæáñü è íðèáú÷èà è íáúáíèþ ñ ííáí÷èñéáííúè íáðíááè - ñéááýíñèèè, òóðáöèè, ðóíúíñèè, áðíýíñèè è áð. Áááü Ëüáíá, á áííéíèèáíñéíí ííáñòüðá èíòíðíáí íáðòèí íðéíýè ññòðèá á 1588 á., áúè ñáíááí ðíáá ñðááíááæíáúí Ááæéííí, á èíòíðíí ñíáæèèñü áúøáíáçááíúá è áðóáèá (ááðáè, öüááíá) íáðíáú. Êæ èè áðóñòíí ñíçíááàòü, íí áí òàèèð áúñíò òíæðáíòíñòè íá ñíáíèàþòñý è ííáèá íáøè ñíòá÷áñòááíéèè ñíáðáíáíéèè, èíòíðüí áñòü ÷áíó ñó÷èòüñý ó áííéíèèáíòá ýíðè Êííòððáòíðíàèè. Á ýòíí æèòáæüíñòü “Çàíèñíè” Íáðòèíá Áðóíáááá è ááí óðíè ñéááóþèì ñéíèáíéýí.

Черкас Б. В. Политические взаимоотношения Великого княжества Литовского и Золотой Орды в конце XIV – первой трети XV в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 358–360.

Б. В. Черкас

Политические взаимоотношения Великого княжества Литовского и Золотой Орды в конце XIV – первой трети XV в.

Грюнвальдская битва является в какой-то мере водоразделом политической истории ВКЛ. Фактически следствием данной победы стало установление периода максимальной мощи и влияния Литовского государства в политической жизни Центрально-Восточной Европы. При этом надо понимать, что успех дался нелегко, а был результатом напряжения всех сил государства. По большому счету, Грюнвальд является всего лишь вершиной пирамиды, каждая часть которой складывалась из того или иного направления как внутренней, так и внешней политики. Одним из таких направлений и были литовско-ордынские отношения.

Взаимоотношения ВКЛ и Золотой Орды со второй половины XIV по первую треть XV в. охватывают собою эпоху от прямого захвата Литвою непосредственных владений Золотой Орды и заканчивается превращением ВКЛ и ее правителя Витовта Кейстутовича в одного с фактических правителей Правого крыла Улуса Джучи. По нашему мнению, следует выделить три периода отношений двух государств.

Первый период охватывает года от 1362 до 1395. Он характеризуется захватом ВКЛ непосредственных владений Золотой Орды, а именно Чернигово-Северских, Киевского и Подольского княжеств, а также их постепенную адаптацию в новом политическом организме. Также спецификой данного периода является тот факт, что большую его часть в отношениях между собою как ВКЛ, так и Золотая Орда не выступали едиными государствами. Так, ВКЛ представляла собой конгломерат удельных княжеств, сцепленных одной династией, которые в зависимости от силы и влияния того или иного великого князя, то четко следовали официальному курсу, то превращались в фактически независимые владения того или иного представителя династии Гидеминовичей. Соответственно, непосредственными представителями ВКЛ в отношениях с ордынцами выступали правители Подольского (Кориатовичи) и Киевского (Владимир Ольгердович) княжеств. Что касается Золотой Орды, то ее территорию от Днепра до Волги, как известно, контролировал Мамай, а степи к западу от Днепра до Дуная включительно находились под властью нескольких татарских князей. На сегодня есть все основания говорить о существовании системы двойной зависимости Киевского княжества, что выражалось в предоставлении им натуральных налогов в пользу ордынцев. Что касается Подолья, то наличие среди провинностей местного населения «серебра на татар» нельзя считать проявлением зависимости. Дело в том, что данный налог в документах всегда стоит рядом с «погоней» или общим походом на войну. Соответственно, он являлся экстраординарным событием. К ярким событиям данного периода следует отнести следующее. Поход литовских войск 1362 г. на Синюю Воду и Белобережье — территории, где, согласно современным археологическим исследованиям, существовало около десяти золото ордынских городов. Следующее десятилетие мирных отношений между ВКЛ и Золотой Ордой позволило Мамаю сконцентрироваться на внутренних ордынских усобицах, а ВКЛ на новых землях создало целую сеть укрепленных городов и крепостей. Кроме того, именно это десятилетие характеризуется активным участием Киевских и Подольских князей в отношениях Литвы с Венгрией, Польшей, Тевтонским орденом, Московским княжеством. В начале 70-х гг. между ВКЛ и «татарами» происходит конфликт, который вылился в поход литовских войск на Темирязя и битву с ним. К сожалению, источники молчат о причинах конфликта, а также к какой именно орде относился данный Темирязь. Можно лишь заметить, что именно после тех событий ВКЛ на

некоторое время понижает свою активность на востоке и севере. В то же время Подольское княжество захватывает поднестровские земли с Белгородом включительно и удерживает их до конца 80-х гг. XIV в. В целом, 70–80 гг. характеризуются обострением литовско-ордынских отношений. Так, Подольский князь Александр гибнет в начале 80-х гг. в бою с кочевниками. На киевских же монетах исчезает ордынская тамга.

Второй период отношений ВКЛ и Золотой Орды является относительно небольшим — 1395–1399 гг., но его значимость для дальнейшей истории государств не вызывает сомнения. Падение удельных династий в ВКЛ и нашествие Тамерлана внесли ощутимые изменения в отношения Гидеминовичей и Джучидов. Тохтамыш, нуждаясь в поддержке, находит ее в лице Витовта Кейстуовича — правителя единого Литовского государства. Именно союз этих двух правителей позволил ВКЛ перейти к дальнейшему наступлению на владения Золотой Орды. Как известно, финалом союза Витовта и Тохтамыша стало поражение на Ворскле. В то же время такие основные моменты сотрудничества, как использование Литвою своего кандидата на Сарайский (или какой-нибудь региональный) престол для проникновения в Причерноморье и получение от него ярлыков на русские (читай — древнерусские) земли сохранились и в дальнейшие времена. Также именно в 90-е гг. проявилось в полной мере значение Киевских и Подольских земель в ордынской политике ВКЛ. Именно на этих землях и под их охраной подданные Тохтамыша прятались от преследования. Именно с них Витовт со своим союзником совершал походы в устье Днепра, Крымский полуостров и на Дон. И именно Киевщина и Подолье, приняв на себя Эдыгеев удар, не допустили прорыва ордынцев в глубину ВКЛ. Последнее имело особенное значение, поскольку показало, что времена появления ордынских войск в центральных районах Литовского государства (как это имело место в XIII – начале XIV в.) канули в прошлое.

Первую треть XV в., по нашему мнению, следует выделить в третий период. На протяжении последних тридцати лет своего правления Витовт в отношениях с Золотой Ордой четко придерживался одной стратегической линии, сутью которой являлось установление контроля над Северным Причерноморьем посредством поддержки того или иного Джучида. Кроме того, литовский правитель постарался максимально использовать союзных ему ордынцев в войнах против соседей, в первую очередь, Тевтонского ордена и русских княжеств. Киевское княжество окончательно превращается в оплот и базу «ордынской» политики ВКЛ. Пребывание на территории княжества татарской аристократии и ее поданных носит постоянный характер. На сегодня нам известно не менее пятнадцати случаев прихода или ухода в степь того или иного Джучида. Такая политика наносила непоправимый удар по всем попыткам объединить Золотую Орду. С другой стороны, в руках

Витовта всегда была в наличии военная сила из числа «киян, северян, подолян и татар», находящаяся в перманентной боевой готовности. Попытка Эдыгея в 1416 г. захватить Киев опять потерпела фиаско. Хотя князь и смог разгромить подольское ополчение и захватить Винницу, Брацлав, Киевский город без замка и ряд других городов, но изменить ситуацию он уже не мог. Как результат — в 1418 г. между Эдыгеем и Витовтом заключается мирный договор. Финалом политики Витовта стало создание буферных зон на южных границах, состоящих из «Солхатской» орды Хаджи-Гирея в Крыму и орды Улуг-Мухаммеда.

Черненко Е. Д. Русско-молдавские отношения в начале XVI в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 360–364.

Е. Д. Черненко

Русско-молдавские отношения в начале XVI в.

«...о волошском деле о четырех мастерехъ...» — так в инструкциях, отданных послу в Крым Василию Морозову (1507), великий князь московский Василий III выразил сущность сложившихся отношений между господарем Молдавского княжества, Стефаном Великим, и Иваном III, в конце их правления.

Под выражением «волошское дело» Василий III, видимо, имел в виду политические события, связанные с опалой великого князя Дмитрия и его матери, Елены Волошанки, дочери Стефана Великого. Слова «о четырех мастерехъ» указывают на некоторые последствия династического кризиса, а именно — задержание молдавским господарем московского посольства во главе с Дмитрием Ралли и Федором Карачаровым, которое возвращалось из Италии с большим количеством «мастеров», четыре из которых, «лутчихъ», остались в Молдавии. Политическая борьба, связанная с опалой Елены Волошанки и ее сына, исследована во многих работах, в то время как эпизод с задержанием посольства, в целом, мало был изучен, и это несмотря на то, что оно простояло в Молдавии около трех лет, с 1500 по 1503 г.

Тема заслуживает специального исследования, т. к. способствует уточнению характера отношений, сложившихся между Стефаном Великим и князем Иваном III, и

определению той роли, которую играла Молдавия в западной политике Москвы. Этот дипломатический инцидент интересен и тем, что в нем принял непосредственное участие в качестве посредника крымский хан Менгли Гирей. В то же время данный конфликт, являясь единичным казусом в истории молдавско-русских отношений и дипломатической практике того времени, имел выраженный характер финансового спора.

Источники, которые освящают эти события, давно известны и были опубликованы (*Карпов Г. Ф.* Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турціей. Т. 1. (1474–1505) // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Томъ 41. СПб., 1884. Док. № 63, 64, 66, 76, 79, 81, 83, 84, 86–88, 90, 91, 97, 98, 100; *Г. Ф. Карпов, Г. Ф. Штедман.* Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцією. Т. 2. (1508–1527) // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Томъ 95. СПб., 1895. Док. № 2, 3). К. В. Базилевич впоследствии использовал их в своей монографии (*Базилевич К. В.* Внешняя политика русского централизованного государства второй половины XV века. М., 1952), описывая политические отношения между Стефаном и Иваном III, в том числе и инцидент с задержанием посольства. Но ни он, ни другие историки (исключение: *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980), которые исследовали молдавско-русские отношения, не обратили внимания на документы, находящиеся в 95-м томе. Имеется в виду письмо Менгли Гирея к Василию III от 12 сентября 1508 г. и ответ московского князя от 25 февраля 1509 г. (Т. 95. Док. № 2, 3). Сведения, содержащиеся в них, весьма интересны, т. к. дополняют документы, содержащиеся в 41-м томе, и дают новые детали о дипломатической практике того времени.

Посольство Ивана III, возглавляемое Д. Ралли и М. Карачаровым, отправилось в Италию за мастерами в марте 1499 г. Путь их проходил через Литву, Польшу и Германию, а в ноябре уже были в Венеции. В итальянских странах русские послы наняли множество различных мастеров (в том числе и знаменитого Алевиза Нового). В апреле 1500 г. посольство покинуло Италию и из-за начавшейся весной того же года русско-литовской войны (1500–1503) выбрала другой путь для возвращения домой, через Венгрию, Молдавию и Крымское ханство. Оно прибыло в Молдавию, судя по всему, во второй половине 1500 г. и прервало свое путешествие, т. к. продвигаться по северочерноморским степям тоже было небезопасно из-за военных действий между Крымским ханством и Большой Ордой, вовлеченных в ту же русско-литовскую войну.

Тем временем в Москве политическое положение князя Дмитрия и Елены Волошанки, начиная с 1499 г., ухудшалось. В апреле 1502 г. оба были задержаны под стражу, а Василий принял титул великого князя (14 апреля 1502 г.). Отношение Стефана Великого к

посольству, скорее всего, изменялось в зависимости от новостей, которые доходили до него. В начале его возвращению в Россию препятствовали военные действия, потом в течение 1501 г. господарь хотел проверить слухи о впадении в немилость его дочери, а начиная с весны 1502 г. посольство задерживали как ответную меру к действиям Ивана III. Понимая, что отношения с Молдавией трудно будет восстановить и таким образом добиться освобождения посольства, московский князь решил прибегнуть к помощи своего союзника Менгли Гирея.

Русским послам в Крыму, Алексею Заболоцкому и Алексею Голохвастому, было поручено обратиться за помощью, соответственно, к Менгли Гирею и к шах-заде Кафы Мехмеду, сыну турецкого султана Баязида II (март 1502). В августе 1502 г. крымский хан писал Ивану III, что отправил своих людей в Молдавию. Тогда же А. Заболоцкий сообщал, что Стефан Великий через своих послов просил Менгли Гирея: «отпиши ко мне, в животе ли будут моя дочь и внук». В ноябре до Москвы доходят новые вести. А именно — из Кафы приходит письмо шах-заде Мехмеда о том, что он отправил своих людей к Стефану, чтобы потребовать русских послов. Крымский хан и А. Заболоцкий также прислали свои письма (Т. 41. С. 444–452). Для восстановления событий сведения, содержащиеся в них, надо сопоставить с письмом Менгли Гирея от 12 сентября 1508 г. (Т. 95. С. 22–24). Из этих сообщений следует, что в сентябре 1502 г. хан послал к Стефану своего амина Асанча Хафиза, чтобы тот добился отправки русского посольства в Крым. Молдавский господарь был готов отпустить их, но тогда же пришло письмо от польского короля Александра в котором тот писал: «князь велики мне недруг, а тебе ныне недруг же, дочь твою и внука твоего поимал и великое княжение у внука твоего отнял да дал сыну своему». В результате Стефан послал своего человека к Менгли Гирею, чтобы тот подтвердил или опроверг эти сведения. Для этого хан сначала расспросил А. Заболоцкого, а потом организовал встречу русского и молдавского послов, в которой первый опроверг все обвинения, называя их происками короля, о чем Менгли Гирей и написал Стефану. Но позже А. Хафиз сообщал из Молдавии, что Стефан не отпустит послов пока не получит деньги, которые он давал им в долг и которые после общего подсчета («Стефан воевода с ними розчолся») составляли на то время 107 644 «денги отманские» (аспров). Поэтому хан просил Ивана III, чтобы тот скорее направил деньги, т. к. «коли Стефан денег не возмет, а их не выпустит, и он то уж их таки и не выпустит».

Из-за трудностей передвижения между Крымом и Москвой деньги от великого князя так и не пришли. А. Хафиз находился в Молдавии всю зиму, ведя переговоры по освобождению послов. Не получив денег, Менгли Гирей решил действовать в соответствии с указаниями, полученными ранее от Ивана III. В своих посланиях великий князь просил хана

взять на себя все расходы по возвращению послов, а за те деньги, которые Ралли и Карачаров взяли займы у Стефана, он «бы в тех деньгах Стефану воеводе поимался» (Т. 95. С. 22). В результате молдавский господарь потребовал сначала от Менгли Гирея документ (шерть), в котором бы хан подтвердил еще раз, что статус Елены и ее сына при московском дворе остался неизменным (Т. 41. С. 472–473). Далее он получил от русских послов грамоту с печатями, в которой они признавали свой долг перед господарем в 150 000 аспров, а от хана ярлык, в котором тот становился гарантом выплаты этих сумм «кунь моих полтораста тысяч отманских денег мне от великого князя не дойдет, и царь мне государь в тех денгах поимался, а восе о том ярлык его у меня в руках, полтараста тысяч отманских денег у государя царя возму». Только после этого, в июне 1503 г., А. Хафиз и русские послы с итальянскими мастерами отправились в Крымское ханство. Вместе с ними Стефан отправил своих послов к Ивану III, чтобы те «о внуке... слово молвити».

Лишь в ноябре 1504 г. Д. Ралли и М. Карачаров, вместе с итальянскими мастерами, вернулись в Москву. С ними прибыл и А. Хафиз, который предоставил перечень расходов хана, связанных с содержанием посольства. Они составляли 212 000 денег. Также Менгли Гирей просил Ивана III вознаградить А. Хафиза, т. к. «а только бы не тот Асанчук Афыз, и твоим бы людем и мастером из Волошские земли не бывати» (Т. 41. С. 549). Из письма Василия III от 25 февраля 1509 г. следует, что тогда же в Москву прибыли и послы господаря Богдана III, пришедшие, видимо, добиться возврата денег, которые требовал ранее Стефан Великий у Ивана III. «И отец наш князь великий те денги все велел поплатить своему казначею... воеводиным дьяком Косте и Степану те денги и поплатили сполна» (Т. 95. С. 55). В документе не уточняется, какие именно деньги были выплачены, но наверняка не те самые 150 000 аспров, т. к. русская сторона считала что «те денги полтораста тысяч атманских безлипичные, а та кабала неправая занеже ведаеш и сам в каков нужи држачи Стефан воевода тех послов... да и те кабалы на них писал сам не их волею».

В последствии Богдан III, видя, что не может добиться выплаты денег, потребовал их у Менгли Гирея, поручителя и гаранта этой суммы. Взамен Богдан вернул хану ярлык, а также дал грамоту Ивана III, выданную Стефану Великому, в ней князь признавал за Д. Ралли и М. Карачаровым долг в 85 000 аспров. В связи со всем этим Менгли Гирей требовал от Василия III те самые 150 000 аспров, т. к. «межи дву мои денги пропадают». Чтобы получить их, хан послал в Москву того же А. Хафиза вместе с большим татарским посольством, которое должно было заключить новый русско-крымский союз (октябрь 1508 г.). В результате переговоров Василий III санкционировал выдачу денег татарскому посланцу — 1500 рублей. В то же время князь потребовал от Менгли Гирея, чтобы тот добился у Богдана выдачи тех самых четырех мастеров, которые остались в Молдавии, и отослать их в

Москву (Т. 95. С. 54–56, 67). Можно предположить, таким образом, что Москва отказывалась отдать Богдану III 150 000 аспров, т. к. считала, что эти деньги являются финансовой компенсацией за недоехавших до России мастеров; молдавская сторона, видимо, настаивала на том, что они добровольно остались в Молдавии.

Шапошник В. В. К вопросу о нарвской торговле в период Ливонской войны // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 364–368.

В. В. Шапошник

К вопросу о нарвской торговле в период Ливонской войны

В 1558 г. Россия начала военные действия в Прибалтике. В начале войны под власть русского царя перешла Нарва. В мае 1558 г. город получил жалованную грамоту. По этому документу город имел автономию. Среди прочего жители Нарвы могли свободно ездить торговать за море, а заморские люди — приезжать в Нарву и вести торговлю с горожанами и русскими людьми всеми товарами. Горожане и русские могли свободно торговать между собой. Как следует из этого документа, большое внимание русская сторона уделяла развитию торговли через Нарву со странами Европы. Об этом говорят и требования русских дипломатов на переговорах с датчанами о взаимной свободной торговле. Наконец, в Копенгагене русские послы, говоря о причинах начала Ливонской войны, среди прочего указали на притеснения купцов в Ливонии (*Щербачев Ю. Н.* Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории // ЧОИДР. 1915. Кн. 4. С. 41–42; 113–14; 134–135).

Внимание московского правительства к вопросам внешней торговли объяснялось интересами страны. Для России важно было установить прямые торговые отношения с европейскими странами, избавиться от посредничества ливонских городов. Завоевав Нарву, Россия получила гавань и делала все возможное для того, чтобы именно этот город стал центром балтийской торговли, оттеснив на второй план другие порты.

Но одного желания русского правительства в таком деле было недостаточно. Очевидно, что другие заинтересованные стороны (Швеция, Польша, Литва, ливонские города), стремились противодействовать внешнеторговым планам России, устанавливая

блокаду Нарвы и нанимая корсаров. Удалось ли им это сделать? Мнения исследователей по этим вопросам сводятся в основном к тому, что несмотря на противодействие соперников России, нарвская торговля достигла большого объема (*Полосин И. И.* Западная Европа и Московия в XVI веке // *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. М., 1925. С. 29; *Корольюк В. Д.* Ливонская война. М., 1954. С. 50; *Марасинова Л. М.* Торговля и средства передвижения // *Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1.* М., 1977. С. 255; *Шумилов М. М.* История торговли и таможенного дела в России IX–XVII вв. СПб., 1999. С. 242 – 243).

Это убеждение во многом основывается на свидетельствах Дж. Флетчера. По его словам, при Федоре Ивановиче русский вывоз значительно сократился: воска в 5 раз, сала и кож — в 3 раза, льна и пеньки — еще значительно. Раньше в Нарву приходило, по словам Флетчера, до 100 судов, теперь же не более 5. Причины резкого сокращения торговли с Европой: во-первых, закрытие нарвской пристани со стороны Финского залива; во-вторых, пресечение сухопутной торговли через Смоленск и Полоцк; в-третьих, увеличение налогов (*Флетчер Дж.* О государстве Русском // *Проезжая по Московии.* М., 1991. С. 31–33). О значительном объеме торговли Нарвы в период Ливонской войны говорят и данные об уплате пошлин на Зундской таможне (*Дорошенко В. В.* Русский экспорт через Нарву (по данным Ивангородской таможни 1619–1620 гг.) // *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе.* М., 1972. С. 345–346).

Цифры вывоза, которые приводит Флетчер, едва ли достаточно точны, особенно в той их части, где говорится об объемах нарвской торговли в период Ливонской войны. В самом деле, английский посланник приводит для конца 80-х гг. цифру вывоза воска в 160 тонн. В то же время, когда Россия владела Нарвой, в 1566 г. зундские таможенные книги дают цифру вывоза из города в 180 тонн (*Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. С. 153). Хотя часть товаров из Нарвы поступала в порты южного берега Балтийского моря и не доходила до Зундской таможни.

Для оценки роли нарвской торговли существенным является сравнение объема вывоза русских товаров до начала Ливонской войны и в ее годы. К сожалению, нам неизвестны точные цифры, однако и по имеющимся в нашем распоряжении данным можно сделать некоторые выводы. В конце XV в., по подсчетам А. Л. Хорошкевич, через Новгород вывозилось около 300 тонн воска. Количество, значительно превосходящее цифры Флетчера для конца XVI в. и показатели, имеющиеся для 1566 г. Одним из основных центров вывоза был Ревель, в который ежегодно приходило примерно 60 кораблей (*Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода... С. 154, 172). Очевидно, что большая часть этих судов загружалась именно русскими товарами. В то же время, по данным Г. В. Форстена, летом 1567 г. в Нарве было 33 корабля из Любека (*Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII

столетиях (1544–1648). Т. 1. СПб., 1893. С. 417). Конечно, в порту могли находиться и суда других городов и стран, однако едва ли их количество превышало несколько десятков. Кроме того, то, что суда дошли до Нарвы, еще вовсе не означало того, что они смогут беспрепятственно вернуться на родину с русскими товарами из-за пиратства практически всех балтийских держав.

Можно предположить, что уровень русской торговли через Балтийское море в годы Ливонской войны был ниже, чем до ее начала. Одного желания московского правительства развивать прямую торговлю с Западом оказалось мало для действительного увеличения товарооборота. Представляется, что в действительности с началом Ливонской войны внешняя торговля сократилась.

На рубеже XV–XVI вв. в балтийской торговле происходят значительные перемены. Основная из них связана с падением значения Ганзы, что вызывалось соперничеством с Ригой, Ревелем и Дерптом. Однако само по себе уменьшение влияния Ганзы не могло вызвать сокращения торговых оборотов. На сокращение балтийской торговли первоначально вряд ли могло повлиять появление на Белом море англичан. Торговля через Белое море нужна была русскому правительству, в первую очередь, по политическим мотивам. Она могла быть использована для получения тех товаров, ввоз которых запрещался ливонскими городами-посредниками. Соперничать с торговлей русских, в основном новгородских, купцов через Балтику, северная торговля в первые годы своего существования, не могла. Внешнюю торговлю новгородских купцов подорвала отнюдь не беломорская торговля, а начало Ливонской войны. Даже обладание Нарвой не могло поправить положения — из-за пиратства торговля стала опасным делом. В таких условиях традиционные товары русского экспорта оставались лежать на складах в самом городе или в Нарве. Именно об этом говорит то, что во время погрома 1570 г. царь приказал уничтожить запасы воска и сала в этих городах, скопившиеся за двадцать лет (*Шлихтинг А.* Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 29–30; *Гваньини А.* Описание Московии. М., 1997. С. 113–115). Очевидно, что если бы широкий вывоз товаров продолжался, то таких многолетних запасов не существовало бы.

Для нормальной торговли Новгороду нужен был мир с западными соседями. Обладание Нарвой и усилия московского правительства по развитию нарвского мореплавания не могли компенсировать отсутствия мира. В условиях войны на Балтике о нормальной внешней торговле не могло быть и речи. Огромный фактический материал о нарвской торговле собран в труде Г. В. Форстена. Приведем лишь некоторые данные: 1559 г. — ревельцы захватили 6 любекских кораблей, 1562 г. — 50 голландских судов захвачены шведами, 1564 г. — захвачено 22 любекских корабля и 8 голландских, 1565 г. — Дания

закрыла проливы, 70-е гг. — Любек не может без риска отправить ни одно судно на восток (*Форстен Г. В.* Балтийский вопрос ... Т. 1. С. 162, 365, 383, 680).

Обращение к источникам позволяет более наглядно представить нелегкую судьбу нарвской торговли: попытки русского правительства сделать город крупнейшим портом в восточной части Балтийского моря и упорное сопротивление этим попыткам со стороны других балтийских держав. Первоначально особую активность в борьбе с нарвским мореплаванием проявлял Ревель, лишившийся основного источника доходов — посреднической торговли с Россией. Нападения на иностранные суда, шедшие в Нарву, ревельские жители начали еще в самом начале войны, а в 1561 г. перешли под власть Швеции, которая также стремилась уничтожить нарвскую торговлю. В 1562 г. шведское правительство объявило о том, что оно разрешает торговать русскими товарами только в Ревеле. Купеческие суда, следующие в Нарву, будут захватываться. Сохранилось несколько посланий нарвских воевод властям Ревеля с жалобами на грабежи и насилия, которым подвергаются купцы, следующие в Нарву или из Нарвы. Например, 16 октября воевода жалуется на то, что «ваши колыванские (жители Ревеля. — *В. Ш.*) воинские люди... корабли и товары ограбили, купцов свезли в Колывань». Сейчас «ругодивские немцы» (жители Нарвы) посылают 4 корабля со своими товарами и товарами иностранных купцов, но до них дошел слух, что «колыванские немцы стоят в засаде на море и хотят ограбить товары, а за море не пустить». Воевода предлагает вести нормальную торговлю, т. к. по указу царя в Нарве жители Ревеля могут торговать свободно. В заключении послания содержится требование пропускать корабли за море «без задержки». Приведенное послание далеко не единственное. Сохранились подобные документы и от 1566, 1567, 1568, 1569 гг. Русские воеводы то просят, то угрожают ответными санкциями. Однако подобные просьбы и угрозы не имели ровным счетом никакого действия — захваты кораблей продолжались (Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 395–396; Русские акты Ревельского городского архива // РИБ. Т. 15. СПб., 1894. Стб. 141–146, 151–156, 161–164). Очевидно, что Ревель и стоящая за его спиной Швеция не собирались мириться с усилиями русского правительства, направленными на расширение нарвского мореплавания.

31 августа 1571 г. Иван IV уведомляет датского короля о том, что шведы и поляки продолжают грабить корабли, следующие в Нарву и «в наше государство дорогу торговым людем затворили». В 1573 г. русский царь в очередной раз жалуется правителю Дании на действия шведов: их король «не хотя нам прибытка и нам грубячи... дорогу тое затворил и людей торговых всех государств грабит» (*Щербачев Ю. Н.* Русские акты Копенгагенского государственного архива. СПб., 1897. Стб. 101–104, 109).

Представляется, что приведенные данные позволяют предположить, что нарвская торговля во время Ливонской войны была делом довольно ненадежным. Ее объемы едва ли возможно точно определить, но огромный риск, которым она сопровождалась, свидетельствует, скорее всего, о том, что количество товаров, вывозимых из Нарвы в годы войны было меньше, чем то, которое русские купцы могли продавать до ее начала.

Шинаков Е. А. Военные события на центрально-восточных окраинах Великого княжества Литовского в конце XIV – начале XV в. и их политические последствия // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 369–373.

Е. А. Шинаков

Военные события на центрально-восточных окраинах Великого княжества Литовского в конце XIV – начале XV в. и их политические последствия

1. Под центрально-восточными окраинами ВКЛ для периода после сражения на Синих Водах в 1362 г. и до Грюнвальдской битвы 1410 г. мы понимаем участок между Смоленским княжеством на севере и Киевским — на юге. Если для первого характерна постоянная враждебность к ВКЛ, то для второго (а также Посемья) включение в его состав означало защиту от ордынской эксплуатации и угрозы, и другого варианта для этого региона просто не было.

Промежуточные земли — Северщина в широком понимании — от Чернигова до Брянска, и Верховские княжества — имели гораздо более широкие возможности для маневра и выбора, что и характеризует во многом военно-политическую ситуацию в этом регионе с его неустойчивость политической принадлежностью и неоднозначными приоритетами в конце XIV – начале XV в.

2. Данный регион в последние десятилетия вновь (по сути — после конца XIX в.) привлекает внимание исследователей, но «маргинально». Для А. А. Горского (который, кстати, исследовал почти исключительно династические проблемы) это — крайний южный участок его научных интересов и изысканий, для украинских исследователей (Ф. М.

Шабульдо, О. В. Русиной; см.: *Русина О. В.* Україна під татарами і Литвою // Україна крізь віки. Т. 6. Київ, 1998; *Русина О.* Адміністративно-територіальний устрій давньої Чернігівщини на початку литовського володарювання // Історія адміністративно-територіального устрою Чернігово-Сіверщини. Ніжин, 2007. С. 18–25) — северный. Имеются серьезные, хотя и небольшие специализированные работы тульских ученых (см.: *Шеков А. В.* Верховские княжества XIII– середины XVI вв. // Труды тульской археологической экспедиции. Вып. 1. Тула, 1993.) по Верховским княжествам. Исследования же именно по «порубежью», которым несколько столетий являлась (да и сейчас является) «Северщина», касаются более поздних периодов — от конца XV в. (М. М. Кром), а то и XVI в. (А. И. Папков).

Целью данной работы является попытка типологического анализа военно-политических процессов, начавшихся с момента юридического признания владетелями западной, деснинской части региона зависимости от «Короны Польской» в 1388/1389 гг. и началом прямой экспансии Витовта на восток в 1393 г. до начала «Великой» (Грюнвальдской) войны.

3. Внутри вышеуказанного переходного периода вычисляются достаточно явственно два военно-политических этапа.

а) Конец 80-х – начало 90-х гг. XIV в. — самое начало (до 1404–1406 гг.) XV в. Временное «отступление» Москвы, активизация литовского проникновения при взаимодействии с определенными силами в Золотой Орде. Противодействующие им силы — Смоленск и Рязань, при нейтралитете Москвы и неустойчивой (хронологически и внутрирегионально) позиции местных князей и населения. Внутри этапа выделяются две его фазы — до и после событий 1399 г.

б) 1404 (1496) – 1409 гг. характеризуются прямой борьбой за регион между Литвой и Москвой при привлечении к ней обеими сторонами татар. Завершается разделом региона, между двумя главными государствами Восточной Европы, при явном перевесе Великого княжества Литовского.

Внутривоенные события первого этапа начинаются сразу с «предтеч» его второй фазы — с захвата войсками Тамерлана города Елец как анклава Карачево-Козельского княжества на крайнем юго-востоке исследуемого региона в 1395 г. Тот же год характеризуется проходом через регион рязанского князя Олега против осаждавшего Смоленск Витовта, и ответными ударами последнего на Рязанское княжество в 1395–1396 гг. Однако сражений в регионе не зафиксировано, в отличие от событий 1400–1404 гг., связанных с антилитовским восстанием в Смоленске. Осенью 1401 (или в 1402?) г. под Любутском в северно-восточной части региона были разбиты шедшие на Брянск, но, по сути

— в поддержку смоленского князя Юрия Святославича, войска рязанского князя Родослава Ольговича. Родослав был взят в плен военачальниками литовско-русского войска — Александром Патрикиевичем Стародубским и Симеоном-Лугвением Мстиславским. Этап завершается военной победой Витовта — взятием Смоленска в 1404 г.

Второй этап практически совпадает с литовско-московской войной 1406–1408 гг., поводом для которой стала агрессия Витовта против «Господина Пскова». Впрочем, о конкретных военных действиях на литовско-московском пограничье, которое тогда составляли уже только Верховские княжества (кроме первого «стояния на Угре»), ничего не известно. К военно-политическим событиям в регионе можно отнести попытку перейти на сторону Москвы одного из князей региона — Александра Стародубского в 1406 г., гражданскую войну, начавшуюся в 1407 г. и отъезд летом 1408 г. шести его князей во главе со Свидригайло Брянским в Московское княжество и возвращение части из них во главе тем же Свидригайло обратно в 1409 г.

4. Имеются также как бы оконтуривающие регион сражения, в которых принимали участие его представители и которые в разной степени, но отражались на его судьбах.

Во второй фазе первого этапа, особенно в ходе борьбы за Смоленск в 1400–1404 гг., вызванной смоленским восстанием августа 1400 г., спровоцированной, в свою очередь, разгромом Витовта на Ворскле и политическими событиями рубежа 1400–1401 гг., завершившимися Виленско-Радомской унией, явственно проявилось изменение «комплиментарности» местного населения. Она стала явно «пролитовской» — хотя эти изменения наметились ранее, в ходе борьбы со смолянами за Мстиславль в 1386 г.

Новый наместник Смоленска — Роман Брянский, заменивший Юрия, а затем Глеба Святославовичей к 1400 г., после проигранной смоленско-рязанской войны 1395–1396 гг. против Витовта, был убит вместе с брянскими боярами восставшим смоленским населением. Далее брянцы и, возможно, другие представители региона поддержали не «освободителя» Родослава Ольговича, а «своих» литовско-русских князей Симеона-Лугвения и Александра Патрикиевича в сражении у Любутска (1401/1402 г.). Исключение составляли козельские князья, поддержавшие рязанцев и здесь, и в их борьбе с татарами (1400 г.) (*Шеков А. В.* Верховские княжества XIII – середины XVI вв. С. 38).

В итоге военно-политических событий первого этапа происходит раздел региона, причем большая его часть, включая и некоторые верховские княжества, закрепляется за ВКЛ, северо-восток — за Москвой, и лишь территории юго-востока, возможно, еще какое-то время сохраняются в орбите влияния Рязани.

На *втором этапе* в ближайших южных окрестностях региона — в Киевском княжестве — произошло чисто политическое событие, которое, впрочем, через год имело

прямые военные последствия. На службу Витовту в 1409 г. перешли и стали «табором» под Киевом Тохтамыша во главе с ханом Джелаль-ад-Дином, будущим участником Грюнвальдского сражения. Впрочем, на самом регионе это не отразилось, ибо «Тохтамышевичи» получили уделы не здесь.

5. Из «дальних» военных событий, в которых, во-первых, принимали участие представители региона, а, во-вторых, они отражались на его судьбах, следует отметить следующие.

Для *первой фазы второго этапа* характерно сражение под Докудовым на северо-западном краю ВКЛ в 1393 г., после которого его проигравший участник Дмитрий-Корибут Северский уступил все свои владения (Новгород-Северский, возможно, Трубчевск и Чернигов) Федору Любартовичу, уже принесшего присягу Короне Польской в качестве владельца Северской земли.

Наиболее грандиозным военным событием второй фазы второго периода является сражение на Ворскле 12 августа 1399 г. Правда, несмотря на свой масштаб и влияние на судьбы Восточной Европы в целом, на статусе региона оно (как и предшествующие походы Витовта за Дон (1397) и к Крыму (1398) (*Удавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М.: BALTRUS, 2005. С. 203*)) мало отразилось, зато представители восточнолитовского пограничья участвовали в битве и погибли в ней (Дмитрий Ольгердович Брянский, например) (*Мокляк В. О. Документальні свідчення XVI–XVII ст. про події на річці Ворсклі 1399 року // Археологічний літопис Лівобережної України. 1–2/2000. С. 123–125*).

Характерно, впрочем, отсутствие упоминаний верховских князей восточной части исследуемого региона, что косвенно свидетельствует о том, что тогда они еще не вошли в состав ВКЛ (вопреки мнению М. Н. Тихомирова, считавшего, что это свершилось еще в 1393 г., или Э. Удавичюса (1397 г.) (*Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 85–88, 954; Удавичюс Э. История Литвы с древнейших времен... С. 200*) и в подтверждение точки зрения М. К. Любавского об «этапности» включения Верховских земель в состав ВКЛ (*Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910, С. 32*).

На *третьем этапе* косвенное влияние на военную ситуацию в регионе оказала литовско-псковская война, разгоревшаяся в начале 1406 г. и заставившая московского князя начать военные демонстрации на литовской границе, в т. ч. и в изучаемом регионе.

И наконец, в военном событии, имевшем общевосточноевропейское значение, — Грюнвальдском сражении — представители региона участвовали самым активным образом. Из 20 литовско-русских «земских хоругвей» (*Mikolajczak W. Grunwald 1410: Krok od kleski. W., 2007. S. 15*) центры располагались в регионе или на его ближних окраинах: Новгород-

Северской, Стародубской, Мстиславльской. Чернигов и Брянск как центры хоругвей не упоминаются, но, возможно, там после «эскапад» Свидригайло в 1408–1409 гг. просто не было, и их жители входили в состав одной из десяти «личных» хоругвей Витовта, либо в хоругвь Сигизмунда Корибута (Трубчевского?) (*Mikolajczak W. Grunwald 1410... S. 16*). Кстати, военное разграбление «града Серпухова» Свидригайло при его возвращении с московской службы в Литву в 1409 г. отражает политические пристрастия элиты региона, для которой «московская служба» — уже не самоцель, а средство упрочить позиции в ВКЛ.

6. Обобщив все вышеприведенные факты, приходим к выводу, что регион был затронут военными событиями трех типов.

1) Борьба между четырьмя крупными и «средними» русскими государствами (Москвой, ВКЛ, Смоленским и Рязанским княжествами) за обладание всеми или частью земель региона, при неустойчивых «симпатиях» (в основном сначала московских, затем пролитовских, немного — прорязанских, но никогда — просмоленских).

2) Отражение татарских набегов и походов по окраинам региона в составе войск более крупных держав (Москвы, Рязани и (если считать Ворсклу) ВКЛ).

3) Международные войны внутри ВКЛ. Ни одного крупного сражения, осады, взятия города внутри региона не было (исключение — взятие Ельца Тимуром в 1395 г., сражение под Любутском 1402 г.). Через регион неоднократно проходили войска, они и исходили отсюда для сражений на других территориях, и приходили они сюда — но военных действий, штурмов, даже осад не было.

Впечатление, что, зная неустойчивые военно-политические пристрастия жителей региона, ни один из претендентов на потенциальное обладание им не хотел отпугнуть их от себя (за исключением татар, но целью последних был не захват, а перманентное разграбление).

Штыков Н. В. Великое княжество Тверское и Великое княжество Литовское в первой четверти XV в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 373–376.

Великое княжество Тверское и Великое княжество Литовское в первой четверти XV в.

В конце XIV – первой четверти XV в. в Восточной Европе произошли важные политические события: походы Тимура, сражение на Ворскле, поход Едигея на Москву, Грюнвальдская битва, крупные внутривосточные изменения в Орде, Литве, Польше, Руси. (См.: *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975). В этой связи контакты Руси с соседними государствами, особенности развития отдельных русских земель в XIII–XV вв. все больше привлекают внимание исследователей. Большой интерес вызывает и история Тверской земли. Князья Твери в XIV в. являлись главными соперниками московских князей за власть на Руси. Однако к концу XIV в. ситуация изменилась. После поражения в московско-тверской войне 1375 г. князь Михаил Александрович Тверской признал за московскими князьями титул великого князя Владимирского. С присоединением к Москве Нижнего Новгорода, Городца, Суздаля, Мещеры и Тарусы московские князья сосредоточили в своих руках власть над огромной территорией, поставив под свой контроль почти все междуречье Волги и Оки (*Фетищев С. А.* Московская Русь после Дмитрия Донского. 1389–1395 гг. М., 2003. С. 192.).

Согласно Э. Ключу, Тверь в конце XIV – начале XV в. лавировала между Москвой и Литвой, представляя собой во многом буферное княжество между стремительно расширяющимися свои границы сильными соседями. В сложившихся условиях запутанная политическая ситуация, конфликты между Ордой, Москвой и Литвой были объективно выгодны тверским князьям (*Ключ Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 223–224). Историками достигнуты значительные успехи в деле изучения отношений между Литвой и Русью в XIV–XV вв. (См. историографические обзоры А. И. Филюшкина и А. В. Кузьмина: Вялікае княства Літоўскае: Гісторыя вывучэння у 1991–2003 гг. = Grand Duchy of Lithuania: History of research, 1991–2003: Матэрыялы міжнар. круглага стала «Гісторыя вывучэння Вялікага княства Літоўскага у 1991–2003 гг.», Гродна (16–18 мая 2003 г.). Мінск, 2006. С. 8–23). Однако многие вопросы отношений между русскими землями и Литвой, в частности, литовско-тверских связей, еще ждут своего исследования. Так, вызывает интерес позиция тверских князей в отношении Литвы в первой четверти XV в.

К началу XV в. литовско-тверские отношения, имевшие давнюю историю, ограничивались договором Москвы и Твери 1399 г. По условиям договора, великий князь Михаил Александрович Тверской признавал себя союзником великого князя Московского, Владимирского и Новгородского Василия Дмитриевича. Князья обязались оказывать помощь друг другу при нападении Литвы, Орды, Ордена, Польши (Духовные и договорные грамоты

великих и удельных князей XIV–XVI веков. М.; Л., 1950. № 15, С. 40–43). По мнению В. А. Кучкина, город Ржева — важный стратегический центр на границе с Литвой — по этому договору был уступлен Василием Дмитриевичем Твери (*Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры.* М., 2003. С. 325–326).

После смерти Михаила Александровича в 1399 г. великим князем Тверским становится его сын князь Иван Михайлович. Новый великий князь Твери был женат на сестре великого князя Литовского Витовта Марии. Иван Михайлович с первых месяцев своего княжения постарался усилить великокняжескую власть в Тверской земле за счет младших князей Тверского княжеского дома. В свою очередь, холмские и кашинские князья стремились выйти из подчинения великому князю Тверскому, ожидая помощи со стороны Москвы. Большую роль играли брачные союзы, заключенные между представителями правящих домов. Тверские князья часто заключали браки с западнорусскими и литовскими князьями. Так, один из сыновей Михаила Александровича Тверского, Борис, был женат на дочери князя Святослава Глебовича Смоленского. Другой сын Михаила Тверского, Василий, был женат на дочери князя Владимира Ольгердовича Киевского (ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 443). Оба князя тверского княжеского дома последовательно правили в Кашине — втором по значению городе Тверской земли. Родственниками литовских князей были и холмские князья Иван и Юрий Всеволодовичи. Связи тверских удельных князей с Литвой таили серьезную опасность для власти и авторитета Ивана Михайловича Тверского.

Литва, ослабленная разгромом своих войск в 1399 г. ордынцами хана Темир-Кутлуга и Едигея в битве на Ворскле (ПСРЛ. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 172–174), тем не менее, продолжала быть важнейшим фактором в политических раскладах на Руси. В 1401 г. был заключен договор о мире между великими князьями Василием Дмитриевичем Московским, Иваном Михайловичем Тверским и Витовтом Литовским (ПСРЛ. Т. XI. С. 184). В том же году к Витовту, осаждавшему Смоленск, где заперся князь Юрий Святославич Смоленский, приехал князь Александр Иванович, наследник Твери. Встреча произошла, очевидно, в военном лагере Витовта под Смоленском. (ПСРЛ. Т. XI. С. 187–190). Источники ничего не сообщают о цели визита тверского княжича, однако есть основания полагать, что на переговорах решался вопрос о поддержке Витовтом великого князя Ивана Михайловича в борьбе с младшими князьями Тверского княжеского дома, особенно с князем Василием Михайловичем Кашинским.

Осада Смоленска не привела к успеху литовских войск. Витовт из-за упорной обороны смолян был вынужден снять осаду. Тем не менее, в 1403 г. Смоленск все же перешел под власть Витовта (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

С. 395–397). Нестабильность на западных рубежах Тверской земли и угроза конфликта с Москвой вынудили Ивана Михайловича Тверского в 1402 г. укрепить городок Опоки (ПСРЛ. Т. XI. С. 188). Великий князь Тверской, продолжая тесные контакты с Литвой, фактически поддержал захват Смоленска литовцами. В 1405 г. Иван Михайлович встречался с Витовтом в Литве (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М., 2001. С. 14). Встреча происходила в разгар конфликта с Василием Михайловичем Кашинским, бежавшим в Москву.

Из-за продолжавшихся внутренних тверских конфликтов великий князь Иван Михайлович, видимо, не стал активно поддерживать Литву во время московско-литовской войны 1406–1408 гг. Наоборот, тверские войска осенью 1406 г. выступили вместе с московской ратью к реке Плавe против Витовта. Однако великий князь Василий Дмитриевич самостоятельно, без уведомления тверичей, начал переговоры с Витовтом о мире (ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 475). Через два года, в 1408 г., Иван Михайлович отказал в аналогичной ситуации в военной помощи московскому князю.

После событий на реке Плавe контакты между Тверью и Литвой восстановились. В 1411 г. князь Александр Иванович Тверской отправился в Литву для переговоров с Витовтом. Союзнические отношения с Литвой продолжились.

Литовский фактор играл в тверской политике XIII–XV вв. важнейшую роль. Союз с Литвой был традиционен для политики Твери, тверские князья были в тесном родстве с литовскими правителями. Тверские князья рассматривали Литву как противовес московскому влиянию. При этом Иван Михайлович Тверской стремился найти средства для сдерживания стремлений литовских князей к территориальной экспансии. Политика поиска сдержек и противовесов дала Ивану Михайловичу возможность ликвидировать угрозу своей власти со стороны холмских и кашинских князей.

В начале XV в. Тверь не могла уже реально претендовать на первенство на Руси. Тем не менее, Иван Михайлович, укрепив свои позиции как внутри Тверской земли, так и за ее пределами, создал условия для сохранения независимости Твери еще на несколько десятилетий.

Исследование выполнено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы (номер открытого конкурса НК-640П). Проблема исследования — «Формирование государственной идеологии в России в XIV – XVII вв.»

Якубов В. В. Роль сословий ВКЛ в создании унии Речи Посполитой и Шведского королевства 1587–1611 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 376–382.

В. В. Якубов

Роль сословий ВКЛ в создании унии Речи Посполитой и Шведского королевства 1587–1611 гг.

Для создания унии между Речью Посполитой и Шведским королевством у обоих партнеров существовал ряд причин: геополитические, военно-стратегические, экономические, династические. По причине угасания 1572 г. династии Ягеллонов права наследства по прямой мужской линии на Польскую Корону и ВКЛ были утрачены, династическая уния формально прервалась, феодалы получили новые рычаги давления на монарха.

В 1562 г. Катерина Ягеллонка, сестра Сигизмунда Августа, вышла замуж за Юхана III (Яна) Вазу. В том же году Швеция одолжила ВКЛ 120 000 талеров на проведение Ливонской войны (*Roberts M. The Early Vasas: A History of Sweden 1523–1611* // M. Roberts. Cambridge: University Press, 1968. P. 260). Юхан III Ваза выдвигал свою кандидатуру на элекциях короля РП в 1572–1573 г. и 1575 г., обещал списать долг, однако делегации от ВКЛ дважды отвергали его кандидатуру. Кроме сомнительности военной помощи в войне с Московской державой, послы от ВКЛ опасались возрождения наследственной монархии по шведскому образцу, а не «шляхетской демократии» с гарантией политических прав, как в Польше (*Якубаў В. У. Статус ВКЛ у складзе Рэчы Паспалітай пры Жыгімонце Вазе 1587–1609 гг. / В. У. Якубаў // Актуальныя праблемы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці: Да 90-годдзя ўтварэння БССР: Матэрыялы рэспубліканскай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі, г. Мінск, 27 лютага 2008. Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь. УА Беларускі педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка, кафедра «Славянскай гісторыі і метадалогіі гістарычнай навукі». Пад рэд. А. І. Андрала [і інш.]. Мінск, 2009. Ч. 1: Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ад старажытнасці да 1918 г. С. 60).*

В Короне к середине XVI в. существовало равноправие в структурах власти разных слоев феодалов, а в ВКЛ — олигархия магнатских родов. Каждая из региональных

корпораций представляла не только фамильные интересы, но и пыталась решить экономико-политические проблемы своих территорий.

Основной поток товара, закупленного в фольварках у помещиков, РП факторы и купцы спускали вниз по крупнейшим рекам региона к Риге, Кенигсбергу, Гданьску. Первое место среди портов по товарообороту на Балтийском море занимал Гданьск, Рига находилась на втором месте, Кенигсберг — на третьем. Устранение угрозы политической напряженности между РП и Швецией — должно было привести к росту торговли на северной Балтике и, после инкорпорации Инфлянт, присутствия в ней ВКЛ.

Нахождение двинского торгового пути в единой политической системе было выгодным и Европе и ВКЛ. Количество кораблей, которые отправлялись из Риги в Западную Европу, в конце XVI в. увеличилось на 35 % в сравнении с периодом до Ливонской войны (История Латвийской ССР / под ред. С. Дризула. Рига: Зинатне, 1971. С. 69). В XVII в. сюда заходило 65–75 % кораблей, которые прошли через датские проливы (Рига. Очерки истории города / сост. Я. Сколис, ред. М. Степерманс. Рига: Лиесма, 1967. С. 52). 50 % товарооборота составляли лен, пенька, льняное и конопляное семена, зерно, воск, мед, лесные товары, которые вывозили на продажу из ВКЛ. Главной специализацией Риги в международной торговле был экспорт пепла, по продажам которого с середины 80-х лет XVI в. она вышла на первое место в Европе (*Дорошенко В. В.* Очерки аграрной истории Латвии XVI в. Рига: Издательство Академии наук Лат. ССР, 1960. С. 296). Экспорт товаров из Риги на Запад в конце XVI – начале XVII в. в три раза превышал импорт монет, соли и сельди через нее в глубь континента (*Дорошенко В. В.* Торговля и купечество Риги в XVII в. Рига: Зинатне, 1985. С. 69; *Inglot S.* Sprawy gospodarcze Lwa Sapehy / S. Inglot // Studia z Historii społecznej i gospodarczej, poświęconych profesorowi dr. Fr. Bujakowi. Lwów: Nakład Wydawnictwa Polskiego, 1939. S. 28).

Рижские негоцианты «Русского дома» торговали с белорусскими землями, именно они специализировались на обеспечении нужд рынка в пеньке, лесе и изделиях из него. Владельцами больших торговых караванов в 10–30 стругов из верховьев Двины, были Завиши, Огинские, Корсаки, Мерские, Друцкие-Саколинские, Стабровские, Корвин-Госевские, Горские, Храповицкие, Сапегы (в 1595 г. ими было сплавлено 313 лаштов пепла одной партией — Витебская старина. В 5 т. / Сост. и изд. А. Сапунов. Витебск: Витебский губернский статистический комитет, 1888. Т. 5. Ч. 1: Материалы для истории Полоцкой епархии. С. 321–325). Именно они поставили 3/4 рижского экспортного пепла и леса в 1595 г. Значительную долю в торговом обороте Риги составляли также товары Виленского воеводства, Жамойтии, Курляндии и Инфлянт, которые специализировались на льне и ржи.

Еще одной причиной вовлечения ВКЛ в Балтийскую проблематику стала заинтересованность магнатории в развитии торговли с немецкими купцами и существовании внутренних таможенных сборов (*Катлярчук А. У ценю Польшчы і Расей. Вялікае Княства Літоўскае і Швэцыя ў часе эўрапейскага крызісу сярэдзіны XVII ст. / А. Катлярчук // Архэ. Пачатак. 2008. № 7–8. С. 435*). Особенно это было выгодно для Радивиллов и Сапег, клиенты которых занимали ведущие административные посты на землях в среднем течении Двины (*Якубаў, В. У. Сапегі ў барацьбе Жыгімонта Вазы за шведскую карону 1594–1611 г. / В. У. Якубаў // Леў Сапега (1557–1633) і яго час: Матэрыялы міжнароднай навукова-гэарэтычнай канферэнцы, Гродна 4–5 красавіка 2007 г. Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь. С. 143–147*). Зимой 1599 г. злоупотребления таможенных чиновников стали причиной угроз шляхты полоцкой, витебской и «других русских воеводств» вызвать канцлера ВКЛ Л. Сапегу и виленского воеводу К. Радивилла в суд (*Scriptores Rerum Polonicarum / Wyd. ks. A. Sokołowski. Kraków: Nakładem ks. A. Radziwiłła drukarnia W. Anczyca i Spółki, 1885. T. VIII: Archiwum domu Radziwiłłów. Listy ks. M. K. Radziwiłła, Jana Zamojskiego, Lwa Sapiehy. С. 224*). Только Варшавский сейм 1607 г. запретил брать мыто со всех шляхетских товаров в РП, сборы с купцов сохранились (*Volumina legum. W 9 t. / nakładem i drukiem Józefa Ohryzki. St. Petersburg: Przedruk zbioru praw staraniem xx. pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydane, Drukarnia J. Ohryzki, 1859. T. II: Ab anno 1550 ad annum 1609. С. 449*). Остзейские купцы выступали кредиторами своих торговых партнеров. Возникла практика «принудительной торговли», когда долги шляхты, крестьян, мещан ВКЛ покрывались сельскохозяйственными и лесными товарами (*Тарвел Э. Фольварок, пан и подданный: Аграрные отношения в польских владениях на территории южной Эстонии в конце XVI – начале XVII вв. / Э. Тарвел. Таллин: Издательство АН ЭССР, 1964. С. 19*). Кроме того, средства немецкого мещанства использовались для финансирования военных нужд РП (*Летопись Ниенштедта / Ф. Ниенштедт // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига: Типография А. И. Липинского, 1883. Т. IV. С. 55; Ciara M. Konfederacje wojskowe w Polsce w latach 1590–1610 / M. Ciara // Studia i materiały do historii wojskowości. 1988. T. XXXI. S. 71–72*).

На момент элекции 1587 г. наиболее влиятельным родом среди магнатов ВКЛ были биржанские Радивиллы, которых больше привлекала возможность твердого мира с Московской державой и присоединение Инфлянт, что гарантировалось избранием на трон царя Федора Ивановича, чем обещанный шведами *Maris Dominium* и союз против Москвы. Несвижские Радивиллы поддержали кандидатуру австрийского эрцгерцога Максимилиана Габсбурга (*Lulewicz H. Gniewów o unię ciąg dalszy (Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588) / H. Lulewicz. Warszawa: Neriton, 2002. С. 374*). Однако на варшавском элекционном

сейме 30.06–26.08.1587 г. одна часть польских послов 19.08.1587 объявила королем шведского принца Сигизмунда Вазу, а 22.08.1587 г. другая часть — Максимилиана II (*Dyaryusz legacyi do Polski Kardynała Hipolita Aldobrandini, Który był potym papieżem pod nazwiskiem Klemensa VIII roku 1588–1589 // Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690 / Wydanie biblioteki Polskiej w Paryżu. Berlin: Księgarnia B. Behra 27 bulwar pod Lipami, Poznań: 21 ul. Wilhelmowska, 1864. Т. II. S. 4–38*). Делегация от ВКЛ разместилась отдельным от двух польских лагерем. Месяц они отказывалась приступать к эллекции, пока им не будут возвращены Инфлянты и исправлены другие нарушения условий Люблинской унии со стороны Польши. Результатом переговоров делегаций стало письменное подтверждение коронными сенатарами 4.08.1587 г. компромисса с ВКЛ, по которому должен был быть проведен раздел Инфлянт на равные литовскую и польскую части. Представители ВКЛ приступили к обсуждениям, но высказались за кандидатуру Федора Ивановича, а когда их предложение было проигнорировано, большинство из них уехало из Варшавы (*Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego / Opracował H. Lulewicz. Warszawa: Neriton. Instytut Historii, 2006. Т. 1: Okresy Bezkrólewí (1572–1576, 1586–1587, 1632, 1648, 1696–1697, 1706–1709, 1733–1735, 1763–1764). С. 257–262*). Виленский бискуп Юрий (Ежи) Радивилл и трокский воевода М. К. Радивилл, стольник ВКЛ А. Проньский, Я. Остик, С. Лапатецкий 25 августа 1587 г. подписали эллекцию Максимилиана Габсбурга.

На территории Польши начались боевые действия. Шляхта ВКЛ разделилась: берестейская и жамойтская, возглавленная канцлером ВКЛ А. Валовичем, Л. Сапегой, К. Зеновичем и Пацеями поддержала Сигизмунда Вазу, но большинство сеймиков ожидало результатов или высказывалось за Максимилиана II. Из 83 участников съезда сословий ВКЛ в Вильне 8–17.10.1587 г. 70 проголосовало за Максимилиана Габсбурга, а за Сигизмунда Вазу — только 13. На съезде в Берестье 19–24.12.1587 г. сословия ВКЛ сложили список требований, без утверждения которых отказывались признавать над собой власть нового короля, и послали его двум избранным (Там же С. 277–311). Феодалы ВКЛ сопротивлялись попыткам поляков занимать посты в ВКЛ, возмущались присоединением украинских земель к Короне в 1569 г. и ее претензиям на Инфлянты.

После того как Максимилиан II отошел из Польши на зимний постой, делегация ВКЛ прибыла в Краков к Сигизмунду Вазе. Делегаты от ВКЛ с 10 по 27.01.1588 г. добивались от польских сенаторов и короля утверждения требований, находившихся в их инструкции: подтверждение привелегий и артикулов Генриха Валуа и Стефана Батория, пятнадцатилетнего перемирия с Москвой, передачи ВКЛ Инфлянт целиком и Курляндии (*Niemcewicz J. U. Dzieje panowania Zygmunta III. W 2 t. / J. U. Niemcewicz. Kraków: Nakładem*

Wydawnictwa Biblioteki Polskiej, 1860. Т. 1. С. 84). Польская политическая элита не хотела принимать условий ВКЛ, но ситуация неуверенности в результатах борьбы за трон заставляла продолжать переговоры. ВКЛ пришлось согласиться на совместное с Польшей управление Инфлянтами. Но это позволило 27.01.1588 г. утвердить большинство своих требований. В частности, в принятом тогда третьем Статуте ВКЛ закреплялась монополия уроженцев ВКЛ на занятие государственных постов в ВКЛ, а в универсале 28.01.1588 г. к обывателям Княжества, ВКЛ называлось Речью Посполитой Литовской или республикой (BCzart. Rkps. 2073. № 1. Универсал Сигизмунда Вазы обывателям ВКЛ 28.01.1588 г.).

В начавшемся противостоянии с Карлом Сундерманландским за шведский трон сословия ВКЛ высказывались за покорение восставших подданных силой и финансировали поездки Сигизмунда Вазы в Швецию в 1594 и 1598 гг., на что было потрачено 200 000 злотых. На войну против шведов в Инфлянтах 1600–1611 гг. сословия ВКЛ объявили 6 чрезвычайных волочных налогов и выделили на оплату войскам 6 414 213 злотых, из которых подскарбий ВКЛ Я. Волович 8000 одолжил у частных лиц (ОР РНБ. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 63/2, № 38, 39. Отчеты Яроша Воловича за 1605–1613 г. в Варшаве на сейме 30.03.1613 г.). На те же нужды казна Польского королевства выплатила только 2 700 000 злотых (*Filipczak-Kocur A. Poland-Lithuania before partition / A. Filipczak-Kocur // The rise of the fiskal state in Europe, c. 1200–1815 / Eddited by R. Bonney. New York–Oxford: University Press, 1999. P. 470–472*). Проблемы с финансированием и обеспечением армии в Инфлянтах привели к периодическому ограблению территории ВКЛ отрядами польских дезертиров зимой 1603–1604 гг. и военными конфедерациями: Менской 1604–1605 гг., двумя Городенскими и Берестейской 1605–1609 гг.

Армия, воевавшая в Инфлянтах 1600–1611 гг., состояла в основном из представителей ВКЛ. Об этом свидетельствуют как списки рот, так и участие в основном чиновников ВКЛ в решении проблем с военными конфедерациями 1604–1609 гг. (AGAD. ASK. Dz. II. Sygn. 36–40. Счета сеймов 1593–1603 гг.). Польские ротмистры, которые нанимались на службу в Инфлянты, например в 1601 г., аванс оплаты за службу брали в Вильне. Более того, они получили приповедные листы (вербовочные грамоты) под печатью ВКЛ, написанные писарями ВКЛ (ОР РНБ. Ф. 971. Воп. 2. Аўт. 63/1, № 6, 7, 11, 52–61, 104. Приповедные листы на сбор гусарских, казацких, пеших рот от 20.06.1600 г. Варшава, 17.01.1601 г. в Радошицах, 28.04.1601 г. Варшава).

Таким образом, установление персональной унии РП и Швеции было выгодно ВКЛ экономически и политически. Вследствие объективных интересов сословия ВКЛ оказали большую поддержку в борьбе Сигизмунда Вазы за шведскую корону и Инфлянты 1598–1611 гг. чем польские.

Яценко В. Б. Битва после битвы: казацко-московская война 1658–1659 гг. в изображении современной российской и украинской историографии // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 382–387.

В. Б. Яценко

**Битва после битвы: казацко-московская война 1658–1659 гг.
в изображении современной российской и украинской историографии**

Вторая половина XVII в. для Центрально-Восточной Европы была периодом, переполненным различными военными и социальными конфликтами, которые изменили политическую и военную расстановку сил в регионе. Учитывая значения этих изменений, исследователи истории Украины, Польши, Белоруссии, России проявляют особое внимание к изучению данного периода. В национальных историографиях уже с XIX в. существовала определенная традиция освещения событий второй половины XVII в., при этом изложение фактов и оценок в контексте «свой/чужой» часто приводило к диаметрально противоположному прочтению историками одних и тех же сюжетов, являющихся как самостоятельными составляющими национальных нарративов, так и общими для различных историографий. На современном этапе, учитывая отдаленность во времени изучаемых событий, расширение источниковой базы и методологических подходов, следовало бы ожидать наличия между историографиями диалога способствующего сглаживанию острых углов и выработке определенного консенсуса в интерпретации прошлого. Однако в контексте украинско-российского диалога последних лет приходится говорить об обратном. Одному из таких примеров, освещению в современной украинской и российской историографии событий казацко-московской войны 1658–1659 гг., мы и хотим уделить внимание в нашем докладе.

Противостояния 1658–1659 гг. и в первую очередь их кульминация, Конотопская битва 1659 гг., будучи частью украинского, российского, в меньшей мере польского национального нарратива, традиционно описывались с диаметрально противоположных позиций. Современная украинская историография при их освещении после 1991 г.

использовала прежде всего интерпретации «державницкой» историографической школы, которая возникла и оформилась в XX вв., тогда как российские ученые отдавали предпочтение трактовкам, выработанным в дореволюционной российской и советской историографии. Отметим: до недавнего времени российская наука крайне мало уделяла внимания конфликту 1658–1659 гг. Его события пребывали в тени казацкой революции 1648–1657 гг., которая и была главным предметом активной полемики украинских и российских ученых. Не вдаваясь в подробный пересказ этих дискуссий, пик которых пришелся на 2003–2004 гг., время празднования 350-летия Переяславской рады, позволим себе отметить, что последняя выявила существенное разночтение между украинскими и российскими историками по целому ряду вопросов.

Прежде всего речь идет о статусе Гетманщины, согласно «мартовским статьям» 1654 г., по отношению к Московскому государству, целях внешней политики Богдана Хмельницкого, в частности ее «московском» векторе (1648–1657 гг.), внутривнутриполитических процессах государственного строительства Гетманщины. Полемизируя со своими украинскими визави, российские ученые проявляли тенденции к игнорированию историко-юридического наследия собственно российской историографии и крайне избирательно подходили к изучению и восприятию украинского нарратива. Фактически уже на 2004 г. возникла ситуация, свидетельствующая об отсутствии диалога между российскими и украинскими учеными и о постепенном формировании среди российских исследователей собственного взгляда на историю Украины второй половины XVII–XVIII в., которому присуще следующее:

— для объяснения событий украинского прошлого используются прежде всего трактовки и клише, выработанные в российской дореволюционной и советской исторической науке;

— целый ряд методологических направлений, таких как историко-правовой, компаративный, концепты «милитарной революции», «всеобщего кризиса», достаточно продуктивных для объяснения украинских реалий второй половины XVII в., игнорируется;

— стараясь подкрепить те или иные положения своего видения украинской истории эвристической работой в российских архивах, историки подходят к выявленной информации достаточно некритично, не сопоставляя ее с источниками, хранящимися в архивах других государств, а если и сопоставляют — априори больше склонны верить прежде всего российским документам;

— знакомство с трудами украинских историков ограничивается прежде всего русскоязычными работами представителей «народнической» историографии XIX в., а работы представителей других направлений и современные исследования практически не

упоминаются. В редких случаях, когда такое обращение все же имеет место быть, оно сводится к заимствованию отдельных фактов, которые должны подтвердить те или иные положения, уже выработанные российскими учеными.

Подобное видение украинского прошлого лишено целостности и самостоятельности. Украинские сюжеты поднимаются в контексте прежде всего исследования собственно российской истории, переполнены тенденциозными трактовками, рассматривающими Гетманщину не как субъект, а как объект политических процессов в Центрально-Восточной Европе. На таком фоне приятным контрастом является творчество ведущего петербургского украиниста Т. Таировой-Яковлевой, едва ли не единственного российского ученого, демонстрирующего в своих трудах целостную визию истории Гетманщины от момента ее возникновения до ликвидации. Последняя, правда, находит значительно больший отзыв среди украинских, а не российских исследователей.

Изложенные выше тенденции, имеющие место при освещении казацкой революции 1648–1657 гг., еще более очевидны при описании двумя историографиями казацко-московского противостояния 1658–1659 гг. Стоит отметить, что обоюдный интерес российской и украинской историографии к событиям 1658–1659 гг., к сожалению, не является сугубо научным. Благодаря различию в подходах к формированию исторической памяти в Украине и РФ, сюжет казацко-московской войны, подобно как и противостояние вокруг Хмельниччины, довольно рано стал «полем боя» историков, где каждая из сторон стремилась к отстаиванию своего видения проблемы и решению собственных исследовательских задач.

Сосредоточившись на изучении прежде всего политической составляющей конфликта, что отображено в трудах В. Смолия, В. Степанкова, В. Горобца, Т. Чухлиба, современная украинская историография его возникновения относит к последним годам правления Б. Хмельницкого. Подчеркивая, что гетман Иван Выговский был последовательным преемником внешней и внутренней политики своего предшественника, украинские исследователи видят конечную цель Выговского в укреплении внешнеполитического положения Гетманщины и трансформации ее из военизированного государства в сословное, по образцу Речи Посполитой. Последовавший в дальнейшем разрыв с Москвой был обусловлен стремлением царской власти установить прямой контроль над Гетманщиной, что нашло выражение в действиях, направленных на усиление московского присутствия в Гетманщине, активном вмешательстве во внутривнутриполитическую борьбу, которая развернулась в Украине после смерти Б. Хмельницкого, использовании наличия оппозиции (М. Пушкарь, Я. Барабаш), как инструмента давления на гетмана для достижения реальной власти над Гетманщиной, и выводу казацких войск из Белоруссии.

Проявляя повышенный интерес к политической составляющей казацко-московского противостояния, роли и места в нем Гадячских соглашений 1658 г. и дальнейших казацко-речьпосполитских переговоров, украинские историки относительно мало внимания уделяли военной составляющей конфликта. Появившиеся уже в 90-х гг. XX в. публикации Е. Апанович, Ю. Мицика, И. Бутича, А. Куца представляли информацию о его ходе лишь в общих чертах, зачастую повторяя уже существовавшие в украинской историографии трактовки Н. Костомарова или И. Крипьякевича. Детальный анализ военной стороны конфликта содержится лишь в работах киевских историков А. Бульвинского и А. Сокирка.

Непосредственно в работах А. Сокирка содержится такой важный элемент реконструкции военных конфликтов, как анализ вооружения и боевых качеств противоборствующих сторон, в частности подчеркивается тот факт, что в ходе битвы казацкие полки были представлены прежде всего пехотой, а не конницей, как можно предположить после прочтения работ А. Малова и И. Бабулина. Не менее интересны размышления автора, высказанные в контексте применения к украинским реалиям второй половины XVII в. концепта «милитарной революции», относительно планов гетмана И. Выговского усилить казацкое войско постоянными наемными формированиями.

Относительно А. Бульвинского следует отметить, что в своих многочисленных работах историк обосновал концепт «казацко-московская война 1658–1659 гг.» и сумел определить ее хронологические рамки. Используя ранее неизвестные документы из российских архивов, ученый ввел в научный оборот данные о потерях московского войска во время штурма Конотопа в конце апреля 1659 г., а также провел глубокий анализ изложения битвы в российской и украинской историографии, предложил собственную реконструкцию сражения.

Отдельно стоит упомянуть об освещении историками вопроса о численности и потерях московского войска в Конотопской кампании 1659 г. В своих работах А. Бульвинский и А. Сокирко, отказавшись от господствующей в историографии еще с XIX в. оценки численности царских ратей в 300–150–100 тысяч человек, а потерь в 30–40 тысяч, существенно пересмотрели их в сторону уменьшения. Так, А. Бульвинский оценивает численность войск А. Трубецкого в 70 тысяч человек, а потери — в 10–15 тысяч, тогда как А. Сокирко, соответственно, в 50 тысяч и 4769. Подобные реконструкции, произведенные без систематической работы в российских архивах, являются одним из наиболее слабых мест в украинской визии событий 1658–1659 гг., на что вполне справедливо указывают российские исследователи, прежде всего И. Бабулин.

Приведенные выше положения украинской историографии о причинах войны 1658–1659 гг. в современной российской исторической науке имеют иное прочтение. Отказавшись

от историко-правовых рассуждений о статусе Гетманщины, игнорируя наличие в работах украинских ученых и в трудах Т. Таировой-Яковлевой фактов, говорящих о возникновении конфронтации между Чигирином и Москвой еще при жизни Б. Хмельницкого, ряд российских исследователей (А. Преображенский, Г. Санин, И. Андреев, И. Бабулин, А. Малов) причину конфликта видят в «измене» И. Выговского. Использование традиционного для российского нарратива концепта «измена» дополняется неприглядным изображением самого гетмана. Под пером российских историков он демонизируется, изображается как клятвопреступник и политический авантюрист, лишенный военных способностей — полный антипод своего великого предшественника, гетмана Б. Хмельницкого.

Полемизируя о традициях борьбы с «буржуазными фальсификаторами истории», роль которых отводится прежде всего Ю. Мицику и А. Бульвинскому, о политической составляющей конфликта, российские исследователи видят в противостоянии 1658–1659 гг. серию казацких мятежей, которые были эпизодами русско-польской войны 1654–1667 гг. Реконструируя военную составляющую конфликта и анализируя вооружение и выучку противоборствующих сторон, историки практически не распространяют данный анализ на казацкое войско. Существенно пересматривая на основании архивных материалов вопрос о количестве потерь, что уже нашло живой отклик в работах украинских ученых (А. Бульвинский, А. Сокирко), российские исследователи, прежде всего И. Бабулин, высказали ряд суждений, доказательность которых весьма сомнительна. Например, о трактовке казацко-татарского союза, минимизации участия казаков в Конотопской битве, априорной убежденности российских исследователей в слабости казацкого войска и нежелании последнего вести боевые действия против москвитов, желании затушевать участие царских ратников в расправах над гражданским населением Гетманщины во время кампаний 1658 и 1659 гг. и довольно смелый вывод о безоговорочном превосходстве войска А. Трубецкого над казацко-татарскими силами в Конотопской кампании 1659 г. Подобные суждения не новы, более того, имеют аналоги и в польской историографии, с той лишь разницей, что последняя минимизирует роль казаков не в Конотопской, а в Желтоводской и Корсунской битвах, сомнения же относительно военных способностей высказываются в адрес не Выговского, а Хмельницкого.

Подводя итог, следует отметить, что на сегодняшний день проблема казацко-московской войны 1658–1659 гг. и Конотопской битвы 1659 г. в украинско-российском научном дискурсе является предметом не столько научного исследования, сколько полем битвы между историками. Отсутствие историографического диалога, обусловленное в частности нежеланием российских ученых оказаться от имперской трактовки украинского прошлого, не способствует выработке непредвзятого отношения к событиям 1658–1659 гг.